

ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЪ.

ЗАМѢТКИ

НА ПУТИ

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЪ.

П. Небольсина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 27 декабря, 1849 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

Цензоръ Ю. *Шидловскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Опечатокъ въ «Замѣткахъ» много; главнѣйшія изъ нихъ суть:

1) На страницѣ 44, строка 11-я: *свѣжинки* (*свѣжаго масла*) — должно быть: *свѣжинки* (*свѣжаго мяса*).

2) На страницѣ 168, къ 7-й строкѣ слѣдуетъ прибавить: *Свѣденія эти основаны на продолженіяхъ къ Своду Военныхъ Постановленій, напечатанныхъ по первое іюля 1849 года.*

И 3) на страницѣ 184, внизу, вмѣсто «*булатныхъ* издѣлій вывезено чрезъ Семипалатинскъ въ 1847 году на 209,063 руб. сер.» — надобно читать *бумажныхъ* и пр.

Остальное повергается снисходительности читателя.

ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЪ.

I.

Выѣздъ изъ Петербурга. — Остановка въ Торжкѣ.

Изъ Петербурга можно достигнуть Тобольска тремя путями, и выборъ любаго изъ нихъ представляетъ довольно-затруднительную задачу для предпринимающаго путешествіе въ Сибирь. Первый трактъ, главный, пролегаетъ чрезъ Москву и Нижній-Новгородъ на Пермь; второй— чрезъ Рыбинскъ, Ярославль и Вятку тоже на Пермь; третій — чрезъ Вологду, Устюгъ-Великій на Верхотурье прямо въ Тобольскъ.

Каждый изъ этихъ трактовъ имѣетъ свой особенный интересъ для охотника, любителя, имѣющаго и досугъ, и средства, и удобства располагать своимъ временемъ и посвящать его, ничѣмъ невозмущаемому наблюденію природы и людей того края, по которому онъ странствуетъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ только объ удобствахъ, возможномъ комфортѣ, возможной быстротѣ и возможномъ уничтоженіи всѣхъ докукъ странической жизни, безъ всякихъ постороннихъ предположеній—тамъ выборъ не затрудителенъ: спокойный экипажъ, дешевизна и быстрота принуждаютъ большинство нашихъ туристовъ ѣхать на Москву и записываться въ «Отдѣленіи Почтовыхъ-Каретъ».

Такъ сдѣлалъ и я; и въ одинъ прекрасный полдень лѣта 1845 года «Демидовъ-Переулокъ» огласился торжественными звуками почтоваго рожка, возвѣщавшаго петербургскому міру объ отъѣздѣ экстра-почты.

Спутникомъ моимъ въ дорогѣ до Москвы былъ человѣкъ весьма-молчаливый.

Я первый старался прекратить томительное молчаніе, закуривъ сигару и замѣтивъ молчаливому сосѣду объ удовольствіи путешествовать, то-есть, ѣздить по дорогамъ лѣтомъ не въ жаркую погоду. Сосѣдъ долго мялся въ отвѣтахъ на вопросы и замѣчанія, которыми я рѣшился надоѣдать ему, чтобъ самому не умереть со скуки и тоски; наконецъ онъ сказалъ:

— Да, я много видѣлъ, много наблюдалъ и много вояжировалъ, по желѣзнымъ дорогамъ и моремъ; но, представьте себѣ, у меня никогда не хватало духу пуститься въ вояжъ по Россіи.

— Да отчего же-съ?

— Да такъ. Мнѣ предстоитъ теперь дорога въ Одессу, гдѣ мнѣ необходимо быть. Вотъ я волей-неволей и совершаю наконецъ путешествіе и знаю напередъ, что мнѣ и уснуть порядкомъ нигдѣ не удастся, и поголодать иногда прійдется, вмѣсто лошадей, запрягать воловъ подъ экипажъ, и тонуть въ грязяхъ, и мучиться съ хохлами, жиды меня съ ума сведутъ...

— Да вѣдь такова участь всякаго путешественника; за то эти ничтожныя огорченія, если онѣ и дѣйствительно будутъ, окупятся тысячью другихъ наслажденій. Вамъ этотъ край знакомъ?

— Впервые ѣду — а вы знаете, что у насъ почти нѣтъ никакихъ пособій для путешествія, кромѣ картъ и казенныхъ маршрутовъ.

— Но край, куда вы отправляетесь, давно описанъ...

— Помилуйте! Кто описалъ? и гдѣ? У насъ ни одного нѣтъ «Guide», а что̀ и писано, такъ тоже подъ сомнѣніемъ. Нѣтъ, я положилъ себѣ не вѣрить ничему, кромѣ собственныхъ наблюденій. Вотъ, напримѣръ, пріѣдемъ мы въ Новгородъ и прикажемъ кондуктору насъ ждать, а между-тѣмъ часа два-три и посвятимъ обозрѣнію города и историческимъ воспоминаніямъ...

— Но развѣ вы забыли, что мы ѣдемъ съ экстра-почтой?

— Нѣтъ, а что̀?

— Да мы будемъ въ Новгородѣ ночью: намъ дадутъ только полчаса отдыха, пока почта неразберется.

— А вотъ посмотримъ! У меня, сударь, есть талисманъ, что будь хоть раз-экстра, такъ почтальйонъ—покорнѣйшій мой слуга.

— Вы полагаете? Жестоко ошибетесь.

— Ну, вспомните мое слово: въ каждомъ городѣ, чрезъ который мы проѣдемъ, два-три часа всегда будутъ къ нашимъ услугамъ.

Я не счелъ за нужное разувѣрять самоувѣреннаго сосѣда въ могуществѣ его талисмана и спокойно прекратилъ разговоръ, предавшись созерцанію природы.

Шоссейное полотно тянулось неизмѣримо и прямою нитью въ недосягаемую даль; края его живописно были обставлены то̀ превосходно-раскрашенными верстами, радушно бѣжавшими на встрѣчу путника, то̀ подобіемъ березокъ, лѣниво раскинувшихъ вѣтвистые сучки, съ которыхъ давнымъ-давно уже, спали всѣ листочки. По обѣимъ сторонамъ полотна дороги раскинулись сѣро-зеленыя болота и утомленный путникъ, тщетно ищетъ вдали предмета, на которомъ могъ бы онъ остановить усталый взоръ свой или свои мысли. Одна, развѣ, далекая черта, едва-едва отдѣлявшая темно-сѣрую землю отъ свѣтло-сѣраго неба, могла навести фейлюсуфа на мысль о безграничности человѣческихъ желаній и вѣчной неблагодарности смертнаго къ природѣ, осыпающей его дарами.

Быстро летѣлъ экипажъ; столбы пыли, поднятые нашимъ поѣздомъ, смѣшанные съ благорастворенiемъ благоуханныхъ болотъ, живительно дѣйствовали на наши дыхательные органы; но поднять оконъ мы не хотѣли: напротивъ, мы хотѣли, принести и свою лепту въ даръ природѣ и ароматическій запахъ атмосферы наполняли клубами дыма отъ настоящихъ гава̀нскихъ сигаръ гамбургскаго издѣлія.

Глухой стукъ раздавался въ ушахъ отъ топота лошадей по крѣпкому грунту; шумъ колесъ и пріятные взвизги желѣза по неубитому мѣстами щебню и по ненаѣзженнымъ колеямъ, радостно напоминали намъ про одиночество и скуку, которыя мы осуждены были бы терпѣть цѣлые двое сутокъ, еслибъ природа и умныя рѣчи сосѣда не сокращали долготы путешествія. По временамъ музыкальные напѣвы почтоваго рожка возбуждали у насъ минутные, но горячіе споры о томъ, подъѣзжаемъ ли мы къ станціи или даемъ о себѣ знать ѣдущимъ впереди возамъ? Какая-то неземная радость слетала въ наши сердца, когда, наконецъ, приходила очередь остановиться на нѣсколько мгновеній для новой перекладки лошадей.

— Вотъ, видите, что̀ значитъ ѣхать «нашему брату», остроумно замѣтислъ мой сосѣдъ: — кондукторъ такъ и гонитъ; въ лошадяхъ нѣтъ недотатка. И на-водку никто не смѣетъ просить.

— Да на этотъ счетъ можно отдать полную справедливость почтовымъ каретамъ — нигдѣ ни одной минуты лишней задержки, противъ толоженія; а въ Новѣгородѣ все-таки нпамъ дадутъ времени столько,

сколько нужно для того, чтобъ, не торопясь, съ удовольствіемъ напиться чаю и закусить на сонъ грядущій.

— Погодите еще, до Новагорода далеко, а мы тамъ займемся съ вами наблюденіями.

— Какія наблюденія? Чтобъ видѣть что-нибудь, а не однѣ городскія стѣны, надо пожить недѣльку-другую на мѣстѣ, сдѣлать знакомства, имѣть время ко всему присмотрѣться...

— Мало ли чего вы захотите.

Разговоръ нашъ прекратился, чѣмъ и закончились наши путевыя впечатлѣнія перваго дня, ознаменованнаго только обѣдомъ въ Померанья; но описать этотъ обѣдъ у меня не хватаетъ умѣнья.

Среди ночи насъ разбудилъ докладъ кондуктора, что мы въ Новгородѣ и что можемъ предоставить себѣ полную свободу на извѣстное число минутъ.

Полусонные, не во-время разбуженные, мы нé-хотя вошли въ какія-то палаты съ серьёзными портретами по стѣнамъ и съ салфетками на столахъ. Было далеко зá-полночь, но собесѣдникъ мой по экипажу былъ очень-доволенъ, когда увидѣлъ, что здѣсь давно уже насъ какъ-будто поджидали и всѣ приказанія наши исполняли безъ замедленія, вѣроятно изъ уваженія къ «нашему брату».

Наблюденія и обозрѣнія были забыты: мы промѣняли ихъ на вкусный ужинъ. Совѣстно, однакожь, было моему сосѣду; онъ обратился къ служителю, въ надеждѣ черезъ него познакомиться съ мѣстными достопамятностями.

— Эй, человѣкъ!

— Чтò прикажете-съ?

— Много у васъ здѣсь бываетъ проѣзжающихъ?

— Очелно-много-съ, отдыха нѣтъ.

— Ну, а скажи, пожалуйста, чтò у васъ здѣсь, въ Новѣгородѣ, есть самое замѣчательное?

— Да много есть замѣчательнаго-съ...

— А на-примѣръ?

— Да вотъ, хоша, примѣромъ, Волховъ: его нельзя не замѣтить; бѣдòвая рѣка.

— Э, братецъ, не то: ты мнѣ скажи про какіе-нибудь мѣстные продукты... ну, про рѣдкости, про памятники старины Великаго-Новагорода.

— Рѣдкостная вещь здѣсь одна-съ, пастила въ ящикахъ, рябиновая, яблочная, всякая разная-съ—на удивленье дѣлаютъ! Памятникъ тоже одинъ, вонъ у Кремля: проѣзжать будете, увидите.

— Какой же это памятникъ?

— Чугунный-съ.

— По какому же случаю онъ воздвигнутъ?

— Да ужь такъ, отъ начальства приказано-съ.

— Кому же памятникъ? Фу, ты какой, братецъ, безтолковый: Марѳѣ-Посадницѣ или Минину и Пожарскому?

— Минину и Пожарскому-съ! отвѣчалъ съ неудовольствіемъ служитель, схватилъ часть посуды и оставилъ насъ однихъ въ залѣ.

— Видишь, вѣдь ты, гордое животное! глубокомысленно замѣтилъ мой собесѣдникъ:—духъ древнихъ Новгородцевъ изъ тебя вѣрно еще не вышибли! Забылъ, вѣрно, битву шелонскую? Забылъ гнѣвъ Іоанна?.. А въ-самомъ-дѣлѣ, пастила здѣсь отличная: мнѣ привозилъ одинъ здѣшній хлѣбный торговецъ—просто, я вамъ скажу, объяденье.

— Не угодно ли пожаловать? Почта готова! сказалъ нашъ почтальйонъ и въ то же мгновеніе раздались знакомые звуки знакомаго рожка.

— Поѣдемте, въ-самомъ-дѣлѣ. У меня, признаться, нѣтъ охоты по ночамъ дѣлать наблюденія, да и спать крѣпко хочется : — Посмотрите, однакожъ! продолжалъ мой сосѣдъ проѣзжая городомъ : — какіе здѣсь домины настроены: точно какъ у насъ въ Петербургѣ! И гостиный дворъ; и какой мостъ прекрасный — вотъ что̀ значитъ близость къ столицѣ!

— Васъ, кажется, это очень удивляетъ? спросилъ я.

— Да ка̀къ же, помилуйте, въ губернскомъ городѣ—и такія зданія! Вѣдь это въ провинціи; понимаете ли вы, что̀ значитъ «провинція»?

— Немножко смыслю толкъ въ этомъ, и полагаю, что здѣсь такіе же люди какъ и вездѣ, такія же потребности, какія и вездѣ...

— Да, толкуйте-себѣ; а мнѣ бы хотѣлось знать, промѣняли ли бы вы Петербургъ, положимъ, хоть на городъ... ну, Царевосанчурскъ? хотѣли ли бы вы пріобрѣсти прозвище провинціала?.. Спокойной ночи!

Такъ заключилъ свои мудрыя рѣчи мой спутникъ и чрезвычайно-пригласительно зѣвнулъ во весь ротъ. Эта гримаса очень-заразительна: зѣвота не замедлила постигнуть и меня и оба мы погрузились въ полу-сонъ, полу-дремоту, изрѣдка нарушаемую то̀ визгомъ колесъ по ненаѣзжаной еще колеѣ, то̀ трубными звуками кондуктора, то̀ говоромъ ямщиковъ, суетившихся около экипажа. Наконецъ мы очнулись, на другой день, на краю какого-то селенія, откуда открывался обширный видъ на роскошную природу, съ длинною нитью шоссе, съ верстами и кучками щебня, съ сѣро-зелеными болотами по краямъ дороги, и съ сѣрыми облаками въ воздухѣ. На горизонтѣ холмились едва примѣтныя, но тѣмъ не менѣе знаменитыя Валдайскія-Горы, Алаунскія, то-жь.

— Какъ жаль, замѣтилъ я:—что мы вчера скоро заснули за Новгородомъ и не успѣли полюбоваться знаменитымъ Бронницкимъ-Мостомъ!

— А что̀, хорошій мостъ? Каменный? или висячій, чугунный?

— Нѣтъ, кромѣ дерева вы ничего не могли бы замѣтить , но при всей ограниченности моихъ знаній въ архитектоникѣ, надобно признаться, что мостъ этотъ прямо говоритъ о торжествѣ искусства.

— Деревянный мостъ и торжество искусства! эти два понятія какъ-то худо идутъ одно къ другому... А гдѣ мы теперь, кондукторъ?

— Въ Крестцахъ.

— А что̀ это, Крестцы, кажется городъ?

— Точно-такъ; въ Валдаѣ, коли угодно, будемъ обѣдать.

Быстро миновали мы разстояніе, отдѣляющее Крестцы отъ Валдая, слегка только вздохнувъ въ Яжелбицахъ о томъ, что «по положенію» намъ нельзя отвѣдать тамъ «мѣстнаго продукта»—форелей.

— Ну, что̀ это за дрянной городишко? говорилъ ни чѣмъ недовольный мой спутникъ , остановившись въ Зимогорьѣ и принявъ его за Валдай, въ которомъ почтовые экипажи никогда не останавливаются: —И это уѣздный городъ?

— На̀ баранковъ, на̀ баранковъ! Купи, золотой, баранковъ! Купи, золотой, у меня! Купи, поцалую!! кричала, обступивъ насъ, стая жир-

ныхъ нимфъ Валдая, стараясь навязать и обвѣшать насъ, со всѣхъ сторонъ, связками «мѣстнаго продукта».

Мой спутникъ гордо пошелъ на проломъ огромной ватаги бабъ и дѣвокъ, расчистилъ себѣ дорогу на лѣстницу и, умильно взглянувъ на одну пригоженькую молодицу, ласково потрепалъ ее по щечкѣ и по пухленькимъ плечикамъ. Ободренная красавица пошла за нимъ въ другую комнату, положила ему на колѣни нѣсколько мочалочныхъ снурковъ съ нанизанными на нихъ кренделями и баранками и, придвинувъ свою хорошенькую рожицу къ благосклонной физіономіи проѣзжаго, сказала:

— Нá, графчикъ, нà; возьми, красавецъ, себѣ въ гостинцы; возьми, золотой мой, откушай! За все про все, да за тò, что потрепалъ меня, рубля серебромъ довольно, а прибавишь еще—поцалую!

— Поди ты, съ Богомъ: куда мнѣ съ твоими баранками дѣваться!

— Купи, золотой, купи ты, мой графчикъ: не даромъ же тебѣ бѣдной молодкѣ подмигивать. Купи, поневолься! Купи, золотой, поцалую!

— Да отстань же ты отъ меня, съ гнѣвомъ вскричалъ разсерженный мой спутникъ: — чтò ты ко мнѣ привязалась... дурочка!! прибавилъ онъ, сейчасъ же, очень-ласковымъ тономъ, спохватясь, что не совсѣмъ-то ловко обошелся съ прекрасною представительницей валдайскихъ торговокъ баранками.

Но было уже поздно: оскорбленная невинность надула свѣженькія губки и вышла вонъ изъ комнаты. Женская месть изобрѣтательна: цѣлая дюжина загорѣлыхъ старухъ съ дикими воплями окружила нещедраго барина. Его называли графчикомъ, молодчикомъ, золотымъ, зòлотомъ, разными другими нѣжными эпитетами и угрожали ему поцалуями давно уже недѣвственныхъ устъ. Ошеломленный ихъ докуками, путешественникъ выходилъ изъ себя, грозилъ послать за приставомъ — ни чтò не помогало: одно только появленіе кондуктора и провозглашеніе объ отъѣздѣ заставило разбѣжаться сладострастныхъ мегеръ.

— Каковъ народъ-то! Каковы женщины! восклицалъ обиженный путникъ:—Это дерзость! Это нестерпимо!

— Да чтò жь онѣ вамъ сдѣлали? За чтò вы на нихъ сердитесь? Онѣ были въ своемъ правѣ, предлагая вамъ купить «мѣстный продуктъ» и сопровождая свою продажу манерами, по ихъ мнѣнію, самыми убѣдительными.

Ни мое заступничество, ни вѣчный девизъ другаго «мѣстнаго продукта»: «кого люблю, того дарю — литъ въ Валдаѣ», ни красовавшаяся вывѣска «Илья Колоколовъ льетъ колоколы», долго не могли прояснить отуманенную гнѣвомъ физіономію моего спутника.

Въ такомъ напряженномъ состояніи духа онъ снова сѣлъ въ карету; перебивалъ мои замѣчанія объ «Осташахъ», Полякахъ и стрѣльцахъ—послѣдовательно, одни за другими населявшихъ эти мѣста въ старые годы—посторонними и неестественными въ его положеніи вопросами; наконецъ приткнулся въ уголъ и захрапѣлъ.

За Валдаемъ, близъ Едрова, шоссейная дорога пересѣкаетъ «Петровскую-Просѣку», которую великій преобразователь Россіи совершенно-прямою линіею прорубилъ между Петербургомъ и Москвою. Просѣка эта была всегда въ забвеніи и постоянно все болѣе и болѣе выходила изъ памяти народа, однакожь, существованіе ея неоспоримо доказывается «Атласомъ Россійскимъ» (изд. въ 1745 году, Академіею На-

укъ), гдѣ просѣка эта показана какъ на генеральной картѣ Россіи, такъ и на двухъ спеціальныхъ.

Дорога, прямою линіею, проведена Петромъ-Великимъ не отъ самаго Петербурга, но отъ берега моря близъ Стрѣльны, гдѣ предполагалось учредить гавань. Она пересѣкала рѣки Славянку, Ижору, Тосну, Тигоду и Волховъ при селѣ Никольскомъ и тутъ предполагалось учредить новую пристань. За Волховомъ она должна была проходить селенія Городечно, Концы, Лутно, Хубецкое и пересѣчь рѣку Мсту при селеніи Дубно. Миновавъ Великую-Ниву «Просѣка» шла почти параллельно нынѣшнему пути, оставляя вправо Валдай, Едрово и Хотилово, влѣво Вышній-Волочокъ и опять вправо Торжокъ, пересѣкала Тверцу и Волгу недалеко отъ Твери, оставляя ее влѣво на самомъ близкомъ разстояніи; потомъ, вправо отъ Городни и Завидова, шла на село Ивановское и, проходя между Дмитровомъ и Клиномъ, оканчивалась у Москвы.

Почти этому же направленію слѣдуетъ и наша Петербурго-Московская желѣзная дорога.

Прелестный, хорошенькій, немножко ужь слишкомъ однообразный городокъ, Вышній-Волочокъ, съ его каналами, шлюзами, барками, съ кудрявыми деревьями аллей и съ веселыми на видъ фасадами, съ его хлѣбной торговлей и судорабочими промелькнулъ мимо нашихъ глазъ, какъ сновидѣніе.

Духъ противорѣчія, которымъ въ совершенствѣ обладалъ мой достопочтенный собесѣдникъ и всесокрушающія его убѣжденія, а также и собственное недовольство собой, внушили мнѣ мысль отплатить ему за споры и немножко пораззадорить. Именно въ этихъ видахъ я обратился къ нему съ такимъ замѣчаніемъ.

— Ну, вотъ, гдѣ же ваши предположенія? Вы еще вчера сбирались посвятить нѣсколько минутъ наблюденіямъ и осмотрѣть Новгородъ, а вотъ мы проѣхали еще три города и вы все-таки ничего не видали, даже не прошлись пѣшкомъ впередъ по шоссе. И все это отъ того, что боитесь опоздать сѣсть въ карету, зная, что экстра-почта не будетъ васъ дожидаться, хоть вы и не хотѣли сознаться мнѣ въ этомъ.

— Кто? Я боюсь опоздать? Да помилуйте, я въ любомъ мѣстѣ отдамъ приказаніе кондуктору ждать меня три часа, онъ и будетъ ждать три часа!

— Самоувѣренность—прекрасное дѣло съ вашей стороны, но позвольте мнѣ не вѣрить въ счастливый успѣхъ.

— Вы сомнѣваетесь?

— Не сомнѣваюсь, а убѣжденъ, что ни вы не рискнете заставлять кондуктора ждать себя три часа, ни онъ не осмѣлится это исполнить.

— Ну, повѣрьте же мнѣ!

— Не могу, извините, тѣмъ болѣе, что скоро ночь и вы опять разоспитесь.

— Даю вамъ честное слово, что будетъ все по-моему, благо я выспался вдоволь, и вчера, и сегодня.

— Даю вамъ честное слово, что при малѣйшей мѣшкатности карета уѣдетъ, а вы — останетесь!

— Я?? Ха, ха, ха, ха! вотъ прекрасно! Я непремѣнно пробуду три часа въ первомъ городѣ. Хотите пари? Какой у насъ будетъ теперь городъ?

— Торжокъ съ котлетами и сапогами.

— Торжокъ? прекрасно! Будь я не я, если по пріѣздѣ въ Торжокъ не остановлюсь у Пожарской... кажется такъ?.. не съѣмъ хорошую порцію котлетъ, не пройдусь или не проѣдусь вдоль и поперегъ по городу, и на прощанье, не отъужинаю отличнѣйшимъ образомъ съ шампанскимъ и не проведу такимъ-образомъ, въ Торжкѣ, трехъ пріятныхъ часовъ. Угодно пари?

— А карета уѣдетъ!

— Угодно пари?

— Какого рода?

— Сами предпишите условія. Я отъ своего честнаго слова не отступаюсь и отвѣчаю за все.

— Извольте. И такъ по пріѣздѣ въ Торжокъ вы заказываете превосходный ужинъ, я пью чай и потомъ вы отправляетесь гулять на полтора часа, наконецъ возвращаетесь и ужинаете. Если кондукторъ будетъ васъ ждать, я плачу за ужинъ и за все, что̀ бы вы тутъ ни истратили и до какой бы суммы это ни простиралось; если же мы уѣдемъ и оставимъ васъ—то...

— Ка̀къ «оставимъ васъ?» нѣтъ, ужь не угодно ли вамъ вмѣстѣ со мной прогуляться по городу, вмѣстѣ со мной и отъужинать; вы, пожалуй, вздумаете, сбивать съ толка кондуктора!

— Да я не хочу оставаться и терять мѣсто въ каретѣ!

— Во-первыхъ, этого не будетъ, а во-вторыхъ, если бы это и дѣйствительно могло произойти (но этого не можемъ произойти—я вамъ ручаюсь честнымъ словомъ), я обязываюсь доставить васъ самымъ комфортебльнымъ образомъ въ Москву, какъ виноватый, на свой щетъ. Согласны?

Предложеніе было довольно-щекотливое: я зналъ напередъ, что почтовой кареты намъ не видать какъ своихъ ушей, но мнѣ ужасно хотѣлось осадить дерзкую самоувѣренность моего гордеца; день-другой лишній — куда нешло! все, что-нибудь новенькое узнаешь; полторы-сутки постоянной ѣзды въ душномъ экипажѣ мнѣ порядочно надоѣли; разстояніе между Торжкомъ и Москвою не значительное и меня заманивала поѣздка въ этихъ мѣстахъ въ открытомъ экипажѣ.—Ну, нечего дѣлать! Извольте, я согласенъ!

— По-рукамъ! кончено?

— Кончено.

Въ назидательной бесѣдѣ о выборѣ блюдъ къ ужину и прочихъ атрибутовъ стола мы провели бо̀льшую часть дороги и въ десять часовъ вечера въѣхали въ Торжокъ.

Напившись на̀-скоро чаю, мы взяли фуражки и отправились въ путь.

— Послушай, любезный кондукторъ, сказалъ спорщикъ, встрѣтившись съ нимъ въ другой комнатѣ и отводя къ окну:—вотъ тебѣ 5 руб. сер.; ты, братецъ, поужинай хорошенько, а я черезъ два часа буду— мнѣ непремѣнно здѣсь нужно пробыть два часа. На̀ же, возьми.

— Карета черезъ полчаса отправится.

— Знаю, знаю, любезный... На̀ же, возьми это: черезъ два часа ты получишь еще двѣ такія же бумажки.

— Ровно черезъ полчаса карета отправится, отвѣчалъ кондукторъ, не принимая подарка.

— Да я-то, не буду здѣсь черезъ полчаса.

— Не могу знать, сударь: экстра черезъ полчаса уйдетъ.

— Сними колесо, какъ-будто въ починку—вотъ и законная причина, а вотъ это, братецъ, спрячь себѣ:—это красненькая депозитка.

— Если черезъ тридцать три минуты вы не пожалуете, а по третьему рожку послѣ того не сядете въ карету—экстра уйдетъ.

— А я??

— Останетесь.

— Онъ шутитъ!.. Вы, пожалуйста не безпокойтесь! сказалъ мнѣ мой товарищъ сладенькимъ, но глухимъ, голосомъ, прибавивъ къ этому тоже чрезвычайно-нѣжно:—онъ этого не сдѣлаетъ!

Въ эту минуту онъ окончательно мнѣ опротивѣлъ; но отказаться отъ прогулки съ нимъ было нельзя; храбрецъ струсилъ бы непремѣнно, призналъ бы меня отступившимъ отъ слова и ничего бы не вышло. Но такъ-какъ подобныя сближенія не рѣдки, а между-тѣмъ судьба сводила ужь меня съ разными людьми, то отчего жъ бы мнѣ и не поужинать вмѣстѣ съ человѣкомъ, который такъ-великолѣпно щетинится?

Нечего дѣлать—пошли мы по городу; извозчиковъ нѣтъ, всѣ разъѣхались по домамъ; пришлось колесить пѣшкомъ. Подошли мы къ низенькому зданію гауптвахты; закутанный въ плащъ уланъ окликнулъ насъ своимъ громкимъ «кто идетъ?» За гауптвахтой мы вышли на бульваръ и въ сумракѣ ночи разслушали въ сторонѣ женскіе голоса съ носовымъ произношеніемъ буквы *н;* внизу слышались легкіе всплески волнъ на рѣкѣ, протекавшей подъ нашими ногами. Городъ расположенъ преимущественно на противоположномъ берегу: мы сошли по крутому спуску къ бревенчатому мосту, о настилку котораго разбивались водные побѣги. Та же тишина царствовала и на площади. Свѣта въ окнахъ ни гдѣ не было : давно все погрузилось въ сонъ; лишь изрѣдка кое-гдѣ наталкивались мы на нѣжныя парочки, которыя шопотомъ бесѣдовали у воротъ дома какой-нибудь красавицы; лай собакъ въ сторонѣ и стукъ караульщиковъ на базарѣ, напоминали намъ, что мы не во-время вышли на прогулку. Въ одномъ только мѣстѣ мы услышали громкую бесѣду. Говорилъ, казалось, на улицѣ мужской голосъ, но словъ его разобрать мы не могли. При нашемъ приближеніи изъ окна втораго этажа раздался непонятой нами отвѣтъ:

— Я давно не «щелываню!»

— О, женщины!! воскликнулъ мужской голосъ.

— О, жен (*н* на манеръ французскаго *in*)... о-женщыны!! отвѣчалъ, передразнивая его, свѣженькій серебряный голосокъ... Апчхи!!! апчхи!!!

— «Салфетъ вашей милости», Елена Дмитріевна! привѣтствовалъ ея чиханье мужской голосъ.

— «Красота вашей чести!» нѣжно отвѣчалъ серебряный голосокъ дѣвушки: это съ насморка, Алексѣй Петровичъ... Добро, прощайте, накалякались... до завтра—продолжала красавица и захлопнула окошко.

Въ это же мгновеніе раздались, далеко позади насъ, знакомые звуки почтоваго рожка и первымъ движеніемъ моего спутника было пуститься благимъ матомъ въ-припрыжку по направленію къ рѣкѣ.

— Что, бѣжать? не догоните; пойдемте-себѣ шажкомъ.

— Кто? я бѣгу? не-уже-ли вы считаете меня такимъ трусомъ? не-уже-ли вы полагаете, что почтальйонъ осмѣлится оставить меня въ дуракахъ?

Я былъ очень-доволенъ этимъ возраженіемъ и не хотѣлъ его разъувѣрять по-пустому. Тѣмъ же слѣдомъ мы возвратились, съ грѣхомъ по-поламъ и чуть не сбившись съ дороги, въ гостинницу Пожарской. Ужинъ насъ ждалъ, это правда, а кареты и слѣдъ простылъ.

II.

Торжокъ.

Приготовленный моимъ спутникомъ ужинъ и полуночная встрѣча съ разъѣзжавшимися откуда-то гостями, заѣхавшими па перепутье къ Пожарской, доставили мнѣ случай свести кой-какія знакомства и при пособіи ихъ разсмотрѣть довольно-поверхностно Торжокъ и его обитателей.

Вообще въ Тверской-Губерніи помѣщичьихъ крестьянъ вдвое болѣе чѣмъ государственныхъ, включая сюда же и небольшой итогъ удѣльныхъ. Однакожь большихъ селеній не много; помѣщиковъ мало : большая часть живетъ по своимъ деревнямъ; нѣкоторые на зиму переселяются въ Москву или Петербургъ. Чиновный классъ здѣшняго городскаго общества состоитъ изъ дворянъ, служащихъ по выборамъ, изъ чиновниковъ, занимающихъ разныя должности въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а цвѣтъ городскаго населенія составляютъ уланскіе штабъ и оберъ-офицеры.

Купечество здѣшнее, чрезвычайно-богатое, занимается преимущественно хлѣбною торговлею и, разумѣется, хозяева, какъ скупщики изъ первыхъ рукъ, не могутъ не вести своихъ дѣлъ счастливо и удачно.

Я хотѣлъ сдѣлать утромъ визитъ одному очень-почтенному и почетному купцу. Въ уѣздныхъ, а иногда и въ губернскихъ, городахъ довольно назвать имя и отчество какого-нибудь лица, чтобъ призванный извощикъ подвезъ васъ прямо къ дому того, кого вы ищете. Такъ и здѣсь, меня подвезли къ высокимъ хоромамъ и высадили у титаническихъ воротъ, окрашенныхъ черной краской. Я потянулъ за звонокъ — нѣтъ отвѣта; я потянулъ другой разъ — тотъ же успѣхъ; я еще, еще—наконецъ, черезъ десять минутъ вышла ко мнѣ здоровенная бабища, въ сарафанѣ, передникѣ, въ блестящей бѣлизны рукавахъ рубахи, въ черной косынкѣ, плотно-повязанной на головѣ, такъ что ни одного волоска не было видно. Послѣ безчисленныхъ вопросовъ «да вамъ зачѣмъ?» «да вамъ на што?» она ввела меня въ нижній этажъ, оставила въ передней, въ которой я насчиталъ четыре огромныхъ самовара, а сама пошла докладывать хозяину, что-дескать «чужой пришелъ».

— Извините, государь мой милостивый, прошу садиться; позвольте мнѣ на-минутку докончить свое дѣло.

И съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату, изъ которой до меня дошли слѣдующія рѣчи, сказанныя твердымъ и громкимъ голосомъ.

— Ты!.. Ониська, живо самоваръ! А ты, хозяйка, завари скорѣе чаю, вишь гость пришелъ, да вечорошной булки отрѣжь... калачиковъ нѣтъ ли?.. А ты, сударь, я те проучу! Вѣдь ужо ты у меня сидѣлъ три дня въ закутѣ, этого мало? Лѣнь должность свою исправлять? Ну, такъ я те прошколю и узнаешь какъ справки наводить, да какъ

счеты писать. Я хочу, чтобъ у меня подчиненные были въ порядкѣ; мошенниковъ не потерплю; самъ вамъ деньгами и всякимъ добромъ помогаю, а все-то имъ мало, дирявые вы мѣшки этакіе! Молодость только жаль загубить: вамъ бы порку, да порку—какъ рукой бы сняло... Смотри жь ты у меня, парень: вотъ-те Богъ, а вотъ-те и мое слово. Мало, то-есть, мальски замѣчу я за тобой неподобныя шалости, да запущеніе дѣлъ, да такое еще что-нибудь — ну, такъ ужь, братъ, ты на меня не пѣняй: ужь тогда ты лучше самъ выкопай себѣ яму, да и ложись въ землю... Слышалъ? помни это! Ступай же, пока... мальчишка, щенокъ!

Я въ это время успѣлъ осмотрѣть залу; она была обставлена старинною дѣдовскою мёбелью; богатые зеркала висѣли въ раззолоченныхъ рамахъ, обвернутыхъ кисеей; чьи-то портреты, также изукрашенные, тоже были укутаны кисеей; огромные часы въ ящикѣ стариннаго фасона отбивали погребальныя четверти; въ переднемъ углу стояла кивота со множествомъ образовъ въ золотыхъ окладахъ.

Вскорѣ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась и тучный хозяинъ, провожая племянника, сказалъ: до свиданья.

Здѣсь нѣтъ обычая представлять посѣтителей, какъ говорится «съ вѣтра», хозяйкамъ дома; подобная честь дѣлается только тому, кто прямо принадлежитъ къ купеческому кругу: исключенія составляютъ только тѣ лица, передъ которыми торгующее сословіе принуждено заискивать благорасположенія.

Новоторскіе горожане живутъ весьма-сосредоточенно и не развлекаютъ себя постоянно большимъ обществомъ: и занятія и заботы только о себѣ не вселяютъ въ нихъ охоты сбираться на обычные у насъ бесѣды и вечера. Здѣсь каждый хозяинъ строитъ домъ только про себя; нижній этажъ занимаетъ онъ съ женой и съ сыновьями; въ верхнемъ отдѣляется часть для помѣщенія дочерей. Но главное назначеніе верхняго этажа то, что здѣсь «парадныя комнаты», великолѣпно, на старинный манеръ, убранныя.

Весьма-часто зажиточный Новоторъ, у котораго денегъ — куры не клюютъ, и огромные сундуки полны серебра и золота, у котораго нѣсколько лѣтъ гніютъ цѣлые ящики бѣлья, а въ холодномъ мѣстѣ сохраняется бездна платья изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, ходитъ дома и въ должность въ засаленномъ длинномъ сюртукѣ, зимой надѣваетъ заячью или волчью шубу, и только на время катанья, да въ Божій храмъ еще, накидываетъ себѣ на плеча соболя или енота.

Здѣшніе горожане, какъ кажется, не считаютъ нужнымъ дѣльное, хорошее теоретическое, образованіе для своихъ сыновей, «а храни Богъ для дочери: знаетъ грамотѣ — и довольно! А то куда, да и кчему знать по-французски, али что другое. Слава-Богу: наши и отцы, да и дѣды потому жь, прожили-себѣ, въ добрый часъ будь сказано, счастливѣйшимъ, то-есть образомъ и безъ французскаго языка и безъ исторій. Ну, другое дѣло, отчего дитятѣ не знать кадрили, или тамъ вальцовъ, что-ли? Пускай ее тѣшится на здоровье!»

Въ первомъ часу дня въ домѣ здѣшняго купца вся семья, съ чады и домочадцы, т. е. сыновья и дочери, прикащики и женская домашняя прислуга, собираются въ огромной кухнѣ. На широкомъ столѣ, обставленномъ лавками, разстилается скатерётка, разставляются глубокія тарелки съ вилкою, ножомъ и деревянной ложкой на каждой;

въ очень-рѣдкихъ домахъ кладутъ и серебряныя ложки. Хлѣбъ рѣжется разновременно, сообразно требованіямъ каждаго. По положеніи извѣстнаго числа поклоновъ передъ образами, семья помѣщается около стола и раздѣляетъ трапезу. Понедѣльникъ, середа и пятница — дни постные; въ обыкновенные дни обѣдъ начинаютъ супомъ или щами, которые прямо изъ печки въ томъ же горшкѣ ставятся на столъ и разливаются по тарелкамъ. Наварная говядина крошится разомъ на небольшіе куски и передается отъ одного другому. Послѣ щей выступаетъ на сцену каша, крутая, красная съ янтарнымъ, крупичатымъ русскимъ масломъ. Запивъ ее жбаномъ холоднаго кваса, честная компанія встаетъ, лобызаетъ руку своего отца, расходится по мѣстамъ и заваливается спать. Вино, жаркое или кофей—тутъ лишняя затѣя: non multa, sed multum — премудрое правило! Въ праздники прибавляются разные жаркіе, кисели, аладьи, кулебяки. Но если дѣло пойдетъ на пиръ—у русскаго купца нѣтъ ничего завѣтнаго: онъ выпроситъ у предводителя поваровъ, выпишетъ драгоцѣнныхъ пряностей и плодовъ, добудетъ винъ заморскихъ дорогихъ и покажетъ себя въ полномъ блескѣ. А дома, между собой — кчему разносолы: диви бы чужіе люди пришли? Отчего тогда не показать себя!

Русская старинная одежда въ древнемъ городѣ Новомъ-Торжкѣ, первоначально новгородской колоніи—нынѣ мало-по-малу выводится даже между дамами средняго класса, и нерѣдко можно встрѣтить богатую горожанку, какъ и вездѣ, въ нѣмецкомъ платьѣ, въ чепчикѣ и въ шляпкѣ *съ перомъ*, со всѣми аттрибутами парижскаго моднаго когда-то костюма. Но при всемъ томъ національная одежда еще преобладаетъ и та же самая горожанка выходитъ послѣ обѣда гулять, подъ стать съ прочими горожанками, въ матерчатомъ сарафанѣ (съ тальею и со шнипомъ). Тонкіе полотняные или кисейные, рѣдко батистовые, рукавчики и воротъ рубахи съ дорогой запонкой, какъ снѣгъ пушатся по роскошному тѣлу русской дѣвы; сверхъ сарафана накинута на плеча тѣлогрѣя (получившая полное право гражданства во времена Θеодора Алексѣевича, вмѣстѣ съ мужскими кафтанами). Она надѣвается обыкновенно на одинъ лѣвый рукавъ. Тѣлогрѣи эти бываютъ штофныя, обшитыя глазетомъ и золотымъ кружевомъ; правый рукавъ гораздо длиннѣе лѣваго и свободно виситъ вдоль стана горожанки. Красавица обыкновенно прихватываетъ рукой край правой полочки тѣлогрѣи и слегка прикрываетъ имъ свой подбородокъ. Въ такомъ положеніи рукава тѣлогрѣи приходятъ въ симметрію, а частыя сборки ея и блескъ золотыхъ обшивокъ весьма-красиво оттѣняютъ талію и весь станъ щеголихи. Надобно прибавить къ этому дорогія ожерелья на шеѣ, дорогіе перстни на рукахъ, дорогія серьги въ ушахъ, иногда бѣлыя лайковыя перчатки, шитые золотомъ башмачки, яркаго цвѣта косыночку, повязанную, сверхъ головы и зашпиленную надъ лбомъ узорочной брошкой, франтовской парасоль и малую-толику бѣлилъ и румянъ, независимо отъ сопровождающаго красавицу благовонія розовой воды — и тогда нетрудно уже будетъ составить себѣ понятіе о костюмѣ Новоторокъ.

Женскій полъ здѣсь очень-красивъ, настоящихъ красавицъ весьма-довольно; но къ сожалѣнію чорные зубы, небѣлыя руки, несчастная буква *н*, преднамѣренное картавленье — сбавляютъ пятьдесятъ процентовъ съ общаго итога всѣхъ достоинствъ здѣшняго прекраснаго пола. Но разница между дѣвушкой и замужней женщиной состоитъ, кажется, исключительно въ манерѣ повязывать косынки на голову,

Манеру эту передать трудно: можно замѣтить только одно, что женщинѣ непозволительно выказывать изъ-подъ платка ни одного волоса: по-здѣшнему — это верхъ неприличія. Дѣвушки, напротивъ, пользуются въ этомъ отношеніи полною свободою; кромѣ-того завѣтъ отцовъ обязываетъ ихъ, идя въ церковь Божію, расплетать косу и распускать ее безъ всякихъ украшеній, по плечамъ. — Должно однакожь сознаться, что изъ нѣсколькихъ сотъ хорошенькихъ головокъ, можно насчитать только весьма-ограниченное число такихъ косъ, которыя однѣ въ-состояніи затуманить какое угодно холодное воображеніе. И надобно сказать въ-добавокъ, что эти немногія косы принадлежали истиннымъ красавицамъ, которыя никакъ не могли скрыть отъ постороннихъ опытныхъ взоровъ наклонности сурмиться, бѣлиться и румяниться.

Обычай требуетъ здѣсь, чтобъ каждая мѣщаночка (за купчихъ поручиться нельзя), или ямщичка, находясь еще подъ кровомъ родительскимъ, имѣла у себя непремѣнно cavaliere servente, пожалуй—дружка; мѣщанки называютъ его «компальйономъ» при первомъ сближеніи и «предметомъ» при болѣе дружескомъ знакомствѣ; ямщички просто — «полюбовникомъ». Число дружковъ у дѣвушки не ограничено: ей предоставляется полная свобода гулять съ ними, ходить на бесѣду, повѣрять имъ свои секреты, а между прочимъ наблюдать за ними и изъ нихъ выбирать себѣ жениха. «Компальйонъ» награждаетъ иногда «сахарнымъ словечкомъ» или поцалуемъ, и вообще имѣетъ право на маленькія вольности. Дурныхъ отношеній между «юношей» и «дѣвой» не бываетъ, и никто ихъ не подозрѣваетъ. И эта вѣра родителей въ хорошую нравственность дѣтей и предоставленіе имъ извѣстной свободы въ поступкахъ, имѣютъ самыя благодѣтельныя послѣдствія. Дѣвушка ловка, весела, разговорчива, наблюдательна, тверда въ правилахъ; жена — истинная подруга, и не сожительница, а полная хозяйка дома.

Новоторочка безъ «полюбовничка» не можетъ быть, иначе это недосказанная мысль, каша безъ масла, книга съ бѣлыми страницами: на каждомъ шагу ее ожидаютъ насмѣшки родныхъ и знакомыхъ. По понятіямъ людей одного съ нею кружка, надо предполагать, что подобная дѣвушка или такъ дурна собой, или такъ глупа, или наконецъ такъ подозрительна въ поведеніи, что ни одинъ Новоторъ не захочетъ искать ея «благосклонности» и вниманія.

Дѣвушка, какъ бы бѣдна или богата она ни была, всячески старается здѣсь заработать себѣ своими руками трудовую копѣйку. Главное занятіе горожанокъ—шитье золотомъ, серебромъ и шелками, по сафьяну и по бархату. Нерукодѣльницы, съ наступленіемъ лѣта, собираются въ артели, выбираютъ изъ среды себя по общему приговору, зачинщицу и идутъ въ походъ — кирпичи работать. Это именно занятіе—искусство шить золотомъ и дѣлать кирпичи съ одной стороны, а съ другой торгъ спальною обувью, извѣстною подъ названіемъ «торжковскихъ сапожковъ» и укоренившееся съ древнихъ лѣтъ кожевенное и солодовенное производство даютъ городу отличительный промышленный характеръ. Съ исходомъ лѣта торжковскій бульваръ оживляется исчезавшими на время щеголихами, и все принимаетъ праздничный видъ.

Новоторжская мѣщанка откажетъ себѣ въ хорошей ѣдѣ и питьѣ, сама станетъ ходить босикомъ на рѣку за водой, и полоскать бѣлье въ прорубѣ, станетъ облекаться въ дерюгу и вретище—но никогда не

откажетъ себѣ въ наслажденіи щегольнуть передъ товарками. Къ дерюгѣ и вретищу она пришьетъ кисейные, снѣжной бѣлизны рукава, на утомленную ножчу вздернетъ бѣленькій чулокъ, на послѣднія деньги сошьетъ себѣ шубейку яркаго штофа, надѣнетъ бабкинъ сарафанъ—который время сохранило въ блестящей цѣлости—умоется, наведетъ гдѣ слѣдуетъ краски, выйдетъ на улицу людей посмотрѣть и себя показать—и лицомъ въ грязь не ударитъ.

Я полюбопытствовалъ прогуляться по бульвару и усѣлся въ углу широкой садовой скамейки. Толпы гуляющихъ, преимущественно мѣщанъ и ямщиковъ, разодѣтыхъ по-праздничному, перемѣшивались съ группами людей высшаго призванія, съ людьми чиновными, уланами и супругами купцовъ. Шумная болтовня раздавалась изъ конца въ конецъ; никто не считалъ себя связаннымъ. Но высшее приличіе царствовало всюду: всѣ другъ другу говорятъ «вы», о себѣ выражаются «мы», поминутно «присыкиваютъ» и почти каждую фразу, съ маленькимъ возраженіемъ, начинаютъ словами «ахъ, помилуйте-съ»! Скоро около меня завязался разговоръ, который я и передаю слово-въ-слово: въ безошибочности его я ручаюсь тѣмъ вѣрнѣе, что слышалъ его послѣ, разъ двадцать, безъ малѣйшаго почти измѣненія.

— Гляди-тко Леска (Леска уменьшительное Александра, то же что Саша) гляди: Елена Грачиха съ Сашуркой идетъ! сказалъ стоявшій возлѣ меня высокій парень сидѣвшему на скамьѣ мѣщанину, указавъ на двѣ приближавшіяся къ намъ торжественно, павами выступавшія особы, въ богатыхъ сарафанахъ и тѣлогрѣяхъ.

Елена съ Сашуркой сѣли, ни слова не говоря, на той же скамейкѣ. Первая была дебелая дѣва обширнаго объема, съ выпуклостями, до чрезвычайности развитыми, такъ-что объемъ ея шеи равнялся толщинѣ обыкновенной у насъ дѣвичьей тальи. Съ-вида ей было лѣтъ подъ-тридцать, но правильныя черты лица, нѣжный оттѣнокъ кожи, тоненькія русыя брови и гордо надутая пунцовая нижняя губка, давали ей полное право на званіе очень-недурненькой женщины. Та, которую называли Сашуркой, была остроглазая брюнетка, съ нѣсколько-загорѣлымъ цвѣтомъ лица и съ пламеннымъ румянцомъ на щекахъ. Невысокій ростъ, стройный станъ, маленькая ножка, горячіе взгляды, фіолетовый сарафанъ съ золотымъ галуномъ, серизовая косыночка на головѣ, 17 лѣтъ, правильное произношеніе—заставляли многихъ молодыхъ парней на нее заглядываться. Къ нимъ, расшаркавшись, подошелъ красивый, высокій ростомъ молодецъ, въ высокихъ по колѣна сапогахъ съ кисточками, въ оранжевомъ шелковомъ жилетѣ, украшенномъ бисерною цѣпочкою, въ длиннополомъ, лоснящемся отъ новизны, сюртукѣ на-распашку; длинные русые волосы были тщательно завиты и зачесаны назадъ, по модѣ. Онъ снялъ шляпу передъ Сашуркой и повелъ съ нею такія рѣчи:

— Здравствуйте, Александра Егоровна: какъ ваше здоровье-съ?

— Слава Богу—лучше всего! Какъ ваше? отвѣчала брюнетка.

— Благодаримъ-съ на эвтомъ. Здоровы ли ваши компальйоны?

Брюнетка ласково и пристально взглянула на него, покосила немножко головку и сдѣлавъ рукой понятный жестъ, отвѣчала:

— Въ виду—слава Богу, а въ сердцахъ—Богъ васъ знаетъ.

— А вы насъ считаете за компальйоновъ?

— Помилуйте-съ, какъ же-съ! Кто къ намъ посѣщаетъ въ компанію, того мы всѣхъ вопче почитаемъ за компальйоновъ.

— Благодаримъ-съ, а какъ поживаютъ ваши «предметы»?
— У насъ еще ихъ не имѣется.
— Почему же такъ?
— Мы-съ молоды для эвтакова дѣла.
— Помилуйте-съ: вы этакія дѣвушки превосходныя-съ, и ужь вступили на возрастъ, да чтобъ у васъ не имѣлось предметовъ? А намъ извѣстно, что вы уже двухъ въ отставку отдали. Возьмите-съ новыхъ, по-достойнѣй.
— Намъ въ нихъ счастіе не служитъ! со вздохомъ сказала брюнеточка, чрезвычайно жалобно осклабивъ умное личико и поднявъ каріе глаза на красиваго парня.
— Ахъ, полноте-съ, Александра Егоровна: вы не скрывайте-съ свое счастіе!
— Это мы вѣрно вамъ говоримъ.
— Такъ знаете ли что-съ?
— Что-съ?
— Ужь вѣдь и я ли къ вамъ не лащусь: и сплю и вижу только васъ.
— Такъ что же-съ?
— Вы насъ полюбите!
— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ.
— Не будете мучкарить?
— Помилуйте-съ, за что жь-съ!!
— Завѣрьте насъ?
— Ну, чѣмъ мнѣ васъ завѣрить? Взоромъ, али пріятнымъ разговоромъ?
— Нѣтъ; еще чѣмъ-нибудь.
— Я ужь и не знаю чѣмъ: скажите вы.
— А поцалуйте!!
— Помилуйте-съ: мы эвдакимъ глупостямъ не занимаемся, да еще при народѣ.
— Что жь это мы стоимъ: позвольте намъ присѣсть съ вамъ рядомъ.
— Намъ очень-пріятно:—смахните вашимъ платочкомъ.
— Позвольте мнѣ по-крайности обнять вашу станицу, спросилъ горожанинъ, усѣвшись.
— Ахъ, полноте-съ, кчему теперь! Апослѣ!
— Когда же можно будетъ присластить нашу любовь поцалуйчикомъ?
— Да хошь сегодня; приходите сидѣть къ намъ, къ ворòтечкамъ.

Такимъ-образомъ, какъ мнѣ сказывали, дѣлаются сближенія, и молодой человѣкъ, получивъ, послѣ долгихъ вздоховъ и искательствъ, формальное согласіе всюду сопровождать красную дѣвицу, ласково принимается въ домѣ родителей. Но если онъ не любъ дѣвицѣ, то его тонкимъ и деликатнымъ образомъ выпроваживаютъ. На предложеніе холостаго юноши себя въ «предметы», даже на простое желаніе поступить въ «компальйоны», разборчивая Новоторка обыкновенно отвѣчаетъ:

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ: намъ въ васъ счастіе не послужитъ.
— А ужь мы бы то васъ какъ холили, да лелѣяли! возражаетъ волокита.
— Помилуйте-съ: кчему вамъ безпокоиться; да намъ и время не позволяетъ съ вами знаться.

— Позвольте хоть мѣстечко! упрашиваетъ безотвязный, замѣтивъ свободное мѣсто на скамейкѣ подлѣ той, которая такъ приглянулась ему.

— У насъ мѣста нѣтъ для прочихъ: у насъ только про себя... Дѣвушки, пораздвиньтесь! говоритъ жестокосердая своимъ подругамъ, уговаривая ихъ занять платьями всю скамейку.

— Мнѣ бы хотѣлось хошь узнать вашъ домашній бытъ и разныя ваши сердечныя положенія.

— Все будете знать—скоро состаритесь.

— Однако у васъ есть же сердечныя подробности?

— У насъ ихъ и въ заводѣ не имѣется.

— Позвольте васъ поподчивать карамельками.

— Мы эвтова не потребля́мъ.

— Что̀ жь мнѣ съ вами дѣлать?

— Лучше всего—ступайте своей доро̀гой, а насъ въ покоѣ оставьте.

Тонъ поговорокъ ямщичекъ на цѣлую октаву ниже мѣщанскаго тона. Поговорки эти передаются изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, отъ тётки къ племянницѣ, для памяти записываются на тетрадку и заучиваются на-изустъ. Во многихъ семьяхъ хранятся красиво переплетенныя рукописи, какъ сборникъ всѣхъ постановленій о политичномъ обхожденіи; но чтобъ добраться до сокровищницы этихъ десяти тысячъ церемоній, надобно быть очень-счастливымъ и родиться въ сорочкѣ. Поговорки ямщичекъ объ этомъ же предметѣ состоятъ изъ слѣдующихъ фразъ: парень, вслѣдъ за разспросомъ о здоровьѣ, спрашиваетъ обыкновенно:

— Каковы ваши дѣла, Кулина Митревна?

— Домашнія всѣ кончены, а на сердцѣ не извѣстно-съ, отвѣчаетъ красавица съ яма.

— А что́ подѣлываютъ ваши полюбовнички?

— Помилуйте: чортъ имъ дѣется, когда ихъ не имѣется!

— Такъ прошу же васъ: возъимѣйте желаніе возлюбить насъ.

— Ахъ, помилуйте-съ: полноте говорить такія гнусныя нелѣпости!

— Прикажете пощелкать для васъ орѣшковъ?

— У насъ у самихъ зубы есть.

— Такъ что̀ жь прикажете мнѣ дѣлать?

— А поворачивайте оглобли, да подъѣзжайте къ другимъ.

Въ этотъ же день я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ частички двухъ брачныхъ церемоній. Около вечеренъ встрѣтилъ я въ ямской слободѣ шествіе, которое открывалъ священникъ въ ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. За нимъ шли рука-въ-руку молодой и молодая, только-что обвѣнчанные. На обоихъ надѣты были свадебные вѣнцы, а у невѣсты, кромѣ-того, изъ-подъ вѣнца выпущенъ былъ спереди большой кусокъ темной матеріи, и лица ея не удалось мнѣ видѣть. Толпа приглашенныхъ друзей сопровождала юную чету домой, вдоль по всей улицѣ.

Въ это же время, кишмя кишилъ народъ за рѣкой у собора. Храмъ Божій освѣщенъ былъ великолѣпно; свѣчи горѣли во всѣхъ паникадилахъ; золотое шитье и драгоцѣнные камни отражали тысячи лучей на уборахъ дамъ—и ни одного нѣмецкаго костюма! Причиною скопленія публики была купеческая свадьба въ довольно-зажиточномъ семействѣ.

Женихъ былъ одѣтъ просто — въ сюртукѣ до пятъ. Кромѣ огромныхъ брильянтовъ на манишкѣ и толстаго золотаго каната у часовъ,

на немъ ничего не было ни излишняго, ни блестящаго: даже сапоги были тусклы и выраженіе лица сумрачно.

Но невѣста была настоящій херувимчикъ въ сарафанѣ. Сарафанъ этотъ изъ бѣлаго глазета, былъ обшитъ золотымъ кружевомъ превосходной отдѣлки. Роскошная грудь красавицы украшена гигантскимъ алмазомъ; на шеѣ ожерелье въ нѣсколько рядовъ изъ самыхъ крупныхъ бурмитскихъ зеренъ. Башмаки невѣсты бѣлые атласные, вышитые золотомъ: мнѣ показалось даже, что въ серединкѣ узорныхъ цвѣтовъ и около носка было вдѣлано нѣсколько мелкихъ брильянтовъ. Волосы новобрачной были тщательно подобраны подъ легонькую шапочку, осыпанную около лба, въ нѣсколько рядовъ, драгоцѣнными каменьями; а сверхъ шапочки былъ надѣтъ вѣнецъ. Его бѣлая глазетная матерія едва-едва пробивалась сквозь тучу жемчуга, которымъ весь уборъ былъ осыпанъ. Конецъ у вѣнца былъ украшенъ трехконечнымъ бантомъ изъ злато-кованной ленты, которая двумя широкими лопастями спускалась по спинѣ далеко внизъ.

Сарафаны у прочихъ лицъ женскаго пола были разнообразные, бархатные самыхъ яркихъ цвѣтовъ, серизовые, малиновые, голубые; тѣлогрѣи, поражавшія взоры посторонняго своею изъисканностію, были глазетовыя, парчевыя, изъ золотаго штофа, съ мильйонами сборокъ около поясочка. Воротники этихъ тѣлогрѣй, довольно-непослушные, никакъ не укладывались ровно по плечамъ, а все топырились кверху, какъ-бы гордясь безчисленными золотыми узорами и позументами, которыми обшила ихъ искусная рука портнихи. Чтобъ составить себѣ идею о роскоши всѣхъ этихъ нарядовъ, довольно замѣтить, что работа косыночки, которою была обвязана голова одной присутствовавшей тутъ пожилой купчихи, стóила 250 рублей серебромъ, не включая въ итогъ этой суммы цѣны огромнаго изумруднаго фермуара, который, Богъ-знаетъ для-чего, былъ сюда нашпиленъ.

Нельзя, однакожь, скрыть, что и въ этомъ обществѣ приходится иногда слышать фразы, составленныя по неизвѣстной еще грамматикѣ, и съ кудреватыми украшеніями, которыя вовсе не могутъ льстить ничьему вкусу. Выраженія въ родѣ «резонтъ чрезъ политику въ средствіе воспринять» сыпались изъ устъ молодыхъ людей, не прикащиковъ и не сидѣльцовъ.

Это пристрастіе къ вычурности языка, издавна укорененное въ нашихъ предкахъ, до-сихъ-поръ имѣетъ вліяніе на людей, желающихъ щегольнуть своимъ слогомъ: однажды мнѣ попалась бумага, написанная, какъ мнѣ говорили, очень-серьёзнымъ человѣкомъ, именно съ тою цѣлію, чтобъ какъ-можно-проще и чувствительнѣе описать одинъ великодушный поступокъ. Вотъ какъ эта простота выражалась:

«Кучеръ полковника N***, Антипъ Кулешовъ, несъ корзинку съ «бѣльемъ, для мытья женщинѣ, прачкѣ Феклѣ Ѳедоровой. Прибывъ съ «корзинкою чернаго бѣлья — и усмотрѣлъ въ самой рѣкѣ плывущаго «мальчика, погруженнаго въ воду, отблескомъ въ пестрой рубашкѣ — «потопавше. Замѣтя, что мальчикъ, боровшійся въ приключеніи, съ «рѣки показалъ руку на поверхности воды — Антипъ, тронутый че«ловѣколюбію, не впредь полагая медлить въ таковой оказіи, какъ былъ «въ одеждѣ—самъ бросился съ плота, съ протомойнаго, въ рѣку. До«плывъ и выхватя упомянутаго мальчика, борясь съ силою мóщей — «спастись обѣихъ, потопающаго и спасающаго, почти уже погибшаго, «— выплывъ къ плоту, вынесши съ собою Антипъ мальчика Георгія

«деньщикова сына, находящагося по командѣ у какого-то ротмистра. На «приключеніе таковое сбѣжались многіе, куда тогда же также прибылъ «и отецъ дитяти шестилѣтняго; принявъ онаго мертвымъ и совѣты «кричавшихъ «качать!» то и какъ не было ничего способствующаго, «качали онаго сначала прачка съ кучеромъ, потомъ отецъ самъ, до «той поры какъ вода гортанью полилась. А по нѣкоторомъ времени «мальчикъ издалъ голосъ вопля. Нынѣ въ совершенствѣ здравія.»

Впрочемъ, надобно сказать вообще, что эти особенности рѣчи въ городѣ Торжкѣ составляютъ исключительную принадлежность разговора молодежи и только между собой; въ обыкновенныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается комплиментовъ или желанія хваснуть краснорѣчіемъ, равно какъ и въ разговорѣ съ посторонними — рѣчь, какъ и вездѣ, будничняя, простая и толковая.

Чтò касается до обитателей высшаго разряда, то нѣчего говорить, что жизнь ихъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной жизни во всѣхъ губернскихъ городахъ, особенно съ осени до весны: балы, маскарады, домашніе спектакли и въ городѣ, и у помѣщиковъ въ селахъ, и по сосѣдству въ Вышнемъ-Волочкѣ, разнообразятъ тихую жизнь здѣшнихъ обитательницъ тысячами наслажденій.

Вотъ, кажется, и все, чтò на первый разъ можно было замѣтить особеннаго въ Торжкѣ, для котораго мы лишили себя спокойнаго экипажа и быстроты переѣздовъ. Провинившійся мой собесѣдникъ, къ вечеру приготовилъ простую перекладную телѣгу, въ которой мы и пустились съ нимъ въ дальнѣйшій вояжъ, вплоть до самой Москвы. Незащищаемые ничѣмъ и вполнѣ преданные на волю бурныхъ стихій, мы терпѣли и холодъ и жаръ и пронзительный вѣтеръ: все это легко было бы перенести, но, къ довершенію несчастія, насъ всю дорогу обливало проливнымъ дождемъ, отъ котораго не было никакого спасенья.

Наконецъ уже, въ одно прекрасное утро, мы втащились въ Москву, и немедленно выручили чемоданы, благополучно ждавшіе насъ въ первопрестольной столицѣ.

III.

Москва.

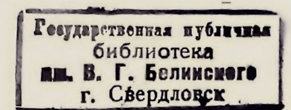
. . . .

IV.

Нижній-Новгородъ.

Тотъ, кто ѣзжалъ по владимірскимъ дорогамъ, или по описаніямъ знакòмъ съ духомъ, характеромъ, привычками и наклонностями владимірскихъ ямщиковъ, ни въ чемъ себѣ не измѣняющихъ, тотъ пойметъ причину, побуждающую каждаго вояжёра, поѣздки свои изъ Москвы до Нижняго-Новагорода совершать исключительно въ почтовыхъ экипажахъ: удобство и дешевизна невѣроятныя.

Почтовый кабріолетъ летитъ какъ изъ лука стрѣла и пассажиръ, утомленный путешествіемъ, рискуетъ проспать всю дорогу, не видать безконечной линіи узенькаго полотна шоссе, не любоваться картинами

сельской жизни, и не отдыхать мысленно въ тѣни кустарниковъ, возвышенныхъ въ общемъ мнѣніи до степени густыхъ лѣсовъ.

Я очнулся во Владимірѣ, въ обширной комнатѣ красиваго каменнаго двух-этажнаго дома, близъ Золотыхъ-Воротъ. «Ба! старый знакомый!» сказалъ я самъ-себѣ, принявъ изъ рукъ одѣтаго въ бѣлый русскій костюмъ прислужника листъ бумаги съ давно-знакомыми письменами. Вотъ онъ, вѣчно-юный, неизмѣнный.

«Обѣтъ.

1-й Супъ:—щи.
2-й Говядина:—телятина съ циндрономъ.
3-й Рыба:—раки.
4-й Соусъ:—гадиву.
5-й Жаркое:—вареная курица съ рысью.
6-й Пирожное:—Жиле съ апельцинамъ.»

Посмотришь на эту карту, произведеніе туземнаго Карема, повертишь ее, удовлетворишь ежедневной человѣческой потребности обѣдать, какъ бы ни былъ сытъ вчера, да тѣмъ и покончишь. И опять почтовый кабріолетъ несется-себѣ во весь духъ до извѣстнаго мѣста; опять пассажиръ глазѣетъ по сторонамъ, да считаетъ версты...

Такъ пролеталъ и я владимірскую сторону, родину нашихъ афеней, булыней, прасоловъ, ходебщиковъ, центръ нашихъ народныхъ торговыхъ обществъ, страну отличныхъ вишень. Нижній былъ уже близокъ.

Нижній-Новгородъ — вторая Москва для новопріѣзжаго; все въ ней, начиная отъ Кремля, построеннаго Итальянцомъ Фрязинымъ, при отцѣ царя Іоанна IV, Василіѣ, до кривыхъ улицъ, и отъ высокихъ каменныхъ домовъ до скромныхъ лачугъ, напоминаетъ «первопрестольную».

Копія съ «стяга» или знамени князя Пожарскаго и гробница Минина, Петромъ-Великимъ прозваннаго «Спасителемъ Отечества», будятъ воспоминанія о великихъ заслугахъ этихъ двухъ умныхъ дипломатовъ своего времени. У насъ обыкновенно на театральныхъ подмосткахъ представляютъ дивнаго Минина восторженнымъ энтузіастомъ, тогда-какъ, по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ людей безпристрастныхъ, Козьма Миничъ совсѣмъ не походилъ на поэта, и славою своею обязанъ не піитическому восторгу, не безсознательному вдохновенію, а своему уму, который сблизилъ его съ Пожарскимъ и искусно подготовилъ происшествія, по-видимому, мелочныя, къ тому, что въ результатѣ своемъ они являются великими событіями. Союзъ этихъ двухъ людей и единодушный ихъ планъ дѣйствія, патріотическія усилія ихъ противъ партій враждебныхъ русской народности и знаменитые подвиги въ-продолженіе цѣлаго года, выдвинули ихъ личность изъ ряда обыкновенныхъ личностей и высоко поставили ихъ въ памяти потомства въ-сравненіи съ другими ихъ современниками.

Въ томъ же соборѣ, въ стѣнахъ котораго стоитъ могильный камень Минина, видѣнъ рядъ гробницъ великихъ князей нижегородскихъ; древнѣйшая изъ нихъ принадлежитъ правнуку Александра-Невскаго, великому князю Константину Васильевичу. Соборъ, однакожь, не такъ древенъ, какъ эти гробницы: онъ сооруженъ лѣтъ пятнадцать назадъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ, въ половинѣ XIV вѣка, былъ построенъ первый соборъ, возобновленный въ половинѣ XVII столѣтія и въ 1829 году сломанный.

Жизнь нижегородскихъ гражданъ нашихъ временъ, ничемъ невозмущаемая въ-теченіе девяти мѣсяцевъ въ году, представляетъ столь же безчисленно-разнообразные переходы отъ дѣятельности къ дѣятельности, отъ удовольствія къ удовольствію, какія вообще привыкли мы встрѣчать въ каждомъ губернскомъ городѣ. Утромъ служба въ судахъ и палатахъ или «занятіе своимъ дѣломъ», потомъ обѣдъ, потомъ легкій сонъ часика два-три, потомъ городскія сплетни, чай, преферансъ и даже театръ.

Труппа здѣшнихъ артистовъ премиленькая, и разнообразна талантами до такой степени, что даетъ полное удобство сегодня разъиграть «Гамлета», а завтра «Дочь втораго-пòлка», какъ это слово, въ извѣстномъ стихѣ, и выговаривается, для ритма. Театръ миніатюрный, но очень-хозяйственно выстроенный, на лучшей улицѣ, кажется — «Проломной», вблизи Дворянскаго Собранія, кондитерскихъ и гостинницъ для пріѣзжающихъ: отвсюду и всюду близко.

Но при всемъ горячемъ стремленіи и пламенномъ рвеніи артистовъ мужеска и женска пола,—поддержать значеніе и достоинство своей арены, нестерпимый здѣшній холодъ заледенитъ даже самаго восторженнаго поклонника «красоты и граціи». Дѣло было какъ-то къ зимѣ; я только-что пріѣхалъ; вечеръ... тоска...

— Есть спектакль сегодня? спросилъ я у гарсона, лѣтъ сорока, съ окладистой бородой.

— Театеръ? есть; вотъ афиша.

— Потрудись, достань мнѣ кресло въ первомъ ряду.

Въ опредѣленные часы, съ прибавкою, какъ водится, десяти минутъ, являюсь я въ театръ; низенькій мужичокъ въ нагольномъ тулупѣ, отворилъ мнѣ дверь въ залу.

— Возьми, братецъ! пробормоталъ я ему, небрежно подставляя плечи.

— Чево-съ?

— Возьми шубу!

— Для чево?

— Повѣсь тутъ у себя, послѣ спектакля отдашь.

— Спрятать, чтò ли?

— Ну, да.

— Да куда жь я спрячу... чтó вы, баринушка, никакъ не здѣшній?.. ну, а какъ шубу-то... да я... да унесу?.. Чтò, баринушка?

— Послушай, любезный: развѣ у васъ можно тамъ въ шубѣ сидѣть; зала у васъ, вѣрно, маленькая, дамъ множество... продолжалъ я, перемѣнивъ тонъ, стараясь разговориться съ бородатымъ капельдинеромъ и замѣчая, черезъ отворенную дверь, что занавѣса еще не поднимали и въ мѣстахъ чтó-то маловато народа.

— Ну, вѣстимо, дамы, да мадамы разныя, и ужасти какое множество; да для чево жь вы, баринушка, шубу-то мнѣ суёте? Эвона еще чтó: сидѣть тамо безъ шубы? сзябнешь, да кàкъ еще, вишь нынче вѣтеръ какой съ-за-Оки дуетъ.

Я вошелъ въ залъ, отъискалъ свое мѣсто, при блескѣ туманныхъ лампъ и, упоенный благоуханіемъ ламповаго масла, сѣлъ, спустивъ съ плечъ шубу. Толпы народа прибывали, ложи мало-по-малу наполнялись и черезъ полчаса взоры мои поражены были безчисленнымъ множествомъ шляпъ, шляпокъ, капоровъ, наушниковъ, шубъ, тулуповъ, бекешъ и медвѣжьихъ сапоговъ. Меня давно уже пробиралъ морозъ,

изъ щелей пола дуло въ ноги, но я все крѣпился. Оркестръ очень-недурно разъигралъ какую-то увертюру, занавѣсъ взвился и мы увидѣли не-то «Сынъ Любви», не-то «Коварство и Любовь», что-то въ этомъ родѣ. Артисты играли удовлетворительно, но я и шубу накинулъ, а все было холодно. Я окутался потеплѣе, но беззащитныя мои ноги обуревались сильными вѣтрами. Комикъ туземнаго театра, который въ-состояніи сдѣлать своею игрой честь хоть бы и столичной сценѣ, страшно ёжился; «Сынъ Любви» поминутно «обходился посредствомъ клѣтчатаго платка», героиня драмы была поставлена въ такое положеніе, что ни покраснѣвшій носъ, ни надѣтая сверхъ платья кирпичнаго цвѣта кацавейка, ни ухаживанье «перваго любовника» не могли спасти ее отъ предстоящихъ, въ слѣдующемъ актѣ, бѣдъ и отъ настоящаго насморка, рѣзко дававшаго о себѣ знать частію чиханьемъ юной дѣвы, частію удушливымъ произношеніемъ носовыхъ звуковъ. Публика, чтобы согрѣться, хлопала въ ладоши, что было мочи, артисты важно и торжественно входили и выходили бѣглымъ шагомъ, а горячіе вздохи нѣжныхъ сердецъ, сопровождаемые густымъ облакомъ пара, казалось, тутъ же и замерзали отъ стужи, чтобъ скопившись въ порядочной массѣ, разразиться съ наступленіемъ весны тяжкими стонами. Это было ужь слишкомъ чувствительно; я не выдержалъ, и скрежеща зубами, колотившими «походъ», съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ охладѣлыми членами направилъ стопы свои домой.

Лѣтомъ, когда топка печей, требуетъ меньше расходовъ отъ «туземной» дирекціи, и когда никто не думаетъ о морозахъ, особенно во время ярмарки, театръ переселяется на «Ярмарку», гдѣ имѣетъ особое, очень-красивенькое деревянное зданіе.

«Ярмарка» особая часть города Нижняго, и напоминаетъ собою нашъ Васильевскій-Островъ. Она занимаетъ стрѣлку, образуемую впаденіемъ Оки въ Волгу. Изъ города на ярмарку ведетъ мостъ черезъ Оку, на флашкоутахъ, длиною въ полверсты. Зданіе ярмарки построено знаменитымъ нашимъ инженеромъ, строителемъ нашего Каменно-островскаго-Моста, Бетанкуромъ. Гостиный-Дворъ представляетъ собою цѣлый городъ, полный произведеніями всей Россіи; пространства между рядами образуютъ цѣлыя улицы.

Чтобъ составить себѣ понятіе объ этой части Нижняго-Новгорода, надо представить себѣ огромную площадь земли, окруженную съ трехъ сторонъ «Обводнымъ-Каналомъ» въ видѣ подковы. Каналъ наполняется водою изъ близь-лежащихъ озеръ, преимущественно «Мещерскаго», имѣющаго соединеніе съ Волгою, и, частію, изъ «Баранцова». Внутри этой подковы, во главѣ площади, стоитъ соборъ, изящной архитектуры; внутри двѣ достопримѣчательности: превосходная живопись образовъ, и серебряное убранство престола, вычеканенное по превосходнымъ рисункамъ русскими мастерами. Между соборомъ и рѣкою Окою тянутся широкими улицами шестьдесятъ два каменные корпуса Гостинаго-Двора, рядами, носящими каждый собственное свое названіе, напримѣръ: «Модный-Рядъ» со всѣми громоздкими принадлежностями дамскаго туалета, «Книжный-Рядъ» обладающій во время ярмарки всѣми таинствами и драгоцѣнностями нашей настоящей и минувшей литературы: «Бѣдная-Лиза», «Аммалатъ-Бекъ» и множество другихъ раскупаются до нынѣ на-расхватъ. Ближе къ рѣкѣ особенно замѣчательно зданіе «дворца» или «главный корпусъ» съ смежными зданіями:

здѣсь превосходные кафе-рестораны, ярмарочное почтовое отдѣленіе, биржа и прочія мѣста особенной важности.

По обѣимъ сторонамъ «Обводнаго-Канала» перекинуто по два мостика. Между Соборомъ и Гостинымъ-Дворомъ, по направленію къ двумъ верхнимъ мостамъ, выстроены четыре отдѣльные корпуса въ восточномъ вкусѣ, кажется въ китайскомъ, съ веселенькими кіосками: это чайные ряды — средоточіе нашей кяхтинской торговли; это храмы, откуда раздаются повелительные возгласы, рѣшающіе участь цѣлой ярмарки: выгодно идетъ продажа чаевъ — выгодны и всѣ ярмарочныя операціи; плохо торгуютъ чайные оптовые торговцы—и вся ярмарка приходитъ въ уныніе. Складъ чайныхъ «мѣстъ» бываетъ на «Сибирской-Пристани», находящейся вверхъ по Волгѣ, верстахъ въ двухъ отъ Гостинаго-Двора. Здѣсь чаи выгружаются и разставляются драгоцѣнными стѣнами по обѣимъ сторонамъ дороги. Много у насъ писано о вліяніи нашей азіятской и, преимущественно, китайской торговли на развитіе нашей мануфактурной промышлености и о замѣтномъ колебаніи торговыхъ цѣнъ, торговаго кредита и самой торговли на нижегородской ярмаркѣ; но всѣ эти писанія какъ-то глухо дѣйствуютъ на нашихъ капиталистовъ. Не то они не вѣрятъ, или не внемлютъ обращеніямъ къ нимъ пишущаго люда, не то не сочувствуютъ важности нашей азіятской торговли, не то не хотятъ возвысить свой голосъ и печатно опровергнуть или поддержать основанія, на которыя имъ указываютъ; или они просто ничего не читаютъ и ни сами не обсуживаютъ предмета такой обширной важности, ни даютъ вѣры тому, что на предметъ этотъ надобно бы взглянуть не съ одной только той стороны, которая льститъ исключительно-личному интересу одного капиталиста. Дѣло это темное; понятно только одно—равнодушіе и отсутствіе стремленія выразить нагляднымъ, яснымъ для всѣхъ, образомъ предположенія, виды или дѣльныя и подробныя объясненія всѣхъ особенностей нашей внѣшней торговли съ Азіею.

Но обратимся къ ярмаркѣ.

За верхними мостами, по обѣ стороны подковы Обводнаго-Канала, почти въ одной линіи съ чайными рядами, построены: на сторонѣ, пролегающей къ Купавинской-Слободѣ—армянская церковь; на сторонѣ, прилегающей къ Волгѣ—татарская мечеть. Съ этой же стороны Обводнаго-Канала построены театръ, балаганы для комедіантовъ, кандитерскія, трактиры, харчевни, питейныя заведенія многоразличныхъ наименованій, и проч. Но кромѣ хлѣбнаго и картофельнаго простаго вина, сколько на ярмарку привозится вообще всякаго вина—цѣлыя моря! Сколько, кромѣ распродажи, выпивается здѣсь въ-теченіе мѣсяца, одного шампанскаго, французскаго и русскаго издѣлія—опредѣлительную цифру дать трудно; но оставивъ въ сторонѣ и шампанскія, и хересы и другіе «благородные напитки», прибавимъ только, что крымскихъ винъ привозится болѣе чѣмъ на двѣсти тысячъ; кизлярскихъ винъ—болѣе двухъ-сотъ тысячъ ведеръ, а донскихъ и горскихъ винъ—около полутора мильйона бутылокъ.

Полный разгаръ ярмарки обыкновенно полагается съ 10 августа по 10 сентября, но Нижній готовъ къ веселью еще съ іюля — тутъ уже все понаѣхало: и мелкотравчатые Кобдены, и глубокомудрые Французы, и легкомысленные Нѣмцы, и купеческіе сынки, приготовившіеся справлять лѣтнюю масляницу. Все это катается съ утра до утра на франтовскихъ извозчикахъ, кутитъ, волнуется, но не шумитъ: все тихо,

благочинно и скромно. Масса денегъ, переливающихся изъ рукъ въ руки, по поводу расходовъ исключительно на удовольствія, такъ значительна, что еслибъ можно было составить изъ нея неприкосновенный фондъ—то на него можно бы купить двѣ Калифорніи, какъ тамъ ни загребай люди руками золото.

Во время ярмарки, торговыя дѣла кончаются довольно-поздно, часовъ въ 9, а до того главнѣйшіе дѣльцы всѣ заняты, и только въ это время, а иногда и позже, начинаются вечерніе спектакли; и эти вызовы артистовъ, грохотъ и стукъ разъѣзжающихся экипажей на восходѣ солнечномъ снова пробуждаютъ... свѣжій утренній воздухъ пріободряетъ утомленнаго сына счастія и онъ, отложивъ сонъ до жаркаго полудня, летитъ купаться въ наслажденіяхъ.

Есть что-то въ этой ярмаркѣ, странно-дѣйствующее на человѣка, который не успѣлъ еще очнуться въ этомъ омутѣ сдѣлокъ и дѣлъ мильйонныхъ. Встрѣтишь серьёзное лицо, углубленное въ коммерческіе разсчеты, прислушаешься къ безъискусственному разговору представителей нашей торговли между-собою о предметахъ самыхъ прозаическихъ—глазъ бы, кажется, не оторвалъ; уха бы не уклонилъ, все бы такъ и любовался этимъ практическимъ смысломъ, этимъ прямодушіемъ, иногда наивною хитростію, но всегда яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ предметовъ и обстоятельствъ ихъ окружающихъ. Совершенно-противное впечатлѣніе производятъ всѣ ухарскіе подвиги молодыхъ русскихъ купцовъ, гуляющихъ на трудовыя батюшкины денежки. Что̀ жь это такое, наше молодое торговое поколѣніе? впередъ-то оно идетъ видимо, а возвышается ли оно надъ невѣжествомъ и цинизмомъ—незамѣтно.

V.

Казань.

Распростившись съ Нижнимъ-Новгородомъ и пустившись въ первый разъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ, предаешься мечтамъ о томъ, что наступаетъ наконецъ пора взглянуть на коренную Русь, во всей красѣ русской національности. Ждешь видѣть не одни кафтаны ямщиковъ, или крестьянъ, да кички ихъ бабъ, а думаешь-себѣ, что вотъ, авось Богъ-дастъ наткнуться на что̀-нибудь такое, что̀ напомнило бы и Москву съ ея боярами и фабриками, и Торжокъ съ его простолюдьемъ, и старину, и русскій умъ, и то, и се... тщетныя ожиданія! Именно тутъ-то, по моей дорогѣ, и не было того, на что̀ я разсчитывалъ: просто дичь какая-то... и по весьма естественной причинѣ: я ѣхалъ почтовой дорогой и кромѣ станцій, почтовыхъ смотрителей, ямщиковъ, Татаръ, Мордвы, Черемиссъ, Чувашей и Вотяковъ, да изрѣдка барщинскаго мужика, не встрѣчалъ ничего; что̀ жь тутъ утѣшительнаго?

За Василемъ-Сурскимъ, близъ черемисской деревни Емангашъ, форменные столбы отдѣляютъ Нижегородскую-Губернію отъ Губерніи Казанской. Дорога ужь не шоссейная и туристу предоставляется полная возможность и всѣ удобства тонуть въ грязи во время дождей, глотать ѣдкую пыль въ сухое время, подпрыгивать и трястись до изнеможенія во время за̀морозковъ, когда съёженные холодомъ и окоченѣвшіе отъ стужи грядки узенькой колеи представляютъ экипажному

колесу мильйоны препятствій для того, чтобъ катиться свободно, а не прискакивать съ комка на комокъ затвердѣлой грязи.

Но зато, что̀ за прелесть-дорога — въ другомъ отношеніи: ѣдешь точно въ аллеѣ. Широкимъ про̀сѣкомъ тянется она отъ города до города и, обставлена по обѣимъ сторонамъ двойнымъ рядомъ развѣсистыхъ березъ, а по временамъ и дубовыми деревьями. Вѣчная зелень и кой-какіе холмики и пригорки повременамъ разнообразятъ сельскіе... нѣтъ не сельскіе, правда, а только дорожные, виды. То баба верхо̀мъ случайно проѣдетъ, то протащится Чувашинъ въ бѣломъ армякѣ и чорныхъ онучахъ; то, при спускѣ съ пригорка, разстелются вдали золотистыя поля селянина съ волнующимися хлѣба̀ми; то дуновеніе вѣтра донесетъ до васъ ароматный запахъ гречухи въ то время, когда она цвѣтетъ; то между деревъ, окаймляющихъ дорогу, искоса выглянутъ прокоптѣлые дома Чувашъ, а у нихъ дома̀, говорятъ, грязнѣе, чѣмъ у великороссійскаго мужика: мало ли этихъ развлеченій встрѣтиться можетъ! Но вотъ экипажъ свернулъ изъ аллеи въ сторону, въ черемисскую или чувашскую мѣстность, на станцію, которыя здѣсь не на самой дорогѣ устроены, и доброхотный туристъ имѣетъ случаи наблюдать «туземцевъ».

Почтовая карета летѣла, сколько силъ доставало. Чуваши и Черемиссы робкіе отъ природы и съ-виду какъ-будто оторопѣлые, съ сильной одышкой и скороговоркой отвѣчали на вопросы, съ которыми я время-отъ-времени къ нимъ обращался. Не таковы были Татары: они важно храбрились передъ кѣмъ бы то ни было и мастерски старались поддержать свое достоинство.

Въ центрѣ чувашскаго населенія, въ городѣ Чебоксарахъ, насъ завалили стерлядями едва не саженными, которыхъ, на нашихъ глазахъ, почти живьёмъ положили въ кастрюлю для приготовленія какого-то дешеваго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго лакомаго, блюда. Заглядѣлся я на эту, драгоцѣнную у насъ въ Петербургѣ, рыбку и невольно привелъ себѣ на память одного ученаго путешественника, Китайца, знаменитаго Сянь-пхай, который такъ охотно и съ такою любовію описываетъ всѣ свои завтраки, обѣды и ужины, съ подробнымъ указаніемъ цѣнъ за припасы и всѣхъ ощущеній, волнующихъ обыкновенно въ это время душу гордаго мудреца науки, но не тароватаго путешественника. Вспомнилъ я и ѣхавшаго со мной въ почтовомъ экипажѣ господина, который во все продолженіе пути отъ Нижняго, только и зналъ, что спалъ, ѣлъ и пилъ, жестоко нападая на разные съѣстные припасы, увязанные въ длинномъ мѣшкѣ, и опоражнивая разсованныя по карманамъ разноцвѣтныя фляги съ живительными жидкостями. Во всю дорогу онъ не проронилъ ни одного слова и на всѣ вопросы отвѣчалъ только или поморщиваніемъ бровей, или легкимъ киваніемъ головы. Я ужь рѣшился признать его нѣмымъ, но вѣроятно на моего спутника нашелъ очень веселый часъ: онъ только однажды, во всю дорогу, рѣшился сказать, съ гримасой, въ родѣ улыбки одну фразу.

Я уцѣпился за эту фразу и рѣшился завязать какой-нибудь разговоръ.

— Нѣтъ, я та̀къ, ничего.... про себя! пробормоталъ мой спутникъ повернувшись въ уголъ кареты, и ужь больше рта не разѣвалъ, развѣ-что для пріема пищи.

Гдѣ-то около Свіяжска мы остановились па станціи; я, по обыкновенію, пошелъ впередъ пѣшкомъ по дорогѣ.

— Дядюшка, дядюшка: купи у меня малинки? сказала нагнавшая меня прерастрепанная, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, но прехорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти, много двѣнадцати.

— Мнѣ, душенька не́-вочто выложить.

— Дядюшка, голубчикъ, купи, за гривенку отдамъ.

— Ну, хорошо, изволь, изволь, душенька. Только ягодки ты сама скушай, а вотъ деньги эти снеси домой, сказалъ я, давая ей серебряную монету.

Глазёнки дѣвочки запрыгали-было отъ радости, но скоро они обильно наполнились слезами.

— Эка ты, врешь, нехорошій: ты дай мнѣ гривенку, нашу денежку, да копѣечку, а твоя-то, можетъ, не ходитъ?

— Не бойся, мой другъ, это серебряныя деньги; онѣ ходятъ; тутъ больше гривенки.

— Нѣтъ, неправда, неправда! купи, голубчикъ-дядюшка: дай денежку нашу, а энта не наша! сказала дѣвочка и стала снова вертѣть передъ глазами хорошенькую монетку: и вѣритъ она, и не вѣритъ, своей находкѣ; она съ боязнію смотритъ на меня, а сама такъ и разливается-плачетъ.

Экипажъ, выправившись на станціи, догналъ меня и я долженъ былъ покинуть бѣдную разсказсчицу въ горючихъ слезахъ, оставивъ въ ея рукахъ и монету и малину. Странный здѣсь живетъ народъ: почти подъ самымъ городомъ — люди не могутъ пріучиться къ серебрянымъ деньгамъ, несмотря на то, что въ моемъ кошелѣ увязаны были блестящіе дѣвственные кружки́ новенькаго чекана, недѣли двѣ какъ добытые съ петербургскаго монетнаго двора.

Проѣхавъ Свіяжскъ, городъ пользующійся прекраснымъ мѣстоположеніемъ, и переправившись на ту сторону Волги, мы по отлично-дурной дорогѣ стали шагъ за шагомъ приближаться къ столицѣ царства Казанскаго. Здѣсь надлежало мнѣ остановиться, чтобъ запастись собственнымъ экипажемъ, а извѣстно, что Казань щеголяетъ издѣліемъ тарантасовъ, или, какъ ихъ еще называютъ, тарандасовъ, карандасовъ и долгушъ.

Казань — центръ просвѣщенія всей восточной части Европейской Россіи и потому учрежденіе университета, и значеніе губернскаго города съ одной стороны, а съ другой развитіе коммерческой и промышленой дѣятельности этого края, и перепутье торговли съ Азіей, ставятъ Казань на значительную степень въ-сравненіи съ другими губернскими городами. Но несчастные пожары сгубили благосостояніе ея жителей.

Казань особенно замѣчательна кожевеннымъ производствомъ, въ различныхъ его видахъ; сафьянъ, мыло, свѣчи, воскъ, медъ, китайка— также составляютъ особенности казанской производительности. Но въ кратковременное мое пребываніе здѣсь, для меня любопытнѣе всего были—здѣшніе Татары. Учтивый, красивый, образованный, весьма смышленый народъ, который съ перваго раза поразитъ заѣзжаго жителя столицы всѣмъ, что мы не всегда привыкли встрѣчать въ людяхъ одинаковыхъ съ ними правъ состоянія. Начать съ того, что каждый Татаринъ (и, какъ говорятъ, почти каждая Татарка) съ малолѣтства пріучается къ трудамъ и промышлености, знаетъ грамотѣ,

знаетъ догматы своей вѣры, отчетливо судитъ о своихъ нуждахъ и пріобрѣтаетъ частію теоретическія свѣдѣнія, а частію и практическое примѣненіе заученныхъ въ школѣ истинъ обо всемъ, что можетъ войдти въ кругъ торговой дѣятельности и тѣхъ кто по-богаче и тѣхъ кто по-бѣднѣе.

Татаринъ всегда живетъ своимъ умомъ и, обративъ первый свой трудъ въ наличную деньгу, немедленно переводитъ ее въ товаръ и пускается въ торгъ. Сбывая одно и пріобрѣтая другое, онъ, отъ кусочка мыла и простаго халата, доходитъ до стклянки бѣлилъ, до куска шелковой матеріи, расширяетъ сферу своей дѣятельности далѣе и далѣе, оставляетъ Казань, и съ ношею разныхъ товаровъ пробирается на югъ къ Персіи или далѣе на востокъ, въ Оренбургъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ или Кяхту, разработывать свою Калифорнію въ Сибири, которая, и безъ золотыхъ пріисковъ, щедро вознаградитъ всѣ его труды. Киргизская степь, Бухара, Ташкентъ и другія среднеазійскія владѣнія—вотъ куда онъ навѣрное сбудетъ товары, а промаявшись десятокъ другой лѣтъ въ разныхъ походахъ, онъ пріобрѣтетъ полное право отдыхать на лаврахъ и счастливо доживать жизнь.

Татары въ Казани живутъ хорошо, весьма чисто и весьма опрятно: торговая дѣятельность развиваетъ и продолжаетъ образованіе, начатое въ школѣ, опытность и перенесенныя неудачи укрѣпляютъ правила жизни и потому нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ предпочтеніи, которое чувствуешь себя вынужденнымъ отдать иному мѣщанину-Татарину передъ инымъ русскимъ мѣщаниномъ, купцу-Татарину передъ инымъ русскимъ купцомъ.

Одно, что въ Татаринѣ не нравится, и что неменѣе гадко въ русскомъ человѣкѣ—это все то же безотвѣтное зелено-вино: Татары сивуху пьютъ по-русски, а шнапсъ и пиво хуже сапожника-Нѣмца. Ни законъ Мухаммеда, ни выговоры муллы, ни дороговизна денегъ—Татарина ничто отъ вина не удержитъ.

Въ деревняхъ, въ избѣ у него чисто; въ кускѣ говядины онъ себѣ ни за что не откажетъ, потому-что при оплачиваемыхъ трудахъ имѣетъ возможность побаловать и свой желудокъ здоровою пищей; мало-мальски есть свободное время—и Татаринъ развернетъ свой коранъ, или другую назидательную книгу, и прочитаетъ изъ нея странички двѣ-три въ кругу своего семейства; и это ужь показываетъ, что у него потребности выше и разумнѣе, чѣмъ потребности простаго темнаго человѣка.

Но между деревенскими Татарами встрѣчаются одинъ отдѣлъ, такъ называемыхъ «безлошадныхъ»: пахатныя поля свои и луга они отдаютъ въ наймы другимъ, а сами идутъ въ личныя услуги по городамъ, или живутъ въ работникахъ въ деревняхъ у русскихъ мужиковъ.

Чиновники-Татары ходятъ по нашему, въ обыкновенной нѣмецкой одеждѣ, но когда заунывные распѣвы азанчи съ минарета мечети призываютъ къ молитвѣ, особенно въ полдень пятницы, чиновники-мухаммедане переряжаются и окутываютъ голову чалмою, которая надѣвается очень искусно, такъ чтобъ скрыть отъ постороннихъ взглядовъ неисполненіе устава о томъ, чтобъ брить всю голову.

Татаръ въ Казани тысячъ пять душъ: изъ нихъ человѣкъ сто принадлежатъ къ почетному купечеству, пользуются огромнымъ уваженіемъ и имѣютъ обширный кредитъ.

Казанскіе Татары любятъ щегольнуть древностію такъ-называемой Сумбекиной–Башни, а молва соединяетъ съ этою башнею тьму басень и бездну преданій. Дѣло въ томъ, что она носитъ имя казанской царицы, а русскій художникъ, строившій ее, умѣлъ придать своему произведенію типъ совершенно татарскій; время построенія относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Алексія Михайловича, когда онъ повелѣвалъ учредить закамскую–линію, по всему протяженію ея выкопать глубокіе рвы и разставить сторожевыя башни. Остатки этихъ укрѣпленій существуютъ и понынѣ; но самая мѣстность уже не имѣетъ прежняго значенія. Еще и теперь можно встрѣтить тутъ екатерининскихъ «солдатскихъ-малолѣтковъ», которые уже ступивъ одной ногой въ могилу, доживаютъ свои преклонные годы, пользуясь старинными правами.

У насъ на святой–Руси столько разныхъ наименованій нашихъ сословій, пользующихся одно передъ другимъ привиллегіями, что одно исчисленіе этихъ дѣленій, раздѣленій, подраздѣленій и какъ-будто бы отдѣльныхъ корпорацій, могло бы составить довольно любопытную страницу: такъ на-примѣръ, крестьяне, дворовые люди, обѣльные вотчинники, панцырные бояре, дѣдичные владѣльцы, бѣлопашцы, половники, обѣльные крестьяне, некрасовцы, бобыли, нѣжинскіе Греки, вольные матросы, торговые казаки и многіе другіе, которыхъ и положительные законы отличаютъ другъ отъ друга. Было бы очень интересно, когда бы какой-нибудь досужій юристъ поразработалъ намъ этотъ нетронутый еще предметъ. Еслибъ онъ не пускался даже въ дальнѣйшія изслѣдованія, а ограничился, на-примѣръ, сравнительной таблицей или хоть экстрактомъ статей IV, VII, IX и XIV томовъ Свода Гражданскихъ Законовъ и II и IX томовъ Свода Военныхъ Постановленій—и то бы было уже немаловажной заслугой.

Въ–продолженіе путевыхъ замѣтокъ мнѣ прійдется сближаться и сталкиваться съ казаками въ Сибири; слѣдовательно, мнѣ представится случай принять на себя часть той работы, о которой я только-что сказалъ, и вслѣдствіе этого мнѣ легко будетъ посвятить нѣсколько страницъ казачьимъ сословіямъ въ Сибири, между словъ перечислить вообще всѣ казачьи сословія въ Россіи, и вкратцѣ разсказать о нихъ то̀, что̀ мнѣ самому извѣстно. Распространяясь о казакахъ, я, вѣроятно, ничего не скажу новаго, но все-таки надѣюсь, что трудъ мой не будетъ безплоднымъ...

А между–тѣмъ отправимся дальше въ дорогу.

Отъ Казани до Екатеринбурга ходятъ дилижансы частной компаніи. Но такъ-какъ ѣзды въ почтовыхъ экипажахъ здѣсь не существуетъ, а вѣрныхъ ручательствъ въ удобствахъ пути отъ частныхъ содержателей нѣтъ, кромѣ ихъ тарантасовъ, то многіе и предпочитаютъ дальнѣйшіе переѣзды совершать въ собственныхъ экипажахъ съ гарантіею дешевыхъ «на-водокъ». Это русское тринкгельдъ, выражаемое существительнымъ «на-водка» можетъ доставить всѣ возможныя удобства. Но путешественнику или, употребляя болѣе буднишнее выраженіе, проѣзжающему, а еще проще—ѣздоку, необходимо запасаться отъ Казани до Екатеринбурга, а оттуда отъ одного губернскаго города до слѣдующаго губернскаго города, чаемъ, сахаромъ, кофе, булками, зимой—морожеными щами и пельменями, охотникамъ до лимоновъ—лимонной кислотой (acidum citricum), винной кислотой (acidum tartaricum) и прочими, обычными въ дорогѣ принадлежностями, и даже склад-

нымъ стуломъ или другою подобною мёбелью. Тутъ ужь дѣло инстинкта: что̀ найдешь въ столицахъ или большомъ городѣ, того не найдешь въ крестьянскомъ домѣ, какъ бы оно ни казалось необходимымъ для каждаго.

Новую заботу для дорожнаго человѣка представляетъ стужа зимой и жаръ и духота лѣтомъ. Для того, чтобъ согрѣться, коренастый русакъ обыкновенно прибѣгаетъ къ спиртнымъ напиткамъ; кто по-бѣднѣе—къ простой водкѣ, кто по-богаче - къ «пунштамъ». Чтобъ избавиться отъ жажды, они пьютъ холодную воду, холодный квасъ, холодное молоко—и опять таки спиртные напитки. И то и другое страшно разстраиваетъ и желудокъ и голову, не говоря уже о другихъ печальныхъ послѣдствіяхъ. Самымъ вѣрнымъ и самымъ безвреднымъ средствомъ считаются слѣдующіе два способа.

Отъ стужи. Если путешественникъ сильно прозябъ и продрогъ въ дорогѣ, то онъ долженъ, прибывъ на станцію, но не входя еще въ избу, выпить большой стаканъ холодной воды и уже послѣ этого войдти въ теплую комнату, заплативъ, какъ водится, «тепловое» хозяйкѣ. Отъ жара и жажды—ни подъ какимъ видомъ не пить много холоднаго, а отправляясь со станціи, выпить стакана четыре самаго горячаго чая, не «въ-накладку» какъ здѣсь говорятъ, а «въ-прищелку» или «съ угрызеніемъ». Мнѣ случалось ѣздить даже при +40° Р. и чай въ-прикуску всегда спасалъ меня отъ жажды.

Распростившись сначала съ «Арскимъ-Полемъ» въ Казани и съ его знаменитымъ памятникомъ, поставленнымъ на томъ, будто бы, самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла нѣкогда ставка царя Іоанна-Грознаго, и путешествуя на тощихъ татарскихъ лошадёнкахъ, трусќомъ еле-везшихъ лёгонькій тарантасъ, мы довольно-живописными мѣстами миновали хорошія и дурныя села и деревни, проѣхали городъ Арскъ, заштатный и невзрачный и замѣченный нами только по остаткамъ старинной деревянной крѣпостцы и вступили въ лѣса Вятской-Губерніи, старинной Хлыновской-Области и, какъ кажется, древнее обиталище тѣхъ Шибановъ, или Шейбанидовъ, которые, по мнѣнію одного исторіографа, играли важную роль въ исторіи нашей Восточной-Россіи. Этихъ Шейбанидовъ или Шибанцевъ непремѣнно хотятъ отнести въ Сибирь, точно такъ же какъ и тюменскихъ хановъ. Мы уже имѣемъ доказательства, что Тюмень была по сю сторону Урала (не говоря уже про Хвалынскую-Тюмень). Шейбаниды обитали около Ногайцевъ и около Тюмени, и были въ сношеніяхъ съ Казанью: слѣдовательно ихъ и надо искать тутъ, именно гдѣ-нибудь около Камы. Если мы возьмемъ полуостровъ, образуемый рѣками Умякомъ, Вяткой и Камой, то уже въ этомъ небольшомъ пространствѣ встрѣтимъ и «Старую-Чудь» и «Басурмановъ», между устьемъ Умяка и лѣвымъ берегомъ Вятки залегаетъ такъ-называвшаяся во-времена-о̀ны «Крымская-Степь», Богъ-знаетъ отчего носившая это имя. Отсюда вверхъ по Вяткѣ, немного ниже нынѣшняго города Малмыша—мѣстность извѣстна была подъ названіемъ «Шибанцы» и еще въ началѣ прошлаго столѣтія выстроенный здѣсь острогъ носилъ названіе Шибанскаго: отсюда и Казань, и Тюмень, и Киргизы, и Ногаи, и Волга, и Тоболъ—были близки.

Малмышъ, или Малмыжъ, городокъ Вятской-Губерніи—отрада для ѣдущихъ на собственномъ иждивеніи. Съ-этихъ-поръ они отстраняются надолго отъ всѣхъ задержекъ на станціяхъ, отъ дурныхъ лошадей,

отъ дурныхъ дорогъ и кучи мелочныхъ огорченій, которыя кажутся неизбѣжными въ юдоли сего міра.

Съ-этихъ-поръ путешественникъ уже не знаетъ, что̀ значитъ тонуть въ грязи, что̀ значитъ провалиться подъ мостъ, Порядокъ съ-этихъ поръ начинается такой, какой мы привыкли видѣть только въ столицахъ и между ими. Въ трехъ губерніяхъ, Вятской. Пермской и Тобольской, существуютъ правила, чтобы ямщики были всегда въ форменной одеждѣ, везли возможно-быстро, отъѣзжая со станціи брали записку, въ которомъ часу выѣхали и съ какимъ именно пассажиромъ; на другой станціи они получаютъ удостовѣреніе, что на пути промедленія никакого не сдѣлали, пассажировъ привезли именно тѣхъ, которые обозначены въ подорожной, и жалобъ или неудовольствій отъ нихъ никакихъ на себя не навлекли. Естественно, что при такихъ распорядкахъ нѣтъ никому охоты ѣздить на вольныхъ ямщикахъ, хотя этотъ послѣдній способъ и представляетъ мелочную экономію для разсчетливаго торговца.

Еще въ Вятской-Губерніи начинаютъ попадаться старыя чудскія городища, или притоны кочевыхъ народовъ, строившихъ себѣ валы и рвы по возвышеніямъ, но главнѣйшее мѣстопребываніе ихъ, ихъ городки и горные разработки находятся по ту сторону Камы и въ горахъ Уральскихъ. Населеніе по почтовой дорогѣ довольно незначительно и проѣзжему нѣтъ никакой возможности ознакомиться ни съ Вятчанами и Вятичами, ни съ Вотяками.

Въ небольшомъ Аханномъ городкѣ, переименованномъ въ Оханскъ, мы едва-едва могли добыть себѣ пристанище. Здѣсь начинается уже Пермская-Губернія. Первое впечатлѣніе всегда важно ; и человѣкъ, впервые пустившійся въ дальную дорогу, перетерпѣвъ скуку и вдоволь настрадавшись тоской, думаетъ себѣ :

— Вотъ я теперь ровно за двѣ тысячи верстъ отъ Питера; мнѣ остается еще столько, да еще пол-столько. Что̀ же я долженъ встрѣтить въ Перми, за Пермью, итакъ далѣе? Вѣроятно дичь страшнѣйшую.

Но каково же будетъ удивленіе нашего туриста, когда переступивъ ногой на ту сторону Камы, онъ почувствуетъ, что вступилъ въ какое-то новое царство, о благоденствіи котораго у насъ, кажется, и понятія не имѣютъ. Пермская-Губернія тянется изъ конца въ конецъ на 700 верстъ; земли ея можно раздѣлить на три категоріи: государственныя, обитаемыя государственными крестьянами; Государевы, составляющія горный уральскій округъ и подчиненныя Кабинету Его Императорскаго Величества, и земли частныхъ владѣльцевъ, на правѣ или посессіонномъ, или вотчинномъ. Центръ соединенія властей и всѣхъ гражданскихъ отправленій первой и третьей категоріи, за исключеніемъ частнаго заводскаго управленія, есть городъ Пермь; а средоточіе властей второй категоріи, равно какъ и управленіе частными заводами — есть городъ Екатеринбургъ. Самъ-по-себѣ городъ Екатеринбургъ есть горный-городъ, имѣющій собственное свое, утвержденное положительными законами, управленіе, а въ-отношеніи всей сферы общаго губернскаго управленія онъ — уѣздный городъ Пермской-Губерніи.

Это раздѣленіе Пермской-Губерніи на три отдѣла, и система управленія каждаго изъ нихъ на собственныхъ, сообразныхъ съ обстоятельствами началахъ, столь отличныхъ отъ началъ барщинскаго управленія крестьянами (мы говоримъ здѣсь только про большинство, про

народъ въ массѣ, что жь касается до высшаго сословія — дворянства и чиновничества то оно во всей Россіи стоитъ на одинаковой степени совершенства, какъ въ столицахъ, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, безъ малѣйшаго различія), даетъ Пермской-Губерніи совершенно-отличный характеръ: грамотность, просвѣщеніе, зажиточность, довольство, — здѣсь явленіе нерѣдкое и встрѣчаемое на каждомъ шагу.

VI.

Пермь и Екатеринбургъ.

Что за прелестный городъ Пермь, когда въ него въѣзжаешь. Во-первыхъ—застава: это два высокіе столба, соединенные между собою чугунною цѣпью, подъ которой можетъ пройдти, не наклоняясь, самъ Колоссъ-Родосскій. На вершинахъ этихъ столбовъ сидитъ по орлу, а у подножія стоитъ по медвѣдю; чрезвычайно-живописно! Къ заставѣ прилегаетъ обширный лугъ, окаймленный длиннымъ бульваромъ: это тоже эффектно. Съ противоположной стороны стоятъ красивыя зданія, стройнымъ рядомъ вытянувшіяся въ линію и рекомендующія собою прочихъ своихъ братій, размѣщенныхъ внутри самаго города. Богатая чугунная рѣшетка больницы, выстроенной съ большимъ вкусомъ, явно говоритъ о наклонности Пермитянъ или Пермичъ къ изящному, въ противоположность Пермякамъ, которые все-еще тяжело поддаются успѣхамъ цивилизаціи. Первое впечатлѣніе, производимое первымъ шагомъ въ Пермь, дѣйствительно возраждаетъ надежды видѣть чѣмъ дальше тѣмъ лучшія зданія. Но...

Что за противоположное этому впечатлѣніе вселяетъ городъ Пермь, когда въ него въѣдешь. Это не тотъ городъ, который въ-старину назывался Великою-Пермью, какъ утверждаютъ иные; это было мѣстечко, маленькое заселеніе, которое сначала принадлежало къ такъ-называемымъ строгоновскимъ *вотчинамъ*, но такъ-какъ въ древнія времена у Строгоновыхъ не было тутъ никакой вотчины, а были арендныя имущества, то и это мѣсто отошло въ вѣдѣніе казны. Императрица Елисавета Петровна подарила его канцлеру графу Воронцову, а при Екатеринѣ II мѣстечко это полюбилось одному важному сіятельному человѣку, онъ и донесъ Государынѣ, что пунктъ этотъ очень важенъ и долженъ быть, вмѣсто Чердыни, средоточіемъ намѣстничества. Мѣстечко получило названіе Перми и значеніе главнаго города пермскаго намѣстничества. До-сихъ-поръ Пермь не имѣетъ никакого значенія; то, что должно обусловливать существованіе какого бы то ни было города, здѣсь не существуетъ и потому Пермь — только жилище чиновниковъ, составляющихъ губернское управленіе. Большая часть обитателей Перми люди наѣзжіе, а «кондовые», то-есть коренные— или чиновники, или посадскіе, успѣвшіе обзавестись своимъ домикомъ. Вся промышленость Перми ограничивается канатнымъ производствомъ; торговли—ровно никакой.

Мнѣ случилось однажды пріѣхать въ Пермь вскорѣ послѣ пожара, истребившаго большую часть города. Это было въ томъ же несчастномъ году, когда сгорѣла Казань и другіе города.

Меня привезли къ какому-то «дворнику», то-есть содержателю постоялаго двора и насилу впустили въ комнаты. Время было около ка-

кой-то ярмарки, народа наѣхало множество, да и погорѣлые-то размѣстились по чужимъ квартирамъ; стало и не мудрено, что услужливый дворникъ едва-едва впустилъ меня къ себѣ за«пятитку» съ условіемъ, однакожь, помѣститься, если мнѣ угодно, подъ кроватью, которою заранѣе завладѣлъ уже другой проѣзжій, успѣвшій болѣе меня внушить къ себѣ почтеніе хозяина. Условіе было для меня унизительно, но необходимость починить экипажъ, заставила меня согласиться на все.

Я обязанъ былъ помѣститься подъ чужою кроватью только на ночь; во всякое другое время дня могъ удобно расхаживать по комнатѣ. Чтобъ не воспользоваться чужими, заранѣе абонированными, стульями или скамѣйкой, я велѣлъ принести свой чемоданъ и устроилъ изъ него довольно-удобное сидѣнье. Со мной былъ мой слуга. Надобно и объ немъ подумать. Мѣсто своего ночлега я уступилъ ему, а самъ на ночь отправился къ тарантасъ и очень-спокойно провелъ въ немъ цѣлую ночь.

Честная компанія въ комнатѣ состояла, кромѣ меня, изъ «приказира» (это мѣстное выраженіе, замѣтимъ мы, для читателя), какого-то отставнаго чиновника, жирнаго толстяка-торговца, да человѣкъ пяти, шести молодцовъ, караванныхъ приказчиковъ.

— Чиновники-съ, видно? спросилъ меня приказиръ.

— Чиновникъ-молъ.

— Видно по своей надобности ѣхать изволите?

— По своей-съ.

— На службѣ состоите?

— Нѣтъ.

— Я самъ въ отставкѣ; тугія времена пришли: ученый народъ, видишь, все набираютъ. Оно бы и ничего; я, то-есть, и самъ въ нѣкоторомъ родѣ науки происходилъ, да ужь нѣтъ; прошли блаженныя времена! Туга нынече служба стала, не разживешься больно на маленькомъ мѣстѣ.

— Полно «маргафо̀нить» (лгать), Егоръ Кузьмичъ, перебилъ его одинъ ражій дѣтина: — знамъ мы, что и ты «сгоношилъ» (скопилъ, выгадалъ) не одни «балакири» (горшки) битые.

— Да, чаво тутъ сгоношилъ, сгоношилъ? Ну, сгоношилъ домишко, и деньги были, да обошелъ насъ лѣшакъ — ничего не осталось, все сгорѣло, осталось лишь — «аська» (шапка) на голову, азямъ, да чембары, да бахилы всей одёжи, а про хозяйство одинъ «межеумокъ» (топоръ меньшаго, противъ обыкновеннаго, размѣра)... А что̀, милостивый государь мой: «про̀шку ширкать» изволите?

— Про̀шку ширкать? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Точно такъ-съ, про̀шку ширкать?.. ну, табачокъ нюхать, по-вашему, изволите? Одолжитесь: у насъ табакъ хрускій (крупно-молотый), не уступитъ какому угодно рапе́, снова присталъ ко мнѣ приказиръ, подставляя до̀скань (табакерку).

Я поблагодарилъ за одолженіе.

Пермь обладаетъ всѣми принадлежностями губернскаго города: въ ней есть Палаты, Губернское Правленіе, однимъ словомъ всѣ учрежденія, которыя не могутъ не быть въ губернскомъ городѣ. Есть даже публичная библіотека, какова бы она тамъ ни была незначительна на самомъ дѣлѣ. При тамошней гимназіи есть даже маленькій музеумъ, въ которомъ хранится оружіе, по сказкамъ, при-

писываемое Ермаку. Это именно большое ружье пуда въ полтора, съ рѣзьбою и насѣчками, двѣ чугунныя пушки, одна аршина въ два длины, а другая въ два съ половиною, съ узенькими дулами, и фитиль. Я уже имѣлъ случай въ одномъ мѣстѣ высказать свое мнѣніе объ ермаковыхъ пушкахъ, слѣдовательно, здѣсь довольно сказать, что тутъ дѣло не въ правдѣ, а въ уваженіи, которое народъ питаетъ къ покорителю Сибири.

Въ Пермской и Тобольской-Губерніи нѣтъ зажиточнаго дома, въ которомъ бы не висѣло ермакова портрета, или на холстѣ, или на деревѣ, а бо̀льшею частію на желѣзѣ, на подносахъ. Ермака обыкновенно представляютъ здоровеннымъ, широкоплечимъ дѣтиной, съ быстрыми черными глазами и съ короткой черной окладистой бородой. Можетъ-быть Ермакъ и въ-самомъ-дѣлѣ былъ брюнетъ, а можетъ-быть онъ былъ и блондинъ и заѣзжій по-неволѣ въ Сибирь Нѣмецъ, которому пришла въ голову первая мысль нарисовать первый портретъ Ермака, никакъ не могъ избѣжать необходимости облечь русскаго человѣка иноземными украшеніями. Обыкновенно его снабжаютъ такимъ костюмамъ. На голову ему надѣваютъ красную скуфейку съ золотымъ у лба галунчикомъ, а сверхъ ее натягиваютъ токъ съ завороченнымъ къ верху козырькомъ, а надъ нимъ рисуютъ богатую застежку съ драгоцѣнными камнями. Покорителя Сибири облекаютъ въ верхнее платье, какъ кажется, распашно̀й нанковый халатъ съ узенькими внизу рукавами и съ разрѣзными обшлагами. Изъ-подъ халата выглядываетъ красный кушакъ, а сверхъ халата надѣта кольчуга, но только до половины груди и съ кисточками у плечъ. Изъ-подъ кольчуги у шеи выглядываетъ бѣлая рубаха, сшитая не на русскій манеръ, а сверхъ кольчуги повѣшена золотая цѣпь съ образомъ Божіей Матери. Въ лѣвую руку Ермаку даютъ мечь, у эфеса котораго сдѣлано изображеніе орлиной головы, а въ правую влагаютъ длинное копье. Но съ теченіемъ времени русскіе мастеровые замѣтили неказистость этого фантастическаго наряда и стали замѣнять нѣмецкую шапку съ козырькомъ простымъ шишакомъ. Много было попытокъ составить болѣе близкій къ истинѣ портретъ Ермака, но изъ всѣхъ ихъ надобно, кажется, отдать предпочтеніе покойному Воронихину, въ извѣстной его картинѣ «Послѣдняя Битва».

Въ бытность въ Перми, мнѣ не удалось собрать свѣдѣніе о количествѣ всѣхъ училищъ въ Пермской-Губерніи. Ихъ должно быть очень-много; если мы сообразимъ, что тамъ, кромѣ обыкновенныхъ вездѣ заведеній, подчиненныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія или духовному управленію, есть еще бо̀льшее число подвѣдомственныхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, Министерству Военному, Министерству Финансовъ и собственно Кабинету Его Императорскаго Величества, что, кромѣ того, на каждомъ частномъ заводѣ есть собственныя свои училища, въ которыхъ всегда довольно учениковъ, что самый родъ занятій главной массы здѣшняго населенія, именно заводское производство, само-собою содѣйствуетъ быстрому развитію душевныхъ способностей человѣка, то послѣ этого не удивительно будетъ видѣть на Уралѣ всю массу народа русскаго въ такомъ благосостояніи, съ такимъ яснымъ взглядомъ на вещи и съ такимъ точнымъ пониманіемъ своихъ правъ и своихъ обязанностей, какихъ дай Богъ найдти хоть бы и въ ближе къ столицамъ лежащихъ губерніяхъ.

Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ слышать гдѣ-нибудь въ подмосковныхъ губерніяхъ отъ людей изъ сословія гораздо выше крестьянскаго, разспросы о подробностяхъ того, «какъ Турки въ прошломъ году Парижъ разграбили» или «какъ индійскій шахъ пріѣхалъ нынче въ вѣнскій университетъ курсы слушать». Съ другой стороны, тамъ уже давно знаютъ, что «король Филиппъ» ужъ не французскій король, что теперь легко въ Римѣ бывать, да папы не видать; тамъ знаютъ эти старыя новости, но не слѣдятъ за ними, какъ за предметомъ чуждымъ и неимѣющимъ ничего общаго съ русскою жизнію. Они слушаютъ эти новости какъ волшебную сказку, пожалуй, покачаютъ головой, скажутъ «вишь ты, парень, дѣло-то како вышло, подумаешь!» И, не думавъ нисколько, опять всѣ принимаются за исполненіе своихъ обязанностей. Каждая партія поселенцевъ, каждый чиновникъ или приказчикъ, знакомый съ «Московскими Вѣдомостями», передаютъ по-своему чрезвычайныя происшествія.

Проѣзжая Пермскую-Губернію, видишь на каждомъ шагу довольство, чистоту, опрятность и благосостояніе, высшее противъ весьма-многихъ великороссійскихъ губерній.

Пермская-Губернія представляетъ площадь въ пять разъ болѣе площади Воронежской-Губерніи (6,000 и 1,200 кв. миль), и почти при одинаковой цифрѣ народонаселенія (около мильйона шести сотъ тысячь душъ обоего пола) она, сравнительно, въ пять разъ менѣе населена, чѣмъ Воронежская-Губернія (въ первой считается 261 человѣкъ на одну квадратную милю, въ послѣдней 1,372 человѣка на ту же единицу). Скота въ ней считается до двухъ съ половиною мильйоновъ головъ. За удовлетвореніемъ всѣхъ внутреннихъ потребностей населенія хлѣбомъ и картофелемъ, котораго здѣсь снимается до полуторыхъ сотъ тысячь четвертей, въ Пермской-Губерніи выкуривается вина на сумму свыше 400,000 рублей серебромъ. Кожевенное производство представляетъ въ итогѣ цифру около 700,000 руб. сер.; пчеловодство даетъ около 150,000 руб. сер. дохода; соли вываривается болѣе чѣмъ на мильйонъ рублей серебромъ; въ 1846 году (къ которому также относятся настоящія замѣтки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ цифры здѣсь и далѣе помѣщенныя) въ Пермской-Губерніи выдѣлано желѣза почти на одиннадцать мильйоновъ, мѣди выплавлено на 400,000, драгоцѣнныхъ металловъ добыто на сумму около 1,300,000 рублей серебромъ. Здѣсь ни звѣроловство, ни добыча драгоцѣнныхъ камней, ни другіе промысла не входятъ въ разсчетъ за неимѣніемъ свѣдѣній.

Переѣздъ черезъ Уралъ по дорогѣ, которая достоинствомъ своимъ нисколько не уступитъ нашему московскому шоссе, переѣздъ этотъ былъ совершенъ мѣстностію, которая заставляла забывать возгласы о величественной красотѣ швейцарской природы. Если иногда и случалось думать объ этомъ предметѣ, то какое-то невольное чувство говорило, что серьёзный съ вида русскій крестьянинъ, чисто и опрятно одѣтый, молодцоватѣе и умнѣе любаго Нѣмца; что бѣлокурая или черноглазая Кержачка, радушно услуживающая путнику всѣмъ по-возможности, красивѣе рыженькой Нѣмочки Рейна; что самое солнышко русское, пригрѣвающее благотворными своими лучами русскія нивы, свѣтитъ, должно-быть, отраднѣе, чѣмъ то, которое свѣтитъ надутому своею кропотливостью Германцу; что, наконецъ, необъятные русскіе лѣса съ ихъ вѣковыми кедрами, соснами, съ медвѣдями и соболями, какъ-то больше и понятнѣе говорятъ русской

душѣ, чѣмъ всѣ эти сады и рощицы, въ которыхъ рука ученаго садовника изнасиловала природу и все живое подчинило безтолковымъ формальностямъ и стѣснительнымъ, безъ нужды, условіямъ.

Но оставимъ въ сторонѣ великолѣпіе природы, не станемъ обращать вниманія на чудные виды въ горахъ уральскихъ: житье-бытье здѣшняго населенія представляетъ многія весьма-утѣшительныя стороны. Въѣзжайте въ любое селеніе, войдите въ любую избу и вы нигдѣ не найдете домохозяина, который съ угрюмой физіономіей, съ понуренной головой, безмолвно стоялъ бы предъ вами. Васъ встрѣтитъ и дружески станетъ привѣтствовать здоровый, плотный мужчина съ веселымъ лицомъ; онъ самъ сядетъ тутъ же съ вами и заведетъ умныя рѣчи о томъ, что̀ только входитъ въ сферу его обычной дѣятельности. И это же самое вы найдете по всему пути черезъ Сибирь. Каждый домъ свидѣтельствуетъ о довольствѣ и зажиточности; каждое селеніе свидѣтельствуетъ о порядкѣ и благочестіи; на заводахъ встрѣтите образованіе не въ однихъ управляющихъ изъ заѣзжихъ Англичанъ или Русскихъ отставныхъ чиновниковъ, но и въ тѣхъ лицахъ, которыя принадлежатъ къ собственно такъ-называемому сословію заводскихъ людей. Въ селеніяхъ вездѣ встрѣтишь сельскія пожарныя команды. Желѣзныя дороги на Уралѣ давно не новость; конечно, онѣ не предназначены для перевозки пассажировъ, а только для доставки грузовъ руды, и безъ паровыхъ машинъ, но примѣненіе ихъ къ дѣлу въ Сибири было сдѣлано гораздо прежде, чѣмъ подумали объ этомъ въ Великороссіи. Какъ давно существуютъ желѣзныя дороги на Уралѣ, я утвердительно сказать не могу, но знаю навѣрное, что въ 1821 году небольшая чугунная дорога существовала уже въ далекомъ Алтаѣ, въ Колыванской-Области; протяженіе ея было невелико, всего отъ Змѣиногорскаго-Рудника до завода этого же имени почти двѣ версты. Работы производились въ-теченіе пяти лѣтъ, съ 1816 года и каждая верста обошлась въ 6,000 руб. асс. Такія же дороги есть и въ самомъ Екатеринбургѣ, и близъ Екатеринбурга на кабинетскихъ березовскихъ золотопромывательныхъ фабрикахъ, гдѣ механическія усовершенствованія оставляютъ далеко назади за собою тѣ устройства, которыя существуютъ на частныхъ сибирскихъ золотыхъ пріискахъ.

Съ Урала и далѣе въ глубь Сибири начинаются разспросы и разговоры о золотѣ, о новыхъ открытіяхъ въ золотопромышлености, о новыхъ подвигахъ разныхъ громогласныхъ золотыхъ компаній.

Переступивъ Уралъ и спустившись ужь на восточные его склоны, мы подъѣхали къ Екатеринбургу.

— Куда же ты меня привезешь, ямщикъ?

— Куда захо̀тите сами: по золотому съ рыла съ обѣдомъ на̀-день давать мо̀гите—такъ мы васъ къ Тальянцу Фрати, а коли по золотому въ недѣлю съ обѣдой и ужиной, со всѣми харчами—такъ на постоялый, къ христіанскимъ людямъ; я васъ приставлю къ красавонькѣ-дворничихѣ. А не то—есть кандитерская съ нумерами, тамъ все чистый народъ изъ Питера стоитъ; хозяинъ чиновникъ; останетесь довольны.

— Ну, вези къ этому.

Комнаты, занятыя мною, были съ балкономъ и выходили на бульваръ, который отсюда тянется до самой заставы и въ лѣтніе вечера доставляетъ жителямъ весьма-пріятное мѣсто для прогулки.

Въ это время, въ Екатеринбургѣ не было ни холеры, ни другихъ повальныхъ болѣзней; но городъ не менѣе того находился въ тревожномъ состояніи, отъ разныхъ слуховъ о пожарахъ, заставлявшихъ жителей какъ-можно осмотрительнѣе наблюдать за своимъ хозяйствомъ.

Поддавшись тому же вліянію и притомъ имѣя при себѣ порядочно-толстый портфёль чужихъ кредитныхъ билетовъ, я считалъ себя вовсе не въ завидномъ положеніи.

— Что, былъ у васъ пожаръ? спросилъ я прислужника гостинницы.

— Нѣтъ еще-съ; пока насъ Богъ миловалъ.

— Вѣдь у васъ, я чай, пожарная команда надежная?

— Надежная-то—надежная-съ, да намъ-то оттого не легче, хоть и знаешь, что пожаръ отстоятъ.

Въ Екатеринбургѣ и окрестностяхъ есть нѣсколько пожарныхъ командъ разныхъ управленій: одна городская, на общепринятомъ во всѣхъ городахъ основаніи; другая, болѣе подходящая къ столичнымъ усовершенствованіямъ — это пожарные кабинетскіе, при гранильной и шлифовальной фабрикахъ, стоимость которыхъ, при кладовыхъ, наполненныхъ драгоцѣнностями, неоцѣнима; третья, наконецъ, пожарная команда принадлежитъ къ сосѣдственному съ Екатеринбургомъ, верстахъ въ двухъ-трехъ, частному Верхъисетскому-Заводу г. Яковлева.

Располагаясь на ночь, мой лакей запасся новенькой коробочкой спичекъ мѣстнаго произведенія съ толстыми зелеными головками; въ комнатѣ на всякій случай поставилъ онъ полное ведро воды, а мою шкатулку съ деньгами положилъ себѣ въ изголовье.

— Смотри же, Никита (говорилъ я ему), не проспи пожара; я усталъ сегодня, и меня ничѣмъ не разбудишь; а ты, кажется, очень-чутокъ.

— Да ужь будьте спокойны, сударь: я-ль не молодецъ на разныя этакія?..

Скоро все погрузилось въ глубокій сонъ... но середи ночи, въ страшной темнотѣ, робкіе стоны раздались въ моей комнатѣ.

— Батюшка!.. отецъ родной!.. горитъ!.. бѣда!.. такъ и пышетъ. Убѣжимъ скорѣй.

— Кто тутъ? спросилъ я, немного очнувшись.

— Отецъ родной! вставайте, горимъ... посмотрите—кругомъ огонь!.. Уйдемте!

Я узналъ голосъ Никиты и вскочилъ съ постели. Изъ оконъ по одну сторону дома — зги было не видать, изъ противоположныхъ — предъ нами огромное зарево пожара. Говоръ народа по улицѣ, стукъ барабановъ, перемѣшиваемый съ трещотками пожарныхъ и тихимъ звономъ набата, производили потрясающее вліяніе. Опасность была ближе, чѣмъ мы полагали: скоро мы въ собственныхъ комнатахъ почувствовали запахъ сѣрнаго дыма, а въ передней комнатѣ на насъ хлынули цѣлые волны воды.

Переполохъ постигъ насъ неожиданно и невзначай: и господинъ и лакей были ошеломлены и съ просонья и со страха, но это все-таки не помѣшало мнѣ засвѣтить свѣчу.

— Гдѣ свѣча, Никита?

— Не знаю, батюшка, ужь съ полчаса ищу, отъискать не могу, отвѣчалъ онъ, суя мнѣ въ руки коробочку со спичками.

Я сначала и не замѣтилъ, что спичекъ было уже немного, на донышкѣ; «шоркнулъ» одну — только щолкнуло, бросилъ; дернулъ дру-

гою — только запахло, но свѣту не дало, бросилъ; взялъ третью — та переломилась, бросилъ—давай четвертую — но она вспыхнула и тутъ же потухла; опять бросилъ. Въ-торопяхъ я перебралъ ихъ до полсотни, но все огня не добылъ.

Чадъ и сѣрный запахъ увеличивался; въ комнатѣ стало удушливо; темнота мѣшала исправить туалетъ въ порядкѣ, чтобъ прилично выйдти на улицу; вдругъ Никита разревѣлся какъ ребенокъ, объявивъ, что шкатулка съ деньгами пропала... Этого только недоставало!

Зарево усиливалось; колокола гудѣли; барабаны били; трещотки трещали....

Лужи воды быстро распространялись по всѣмъ комнатамъ; я вспомнилъ про завѣтные петербургскія спички въ сигарочницѣ и въ одно мгновеніе вся комната озарилась свѣтомъ стеариновой свѣчи съ мѣстнаго завода. Въ другой комнатѣ открыли форточку, чтобъ освѣжить воздухъ и тутъ только нашли разрѣшеніе задачи: чадъ былъ отъ цѣлой коробки спичекъ, недающихъ, кромѣ запаха, ничего; волны воды дѣйствительно обдали насъ изъ опрокинутаго Никитой полнаго ведра; а шкатулка съ деньгами стояла, какъ живая, на столѣ передъ диваномъ.

На улицѣ тоже все смолкло; мы вышли на бульваръ и встрѣтили бѣгущихъ и скачущихъ городскихъ пожарныхъ; по вскорѣ узнали, что ночью загорѣлся-было какой-то домишко у пруда, но яковлевская команда давно прекратила пожаръ и уѣхала домой...

Много послѣ этого смѣялись мы надъ собственною прыткостію, только не во-время, и не тамъ, гдѣ нужно владѣть собой.

Такъ прошло и все лѣто и осень для Екатеринбурга: пожаровъ не было.

Въ Екатеринбургѣ особенное вниманіе привлекаютъ монетный дворъ и гранильная и шлифовальная фабрики. У насъ въ Россіи, кажется, только три знаменитости этого рода, три гранильныя фабрики, одна Петергофская, другая Екатеринбургская, третья Колыванская; онѣ занимаются обдѣлкою и артистическою обработкою драгоцѣнныхъ и разноцвѣтныхъ камней, и находятся въ вѣдѣніи Кабинета Его Императорскаго Величества.

Все, что есть драгоцѣннаго по части горныхъ породъ въ Императорскихъ дворцахъ, эрмитажѣ, хранилищахъ и кладовыхъ, все это издѣліе русскихъ артистовъ и русскихъ художниковъ. Вазы, урны, чаши, камеи, все это произведеніе и русской природы, и русскаго ума, и русской руки. Кому неизвѣстны гигантскія чаши, вырѣзанныя изъ одного куска камня и выдѣланныя въ колыванскомъ заводѣ и въ Екатеринбургѣ въ-теченіе нынѣшняго столѣтія: каждая изъ нихъ составляетъ восьмое чудо и превосходитъ своею громадностію и художественностію все, о чемъ трубятъ намъ въ чужихъ краяхъ. Камеи екатеринбургской работы ни въ чемъ не уступаютъ римскимъ камеямъ. И въ этомъ отношеніи, конечно, первенство надобно отдать Екатеринбургу: этотъ городъ заселенъ артистами и художниками. Малѣйшая работа ихъ чужда ремесленности; каждый камешекъ, каждая сережка, каждая мозаика говоритъ, что надъ ними трудилась рука вдохновеннаго, сочувствующаго изящному художника.

По общему понятію большинства, художества только и можно найдти, что въ Петербургѣ въ Академіи Художествъ, да въ Италіи на каждомъ перекрёсткѣ; толпѣ неизвѣстны доморощенные артисты изъ

Сибири: оно и не удивительно. У насъ, въ верстѣ отъ Петербурга, есть цѣлая колонія артистовъ подобнаго рода, а многіе ли о нихъ знаютъ. Не исчисляя многаго, укажемъ только на кабинетскій же Фарфоровый Заводъ: сколько только въ одномъ этомъ заведеніи можно насчитать истинныхъ артистовъ. На Стеклянномъ-Заводѣ—то же самое; на Шпалерной-Мануфактурѣ, гдѣ въ недавнее время прекращено производство гобеленевскихъ издѣлій, есть также работы, которыя стоятъ несравненно выше ремеслъ. Наконецъ въ Петергофѣ, гдѣ перебывалъ цѣлый Петербургъ неоднократно, многимъ ли знакомы филограновыя работы на тамошней фабрикѣ.

Въ Екатеринбургѣ пріобрѣлъ я между прочими вещами большую топазовую печать и заказалъ вырѣзать на ней гербъ одного петербургскаго знакомаго. За печать взяли съ меня, кажется, десять, да за вырѣзку пятнадцать рублей серебромъ. Работу, подобную екатеринбургской, я видѣлъ въ Петербургѣ, но не на камнѣ, а на стали у покойнаго Мозжечкова, извѣстнаго художника. Вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣлъ я необдѣланный кусокъ топаза и пару прелестныхъ чашъ изъ бѣлаго мрамора и за все это заплатилъ рублей десять серебромъ. По возвращеніи въ Петербургъ, мнѣ захотѣлось сдѣлать копіи съ пріобрѣтенныхъ вещей; нашелъ артиста — мраморщика Итальянца гдѣ-то въ Гороховой и рѣщика на камняхъ неизвѣстной націи, но за-то на Невскомъ-Проспектѣ. Итальянецъ съ Гороховой изъявилъ согласіе сдѣлать пару подобныхъ чашъ за 60 руб. сер., предупредивъ, однако, что «такъ чисто нѣту»; рѣщикъ за обдѣлку топаза запросилъ 25 руб. сер., да за вырѣзку герба 75 рублей серебромъ. Но ни тотъ, ни другой не хотѣли повѣрить, чтобъ показанныя мною вещи работали русскіе мужички, заводскіе мастеровые, почти однихъ правъ состоянія съ крестьянами.

Въ общей сферѣ провинціяльныхъ городовъ у насъ повсюду одно утѣшеніе въ жизни, послѣ дневныхъ трудовъ — карты; «король-валетъ-самъ-пятъ», «играю», «репонсъ», «леве», «уголъ», «пароли», — вотъ обычныя фразы обыкновенной семейной компаніи по вечерамъ. Въ Екатеринбургѣ не то: тамъ можно прислушаться здравыхъ понятій о политической экономіи, тамъ съумѣютъ передать новѣйшее изобрѣтеніе какого-нибудь французскаго ученаго, тамъ образуются даже партіи литературныя: одни стоятъ за «Современникъ», другіе недопускаютъ, чтобъ могъ существовать журналъ умнѣе «Библіотеки», третьимъ нравятся «Отечественныя Записки», но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ читателей замѣтно рвеніе прочесть прежде всего отдѣлъ наукъ и художествъ, а это, сколько извѣстно, очень-хорошій масштабъ для измѣренія степени образованія даннаго лица.

Въ недавнее время мы получили письмо отъ одного изъ нашихъ екатеринбургскихъ знакомцевъ, прямаго русскаго купца, съ бородой и съ мильйонами. Заимствуемъ изъ этого письма слѣдующія строки, чтобъ передать по возможности свѣжія новости о современной общественной жизни Екатеринбурга и этимъ закончить нашу замѣтку. Письмо писано отъ 21 января 1849 года.

«Чтó вамъ написать о нашемъ Екатеринбургѣ? Онъ все тотъ же. «Холера, перешагнувъ черезъ Уралъ, посѣтила и насъ; многихъ знакомыхъ проводили мы въ послѣдній пріютъ—могилу; въ числѣ ихъ «и ветеранъ временъ суворовскихъ *... сложилъ свою головушку. Въ «октябрѣ опасность прошла и все приняло прежній видъ.

«Нынѣшній зимній сезонъ у насъ замѣчателенъ усиленнымъ набѣ-«гомъ артистовъ разныхъ искусствъ, акробатовъ, вольтижеровъ и «проч., и проч., и проч., такъ-что не даютъ перевести духа. *Таковое* «нашествіе на наши карманы производитъ большое опустошеніе въ «*оныхъ*. Чего у насъ здѣсь нѣтъ? Христіани, віолончелистка, Пуччи, «пьянистъ, Гверра, волтижеръ, Калабрійцы музыканты, панорама, ко-«смората, акробаты, фокусники ученики Боско... не говорю уже о те-«атрѣ, который не прерываетъ своихъ представленій. Пожалѣйте о «насъ, безъ защиты остающихся противъ такого натиска иноплемен-«никовъ! На-дняхъ все это ѣдетъ пожинать лавры и загребать рус-«скія деньги по всей Сибири, до Иркутска, даже до Кяхты.

«Зима у насъ нынче самая здоровая, русская: въ декабрѣ были постоянные морозы; часто доходило до—35° Реом., чего давно здѣсь не бывало...»

VII.

Тобольскъ.

Дорога изъ Екатеринбурга въ глубь Сибири совершается двумя путями: главный путь пролегаетъ или черезъ города — заштатный Далматовъ и уѣздные Шадринскъ и Ялуторовскъ на Тюкалинскъ, заштатный же городъ, и оттуда на почтовую дорогу въ предѣлахъ Томской-Губерніи,—или на Тюмень, а оттуда на Тюкалинскъ, и такъ-далѣе. Этимъ путемъ слѣдуютъ караваны съ чаями и съ другими товарами и всѣ проѣзжающіе, не имѣющіе надобности ни въ Тобольскѣ, ни въ Омскѣ. Отъ Екатеринбурга до Тюмени обыкновенно ѣздятъ безъ подорожныхъ и все сельское населеніе промышляетъ извозомъ. Дѣйствительно, благосостоянію здѣшняго края нельзя не подивиться и житьёмъ-бытьёмъ крестьянина не налюбуешься. Прекрасные дома, чистое бѣлье, квартира у мужика комнаты въ три-четыре, обѣдъ сытный, здоровый, изъ нѣсколькихъ блюдъ... Невольно вспомнишь про Генриха IV, и про его желаніе, чтобъ его Французики кушали всякій день курицу въ супѣ. Здѣсь два раза въ день чай и говядина — *для* крестьянина необходимость: кто въ скоромные дни не въ-состояніи имѣть куска мяса и рюмки вина передъ обѣдомъ — того зовутъ уже *бѣднымъ*. О нищихъ, какъ мы ихъ понимаемъ, здѣсь не имѣютъ понятія. Лаптей, грязнаго платья, лохмотьевъ, неряшества — здѣсь не встрѣтишь.

На этомъ пути, на той именно его части, которая лежитъ между Екатеринбургомъ и Тюменью, нынѣ устроены привилегированныя вольныя почты частной компаніи, и поселяне, на этой части пути, возить проѣзжающихъ права не имѣютъ. Но возможность возить товары и извозничать по другимъ пунктамъ не можетъ имѣть вліянія на уменьшеніе зажиточности. А богатство почвы и успѣхи земледѣлія еще болѣе поддерживаютъ эту зажиточность.

За Тюменью привилегированныхъ вольныхъ почтъ не вводятъ, такъ-какъ здѣсь это составляетъ главнѣйшій промыселъ сельскихъ обитателей и почти единственный источникъ ихъ благосостоянія.

Собственно почтовый трактъ лежитъ чрезъ Тюмень на Тобольскъ. Я сдѣлалъ шесть концовъ по этому пути и всегда старался избѣгать Тобольска. Впрочемъ, одинъ разъ рѣшился ѣхать превосходной почто-

вой дорогой, и сдѣлать лишнихъ двѣсти верстъ крюка изъ одного любопытства видѣть памятникъ покорителю Сибири.

Въ Тобольскѣ остановиться было рѣшительно нéгдѣ и, благодаря хлопотамъ услужливаго ямщика, кой-какъ успѣлъ я нанять комнату въ тамошнемъ Благородномъ-Собраніи.

Въ Сибири собранія въ губернскихъ городахъ не имѣютъ названія «дворянскихъ», за неимѣніемъ дворянъ—поземельныхъ владѣльцевъ. Тамъ помѣщичьи имѣнія въ-отношеніи къ пространству Сибири и къ ея населенности представляютъ такую же пропорцію, какъ небольшая горошинка къ Александровской-Колоннѣ. Оттого и собранія именуются не дворянскими, а благородными.

Тобольская рыбная площадь, на которую я вышелъ–было подышать чистымъ воздухомъ, заставила меня своимъ страшнымъ зловоніемъ искать другаго мѣста для прогулки. У памятника Ермаку, донынѣ нигдѣ еще въ рисункѣ публикѣ не представленнаго, нестерпимый жаръ отъ палящихъ лучей солнца, заставилъ меня бѣжать и оттуда подальше, чтобъ найдти какую-нибудь отрадную тѣнь. Я пошелъ-было на колокольню, чтобъ посмотрѣть знаменитый углицкій колоколъ, но я такъ уже былъ измученъ, что лѣзть на вышину счелъ за величайшую тягость. Только и видѣлъ, что серебряныя царскія врата, присланныя въ тобольскую церковь Царевною Софіею Алексѣевною.

Въ Тобольскѣ тысячъ десять жителей, мужескаго пола. Изъ нихъ $\frac{1}{4}$—мѣщане; $\frac{1}{10}$—ссыльные; около $\frac{1}{8}$—люди класныхъ чиновъ, дворяне потомственные и личные. Они выписываютъ журналы и газеты и живутъ, какъ обыкновенно живутъ въ губернскихъ городахъ Россіи: утромъ — должность, вечеромъ — карты. Здѣсь семь народныхъ училищъ: гимназія, семинарія, два уѣздныхъ училища, три приходскихъ школы и татарское казачье училище: число учащихся въ годъ доходитъ обыкновенно до 600.

Жителей обоего пола считается (1846 г.) съ небольшимъ 16,000 душъ. Одинъ любитель, пользуясь вѣрными свѣдѣніями, счелъ, что тобольскіе горожане ежегодно потребляютъ: съѣдаютъ — мукй разнаго рода и крупъ около 360,000 пудовъ; однихъ овощей, то-есть, капусты, огурцовъ, лука, рѣдьки и тому-подобныхъ — 120,000 пудовъ; соли — 10,000 пудовъ; быковъ и коровъ—5,000 штукъ; барановъ и телятъ—6,000 штукъ; свиней и поросятъ—13,000 тушъ; рыбы и икры почти на 20,000 рублей сер. Сожигаютъ дровъ болѣе чѣмъ 50,000 саженъ. Выпиваютъ чая (кромѣ сахара) на 30,000 руб. сер,; хлѣбнаго вина и спирта почти до 56,000 ведръ.

Если прикинуть, кто именно изъ общаго числа взрослыхъ людей, юношей, дѣвъ и дѣтей пьетъ хлѣбное вино и поэтому смекнуть, сколько въ этакую душу вливается зелена́-вина, то нельзя не дойдти до убѣжденія, что Тобольскъ, по части заздравныхъ тостовъ, не уступитъ никакому городу. А надобно замѣтить, что иностранное вино, крымское и нѣмецкое (виноградное), мы пропускаемъ за невозможностію собрать свѣдѣній.

О выгодности занятія ремеслами въ Тобольскѣ, мы, пользуясь чужими трудами, именно трудами того же любителя, имѣвшаго возможность узнавать многое, по части городскаго хозяйства, можемъ представить слѣдующія цифры, нисколько не ручаясь за ихъ вѣрность: подобныхъ цифръ собрать и невозможно; по-крайней-мѣрѣ прилагаемая таблица пояснитъ намъ многое.

Изъ	3	часовщиковъ каждый выработываетъ въ годъ круглымъ числомъ по.	390	р. с.
—	48	столяровъ, каждый по. . .	386	—
—	14	каретниковъ и шорниковъ, каждый	222	—
—	3	живописцевъ	200	—
—	43	кузнецовъ	190	—
	1	оптикъ выработываетъ . .	157	—
Изъ	29	женскихъ портныхъ, каждый выработываетъ	125	—
—	106	вольныхъ писцовъ. . . .	125	—
—	16	булочниковъ и хлѣбниковъ .	106	—
—	11	красильщиковъ.	106	—
—	109	сапожниковъ и башмачниковъ	90	—
—	77	портныхъ и шапочниковъ. .	89	—
—	10	переплетчиковъ	89	—
—	2	коноваловъ.	62	—

Но такъ-какъ па сто рублей серебромъ лицу податнаго сословія прожить безбѣдно въ Тобольскѣ круглый годъ нѣтъ возможности, то каждый изъ нихъ и прибѣгаетъ къ различнымъ занятіямъ, то идетъ въ наймы, то занимается другими ремеслами; то пускается въ торгъ, однимъ словомъ, такъ или иначе, хлопочетъ изъ всѣхъ силъ обезпечить свое существованіе.

Я старался пересчитать здѣсь все, что можно напечатать о Тобольскѣ; но чтобъ вѣрнѣе показать чѣмъ именно Тобольскъ отличается отъ Ковна, Бахчисарая или Охотска, надобно прибавить, что въ немъ, въ Тобольскѣ, находится «Приказъ о ссыльныхъ». Это учрежденіе, которое по высокой цѣли своей должно составлять гордость Россіи, основано въ 1822 году; оно имѣетъ обязанность—вести общій счетъ всѣмъ ссыльнымъ и *собирать о нихъ всѣ нужныя свѣдѣнія* съ того самаго времени, какъ состоится приговоръ о ихъ ссылкѣ; оно одно имѣетъ исключительное право принимать отправляемыхъ изъ Европейской Россіи переселенцевъ и ихъ въ тотъ или другой край обширной Сибири.

Изъ однихъ этихъ словъ надобно предполагать какъ тяжко и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ священно служеніе членовъ Приказа, отъ почерка пера которыхъ зависитъ и участь нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ и благосостояніе края, въ которомъ производится распредѣленіе народонаселенія.

Выѣхавъ изъ Тобольска, я рѣшился проѣхать въ Томскъ, минуя Омскъ, крѣпость и городъ, мѣстопребываніе генералъ-губернатора Западной Сибири.

Гражданское управленіе въ Сибири, со времени занятія за-уральской страны царскимъ войскомъ, 1583 года, или, что будетъ вѣрнѣе, со времени прочнаго водворенія на берегахъ Иртыша, съ 1587 года, было, какъ и вездѣ въ Россіи, воеводское, и подчинялось учрежденному въ Москвѣ Сибирскому Приказу, имѣвшему право судить и рядить, штрафовать и отрѣшать воеводъ. Съ 1710 года этотъ Приказъ уничтоженъ и въ Сибири введено было губернское управленіе. Что были наши воеводы и губернаторы для Сибири,—объ этомъ мы имѣли уже случай ко-

ротенько сказать въ первой части нашихъ «Разсказовъ о сибирскихъ золотыхъ пріискахъ» и здѣсь повторять однажды уже сказанное почитаемъ излишнимъ. Можемъ только прибавить, что во время воеводскаго и прежняго губернаторскаго правленія, до 1736 года, средоточіемъ мѣстной власти былъ Тобольскъ; отсюда разсылались наказы въ другіе города. Въ 1724 году Иркутскъ и Енисейскъ образованы въ видѣ провинцій, оставаясь, однако же, въ зависимости отъ Тобольска, а въ 1736 году было учреждено въ Иркутскѣ, подъ начальствомъ вице-губернатора, особое провинціальное управленіе, отдѣльное отъ губернскаго тобольскаго управленія, которымъ завѣдывалъ губернаторъ. Но главное управленіе Сибирью ввѣрено было вновь возстановленному Сибирскому Приказу, который окончательно закрытъ уже въ 1763 году Въ 1764 году Иркутская Провинція наименована губерніею и управляющій ею сталъ носить званіе губернатора.

При введеніи Общаго Учрежденія о Губерніяхъ, 1775 года, Сибирь была раздѣлена на три намѣстничества, подъ управленіемъ двухъ генерал-губернаторствъ.

1) Тобольское—состояло изъ двухъ областей, Тобольской и Томской. Тобольское-Намѣстничество вмѣстѣ съ Пермскою-Губерніею составляло тобольское генерал-губернаторство.

2) Иркутское — состояло изъ четырехъ областей: Иркутской, Нерчинской, Якутской и Охотской; и

3) Колыванское—заключало въ себѣ весь округъ колыванскихъ заводовъ, почти всю южную часть нынѣшней Западной-Россіи, такъ-что намѣстничества Тобольское и Колыванское шли почти паралельно, одно по сѣверной и средней полосѣ, а другое по южной полосѣ Сибири, иркутское же намѣстничество замыкало ихъ съ востока.

Обоими этими намѣстничествами, Иркутскимъ и Колыванскимъ, управлялъ иркутскій генерал-губернаторъ: безъ–сомнѣнія, наши владѣнія на югѣ Сибири не были тогда такъ обширны, каковы они въ настоящее время; для этого достаточно взглянуть на карту нашей Азіатской-Россіи хоть 1745 года и тогда мы ясно увидимъ, какъ разрослась святая Русь на дальнемъ востокѣ. Ни Китайцы, хитрившіе противъ насъ въ восточныхъ предѣлахъ Сибири, ни Калмыки и Киргизы — на западныхъ, не могли пересилить русской силы. Мы смѣялись надъ тѣми и другими, зная еще съ половины XVI столѣтія, что «въ Китайской Землѣ люди робливы» и помня слова Ѳедора Исааковича Байкова, что «Мунгальцы — людишки добре худы и житье ихъ самое нужное»; мы смѣялись надъ чопорнымъ Алтын-ханомъ, не хотѣвшимъ именовать себя «царскимъ холопомъ» подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, Алтынъ, самъ такой же царь «и холопомъ писатись намъ неподобаетъ!» Мы знали, что ни отъ Алтына, ни отъ Мергеня, ни отъ Лоджана «ни отъ котораго ждать добра нечего», а тихо и исподоволь двигались–себѣ по немногу все впередъ, да впередъ, пренебрегая извѣстіями, что мунгальскіе люди заводятся своими винтовками и бьютъ изъ нихъ «не хуже Русскихъ». «Мунгальскіе людишки» были народъ порядочно воинственный и трусостію ихъ грѣхъ вспомянуть; но они были плохіе дипломаты и не мастера разъигрывать роли Талейрановъ, да Метерниховъ. Разрываемъ архивную пыль, чтобъ позабавить читателя калмыцкой дипломатической перепиской:

«Великому Государю и Великому Князю — Багатиръ Контайша желаетъ здравія!

«Мы здѣсь здоровы и желаемъ вѣдать ты какъ находишься?

«Ты—великій государь, а я—Коптайша, жили мы оба согласно и въ мирѣ.

«Ты—мой отецъ, а я—твой сынъ. О миролюбномъ нашемъ поведеніи слышатъ и знаютъ дальнѣйшіе народы, ибо подданные мои обращаются съ вашими, а ваши съ моими. Они другъ друга не грабятъ, а живутъ мирно.

«Но нынѣ люди ваши, на верху у рѣки Тома наступили войною на нашихъ Керзегаловъ и нѣкоторыхъ взяли въ полонъ.

«Извѣстно ли сіе тебѣ, великій государь?

«Ежели они то̀ учинили по твоему повелѣнію — то прикажи отдать плѣнниковъ безъ выкупа; но буде самовольно — тогда, сверхъ-того, прикажи еще заплатить и намъ штрафъ: они, за каждаго плѣнника, хотя бы былъ и ребенокъ, и десяти только лѣтъ, требуютъ по десяти соболей.

«Ежели ты, великій государь, по милости своей не повелишь, чтобъ отданы были намъ назадъ плѣнники безъ выкупа — то впредь пресѣчется между нами согласіе.

«При семъ посылаются для тебя, великій государь, двѣ рысьи кожи, наручья и двѣ лошади.

«Напротивъ чего прошу прислать мнѣ панцырь, винтовку, четыре пѣтуха индійскихъ и восемь такихъ же курицъ.

«Ежели тебѣ, великій государь, надобно что̀ отъ насъ—то ты отпиши о томъ.

«Вы, четыре воеводы: пропустите пословъ моихъ къ великому государю на Москву: лошадей они взяли отсюда.»

Несмотря на волненія и набѣги, производимые въ прошломъ столѣтіи кочевыми ордами южныхъ степей Сибири, край развивался весьма-успѣшно и къ концу столѣтія Сибирь представляла уже постоянно мирную провинцію русскаго царства. Но такъ-какъ само-собой естественно, что такимъ обширнымъ, такимъ отдаленнымъ и такимъ разнороднымъ краемъ, какова Сибирь, невозможно управлять на тѣхъ же самыхъ началахъ и основаніяхъ, на какихъ управлялись губерніи, прилежащія къ столицамъ имперіи, то постоянныя измѣненія въ гражданскомъ управленіи и припоровлялись къ тому, чтобъ въ-послѣдствіи времени, дать Сибири учрежденія, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующія многообразнымъ условіямъ внутренняго быта ея обитателей.

Во ожиданіи этого вожделѣннаго новаго учрежденія, Тобольское и Иркутское намѣстничества были переименованы въ губерніи, съ присоединеніемъ къ каждой изъ нихъ части Намѣстничества Колыванскаго, которое въ это время было уничтожено, какъ отдѣльный гражданскій округъ, но не какъ округъ земель, составляющихъ принадлежность кабинета. Это было въ 1797 г.

Въ 1803 году новыя нужды края и стремленіе правительства придать болѣе единства въ наблюденіи и сохраненіи благосостоянія цѣлой Сибири послужили поводомъ къ возстановленію званія сибирскаго генерал-губернатора.

Въ томъ же году изъ частей, отошедшихъ изъ бывшаго Колыванскаго Намѣстничества въ составъ Тобольской-Губерніи, образована особая губернія подъ наименованіемъ Томской.

Въ 1805 году изъ части Иркутской-Губерніи, именно, Якутскаго-Края, образовалась отдѣльная Якутская-Область, съ отдѣльнымъ областнымъ

начальникомъ, въ дѣлахъ суда подвѣдомственная прямо Правительствующему-Сенату.

Въ 1812 году издано особое Положеніе для Камчатки и для Охотскаго-Порта: и то и другое подчинялись одному лицу, но это лицо завѣдывало судною частію — какъ *уѣздный* судья, полицейскою — какъ исправникъ, а морскою частію — какъ морской чиновникъ: апелляція и ревизія принадлежали Якутскому Областному Правленію, и уже оттуда дѣла шли въ Сенатъ.

Но Сибирь—велика: отъ Тюмени до Петропавловскаго-Порта, гдѣ тоже живутъ люди, гдѣ тоже надо творить судъ и расправу, гдѣ тоже надо блюсти за правосудіемъ, между этими двумя пунктами населенія десять съ половиною тысячъ верстъ (*)! между Тобольскомъ и Иркутскомъ—три тысячи верстъ! Если генерал-губернаторъ будетъ жить въ Тобольскѣ, ему нѣтъ физической возможности, усмотрѣть что̀ дѣлается въ Иркутскѣ; если онъ будетъ жить въ Иркутскѣ, онъ не будетъ знать того, что̀ дѣлается у Киргизовъ... Это только одинъ изъ многихъ предметовъ неполноты бывшаго сибирскаго управленія.

Наконецъ, благая воля покойнаго Императора призвала въ Сибирь покойнаго Сперанскаго. Этотъ человѣкъ, котораго Русскіе долго будутъ вспоминать за его дѣянія, подробно разсмотрѣлъ всѣ неудобства прежняго раздѣленія Сибири; онъ указалъ на значеніе въ Сибири личной власти единаго генерал-губернатора, на недостатокъ дворянства, на недостатокъ чиновниковъ, на разноплеменность и разнопонятливость обитателей Сибири; что̀ хорошо для заледенѣлаго Якута, то̀ нейдетъ для горячаго Киргиза, что̀ годится для ссыльнаго, то̀ для русскаго сторожила непримѣнимо. Сперанскій указалъ тутъ же на важность и необходимость призрѣнія и руководства къ новой жизни «несчастныхъ», отверженныхъ обществомъ и готовыхъ трудами новой жизни загладить свои заблужденія.

(*) Вотъ цифры постепеннаго распространенія русской населенности въ Сибири.

Въ 1719 году	во всей Сибири считалось . . .	37,096	дворовъ.	
— 1766 —	въ Сибири по сю сторону Енисея.	257,452	души.	
— « —	въ Сибири по ту сторону Енисея	37,599	душъ	
	Всего.	295,051	—	
— 1785 —	въ Сибири до-Енисейской . . .	514,700	—	
— » —	въ Сибири за-Енисейской . . .	375,150	—	
	Всего .	889,850	—	

По пятой ревизіи числилось въ Сибири податныхъ душъ:

	Русскихъ	ясачныхъ	всѣхъ
Въ Западной-Сибири	333,395,	57,062,	390,457.
— Восточной-Сибири	78,750,	127,366,	206,116.
Итого.	412,145,	184,428	596,573.

А по шестой ревизіи.

	Русскихъ	ясачныхъ	всѣхъ
Въ Тобольской-Губерн.	233,759,	26,411,	260,170.
— Томской-Губерніи	209,785,	32,155,	241,940.
— Иркутской —	110,222.	157,900,	268,102.
Итого.	553,766,	216,466,	770,212.

Въ-слѣдствіе этихъ результатовъ ревизіи покойнаго Сперанскаго, Сибири дана была, въ 1822 году, прочная организація. При нѣкоторыхъ измѣненіяхъ (какъ, на-примѣръ, уничтоженіе въ 1838 году Омской Области, учрежденной въ 1822 году), сообразныхъ съ современными требованіями общаго хода дѣлъ, Сибирь въ настоящее время раздѣляется на два главныя управленія, генерал-губернаторства, Западное и Восточное, а за естественную границу одной части Сибири отъ другой взята линія дѣленія водъ обской системы отъ водъ системы рѣки Енисея. Это раздѣленіе представляло всѣ удобства, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Западное генерал-губернаторство, до восточной части котораго будутъ касаться послѣдующія замѣтки, состоитъ изъ двухъ губернаторствъ—Тобольскаго и Томскаго, при которыхъ, въ родѣ, такъ-сказать, инстанціи, существуютъ особыя учрежденія—губернскіе совѣты, а при генерал-губернаторѣ, въ качествѣ такой же инстанціи—совѣтъ главнаго управленія. То же самое и въ Восточной-Сибири. Она состоитъ изъ губерніи Енисейской и Иркутской и изъ Якутской-Области; кромѣ-того, Охотскій-Край и Полуостровъ-Камчатка образуютъ два особыя приморскія управленія—охотское и камчатское, а по пограничной чертѣ съ Китаемъ учреждено особое пограничное управленіе, троицко-савское.

Площадь Западной-Сибири занимаетъ пространство почти въ два мильйона квадратныхъ верстъ, или 40,000 квадратныхъ миль, или нѣсколько болѣе, чѣмъ вся Франція вмѣстѣ съ Португаліей, Испаніей, Австрійской Имперіей и Пруссіей; но на всемъ этомъ пространствѣ не болѣе полутора мильйона жителей (*).

(*) Тобольская-Губернія лежитъ по-ту сторону Уральскаго-Хребта. Она граничитъ къ сѣверо-востоку и востоку съ Енисейскою-Губерніею, къ востоку и юго-востоку съ Томскою-Губерніею, къ югу съ внѣшними округами Средней-Киргизъ-Кайсачьей-Орды, къ западу съ Оренбургскою, Пермскою, Вологодскою и Архангельскою-Губерніями, а къ сѣверу съ Ледовитымъ-Моремъ.

Жителей въ ней считается около 850,000 душъ обоего пола и въ томъ числѣ 72,000 инородцевъ.

Пространство девяти округовъ ея (мы здѣсь располагаемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ, смотря по степени общаго плодородія земель) таково :

1. Ишимскій . . .	около	36,000	квадратныхъ	верстъ.	
2. Омскій	»	51.000	»	»	
3. Ялуторовскій.	»	18,000	»	»	
4. Курганскій . .	»	20,000	»	»	
5. Тобольскій. . .	»	94,000	»	»	
6. Тарскій	»	115.000	»	»	
7. Тюменскій. . .	»	16,000	»	»	
8. Туринскій . . .	»	85,000	»	»	
9. Березовскій. .	»	765,000	»	»	Площадь этого одного уѣзда почти равняется площади Австрійской Имперіи вмѣстѣ съ Прусскимъ - Королевствомъ.
Всего		1.200,000	»	»	

Въ Тобольской-Губерніи около 200 волостей, около 120,000 дворовъ и 503 разнаго рода питейныхъ заведеній.

VIII.

Бараба.

Чтò за тоска, и чтò за мученье ѣхать степями отъ Тобольска до Томска! Ѣдешь день, ѣдешь два, ѣдешь недѣлю—и все одно и то же и, кромѣ раскинутыхъ селеній на дальнихъ разстояніяхъ одного отъ другаго—не встрѣчаешь ничего. Дорога хороша, травы гигантскаго роста; но вѣдь это нисколько не утѣшаетъ путника, которому хотѣлось бы лѣса, горъ, хорошенькихъ пейзажей и, главное, удобствъ въ дорогѣ. А какія здѣсь удобства? Лѣтомъ народъ на полѣ, да на сѣнокосѣ, въ домахъ почти никого, кромѣ ребятъ, да стариковъ; куры не несутся, коровы молока не даютъ, «свѣжинки» (свѣжаго мяса) добыть негдѣ, и держишь невольный постъ!

Но зато, чтò за раздолье глазу: ѣдешь, ѣдешь, конца нѣтъ дороги, а виды одни и тѣ же: зеленая степь и голубое небо; это очень здорово и укрѣпляетъ зрѣніе. Глазъ обхватываетъ пространство верстъ на сорокъ кругомъ и ни вчера, ни сегодня, ни завтра не замѣтитъ никакого разнообразія въ природѣ: развѣ что версты, да мелкіе лѣса нарушатъ повременамъ это единообразіе.

Степи идутъ до Оби отъ самой Волги. Пространство къ лѣвому берегу Волги на югъ отъ Самары, по направленію рѣки Урала, прежняго Яика, называлось въ-старину «Яицкою-Степью», пространство къ лѣвому берегу Иртыша есть «Киргизская-Степь»; часть ея, прилегающая съ юга къ рѣкѣ Ишиму, а съ сѣвера къ Тоболу—«Ишимская-Степь»; между Иртышомъ и Обью—«Барабинская-Степь»; та часть ея, которая занимаетъ пространство къ югу отъ Озера-Чановъ и примыкаетъ къ Кулундинскому-Озеру, носитъ названіе «Кулундинской-Степи», а между Омскомъ и Семипалатинскомъ—«Иртышская-Степь», названіе недавно замѣнившее названіе «Телеутской-Степи».

По направленію этихъ-то степей и разметывались наши разгульныя ватаги съ береговъ Волги; однѣ изъ нихъ, подъ предводительствомъ Ермака, кинулись въ Ишимскую-Степь и были причиною завоеванія Сибирскаго-Царства; другія, подъ предводительствомъ Нечая, бросились въ Степь-Яицкую. У прямыхъ потомковъ этихъ послѣднихъ искателей приключеній, у нашихъ уральскихъ казаковъ, доселѣ живутъ въ памяти народной первые походы яицкихъ казаковъ въ Хиву для похищенія новыхъ Сабинянокъ; преданіе объ этомъ передалъ намъ и хивинскій историкъ, Абульгазы.

Когда Русскіе укрѣпились на Тоболѣ и Иртышѣ и, спустившись по немъ внизъ, ознакомились съ Обью, на которой въ 1593 году построили городокъ Сургутъ, то дальнѣйшія завладѣнія свои распространяли по прежнему—по теченію рѣкъ. Объясачивая Сургутскихъ-Остяковъ и поднимаясь по Оби все выше, да выше, Русскіе нашлись въ необходимости выстроить для себя новое мѣсто для складки драгоцѣннаго ясака, уже подальше Сургута; и для этой цѣли, въ 1595 году, они срубили городокъ Нарымъ, входящій нынѣ въ составъ Томской-Губерніи. Ограничиваться Нарымомъ не стоило:—мы тогда же поднялись по Кети и отсюда распространили свое могущество къ югу до самой рѣки Томи.

Въ годъ окончательнаго разгрома кучумовыхъ скопищъ (1598) Русскіе утвердили свою власть въ Барабинской-Степи, въ западной половинѣ нынѣшней Томской-Губерніи. Въ это же время Нарымскіе-Остяки, страдая отъ притѣсненій казаковъ, возмутились противъ насъ, по наущенію князца Басарги; но, благодаря вѣрности одного Остяка, заговоръ былъ открытъ: Басаргу съ десятью товарищами повѣсили, «а лучшіе люди биты кнутцомъ». Кетскій воевода Посникъ-Бѣльскій, усмиривъ ихъ, сталъ пробираться далѣе къ востоку и обложилъ ясакомъ племена, обитавшія по рѣкѣ Чулыму. То пространство, которое заключалось между правымъ берегомъ Оби и лѣвымъ берегомъ Чулыма, оставалось еще самостоятельнымъ, будучи густо заселено воинственными и сильными племенами, южнѣе которыхъ обитали могущественные Монголы.

Между этими самостоятельными пока племенами, было одно племя Татаръ-Эуштинскихъ, занимавшихъ берега рѣки Томи. Предводитель ихъ, князецъ Тоянъ, окруженный со всѣхъ сторонъ Русскими, сблизился съ ними сперва какъ съ простыми знакомцами, потомъ какъ съ своими повелителями; обычный обмѣнъ подарковъ съ обѣихъ сторонъ обратился въ постоянную дань со стороны Тояна и, въ-слѣдствіе этого, дѣло дошло до того, что Царь Борисъ Годуновъ, въ 1604 году, получилъ всеподданнѣйшее прошеніе томской волости князя Тояна о томъ, чтобъ Государь пожаловалъ—позволилъ ему быть подъ царскою высокою рукою, и въ вотчинѣ его, въ Томи, велѣлъ поставить городъ «мѣсто-де въ Томи угоже и пашенныхъ людей устроити мочно: тогда всѣ кочевныя волости станутъ ясакъ платить, а про государевыхъ непослушниковъ, онъ Тоянъ будетъ сказывать, да и самъ будетъ стараться приводить ихъ подъ высокую государеву царскую руку.»

Государь пожаловалъ: соизволилъ Тояна съ народомъ его принять подъ высокую свою руку, избавилъ ихъ отъ ясака и повелѣлъ—ихъ оберегать, а въ Томи поставить новый городъ.

Немедленно собрана была рать изъ стрѣльцовъ и царскихъ казаковъ изъ Тобольска, Сургута, Березова и Тюмени. Полное число томскихъ покорителей неизвѣстно въ-точности, знаемъ только то́, что изъ Тюмени были откомандированы, въ-слѣдствіе царскаго указа, пятьдесятъ человѣкъ лучшихъ стрѣльцовъ и казаковъ, съ атаманомъ, двумя пушкарями, при одной пушкѣ. Изъ Тобольска наряжены были то же ратники русскіе подъ начальствомъ двухъ головъ Писемскаго и Тыркова; а изъ Березова—князья Игичей Алачевъ и братъ его, Онжа Юрьевъ со ста человѣками Кодскихъ-Остяковъ.

Не успѣли еще наши завоеватели выстроить Томска, какъ между начальными людьми завязались споры: кетскому воеводѣ хотѣлось самому сбирать ясакъ съ извѣстныхъ волостей, уже давно подлежавшихъ авторитету кетскаго острога, а томскій воевода не хотѣлъ изъ своихъ рукъ выпускать такого наживнаго занятія. Право было на сторонѣ Посника-Бѣльскаго, и онъ, по болѣе-тѣснымъ связямъ съ краемъ и по сильному усердію къ пользамъ Россіи, заслуживаетъ доброй памяти.

Но положеніе Русскихъ было не совсѣмъ утѣшительно; число ратныхъ людей, усиленное нашими промышлениками и сбродными казаками, было не велико, занятія ихъ разнообразны—Татары рѣшились возстать. Женщины покоряемыхъ волостей чувствовали къ своимъ покорителямъ особенное влеченіе, и одна изъ нихъ открыла заговоръ

обитавшій близъ нынѣшняго Томска князецъ Басандай (на рѣчкѣ носящей понынѣ названіе Басандаихи), киргизскій князецъ Немча (Киргизы восточные, или, какъ писали въ-старину, «Киргиссы» обитали по Чулыму и отъ верховьевъ его по Енисею до Сабинскаго-Хребта), или Номча, чулымскій князецъ Лагу, да предводитель племенъ, кочевавшихъ по самой Оби, князецъ Байбахта порѣшили межъ-собой «въ дѣловую (рабочую) пору, какъ люди разойдутся на пашню и на рыбную ловлю, промышляти всякими мѣры» городъ томскій выжечь и всѣхъ людей извести; Кетскихъ-Остяковъ они то же подбивали выжечь Кетскій-Острогъ. Но попытка эта не удалась, хотя киргизскій князецъ и дѣйствительно производилъ нападеніе на Русскихъ.

Есть поводъ полагать почти навѣрное, что причиною этого послѣдняго возстанія были съ одной стороны не совсѣмъ-то совѣстливыя дѣйствія головъ Ржевскаго и Бартенева, а съ другой — отсутствіе всякой гарантіи и обезпеченія участи покоренныхъ племенъ: воеводы что хотѣли, то съ ними и дѣлали. До насъ дошелъ, въ числѣ другихъ подобныхъ, одинъ актъ, изъ котораго видно, что будто бы, когда Номчина жена пришла въ Томскъ объявить о желаніи киргизскихъ людей, поступить подъ высокую государеву руку, то Ржевскій и Бартеневъ «грабежемъ сняли съ нее шубу соболью». Объ этихъ двухъ чиновникахъ сами казаки писали къ царю, что мало-того, что Ржевскій и Бартеневъ дорогой «ясашныхъ людей пытками пытали, и поминки съ нихъ великіе имали, и ихъ грабили, и лисицы, и собаки, и жиръ, чѣмъ они сыты бываютъ, имали насильствомъ», они и съ своихъ-то братьевъ, съ русскихъ людей, даже съ ратниковъ «емлютъ посулы и поминки великіе». Безъ всякаго сомнѣнія неудовольствія князьковъ постоянно усиливались въ-слѣдствіе неправомѣрныхъ поступковъ всей массы новыхъ пришельцовъ, которые подъ предлогомъ ясака царю, жестоко обирали Татаръ въ личную свою пользу.

На югъ и юго-западъ отъ Томска кочевали Телеуты «Бѣлые-Колмаки»; южнѣе ихъ, между верховьевъ Оби и верховьевъ Енисея, обитали Монголы—«Чорные-Колмаки», а между ими и между подчинившимися Томску волостями, по направленію отъ рѣки Томи къ рѣкѣ Абакану обитали отатарившіеся остяцкіе роды, отъ обработыванія желѣзныхъ рудъ получившіе прозваніе «Кузнецовъ». Русскіе поспѣшили прежде всего объясачить князца Бѣлыхъ-Колмаковъ, Обака, и въ этихъ видахъ сносились съ нимъ нѣсколько времени, но тщетно старались заманить его къ себѣ въ Томскъ. Накопецъ, благодаря ходатайству Тояна, Обакъ прибылъ въ Томскъ, привезъ съ собой «поминковъ», принесъ присягу, но просилъ не брать ясака и не оставлять въ аманатахъ. Воеводы пожаловали ему отъ царскаго имени «однорядку малиновую, лундышъ; да рубашку золотную, да колпакъ, да сапоги; мурзамъ его по однорядкѣ настрафильной, а людямъ его по однорядкѣ рословской», дали слово защищать отъ Калмыковъ, а Обакъ съ своей стороны обѣщалъ подговаривать Чорныхъ-Колмаковъ къ шерти Россіи. Съ-этихъ-поръ и Чорные и Бѣлые-Колмаки стали подкочевывать къ Томску съ базаромъ, съ коровами и лошадьми, и этимъ положили начало нашей заграничной мѣны съ приалтайскими народами.

Вскорѣ тайши Чорныхъ-Колмаковъ Биней, Узень и Бокай прислали своихъ пословъ въ Томскъ съ неотступною просьбою, защитить ихъ отъ Алтына царя и отъ Козацкой-Орды. Русскіе совѣтовали тайшамъ ѣхать къ царю на Москву, принять присягу и платить ясакъ лошадьми; но

пока наши задумывали послать къ нимъ пословъ для принятія подданства, Чорные Колмаки далеко откочевали въ горы.

Въ ожиданіи новыхъ вѣстей отъ Чорныхъ-Колмаковъ, покорители обратились въ кузнецкія волости, но успѣхи ихъ здѣсь на первый разъ были неудовлетворительны, потому-что гибель ожидала ихъ на каждомъ шагу. Средства дальнѣйшихъ завоеваній были очень ограничены: изъ современной отписки видно, что въ то время было «народа «въ томскомъ городѣ мало, и тѣхъ по-поламъ посылаютъ лѣтомъ въ «Тобольской для государевой казны; а осенью и зимою воевать кузнец-«кихъ людей не мошно: живутъ въ крѣпостяхъ великихъ (т. е. въ не-«приступныхъ мѣстахъ), и болота обошли, и зыбѣли великія, и ржавцы; «а зимою *живутъ* снѣги великіе, и воевать Кузнецовъ, кромѣ лѣта въ «жары, не мошно, а въ тѣ поры въ томскомъ городѣ люди оставают-«ся не многіе, и тѣ стоятъ на караулахъ на отъѣзжихъ, и въ городѣ, «и на острогѣ по воротамъ стоятъ безперестани немногіе...»

Въ 1610 году посланъ былъ «въ Кузнецы» казацкій атаманъ Иванъ Павловъ, съ сорока человѣками русскихъ казаковъ и томскихъ Татаръ. Семь недѣль пути пустыннаго, невозможность везти провіантъ въ нартахъ и явное желаніе Кузнецовъ выморить Русскихъ голодомъ, лишая ихъ всѣхъ средствъ пріобрѣсти запасы и рыбу, даже за наличную плату,—не остановили горсти удальцовъ. Павловъ «осѣкся въ крѣпость»; забралъ аманатовъ и собралъ ясакъ царю. Правда, въ ясакъ попались и «недособолишко» и «недóлиси», и мѣха, которые государевой казнѣ не пригодны, но Русскіе поставили на своемъ и не ослабили своей могучей силы.

Однакожь Кузнецы все-еще «жили въ непослушаньѣ»: ктому же Чулымскіе-Киргизы и Обскіе-Колмаки были за-одно съ ними. Для усмиренія ихъ посланы были стрѣлецкій сотникъ Иванъ Пущинъ и казачій атаманъ Баженъ Константиновъ: русская рать состояла изъ пятидесяти казаковъ, да тридцати Татаръ томскихъ. Они разгромили двѣ кузнецкія волости, Абинскую и Сарачеры, полонили князьковъ, взяли ясакъ и укрѣпились въ городкѣ. Но зимой, въ январѣ, пять тысячъ измѣнниковъ-нехристей (писали казаки) «насъ въ городкѣ осади-«ли, и многими приступы приступали; и сидѣли мы въ осадѣ десять «недѣль и голодною смертью помирали! Но, прося у Бога милости, изъ «городка на вылазку выходили, и съ измѣнниками выходили на дра-«ку, и бились съ ними явственно, и многихъ побили, а князьковъ и «лучшихъ людей живыхъ взяли и привели въ Томской въ закладчики; и «нужу всякую и ознобь терпѣли пятнадцать недѣль». Но скоро миръ и тишина водворились въ кузнецкихъ волостяхъ Тюлюберской, Абинской, Сарачерахъ, Чорской, Елеской, Каргѣ и Ковахъ (въ настоящее время остатки этихъ племенъ населяютъ югъ Минусинскаго-Округа Енисейской-Губерніи): власть Русскихъ укрѣпилась на берегахъ Бразы (Мрасы) и Кондобы (Кондомы); при сліяніи ихъ явился городокъ, понынѣ существующій подъ именемъ Кузнецка.

Оставивъ въ сторонѣ дальнѣйшее распространеніе нашего могущества скажемъ, что власть наша между Иртышемъ и Енисеемъ поддерживалась безпрестанно прибывавшими изъ Россіи новыми выходцами.

Кромѣ переселеній самовольныхъ и добровольныхъ, по распоряженію правительства, край сталъ наполняться и ссыльными за преступленія: съ половины семнадцатаго столѣтія въ Сибирь ссылали только

за душегубство, а потомъ, вслѣдствіе указовъ 10 сентября 1679, 17 ноября 1680 и 28-го ноября 1682 годовъ, туда начали ссылать и воровъ съ семьями, за одно и за два воровства, безъ отсѣченія рукъ и ногъ, равно какъ и повинившихся въ разбоѣ безъ убійства: но у сихъ послѣднихъ отрѣзывали лѣвое ухо и отсѣкали два меньшіе пальца у лѣвой руки. Строгіе указы были изданы въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія объ удержаніи бѣглыхъ крестьянъ отъ перехода черезъ Уралъ: но одно Верхотурье, гдѣ былъ сосредоточенъ надзоръ за въѣздомъ и выѣздомъ людей, и небольшіе отряды казаковъ не могли удержать ихъ.

Къ началу восьмнадцатаго столѣтія за-Иртышскій-Край, по счастливому положенію своихъ округовъ, несмотря на частыя раззоренія мстительныхъ враговъ, увеличился въ населенности и умножилъ число своихъ остроговъ, укрѣпленій и крестьянскихъ починковъ. Завоеватели и покорители, безъ особеннаго стѣсненія бродячихъ князцовъ въ-отношеніи къ подчиненнымъ имъ племенамъ, устанавливали свою осѣдлость на ихъ земляхъ и пріобрѣтали болѣе и болѣе новыя опорныя точки для дальнѣйшаго распространенія своего владычества, пока стеченіе обстоятельствъ не поставило намъ естественную преграду отрогами Алтая и до заключенія мира съ Китайцами Но зато тамъ, гдѣ мы стояли — мы стояли крѣпко и владѣли всею Обью, до самыхъ ея вершинъ.

Въ 1692 году выстроенъ острогъ Уртамскій, нынѣ богатая волость на Оби, по дорогѣ къ Тарѣ; въ 1696 году поставлено новое укрѣпленіе Умревинское, тоже на Оби, уже выше перваго; въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія Чаусовское-Зимовье обращено было въ крѣпкій замокъ съ пушками, а въ 1709 году построенъ Бійскъ и явились поселенія русскія, на самомъ югѣ въ Бухтарминскомъ-Краѣ. Въ тѣ же годы явились остроги на рѣкѣ Томи,—Сосновскій и Верхнетомскій, для связи Томска съ Кузнецкомъ и все пространство между ними, между рѣками Обью и Томью было ограждено казачьими постами.

Подъ ихъ защитою деревни быстро размножались.

Вѣкъ Петра-Великаго ознаменованъ, въ-отношеніи заселенія Сибири, новымъ смѣшеніемъ племенъ: военноплѣнные разныхъ націй отсылались въ Сибирь на службу и на поселеніе, а ссылки стрѣльцовъ, и другихъ преступниковъ имѣли слѣдствіемъ то̀, что къ концу его царствованія число осѣдлыхъ жителей всѣхъ сословій въ цѣлой Сибири простиралось до полумилльйона душъ обоего пола: такъ съ небольшимъ во сто лѣтъ мало-по-малу населилась Сибирь. Петру-Великому принадлежитъ и мысль и исполненіе закона, которымъ опредѣлено было за непремѣнное—давать ссылаемымъ проводниковъ, снабжать ихъ на весь путь кормовыми деньгами и на перепутьи давать надежные пріюты въ нарочно для того устроенныхъ острогахъ.

Во время Бирона сдѣлался новый переворотъ въ процессѣ заселенія Сибири: черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Петра, народонаселеніе ея увеличилось болѣе, чѣмъ на сто тысячъ душъ. Впрочемъ, постоянная, облеченная въ законныя формы ссылка въ Сибирь, и раздѣленіе ссылаемыхъ на два разряда «ссыльно-поселенцовъ» и «ссыльно-каторжныхъ существуетъ съ 1754 года.

При Екатеринѣ-Великой, послѣ уже того, какъ въ Бухтарминскій-Край проникли русскія семьи, принято заселеніе мѣстъ, прилегавшихъ къ Царицынымъ-Заводамъ. Тогда обратили особенное внима-

ніе на Иртышскую и Кузнецкую Линіи и на все за-Каменье или Усть-Каменогорскій-Край; ссылали туда каторжныхъ, велѣли принимать крестьянъ всякаго званія для поселенія въ Сибири съ зачетомъ владѣльцамъ за рекрутъ и съ платежемъ денегъ за ихъ женъ и дѣтей. Кромѣ-того правительство, разрѣшивъ бѣглымъ раскольникамъ свободно возвращаться въ Россію, дозволило имъ селиться на Барабинской-Степи и на югѣ Томской-Губерніи по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ и другимъ. Выводимые изъ Польши наши бѣглые, оказавшіеся негодными для предположенныхъ, на защиту Сибири, ландмилицкихъ полковъ, были разсѣяны въ Сибири для землепашества. Поселенные на самомъ югѣ близь Устькаменогорска семьи, по причинѣ прежняго жительства въ польскихъ предѣлахъ, несмотря почти на вѣковую давность, до-сихъ-поръ еще именуются отъ старожиловъ Поляками.

Чтò жь касается до тѣхъ крестьянъ, которыхъ само правительство переселяло сюда съ зачетомъ за нихъ рекрутскихъ квитанцій помѣщикамъ или обществамъ, то тутъ вниманіе обращаемо было главнѣйше на годность къ работѣ на пашнѣ и возрастъ отъ пятнадцати до сорока-пяти лѣтъ, безъ справокъ о поведеніи. За недостигшихъ указныхъ лѣтъ вознагражденіе владѣльцамъ производилось особо: за дѣтей мужескаго пола отъ 5 до 20 рублей, смотря по возрасту, а за дѣтей женскаго пола вполовину. Платье, обувь и путевое продовольствіе лежали на обязанности самихъ отдатчиковъ. Семьѣ давалось отъ правительства на засѣвъ пять десятинъ, покосу на 50 копенъ, съ безвозвратною притомъ выдачею по 5 рублей на лошадь и по 54 пуда хлѣба единовременно, на поддержку.

При Императорѣ Павлѣ I предприняты были мѣры къ правильному заселенію юго-восточныхъ предѣловъ Сибири, преимущественно въ Иркутской-Губерніи, за Байкаломъ, добровольными русскими переселенцами въ такомъ размѣрѣ, чтобъ на первый разъ, въ-теченіе извѣстнаго періода времени, число этихъ выходцевъ не превышало двадцати тысячъ душъ.

При Императорѣ Александрѣ I, въ первые годы его царствованія переселено въ Сибирь на-счетъ казны девять-сотъ-тридцать семей съ Кавказа. Изъ нихъ 439 семей поселены за Байкаломъ, 326 семей заняли мѣста у устья рѣки Тубы, впадающей въ Енисей въ Минусинскомъ-Округѣ, а остальныя 165 семей поселены въ Томской-Губерніи. До окончанія Отечественной Войны, нѣсколько польскихъ плѣнныхъ размѣщены были по квартирамъ въ Западной-Сибири и особенно въ Томской-Губерніи. Но по окончаніи военныхъ дѣйствій, они выведены были изъ Сибири во-свояси: главнымъ основаніемъ при этомъ принято было ассигновать особыя суммы, снабдить каждаго изъ плѣнныхъ теплою одеждою, обезпечить вполнѣ ихъ продовольствіе во время нахожденія на мѣстѣ и на пути на родину и нанять для отвоза ихъ надлежащее количество подводъ. Число плѣнныхъ простиралось до 2,500 человѣкъ. Нѣкоторые, сравнительно съ прочею массою, однакожь немногіе, сами не захотѣли воспользоваться предложенными имъ благодѣяніями, остались въ Сибири и вошли потомъ въ составъ станичныхъ казаковъ (*).

(*) Разсказы объ этомъ намъ не разъ случалось слышать въ Сибири. Въ Тюмени намъ присовокупили, что въ 1813 году городъ этотъ былъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ уроженцевъ западныхъ губерній и что здѣсь одѣляли ихъ всѣмъ нужнымъ для пути, теплой одеждой, хлѣбными запасами и деньгами.

Въ 1822 году издано было новое учрежденіе о Сибири. Рядъ указовъ, которыми ознаменовано было это время, положилъ предѣлъ различію, которое до-тѣхъ-поръ существовало между этимъ краемъ и другими областями нашего отечества: всѣ нужды были предусмотрѣны, всякій произволъ сильнаго по-возможности устраненъ строгими законами, внушавшими полное убѣжденіе, что съ этихъ поръ понятіе объ угнетеніяхъ, о пристрастіи, о вымогательствахъ останутся только въ памяти народа. Теперь Сибирь малымъ чѣмъ отличается отъ другихъ провинцій болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ столицъ. Самовольные перебѣги кончились и тайные выходцы принимаютъ характеръ такъ-называемыхъ «бродягъ», неспособныхъ уже ни въ военную службу ни въ арестантскія роты.

Обнародованный въ 1822 году указъ дозволилъ безразлично всѣмъ казеннымъ крестьянамъ переселяться въ Сибирь на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ переселеніе это дозволено и въ великороссійскихъ губерніяхъ. Переселенія подобнаго рода продолжаются и доселѣ; послѣднее переселеніе въ значительномъ количествѣ казенныхъ крестьянъ было года три тому назадъ, когда съ Высочайшаго разрѣшенія отправлено туда на подводахъ и съ пособіями отъ казны нѣсколько сотъ семействъ (а сколько именно—неизвѣстно) въ-слѣдствіе обнаружившейся въ нѣкоторыхъ краяхъ болѣзни тифуса. Мы съ ними встрѣтились въ Сибири въ 1846 году.

Съ этого же времени, т. е. съ 1846 года, начинается въ Сибири особенный разрядъ жителей, не бродягъ и не ссыльныхъ преступниковъ, лишаемыхъ всѣхъ правъ состоянія, но и не добровольныхъ переселенцевъ:—это разрядъ ссылаемыхъ по Уложенію на житье, въ-слѣдствіе произведеннаго надъ ними суда, независимо отъ того разряда низшаго класса, который до-сихъ-поръ ссылался по особеннымъ распоряженіямъ правительства, по приговорамъ мірскихъ обществъ и по волѣ помѣщиковъ.

Но если, съ одной стороны, Сибирь, приведенная въ своихъ административныхъ началахъ подъ одинъ и тотъ же уровень съ прочими русскими провинціями, потеряла значеніе края особенно привольнаго, за то съ другой стороны простой народъ и не дичится уже ея: онъ охотно идетъ туда на заработки, но не иначе, какъ съ законнымъ паспортомъ за пазухой; и если Сибирь и страшна еще ему—какъ кара за преступленіе, то здѣсь страшна ему не собственно Сибирь, а страшно безчестье и мысль о вѣчной разлукѣ со всѣмъ, что̀ дорого сердцу на родинѣ: кажется, въ нашемъ крестьянинѣ нельзя отнять сознанія собственнаго достоинства и нравственнаго чувства.

IX.

Каинскъ.

Городъ Каинскъ, вмѣсто-того, чтобъ облегчить тягость путешествія по Барабинской-Степи, нисколько не даетъ удобствъ страннику: городъ небольшой, неважный, половина-на-половину наполненный Русскими и Евреями съ хорошенькими Рифками, Рахилями, и съ неопрятными Шмуйлами, Лейбами, Хаймами и Симками.

Въ городѣ, въ которомъ всего-на-все одинъ каменный домъ, да и тотъ казенный, который до-сихъ-поръ все-еще тотъ же «Каинскій-Пасъ», ка-

кимъ былъ и въ прошломъ вѣкѣ,—въ такомъ городѣ трудно найдти съ-разу что-нибудь любопытное.

Итакъ, первое впечатлѣніе Томской-Губерніи, было невыгодно, и въ этакой-то губерніи мнѣ пріідстся прожить, можетъ-быть, круглый годъ! Отсюда до Томска больше пяти-сотъ верстъ и мнѣ встрѣтится одинъ только городъ, Колывань. Какъ же тутъ убить время? Постараемся познакомить читателей съ общимъ понятіемъ о Томской-Губерніи, не касаясь, однакожь, на этотъ разъ людей, ее населяющихъ.

Томская-Губернія представляетъ площадь земли въ 14,000 квадратныхъ миль, или почти въ полтора раза больше всей Франціи, и лежитъ между 49 и 61 градусами сѣверной широты и между 94 и 108 градусами долготы. Она граничитъ къ юго-западу съ внѣшними округами Киргизъ-Кайсачьей-Орды, къ западу и къ сѣверо-западу съ Тобольскою-Губерніею, къ сѣверо-востоку и востоку съ Енисейскою-Губерніею, а къ югу съ китайскими владѣніями.

Народонаселеніе ея постоянно увеличивалось въ-теченіе настоящаго столѣтія въ слѣдующей прогрессіи:

	Обоего пола.	
Въ 1806 г. въ ней было около	120,000	душъ.
— 1816 — — — — —	200,000	
— 1826 — — — — —	300,000	
— 1836 — — — — —	480,000	(Въ томъ числѣ 26,000 душъ ссыльныхъ.)
— 1846 — — — — —	560,000	(Съ 35,000 душъ раскольниковъ.)

Въ этомъ итогѣ включены:	около 53,000	душъ	ссыльныхъ.
	53,000	—	инородцевъ.
	болѣе 93,000	—	казен. крестьянъ.
	— 240,000	—	крестьянъ, приписанныхъ къ Колыванскимъ-Заводамъ.
	около 16,000	—	мѣщанъ.
	болѣе 12,000	—	войска, и
	— 22,000	—	казачьяго сословія.

Томская-Губернія раздѣляется на земли общаго губернскаго управленія и на земли вѣдомства Колывано-воскресенскаго Горнаго Вѣдомства: на долю первыхъ приходится 6,000 квадр. миль, составляющихъ имущества государственныя, па долю послѣдняго 8,000 кв. миль, составляющихъ собственно такъ-называемую Колыванскую-Область.

Томская-Губернія раздѣлена на шесть округовъ: 1) Томскій въ 5,000 квадр. миль, равняется всей Пруссіи; 2) Каинскій въ 2,000 кв. миль, равняется Неаполю и Сициліи; 3) Барнаульскій 1,300 кв. миль, равняется Баварскому Королевству; 4) Колыванскій въ 1,000 кв. миль, равняется Бельгіи съ Нидерландами; 5) Бійскій въ 3,500 кв. миль, равняется всей Германіи, за исключеніемъ Австріи и Пруссіи; и 6) Кузнецкій въ 1,300 кв. миль, равняется Сардинскому Королевству.

Изъ нихъ въ составъ Колыванской-Области входятъ округи: Бійскій, Кузнецкій, Барнаульскій, Колыванскій и южная часть Томскаго.

За сто лѣтъ назадъ Усть-Каменогорская и Бикатунская-Крѣпости были крайними точками владѣній нашихъ на югѣ Томской-Губерніи.

*

Точныя границы Колыванской-Области опредѣляются слѣдующими линіями: къ юго-востоку и къ югу, по порубежной чертѣ между Россіею и Китаемъ, начиная отъ устья рѣки Нарыма, впадающаго въ Иртышъ, вверхъ по этой рѣкѣ, на рѣку Бухтарму, потомъ по Бухтармѣ, чрезъ пограничный китайскій форпостъ Чиндагатуй или Чиндагистуй, и отъ него по хребту Хатая, до пограничнаго знака Шабинъ-Дабага. Задѣвъ такимъ образомъ незначительную часть Минусинскаго-Округа Енисейской-Губерніи, граница Колыванской-Области идетъ съ Шабинъ-Дабага до Таштыпскаго-Караула и оттуда на вершины рѣки Томи ; потомъ по хребту, служащему линіею раздѣленія водъ, впадающихъ съ заводской стороны въ рѣку Томь, отъ водъ, текущихъ въ рѣку Чулымъ; и оканчивается у Кафтанчикова, крайняго заводскаго селенія при рѣкѣ Томи. Отсюда къ сѣверу и сѣверо-западу граница Колыванской-Области идетъ на рѣку Обь къ селу Уртамскому, въ Томскомъ-Округѣ, оттуда на озеро Чаны, отъ Чановъ, отъ устья впадающей въ него рѣчки Багапа — на озеро Большое-Топольное, а отсюда къ западу и къ югу мимо Горькаго Горносталевскаго-Озера чрезъ Шульбинскій-Боръ (*) къ устью рѣчки Грязнушки, впадающей въ Иртышъ верстахъ въ 20 отъ Семипалатинска, и, наконецъ, оттуда до устья Нарыма.

Пограничную линію нашу съ Китаемъ составляетъ здѣсь хребетъ «Хатая», или «Малаго-Алтая», который въ предѣлахъ Томской-Губерніи носитъ исключительно одно это названіе; далѣе, въ предѣлахъ Енисейской-Губерніи, до рѣкъ Кем-Кемчика и Улукема, составляющихъ соединеніемъ своимъ рѣку Енисей,—хребетъ этотъ носитъ названіе «Сабинскаго-Хребта», а по ту сторону Енисея—«Хребта Саянскаго».

Въ южную и юго-восточную части Томской-Губерніи входятъ два большіе отрога Алтая, въ видѣ особыхъ кряжей, имѣющихъ географическую отдѣльность. Кряжи эти, имѣя почти параллельное между собою направленіе на сѣверо-западъ, постепенно понижаются и оканчиваются отъ главнаго кряжа по прямой линіи въ 500 или 600 верстахъ.

Первый изъ этихъ отроговъ есть кряжъ «Холзунъ», раздѣляющій вершины рѣкъ Катуни отъ вершинъ Бухтармы: первая даетъ начало Оби, послѣдняя впадаетъ въ Иртышъ. Кряжъ этотъ, проходя между Иртышемъ и Телецкимъ-Озеромъ, дѣлится на двѣ главныя отрасли. Одна изъ нихъ, удерживая названіе Холзуна, даетъ начало рѣкамъ Ульбѣ, Убѣ, Алею, Бѣлой и Чарышу; а другая, проходя по лѣвой сторонѣ Башкауса, впадающаго въ Телецкое-Озеро, и далѣе занимая пространство между рѣкою Біею и вершинами рѣки Чарыша, оканчивается ниже города Бійска, верстахъ въ шестидесяти выше впаденія Чарыша

(*) Мѣстныя выраженія по Сибири:

«Тайга» слово заимствованное Русскими отъ инородцевъ и русское равносильное, но менѣе употребительное—«чернь», «чернядь» или «чернеть»—черный и нерасчищенный лѣсъ въ горахъ.

«Боръ»—хвойный лѣсъ по теченію рѣки; отъ нея боръ заимствуетъ и свое имя.

«Дубрóва» есть всякое возвышенное мѣсто съ рѣдкимъ, но крупнымъ березовымъ лѣсомъ.

За одно уже прибавимъ тутъ же, что груды, огромныя массы наноснаго, и, какъ говорятъ, до-потопнаго лѣса, которыми загромождены устья рѣки Лены, называются по эпохамъ намывовъ «Адáмовщиной» и «Ноевщиной».

въ Обь. Жители здѣшніе, русскіе крестьяне и бродячіе Калмыки, называютъ эту отрасль Холзуна собственно «Горами Алтайскими», но, во избѣжаніе сбивчивости, ее принято уже, у горныхъ, называть «Біискимъ-Кряжомъ». Она даетъ начало Катуни, Песчаной и Анюю, текущимъ въ Обь.

Холзунъ на всемъ своемъ протяженіи раздѣляется на многія вѣтви, покрытыя въ высочайшихъ пунктахъ постояннымъ снѣгомъ. Частное названіе этихъ снѣговыхъ горъ есть «бѣлки»; смотря по занимаемымъ ими окрестностямъ—имъ присвоиваютъ разныя мѣстныя опредѣлительныя названія, на-примѣръ, Тигирецкіе, Коргонскіе, Айгулакскіе, Бащалакскіе, Анюйскіе, Чарышскіе, Убинскіе, Ульбинскіе-Бѣлки.

Другая отрасль Малаго-Алтая, извѣстная подъ именемъ «Ала-тау» или «Томско-Енисейскаго кряжа» отдѣлилась отъ него между рѣкою Абаканомъ, впадающимъ въ рѣку Енисей съ лѣвой стороны его теченія, и Телецкимъ-Озеромъ; она тянется сперва почти прямо на сѣверъ по лѣвой сторонѣ Біи, но близъ города Кузнецка, заключаясь между рѣками Чумышемъ и Кондо́мою, принимаетъ направленіе почти прямо на западъ и весьма-мало склоняется къ сѣверу. Въ этомъ направленіи постепенно понижаясь, отрасль эта идетъ отъ Кузнецка до рѣки Оби, разсѣкается рѣкою Бердью на два отрога и оканчивается ими— къ западу между устьями Чумыша и Берди, а къ сѣверо-западу между устьями Берди и Ини. Съ одной стороны кряжъ этотъ даетъ начало рѣкамъ Мрасѣ и Кондо́мѣ и омывается рѣкою Чумышемъ, а съ другой его стороны протекаетъ Иня. Кряжъ этотъ извѣстенъ особенно подъ именемъ «Салаирскаго золотоноснаго кряжа» и знаменитъ своими розсыпями. Онъ отличается отъ прочихъ двухъ не только геогностическимъ составомъ, но и гораздо бо́льшимъ своимъ протяженіемъ: считая отъ Алтая онъ тянется на пространствѣ до 700 верстъ, между-тѣмъ какъ Холзунъ идетъ не болѣе, какъ на 500 верстъ, а Біискій кряжъ еще менѣе.

Восточные, ме́ньшіе отроги этого же кряжа извѣстны подъ названіемъ сначала Горъ Кузнецкихъ, потомъ Абаканскихъ, далѣе Урюпскихъ и, наконецъ, Кіискихъ. Въ этихъ послѣднихъ, лежащихъ къ сѣверу и востоку, за чертою, отдѣляющею горно-заводское вѣдомство, лежатъ собственно казенныя земли, въ предѣлахъ которыхъ находится золотоносный кряжъ, предоставленный, на извѣстныхъ условіяхъ, для развѣдокъ и разработокъ частнымъ золотопромышленникамъ съ платежемъ опредѣленныхъ законами пошлинъ и податей въ пользу Государственнаго Казначейства.

По барометрическимъ измѣреніямъ Ледебу́ра, Бу́нге, Ренофа́нца и другихъ, высота замѣчательныхъ пунктовъ Томской-Губерніи опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Поверхность рѣки Оби при деревнѣ Дубровиной на Барабинской-Степи	201	рус.	фут.
Городъ Колывань	282	—	—
Рѣка Обь у Барнаула	358	—	—
Барнаулъ у госпиталя	366	—	—
Село Легостаево на Берди, между Томскомъ и Барнауломъ	492	—	—
Каинскъ	565	—	—
Бухтарминскъ	896	—	—
Усть-Каменогорскъ	1,137	—	—

Шлифовальная фабрика, близъ которой первыя работы на Алтаѣ начаты Демидовымъ	1,209	рус.	фут.
Змѣиногорскъ подлѣ церкви	1,209	—	—
Риддерскій рудникъ.	2,346	—	—
Ревневая или Ревенная-Гора, или Ревнюха	3,088	—	—
Гора Синюха, или Синяя-Сопка (*)	3,873	—	—
Тигирецкіе-Бѣлки въ нисшемъ пунктѣ	4,830	—	—
— въ высшемъ пунктѣ	6,500	—	—
Гора Холзунъ, высшая точка хребта того же имени, между рѣками Чуею и Бухтармою	6,904	—	—
Коргонскіе Бѣлки близъ вершинъ Сентелека . . .	6,069	—	—
— — — Коровихи . . .	6,710	—	—
— — — Татарки	7,184	—	—
— — — Чарыша	7,284	—	—
Ульбинскіе-Бѣлки	7,100	—	—
Гора Щебенюха	7,500	—	—
Айгулакскіе-Бѣлки близъ вершинъ Айгулака. . . .	7,319	—	—
Чеганъ	9,100	—	—
Катуньская Гора или Аласъ-Тау на лѣвомъ берегу Чуи, отдѣляющаяся посредствомъ рѣки Аргута отъ Катуньскихъ-Столповъ	10,650	—	—
Коксунскій-Хребетъ.	11,000	—	—
Бѣлуха (Катунскіе-Столпы)	12,000	—	—

Изъ первоклассныхъ сибирскихъ рѣкъ по Томской-Губерніи протекаетъ Обь, которая, образуясь въ предѣлахъ Томской-Губерніи изъ рѣкъ Біи и Катуни, принимаетъ въ себя, между прочимъ, Иртышъ, и катитъ воды свои до мыса Оленьяго или до конца Обской-Губы въ предѣлахъ Тобольской-Губерніи, черезъ пространство 26 градусовъ широты; все же направленіе ея по всѣмъ изгибамъ полагаютъ до 4,000 верстъ. Эта дивная по своей дикой красотѣ рѣка, извѣстна Россіи издавна и русскіе путешественники, бывшіе въ Сибири до Ермака, въ половинѣ XVI столѣтія, старались добывать всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ огромномъ водномъ вмѣстилищѣ, еще съ-тѣхъ-поръ извѣстномъ подъ названіемъ Рѣки-Оби-Великой.

Бія выливается изъ западной бухты Телецкаго-Озера узкимъ русломъ по кряжу глинистаго сланца, принимаетъ въ себя до Бійска 24 рѣчки, еще до устья Алея, и въ томъ числѣ три большія: Песчаную, Анюй и Чарышъ. Теченіе ея чрезвычайно быстро; все же протяженіе отъ озера до соединенія съ Катунью — 204 версты. Говорятъ, что Би или Бій, по-татарски или по-тюркски, значитъ господинъ, а Катуня—госпожа.

Катунь или Катуня, низвергается съ Холзуна двумя источниками, сливающимися въ одно русло подъ именемъ Уймона. Главный истокъ выпадаетъ изъ-подъ пласта льдисто-снѣжнаго въ полторы сажени ши-

(*) «Сопкою» называется въ Сибири одиноко-возвышающаяся надъ сосѣдними вершинами гора; «хребетъ» — вершина горы; «перевалить черезъ хребетъ» значитъ перейдти черезъ гору на противоположную сторону; «гребень» есть возвышенная гряда обнаженныхъ вверху горы горныхъ породъ; «тянигусъ» — отлогая возвышенность горы: «идти тянигусомъ» значитъ идти въ гору.

рины, съ глубиною въ одинъ аршинъ. Другой, не столь широкій истокъ, вытекаетъ изъ ледяной трещины.

Соединяясь вмѣстѣ, Катунь и Бія составляютъ одну рѣку, Обь, которая при началѣ своемъ сжата въ крутыхъ берегахъ на протяженіи 85 верстъ. Правый берегъ вообще гористъ; въ Барнаульскомъ-Округѣ нагорнымъ дѣлается лѣвый берегъ, въ Колыванскомъ-Округѣ правый берегъ опять возвышается, а лѣвый только отчасти разбрасывается пологими холмами. Въ Томскомъ-Округѣ правый берегъ— постоянно нагорный, съ вышиною около 15 саженъ.

Переборы, шивера или груды подводныхъ крупныхъ камней часто перехватываютъ рѣку, такъ-что вода стелется по нимъ слоемъ не толще полуторыхъ аршинъ. Послѣдній переборъ перебрасывается черезъ Обь при устьѣ Томи, гдѣ суда, по причинѣ мелководья, должны облегчаться отъ груза. Рѣчное ложе, до-сихъ-поръ частію каменистое, а частію песчаное, далѣе измѣняется въ глинистое и на прибрежьяхъ — въ супесчаное. Глубина рѣки въ Бійскомъ и Кузнецкомъ-Округахъ отъ трехъ до пяти аршинъ, начиная съ Колыванскаго-Округа увеличивается до семи аршинъ и въ предѣлахъ Томской-Губерніи изрѣдка только достигаетъ до 15 аршинъ. При постепенномъ пониженіи русла къ сѣверу—глубина рѣки увеличивается, и, наконецъ, близъ губы достигаетъ, какъ увѣряютъ, до 12, а въ ямпнахъ и до 20 саженъ.

Обь становится разливистою ниже устья Чарыша; ширина ея въ Округахъ Колыванскомъ и Томскомъ до 200 саженъ, далѣе отъ 350 до 500 саженъ; наконецъ, раздѣляясь въ Тобольской-Губерніи, ниже Обдорска, на два главныя русла, съ шириною отъ полуторыхъ до двухъ верстъ, и на три «протоки» или рукава не шире, однакожь, 250 саженъ каждый, собираетъ свои воды въ одно многоводное русло и изливается въ море, образуя обширный заливъ — Обскую-Губу.

Важнѣйшая послѣ Оби рѣка — Иртышъ. Изливаясь изъ озера Норъ-Зайсана, лежащаго отъ пограничной рѣчки Нарыма не болѣе какъ въ 200 верстахъ, Иртышъ становится постоянно судоходнымъ, начиная отъ устья впадающей въ него рѣки Бухтармы и на пространствѣ 120 верстъ бѣжитъ въ 75-ти саженной трубѣ между картинныхъ утесистыхъ береговъ. Отъ Усть-Каменогорска, берега его песчаны и глинисты и замѣтно понижаются, начиная отъ форпоста Семіярскаго. Протяженіе Иртыша до Омска — 1,300 верстъ; глубина отъ полуторы до трехъ саженъ; вся же длина рѣки отъ Норъ-Зайсана до впаденія въ Обь 2,739 верстъ. Естественныхъ препятствій для судоходства почти нѣтъ, кромѣ двухъ мѣстъ: подводные камни противъ редутовъ Извѣстковаго и Грачевскаго и водоворотъ близъ камней «Семи-Братьевъ». Быстрота Иртыша между утесистыхъ его береговъ полагается въ часъ 11 верстъ; далѣе, между Семипалатной и Ямышевской 8 верстъ, а ближе къ Омску, начиная отъ крѣпости Желѣзинской, $3^1/_2$ версты въ часъ, наконецъ у Тобольска—одна верста въ часъ. Наверху береговъ Иртыша, по замѣчанію Палласа, разсѣяны морскія раковины. Вскрытіе Иртыша (въ Тобольскѣ) бываетъ: самое раннее 30 апрѣля (1832 г.), самое позднее 15 мая (1833 г.), рѣка становится (тамъ же) между 22 октября (1830 г.) и 19 ноября (1836 года).

Рѣка Томь, или какъ это имя произносятъ мѣстные жители—Томя́, —вытекаетъ изъ западныхъ покатей кряжа Ала-тау. Истоки ея, катясь

по высокой нагорной долинѣ въ видѣ двухъ ключей (*) и безпрестанно увеличиваясь отъ водъ окрестныхъ болотъ,—далѣе стѣсняются между скалами, соединяются вмѣстѣ и образуютъ бурный потокъ, который стремленіемъ своимъ увлекаетъ камни довольно-объемистые. Принявъ въ себя многія меньшія рѣки, Томь становится спокойнѣе и, вступая въ область гранитовъ, протекаетъ въ высокихъ утесистыхъ берегахъ, образующихъ мѣстами пороги, которые скопляются изъ обломковъ гранито-сіенитовыхъ. Освободясь отъ этихъ преградъ и вступивъ въ область каменно-угольнаго песчаника, занимающаго большое пространство по правому берегу, рѣка начинаетъ терять быстроту, гористые берега понижаются, долина становится шире (у Кузнецка 60, у Томска 300 саженъ ширины) и Томь дѣлается судоходною. Естественныхъ препятствій, кромѣ періода «малой воды» почти нѣтъ: «Шальной-Порогъ», небольшой переборъ въ 20 верстахъ ниже деревни Терехиной—низокъ и не опасенъ и «Бурышъ», подводный камень, близъ деревни Фоминой, покрываемый только въ полноводье (въ «большую-воду»). Томь, какъ и всѣ значительныя рѣки въ Сибири, изобилуетъ островами. Разливъ рѣки, отъ одновременной прибыли водъ по причинѣ таянія снѣговъ въ горахъ, бываетъ въ концѣ апрѣля или началѣ мая и простирается отъ 300 сажень до 5 верстъ при пологихъ берегахъ. Дно рѣки каменисто и дресвяно; глубина отъ $2^1/_2$ до 16, а въ полноводье до 20 аршинъ, ближе къ устью; ширина рѣки отъ 50 до 300 сажень; протяженіе ея, кромѣ вершинъ, 728 верстъ. Въ Томскѣ рѣка вскрывается между 13 (1839 и 1840 г.) и 29 числами апрѣля (1833 и 1841 г.), а становится между 8 октября (1840 г.) и 5 ноября (1834 г.)

Рѣки Обь, Томь, Бія и Иртышъ—судоходны; сплавныхъ рѣкъ пять: Уба, Ульба, Чарышъ, Иня (болѣе 250 верстъ), Бухтарма (360 верстъ). Считаютъ еще Алей, единственную будто-бы въ Сибири рѣку, судоходство по которой облегчено гидротехническими сооруженіями, но мы за это извѣстіе не ручаемся. Изъ прочихъ рѣкъ, тянущихся отъ 250 до 400 верстъ, не менѣе замѣчательны: Омь, Чумышъ, Карасукъ, Бердь, и многія другія. Но всѣхъ ихъ, по множеству и страшному обилію водъ, не перечислить.

Озера Томской-Губерніи раздѣляются на прѣсныя, соленыя и горькія.

Главнѣйшія изъ прѣсныхъ озеръ, изобильные рыбою (щуки, окуни, караси, язи, чебаки), суть:

Телецкое, или Алтынъ-Норъ, то-есть, Золотое-Озеро, есть огромная продолговатая котловина, находящаяся въ восточной части Бійскаго-Округа, на границѣ съ Минусинскимъ-Округомъ Енисейской-Губерніи. Поверхность его—до 1,000 квадратныхъ верстъ. Наибо̀льшая длина 126 верстъ, а наибо̀льшая ширина 84 версты. Въ это озеро впадаютъ рѣки Башкаусъ, принимающій въ себя Чулышманъ, Камга, Кага, Верхняя-Чугля, Самышъ, Исашъ и другія. Телецкое-Озеро всегда славилось обиліемъ стерляди.

Чаны, въ западной части губерніи между Округами Каинскимъ, Колыванскимъ и Омскимъ, на границѣ Тобольской-Губерніи. Наибо̀льшая длина его 74, а наибо̀льшая ширина 58 верстъ; вся же поверхность его

(*) Разницу между словами «ключъ» и «ручей» понимаютъ такъ, что ключъ бываетъ только въ мѣстахъ гористыхъ и каменистыхъ, а ручей — есть всякое исходище текущихъ водъ на ровномъ мѣстѣ.

до 3,000 квадратныхъ верстъ; оно принимаетъ въ себя двѣ рѣки, Каргатъ и Чулымъ, три рѣчки и нѣсколько ручьевъ. Берега его плоски, низки, заросли камышемъ, съ обширными займищами и луговыми низями, черезъ которыя, во время весенняго полноводія, Чаны соединяются съ другими озерами, лежащими около него съ южной и съ сѣверной стороны. Острововъ много; на нихъ живутъ огромныя стада лебедей.

Сартланъ въ десяти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Чановъ. Его поверхность 280 квадратныхъ верстъ; въ него впадаютъ Кужурла, Кара-пузъ, Чорная и Карапузенокъ, а вытекаетъ рѣчка Сарайка, падающая въ озеро Чаны.

Убинское, на сѣверо-востокъ отъ Сартлана и Чановъ; поверхность его около 600 квадратныхъ верстъ. Оно принимаетъ въ себя рѣчку Конь и выпускаетъ Убинку.

Изъ соляныхъ озеръ въ Томской-Губерніи замѣчательны:

Пять боровыхъ: Большое и Малое Ломовыя, Кочковатое, Малиновое (7 верстъ длины и 2 в. ширины), и Березовое. Всѣ они смежны, лежатъ одно подлѣ другаго, носятъ названіе Карчунакскихъ, находятся между Чарышемъ и крѣпостію Ямышевскою, въ южной половинѣ Иртышской-Степи и принадлежатъ, какъ отдѣльная группа, къ общей массѣ 34 иртышскихъ соляныхъ озеръ.

Три Карасукскихъ въ Барабинской-Степи; Бурлинское; Горносталево; Пѣтухово или Булатъ-Тугъ и другія на югъ отъ Чановъ.

Къ горькимъ озерамъ принадлежатъ:

Кулундинское въ западной части Барнаульскаго-Округа; поверхность его простирается до 660 квадратныхъ верстъ; по горькости своей оно совершенно безрыбно; Кучукское, въ бурю, которой обыкновенно дня за два предшествуетъ глухой шумъ, оно выбрасываетъ глыбы горькой соли. Селитряное близъ Кучукскаго-Озера: это огромная яма въ $5\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ, наполненная разсоломъ глауберовой соли.

Въ этихъ озерахъ, такъ же какъ и рѣкахъ, замѣчается прибыль водъ въ періодъ таянія снѣговъ; менѣе значительныя по пространству своему озера на лѣто совершенно высыхаютъ; у иныхъ высыханіе это производится издавна и, по разсказамъ стариковъ-старожиловъ, довольно-пространныя нѣкогда озера обратились въ обширныя болота и займища, заросшія кочками и камышами, неудобо-проходимыя и состоящія мѣстами изъ опасныхъ зыбуновъ, которые вязкостію своей почвы втягиваютъ въ себя забредшаго въ нихъ путника.

Обширнѣйшія изъ этихъ болотъ залегаютъ преимущественно въ западной части Томской-Губерніи, между рѣками Иртышемъ и Обью, въ округахъ Каинскомъ и Колыванскомъ.

Одна купа этихъ болотъ и займищъ въ Каинскомъ-Округѣ, извѣстныхъ подъ опредѣлительными названіями: Чубурангина, Арбуканскаго, Айскулла, Бишъ-Дуга и другихъ, занимая пространства отъ 8 до 35 квадратныхъ верстъ, лежитъ около вершинъ рѣки Оби; другая находится по правой сторонѣ ея теченія; въ дальнѣйшемъ направленіи къ сѣверу, она образуетъ отдѣльную третью купу, склоняющуюся къ большому озеру Васюгану, въ юго-восточной части Тобольской-Губерніи.

Болота остальной купы Каинскаго-Округа лежатъ по лѣвую сторону рѣки Оми и, переходя черезъ рѣку Каргатъ и Чулымъ, направляются къ югу, къ степи Иртышской.

Въ Колыванскомъ-Уѣздѣ насчитываютъ болѣе 40 болотъ и займищъ, извѣстныхъ подъ разными наименованіями и имѣющихъ протяженіе отъ 5 до 18 верстъ. Одни изъ этихъ болотъ покрыты зыбунами и вовсе непроходимы, другія усѣяны кочками и заросли камышами; третьи, наконецъ, имѣя твердую почву представляютъ затруднительную переправу только весной и осенью при проливныхъ дождяхъ (*).

Томскую-Губернію въ климатическомъ отношеніи можно раздѣлить на двѣ полосы, сѣверную отъ 61 до 55 и южную отъ 55 до 49 градуса сѣверной широты. Характеръ первой, съ частію западной стороны южной полосы — низменный, бо́льшею частію степной и болотистый; характеръ послѣдней, за сдѣланнымъ нами отчисленіемъ,—всюду гористый, лѣсистый, изобилующій текучими водами. Разница эта производитъ и разность въ климатѣ, который въ первомъ отдѣлѣ—суровый, нездоровый, наполняемый испареніями стоячихъ водъ, способствующій къ развитію міазмовъ, обнаруживающихъ себя разнаго рода злокачественными болѣзнями и повѣтріями, постигающими и человѣка и животныхъ.

(*) «Займища» и «па́ди» почти синонимы съ «болотомъ», но отличаются отъ него бо́льшею низменностію и осязательнымъ намѣкомъ на когда-то существовавшее на этомъ мѣстѣ скопленіе водъ, уже изсякшихъ, на-примѣръ, «Ягодская-Падь», «Солоденная Падь» въ Шадринскомъ-Округѣ Тобольской-Губерніи, или «Займище Сарыкамышъ», «Займище Вьюнское» въ Колыванскомъ-Округѣ Томской Губерніи. Сюда же относится и слово «Соръ» въ смыслѣ такой мѣстности, которая, служа какъ-бы заливомъ озера или рѣки въ-періодъ разлива, и въ прочее время года представляетъ обширныя болотистыя пространства, на-примѣръ «Ляминъ-Соръ», «Сухой-Соръ».

О знаменитомъ «Ляминомъ-Сорѣ» намъ даже въ Сибири случалось неоднократно слышать, что это необозримая, невиданная и недосягаемая ни для кого страна, лежащая по самой срединѣ разстоянія между рѣками Обью и Енисеемъ. Страна эта, окруженная страшными болотами и зыбунами непроходимыми, представляетъ совершенно отдѣльный міръ, населенный потомками древней Чуди, доселѣ непокоренными русскому оружію. Страна, ими занимаемая, сама-по-себѣ есть полуокеанъ и полуболото, безпредѣльная топь, въ которой гибнетъ все, что имѣетъ собственную тяжесть, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой юдоли смерти, раскинуты, какъ оазисы, обширные острова, надѣленные всѣми благами природы; счастливые обитатели этого земнаго рая здѣсь родятся, плодятся и здѣсь же умираютъ въ своемъ кружку, не заражаясь соблазнами міра сего.

По всей вѣроятности сказка эта имѣетъ свою справедливую основу, относясь ко временамъ воеводъ, не всегда легкихъ на подъемъ, нелюбившихъ рисковать удобствами жизни для того, чтобъ преслѣдовать на дальнемъ сѣверѣ бродячихъ инородцевъ, толпами скрывавшихся.

Вѣрить теперь этой сказкѣ — анахронизмъ, тѣмъ болѣе, что нынче достовѣрно уже извѣстно, что «Ляминъ-Соръ» есть ничто иное, какъ незначительная рѣчка Тобольской-Губерніи. Она вытекаетъ въ Кондійскомъ-Отдѣленіи изъ болотъ прилегающихъ къ рѣкѣ Надыму (Надымъ, незначительная рѣка, вытекающая на сѣверѣ Тобольской-Губерніи изъ озера Торомлара и впадающая въ восточную бухту Обской-Губы). Рѣка Ляминъ-Соръ впадаетъ въ Обь съ правой стороны ея теченія, въ 90 верстахъ ниже Сургута, и имя свое заимствовала отъ прибрежныхъ болотъ и займищъ, еще болѣе увеличиваемыхъ во время полноводья; имъ собственно и принадлежитъ первоначальное и исключительное право на названіе «Лямина-Сора».

Въ настоящее время Остяки Салымской-Волости и Самоѣды Кызымской-Волости, бродящіе по «Лямину-Сору», занимаются рыболовствомъ и исправно платятъ ясакъ.

Климатъ южнаго отдѣла, окруженнаго и прорѣзаннаго всюду горами и потоками, пользующагося мѣстностію несравненно-возвышеннѣйшею— здоровъ, менѣе подверженъ повѣтріямъ, и огражденъ естественною защитою отъ вліянія сильныхъ холодовъ или неумѣренныхъ жаровъ.

Въ сѣверномъ отдѣлѣ термометръ (Реом.) нерѣдко понижается далѣе—40° и рѣдко возвышается далѣе +25° на солнцѣ; на югѣ, напротивъ, морозы рѣдко заходятъ за — 30°, тогда какъ въ лѣтніе жары, термометръ весьма часто показываетъ выше +40° на солнцѣ. Такая огромная разность температуры, разумѣется, должна имѣть вліяніе на здоровье жителей и, дѣйствительно, обнаруживается всюду въ сѣверномъ отдѣлѣ въ явленіяхъ цынги, «сибирской язвы», разныхъ видоизмѣненій лихорадки и скарлатины; но явленія эти гораздо менѣе ощутительны въ южномъ отдѣлѣ, чѣмъ въ сѣверномъ, а самые южные предѣлы его именно: Салаирскій-Край, то-есть восточная его часть и Край-Змѣиногорскій — западная его часть, чрезвычайно-рѣдко ими поражаются.

Лѣтомъ грозы часты и сильны и въ степяхъ и въ горахъ; не рѣдки также и землетрясенія, но они случаются только въ южной части и рѣдко обнаруживаются сѣвернѣе Барнаула; направленіе ихъ, какъ замѣчено, всегда бываетъ отъ востока къ западу. Землетрясенія эти проходятъ благополучно и не сопровождаются никакими гибельными опустошеніями.

Явленіе общее обѣимъ полосамъ Томской-Губерніи — это «пурги́» и «бура́ны». Этими выраженіями называютъ болѣе или менѣе сильные вихри мелкаго льдистаго снѣга, которые свирѣпствуютъ осенью и особенно весною и заметаютъ все на своемъ стремленіи. Они заносятъ дорогу огромными сугробами, залѣпляютъ глаза путника, покрываютъ всего его мерзлою корою, знобятъ его на открытомъ мѣстѣ и обращаютъ дневной свѣтъ въ тьму, падая изъ густыхъ, сплошныхъ тучъ, частыми, какъ проливной дождь, но всюду юлящими и крутящимися порывистыми струями. Бураны особенно гибельны весной лошадямъ и прочему домашнему скоту, пускаемому тогда на подснѣжный кормъ.

Весна въ южномъ отдѣлѣ начинается съ апрѣля мѣсяца и растительная сила является во всемъ развитіи. Настоящій лѣтній путь устанавливается съ мая мѣсяца и оканчивается въ первой половинѣ октября. Сильные жары бываютъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Осень, то-есть настоящая осень, время жатвы, умѣреннаго тепла и постепеннаго подготовленія природы къ совершенному успокоенію, бываетъ бо̀льшею частію сухая и теплая, и продолжается съ конца августа, а чѣмъ южнѣе тѣмъ позже, до половины октября.

Если въ промежутокъ этого времени предпринять поѣздку изъ Бухтарминска—на-примѣръ, или съ рѣки Нарыма—въ извѣстный Нарымъ, къ Остякамъ, тысячи полторы верстъ разстоянія, или еще далѣе, на самую сѣверную точку населенности Томской-Губерніи, на устье рѣки Тыма (что̀ будетъ подъ однимъ градусомъ широты съ Пелымомъ, отъ котораго еще далѣе къ сѣверу, въ Тобольской уже губерніи, отстоятъ сначала Сургутъ, потомъ Кондійское, далѣе Березовъ и, наконецъ, Обдорскъ) — то отправившись изъ Бухтарминска въ лучшую тамъ пору осенняго времени можно видѣть на пути своемъ каждый день новыя быстрыя измѣненія природы и переходы къ холодному времени года, застать въ Нарымѣ зиму и возвратиться оттуда назадъ въ Бухтар-

минскъ опять въ ту же осень съ роскошною зеленью, съ безчисленными цвѣтами и съ неопадшими еще съ деревьевъ листьями.

Зимній путь начинается въ ноябрѣ и продолжается до конца марта. Въ первую пору весны утренники и внезапные морозы губятъ иногда только-что развернувшіяся почки растеній и въ короткій періодъ нечаяннаго нашествія убиваютъ начало всякой растительности въ самомъ ея корнѣ; но природа беретъ свое: вновь наступающія оттепели оттаиваютъ землю, замерзшія почки спадаютъ, весна входитъ въ свои права, растительность снова пробуждается—начинается вторичное цвѣтеніе и все идетъ своимъ порядкомъ. Послѣдній разъ двукратная весна была въ Томскѣ въ 1847 году, когда жители ожидали-было остаться безъ березокъ и безъ вѣниковъ, охваченныхъ при первомъ цвѣтеніи внезапно наставшими холодами.

Почва земли почти повсемѣстно богата внутренними силами, плодородна, изобилуетъ черноземомъ и жирными маслянистыми торфяными мѣстами; чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе плодородіе ея усугубляется и на самомъ югѣ, немедленно по стаяніи снѣговъ, земля въ два, въ три дня покрывается густою сочною зеленью, усѣянною безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ. Удобренія почти неизвѣстны, — урожаи постоянны.....

Ни сколько не желая замѣткамъ нашимъ придавать видъ географическаго описанія одной губерніи, мы спѣшимъ заключить это отдѣленіе слѣдующими немногими свѣдѣніями, вычитанными впрочемъ изъ Сибирскаго-Вѣстника, а частію и изъ Горнаго Журнала.

Въ Кузнецкомъ-Округѣ, вверхъ отъ устья Казыръ-Тереня, по берегамъ Томи — возвышаются известковыя горы со множествомъ пещеръ, изъ которыхъ самая любопытная при устьѣ рѣки Шоры, съ многообразными капельниками. По обширности и эффектности ее называютъ соперницею знаменитой антипаросской пещеры.

Пещеры Мрасскія, при устьѣ рѣчки Кійсаса, также замѣчательны своими капельниками.

Изъ известковыхъ пещеръ на рѣкѣ Чарышѣ извѣстны двѣ, близъ деревни Чагирской, одна отъ другой въ четырехъ верстахъ. Одна, съ двумя боковыми входами, возвышается надъ рѣкою до 20 саженъ и издавна пріобрѣла извѣстность разсказами о сокрытыхъ въ ней сокровищахъ и о походахъ въ нее крестьянъ для раскапыванія кладовъ. Другая, въ крутомъ утесѣ, еще выше чѣмъ первая, надъ горизонтомъ воды, замѣчательна по отрываемымъ въ ней костямъ животныхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пещеры замытымъ глиною, а въ нѣкоторыхъ скопленнымъ до такой степени въ большомъ количествѣ, что глины между ними почти незамѣтно. Между костями, наполняющими пещеру, въ самомъ большомъ количествѣ находятъ зубы животныхъ травоядныхъ разной величины и родовъ. Зубы животныхъ плотоядныхъ встрѣчаются рѣже; наконецъ челюсти какъ тѣхъ, такъ и другихъ, еще рѣже. Изрѣдка попадаются позвоночныя кости и черепа. Кости эти встрѣчаются или совершенно цѣлыми, или разломанными. Онѣ лежатъ безъ всякаго порядка и кажутся запутанными въ веществѣ ихъ окружающемъ, въ верху, въ бокахъ, въ срединѣ и въ почвѣ пещеры; всѣ выпуклости и впадины сохранили свой видъ, но кости лишились своей твердости и при добываніи изъ мѣста легко ломаются. По разсказамъ знатоковъ-очевидцевъ, нѣкоторые виды животныхъ, кости

которыхъ здѣсь находятъ, не существуютъ болѣе; это остатокъ древняго міра. Слѣда морскихъ животныхъ здѣсь не замѣтно.

У подошвы Тигирецкихъ-Бѣлковъ, у устья рѣки Тигирека находится семь пещеръ, изъ которыхъ одна замѣчательна по небольшимъ капельникамъ, по находимымъ въ ней костямъ животныхъ и человѣка (въ числѣ которыхъ попадались головные калмыцкіе черепа), и по различнымъ подѣлкамъ и мелочамъ, вырѣзаннымъ изъ дерева и кости.

Въ пещерѣ на рѣкѣ Алеѣ, находили издряблыя слоновыя кости между хрящемъ и глиною, кромѣ большихъ и малыхъ костей разныхъ животныхъ.

На Оби, близъ селенія Малышевскаго, найдена была въ водѣ берцовая кость огромнаго слона, а при деревнѣ Аляцкой вырыты изъ берега Оби: верхняя часть слоновьей головы въ $2\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ, три буйволовыхъ черепа съ «созйною», то-есть, съ тою частію на которой рога держатся; три позвонка тѣхъ же животныхъ, одинъ зубъ, два ребра и кость отъ ноги.

Изъ берега рѣки Берди вырыта была верхняя часть головы носорога въ $1\frac{1}{4}$ пуда вѣсомъ.

Пещеры на рѣкѣ Бухтармѣ замѣчательны по своимъ надписямъ старинными буквами, похожими на китайскія.

Надписи, подобныя этимъ, находятся также на рѣчкѣ Смолянкѣ въ верстѣ отъ устья ея въ Иртышъ; по лѣвому берегу Чарыша; на утесѣ близъ впаденія рѣки Чуи въ Катунь; въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ вершинахъ Катуни; по Иртышу въ 8 и 12 верстахъ отъ устья Бухтармы.

На Бухтармѣ, въ 12 верстахъ отъ Бухтарминской-Крѣпости, надъ входомъ въ пещеру существовала тоже какая-то надпись, снятая въ рисункѣ г. Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирскихъ древностей. Впослѣдствіи времени эта послѣдняя рѣдкость уничтожена: «дерзкая рука невѣжества истребила ее» говоритъ г. Спасскій (въ 1824 году); г. Словцовъ безъ церемоніи обвиняетъ въ этомъ ученѣйшаго академика нашего Клапрота. Вотъ его слова объ этомъ происшествіи. «Оріенталистъ Клапротъ, въ 1806 году возвращавшійся изъ-за Байкала, нарочно наведенъ былъ на эту пещеру, по себѣ «неважную, для перевода надписей; по нему показалось легче *известь* «ихъ, чѣмъ *перевести*: мы повторяемъ мѣстную, историческую извѣстность, а не шутку (*)».

Особенный родъ надписи или, собственно говоря, изсѣченія въ огромномъ размѣрѣ, существуетъ въ Томской-Губерніи въ одномъ только мѣстѣ, на утесахъ праваго берега Томи, выше города Томска. Изсѣченія эти сдѣланы острымъ орудіемъ на глинистомъ сланцѣ и пред-

---

(*) Inscriptiones in dextra ostii parte exaratae, conspiciebantur adhuc anno MDCCCV, quo illas descripsimus; hodie vero omnino sunt deletae. См. «De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis» Спасскій, 1822. Но самъ Клапротъ ни слова не говоритъ о томъ, а знаменитые рисунки г. Спасскаго и между-прочимъ списки съ бухтарминскихъ надписей Клапротъ называетъ pitoyables copies de M. Spaski. См. брошюру Sur quelques antiquités de la Sibérie, par Mr. Klaproth. Paris. 1823. Такъ же см. «Историч. Обозрѣніе Сибири» Словцова Т. I стр. 545.

ставляютъ, въ нижнемъ ярусѣ скалы, нѣсколько раскиданныхъ прутьевъ, рисунокъ свиньи, оленя и нѣсколькихъ четвероногихъ животныхъ, которымъ «Чудакъ»-художникъ, видимо силился придать подобіе лошадей и коровъ; тутъ же изсѣчены двѣ головы чудовищъ съ рогами и два человѣка въ шапкахъ. Въ верхнемъ ярусѣ встрѣчаются—всадникъ верхомъ, два пѣшихъ, должно-быть, воина, быкъ и опять нѣсколько животныхъ, намѣкающихъ на лошадей, изъ которыхъ на головѣ одной надѣто какое-то особенное украшеніе, въ родѣ высокой шапки.

Къ произведеніямъ самой природы въ этомъ же родѣ принадлежитъ гранитная плита на берегу Бухтармы, подлѣ самой крѣпости. На ней кажутся чрезвычайно отчетливо вдавленными два слѣда человѣческихъ ногъ, одинъ большой, другой маленькій и нѣсколько слѣдовъ разнаго объема копытъ или подковъ. Игра природы съ такою правильностію изобразила эти слѣды, что на первомъ изъ нихъ видны пальцы и прочія выпуклости и углубленія человѣческой пяты.

Курганы или могилы древней «Чуди» или «Чудаковъ» разсѣяны по берегамъ Ини, Чарыша, Бухтармы. Въ старые годы крестьяне безпощадно ихъ разрывали, отъискивая въ нихъ драгоцѣнные клады. Англичанинъ Бель, сопровождавшій нашего посла, Измайлова, во время путешествія его въ Китай, разсказываетъ, что между прочими рѣдкостями, вырытыми изъ могилъ кузнецкихъ, онъ видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ «металла» и нѣсколько звѣрьковъ изъ чистаго золота. Одинъ изъ бугровщиковъ (занимающихся раскапываніемъ кургановъ) сказывалъ Белю, что однажды онъ дорылся до свода, подъ которымъ лежалъ остовъ человѣка на серебряной доскѣ съ доспѣхами, лукомъ, стрѣлами и съ колчаномъ. Миллеръ въ Колыванскихъ-Заводахъ купилъ изъ могильныхъ драгоцѣнностей, золотаго всадника на лошади, работы чрезвычайно-чистой, и золотой кувшинчикъ обронной работы.

Въ послѣднее время самовольное раскапываніе кургановъ, должно-быть, было запрещено, потому-что въ бытность мою въ одномъ изъ южныхъ предѣловъ Сибири, не въ Томской-Губерніи, я тоже предприня́лъ-было однажды раскопать и описать хотя одинъ курганъ, но горячее желаніе мое было охлаждено однимъ представителемъ низшей власти, который предупредилъ меня заранѣе, что если я намѣреніе свое приведу въ исполненіе, то могу подвергнуться отвѣтственности. Время не позволяло выжидать какихъ-либо объясненій.

Раскапываніе кургановъ производится въ наше время по распоряженію главнаго мѣстнаго начальства: въ 1845 году, въ бухтарминскихъ курганахъ найдены были кости людей и лошадей, клинки оружій, острія копій, удила, желѣзныя стремяна, разная желѣзная мелочь и костяныя оправы сѣдла и плети.

Къ памятникамъ старины этого края принадлежатъ:

«Тонтуры», какія-то развалины, находящіяся, какъ говорятъ, при излучинѣ рѣки Оми на Барабинской-Степи.

«Колбазинская-Башня», близъ редута Подпускнаго на Иртышской-Линіи, на середи пути между Ямышевскою-Крѣпостію и городомъ Семипалатинскомъ.

Развалины «Семи-Палатъ», въ трехъ верстахъ отъ Семипалатинской-Крѣпости, внизъ по Иртышу, на противоположномъ его берегу. О нихъ путешественникъ семнадцатаго столѣтія, Байковъ, разсказываетъ такъ: «А живетъ тутъ калмыцкій лама подлѣ Иртыша на лѣвой сторонѣ. А

«поставлены у того ламы двѣ палаты бурханныя велики—кирпичъ «сженный. А избы у нихъ, въ которыхъ живутъ, глиняныя. А хлѣ-«ба родится у того ламы, пшеницы и проса, много, а пашутъ Бу-«харцы.»

Развалины «Аблайкитскихъ Палатъ» лежатъ между Усть-Каменогорскомъ и Бухтарминскою-Крѣпостію на противоположной, лѣвой сторонѣ Иртыша въ горахъ хребта Тологой, въ вершинахъ рѣчки Бески, текущей въ Иртышъ. «А течетъ та рѣчка Бешка изъ камени въ Иртышъ», говоритъ Байковъ. «А на той рѣчкѣ Бешкѣ Аблай-Тайша дѣ-«лаетъ городъ, а про то подлинно невѣдомо—каменный ли, или дере-«вянный. А лѣсу навожено много — лѣсъ сосновый, тонокъ; какъ и «у насъ на Руси въ городѣхъ около огородовъ оплоты ставятъ. А «ставитъ тотъ городъ—промежъ горъ каменныхъ, а мастеры къ нему «присланы изъ Китайскаго царства.» Въ Аблайкитѣ была богатая монголо-тибетская библіотека, и ксилографическая типографія. Бо́льшая часть хранившихся здѣсь книжныхъ сокровищъ погибла вмѣстѣ съ Аблайкитомъ и расхищена сибирскими казаками. Бель купилъ нѣсколько буддійскихъ листовъ въ Тобольскѣ у солдата; Миллеръ пріобрѣлъ ихъ множество; Петръ Великій посылалъ въ Парижъ къ аббату Биньону для перевода, или въ тамошнюю академію наукъ, впервы́е найденные у насъ листы съ тангутскими письменами; въ наше время Гумбольдтъ нашелъ, какъ увѣряютъ, въ травѣ, кругомъ развалинъ, оторванные листы тибетскихъ книгъ.

X.

Колывань.

Въ городѣ Колывани, то есть въ деревнѣ Чаусахъ, остановился я у крестьянина, или горожанина — это все одно. Мужикъ зажиточный, исправный и порядочный говорунъ. Онъ въ восторгѣ отъ своего роднаго города и ужасно хвастался, что бывшій Чаусскій-Острогъ (отъ рѣки Чаусы, текущей въ Обь), переименованный Колыванью, чуть-чуть не возвели было въ 1823 году на степень губернскаго города, вмѣсто Томска. Колывань, стоя на большой дорогѣ, на торговомъ и на почтовомъ трактѣ, въ тридцать лѣтъ не выросла ни на вершокъ. Въ 1826 году въ этомъ городѣ, было 800 душъ жителей обоего пола, а въ 1846 году въ немъ считалось 600 мужчинъ и 500 женщинъ; одна церковь, одинъ казенный каменный домъ, именно—острогъ, и двѣсти пятьдесятъ деревянныхъ дворовъ. Ремесленныхъ, фабричныхъ и промышленныхъ заведеній, кромѣ четырехъ кузницъ и трехъ питейныхъ заведеній, не существуетъ никакихъ. Вотъ и вся статистика города Колывани.

— Полно вамъ, ваше почтенство, на смѣшки-те подымать Колывань нашу: вы погляньте-тко ка́къ мы живемъ-то!

— Да по городу-то судя, здѣсь все голь-гольемъ живетъ? спросилъ я его.

— Да, голь-гольемъ, толкуй: насъ вотъ мужескаго-то полу считается въ округѣ здѣсь тысячъ тридцать съ лишо́мъ, тутъ и старъ и младъ, а скота у насъ у всѣхъ, поди, что ста полтора тысячъ головъ навѣрное будетъ.

— Чѣмъ же вы, кромѣ заводскаго дѣла, еще промышляете.

— То-то, чѣмъ промышляете! У насъ здѣсь на выгонѣ за восемьдесятъ озеръ—вотъ мы рыбку ловимъ, да продаемъ; тамо-тка вотъ къ Колывани Озеру пчельники—вотъ мы медкомъ торгуемъ. Тутъ у насъ Обь рѣка—мы барки проводимъ въ Томскъ, да въ Нарымъ, нанимаемся домы строить, высиживаемъ деготь, смолу; шьемъ обувь, рѣжемъ посуду, торгуемъ у казаковъ овесъ и муку, а пуще того насъ обозы поддерживаютъ, круглый годъ идутъ они изъ Кяхты въ Нижній. У меня вотъ и топеря сидятъ два караванные, да потѣшаются тамъ въ особой горенкѣ, ино съ-дороги, ино съ-горя.

Я пошелъ въ особую горенку хозяина посмотрѣть, какъ наши прикащики потѣшаются и что это именно за народъ.

Чистая комната въ три окна была убрана обоями; ужь какими бы ни было обоями, да — обоями! Въ простѣнкахъ столики съ незавидными зеркалами; въ переднемъ углу — святыя иконы; вдоль стѣны развѣшаны въ симметріи разные господа важной наружности, рядомъ съ Боболиной, Блуднымъ-Сыномъ, какимъ-то Грекомъ безъ подписи и лубочной картинкой сказочнаго содержанія. Мебель деревянная, безъ подушекъ, но выкрашена краскою, въ родѣ кирпичной; въ-сторонкѣ широкая постель подъ ситцевымъ пологомъ. На полу и на сундукахъ съ «добромъ» разостланы тюменскіе «полазы» (ковры).

Посреди стоялъ столъ, на столѣ самоваръ, штофъ водки, штофъ туземнаго питейнаго рома и двѣ опорожненныя бутылки шампанскаго. Около стола сидѣли два господина въ хорошихъ халатахъ, съ представительной наружностью, съ умнымъ выраженіемъ лица, безъ бородъ, съ щегольскими усами. Это и были прикащики, одинъ мѣщанинъ, другой крестьянинъ. Рядомъ съ ними сидѣли двѣ хорошенькія дѣвушки—дочь хозяина, содержателя постоялаго двора, и ея подруга: онѣ прислуживали пріѣзжимъ, потому-что «стряпка» на-дняхъ сдѣлалась нездорова, самой хозяйкѣ бѣготней заниматься не пристало, а онѣ—помоложе, ихъ ноги попрытче, имъ пріучаться надо!

— Здравствуйте, господа; Богъ на помочь; что подѣлываете добраго?

— Богъ на помочь, ваше высокоблагородіе; благодаримъ покорно... а мы чаёкъ попиваемъ... не прикажете ли ханскаго? Присуѣдьтесь!— отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Талова, ѻсоподина! садить буля съ нами! а ми симипански пиху буля! отвѣчалъ другой, какъ-видно порядочно подъ хмѣлькомъ.

Я придвинулся къ первому и завелъ съ нимъ разговоръ, сначала о чаѣ, потомъ о Кяхтѣ, потомъ о нашей торговлѣ съ Китайцами. Къ удовольствію своему,—не скажу къ-удивленію, потому-что удивляться было рѣшительно нечему, я нашелъ въ первомъ прикащикѣ умнаго, сметливаго и чрезвычайно дѣловаго человѣка, который передалъ мнѣ бездну такихъ замѣчаній, какихъ не вычитаешь ни въ одной книгѣ, гдѣ только говорится о нашей торговлѣ съ Китаемъ. Къ сожалѣнію, я не могу передать этихъ замѣчаній письму, а тѣмъ болѣе печати, именно потому, что, съ одной стороны, не могу поручиться за ихъ безошибочность, а съ другой и потому еще, что онъ высказалъ ихъ не совсѣмъ-то въ трезвомъ видѣ, хоть пословица и соблазняетъ меня повѣрить искренности этихъ замѣчаній, говоря—«что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ».

— Чай хычи, ѻсо-подина? спросилъ меня второй прикащикъ.

Я пристально взглянулъ на вопрошающаго и отвѣчалъ короткимъ «нѣтъ».

— Пи-ху́: писи́ва не на́даля!.. какой манѐгъ хы́чи?

Мнѣ, признаюсь, смѣшно было это глупое приставанье.

— А хагчи́-магчи́ хы́чи?

— Что̀ такое??

— Хагчи́-магчи́? Кушаху́; са̀ма во̀ля кушаху́... Би-зи-ци-лы-мо-ни! Хы́чи сними́па̀нски?

— Скажите, пожалуйста, что̀ это за чудакъ съ вами сидитъ? спросилъ я другаго прикащика: что̀ онъ ко мнѣ пристаетъ? Что̀ онъ: Татаринъ, что̀ ли, или Чухонецъ?

— Извините, ваше высокородіе: это мой товарищъ, такой же Русскій, какъ и мы съ вами; но онъ такъ обжился въ Кяхтѣ, и такъ свыкся съ Китайцами, что никакъ не можетъ отвыкнуть отъ тамошняго языка... Это онъ разговариваетъ по-китайски.

— По-китайски? Что̀ вы, Христосъ съ вами! да развѣ это китайскій языкъ?

— Какъ же съ, помилуйте, мы знаемъ: это по-китайски! Только, изволите видѣть, два великіе народа сошлись, русскій, да серединный, да и давай спориться, кому по-каковски учиться. Былъ, знаете, Хабаровъ, одинъ богатырь этакой изъ казаковъ; онъ взялъ дрянь какую-то народишка... что-то оченно мало и завоевалъ почитай цѣлое царство на Амурѣ. Вотъ-съ, Китайцы видятъ, что имъ съ нами плохо: они и давай учиться русскому языку, чтобъ облегчить обоюдныя сношенія при торгахъ. Сначала ихъ казаки поучили, а ужь потомъ и мы, промышленный людъ, стали имъ уроки давать.

— Да вѣдь для облегченія торговыхъ сношеній у насъ есть тамъ китайско-русская школа, гдѣ превосходнѣйшимъ образомъ и съ удивительною быстротою изучаютъ настоящій китайскій языкъ?

— Такъ-съ; это точно-такъ; да школа-то эта образована при покойномъ Государѣ Александрѣ Павловичѣ, а Китайцы со временъ Хабарова говорятъ по-русски, а мы-то по-ихнему и не учились: гордость, вишь, наша такая; а Китайцевъ заставили выучиться.

— Что̀ жь за тарабарщину несетъ вашъ товарищъ?

— А вотъ-съ: Китайцы нѣкоторыхъ буквъ выговаривать не могутъ, они и ладятъ всѣ слова на свой манеръ. Напримѣръ «ѣсть» по-ихнему «ку-ша-ху́» это и «ѣлъ» и «ѣшь» все тутъ за-одно. «Пить»—«пи-ху́»; спать — «сы-пи-ху́;» наши «харчи» у нихъ «харчи́-марчи́», война — «подеги́за», театръ — «поикго̀»; щеголь—«шоголи-льюди»; ѐрру (буквы р)-то нѣтъ у нихъ, они и картавятъ-будто... Да вотъ, ужь, позвольте съ товарищемъ познакомиться вамъ—мы вамъ языкъ-отъ ихній покажемъ... Ну-тко, Егорша, потѣшимъ ихъ благородіе: поговори поникански, а я будто пріѣзжій.

— А-а?! Но̀ва льюди?.. Ка̀ко ти́би позову́?

— Да-съ, новопріѣзжій; зовутъ Иванъ Иванычъ.

— Дамно̀ пришо̀ля? Куда поживу́?

— Съ мѣсяцъ-мѣста есть какъ пріѣхалъ.

— Одинъ ми́зяца посли! Ти́би заку́да походи́ буля́?

— Я изъ Петербурга пріѣхалъ.

— За Петелоубо̀уга? Шипки дало̀ки!! Ти́би за какой манегъ походи́ буля́: за кхы́ни? за лёшки? за лежа̀нки?

— Точно такъ-съ: въ лежанкѣ, въ экипажѣ пріѣхалъ.

— Пожалуй за моя югтъ (домъ), милости пилòсимъ.

— Покорно благодарю, господинъ Китаецъ.

— Пхай!! Китай!! съ гнѣвомъ вскричалъ другой прикащикъ:—Ти́би дамъ Китай! Моя подумай ти́би мало-мало дулàки йиси!.. А хы̀чи òсоподи́на Дзаггучи? Его филонсàуфа йиси; его льюди у́ма висòки (онъ философъ, онъ человѣкъ ума высокаго): ти́би буля мало-мало бамбуки подчивàй!... Китай?!

Китайцы ненавидятъ, если ихъ называютъ Китайцами: въ этомъ названіи такой же унизительный смыслъ , какъ въ словахъ Servi и Sclavi, если такъ переводить Сербовъ или Славянъ.

Китайцы знаютъ себя подъ именемъ Никàнъ или Никàнски-льюди; всѣ прочіе народы—Сіянски-льюди, или жители Западнаго-Океана. Между ними отличаются Луски-льюди, или Олòсъ или, и это преимущественнѣе, Лòча—Русскіе; Китайцы слыхали и про «Нимье́ски-льюди», но о нихъ не составили еще выгоднаго понятія; они знаютъ про Филансу́ски люди, а разнонародную смѣсь прочихъ европейцевъ называютъ «Халимуггъ» или дѣтьми разноплеменныхъ родителей.

— Ну, а про Англичанъ-то наши пограничные Китайцы слыхали ли?

— За Агли́цки льюди? вскрикнулъ второй прикащикъ , вскочивъ со стула и сдѣлавъ грозно-трусливую гримасу:—Агли́цки-льюди — чòута-льюди! За Агли́цки льюди волоса агни (огненные, рыжіе)! Ха, ха! За Агли́цки льюди осудагя — бабàшики (у Англичанъ государемъ женщина).

— А славно они изъ-за моря-океана на никанское царство нагрянули! замѣтилъ первый прикащикъ: — кàкъ это они такую даль налетѣли?

— За Агли́цки льюди йиси одинъ дошани́ка (суденышко): его хàусики (парусовъ) ниту-ля́—его ля́пушки йиси! его а́гни кушаху́ буля́! Его рѣ́чишки вни́зу побѣгу́: его сама ввыльхъ походи бу́ду (подъ нимъ рѣки внизъ бѣгутъ, а онъ плыветъ противъ теченія); его чòута коуабль йиси, пхай!

— Вишь они пароходами-то какъ ихъ напужали...

— Пу-ша-ли́? Гм! За наша, за печи́нске, за гòуода, продолжалъ разскащикъ:—йиси одинъ пу́шочки, побольшàнъ пу́шочки—не андали лаки́теки (не съ ракетку)! Его самà знàша како манегъ походи́ надà; когда его попали́ буду́—ваша Петелоубòуга, вàша Мòсква кончàа буду́!

— Такъ что̀ жь вы Англичанъ да Французàнъ не колотили? Ну, стрѣляли бы въ нихъ, да и прогнали бы, а то кàкъ васъ они-то расчесали?

— Га! попали́ Агли́цки льюди!.. Гм! Наша осудагя... ò-о!.. его филонсàуфа льюди йиси! ѐго не хы̀чи штобѣ льюди уми́-уàй буля́!.. Га!

Распростившись съ этими окитаившимися господами, я выѣхалъ изъ Колывани, пробывъ въ немъ, по случаю обѣденнаго времени, часа два-три. За Колыванью мнѣ надлежало переправиться на ту сторону Оби. И при этомъ нельзя умолчать, чтобъ еще разъ не повторить чего-нибудь о превосходныхъ путяхъ сообщенія въ Сибири.

Въ Томской-Губерніи «почтовыхъ» дорогъ считается болѣе пяти съ половиною тысячь верстъ, дорòгъ не почтовыхъ, но удобопроѣзжихъ болѣе 2000 верстъ. На первомъ протяженіи правительство содержитъ 133 станціи съ 547-ю пàрами, а въ каждой парѣ считается по три лошади, потому-что крестьянинъ отъ себя уже прибавляетъ третью, чтобъ

веселѣе было ѣхать; это ужь народный обычай по всей Россіи: какъбы ни былъ малъ грузъ—мужикъ безъ тройки не выѣдетъ.

Но тамъ подальше дорога не такая, какъ у насъ подъ столицей: тамъ мѣры нѣтъ ея ширинѣ. Избита она въ одномъ мѣстѣ — лошади берутъ вправо или влѣво, куда ихъ потянетъ инстинктомъ. Дорога раздвоивается, разтроивается и часто съ одного ея конца до другаго можно положить вѣрныхъ версты двѣ или около: широкое поле разгулья. Съуживается она въ обыкновенную дистанцію или у селеній, или у мостовъ. Сибирь можетъ похвастаться передъ Европой своими мостами (въ одной Томской-Губерніи ихъ 443): они содержатся такъ исправно, что самый привязчивый путешественникъ не найдетъ ничего, что̀ могло бы возбудить его неудовольствіе. Мнѣ случилось разъ прогуляться изъ Петербурга до Вятки... и потому я увѣренъ, что еслибъ мои рѣчи о сибирскихъ мостахъ дошли до господъ землевладѣльцевъ Ярославской и Костромской-Губерній—ихъ бы приняли тамъ за чистую выдумку или за игру пылкаго воображенія.

Перевозовъ въ Томской-Губерніи совершенно-безопасныхъ 46. Паромы ихъ состоятъ изъ широкой , огороженной прочными перилами, настилки на двухъ здоровыхъ однодеревкахъ, крѣпко-соединенныхъ между собою. Перевозчики народъ бравый, молодецъ къ молодцу, которыхъ ничто не удержитъ выказать свою отвагу на широкой Оби-Великой: ни вѣтеръ противный, ни вьюга, ни мятелица, ни сплошно̀й ледъ — ничто имъ не помѣха и мнѣ не разъ случалось переплывать, во время «рѣкостава» , Обь при такихъ обстоятельствахъ, которыя, казалось, совершенно исключали всякую возможность даже осмѣливаться на переправу. Но ведро вина и синенькій кредитный билетъ въ придачу производятъ волшебное дѣйствіе. Однажды насъ совершенно затерло льдомъ; три версты несло по самой ярой водѣ , середи рѣки; вѣтеръ парусилъ въ кузовъ тарантаса; половина шестовъ была переломана объ огромныя льдины—но разудалыя пѣсни про Волгу-матушку, про Яикъ-батюшку не переставали ни на минуту, хоть ихъ и напѣвала артель только въ–полголоса; рулево̀й-атаманъ лишь погаркивалъ и бодрилъ народъ, и мы счастливо и безъ всякой помѣхи причалили куда надобно.

Переѣхавъ Обь и выкативъ на берегъ тарантасъ, ямщикъ оправилъ «ко̀ней» приладилъ покруче два «звонца» (колокольца) и пошелъ помахивать. Но это не тотъ «ямщикъ лихой», котораго мы знаемъ у себя, съ его пѣснями и разгульными жестами ; сибирскій ямщикъ больше смахиваетъ на Татарина: онъ увѣсисто сидитъ на козлахъ и только для вида, кажется, держитъ въ рукахъ возжи. Лошади несутся сами впередъ, и онъ только по временамъ подогрѣваетъ ихъ рвеніе легкою острасткою кнута. Перерывчатые крики «Гай!.. шевѐль бычокъ-батюшко̀! Нюу!.. Э, будь ты проклята̀!.. А, чтобы те язвило!.. У,чтобы те пятнало!.. Вя̀ха така̀!..» вотъ и все, что̀ вы отъ него услышите. Онъ пѣсень не поетъ —онѣ или неизвѣстны ему или недоступны для его серьёзнаго расположенія. Да притомъ же пѣсень собственно-сибирскихъ нѣтъ: въ прошломъ году въ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣщена была прекрасная этнографическая статья о русскихъ обитателяхъ Томской-Губерніи, при ней приложено было множество пѣсень — но всѣ онѣ великороссійскаго происхожденія и ничѣмъ не осибирились. Если въ нихъ есть что-нибудь сибирскаго—такъ это... медвѣжій напѣвъ, иначе трудно выразиться. Мнѣ случалось слышать какъ тамъ «ревутъ пѣсни» (это мѣстное

выраженіе совершенно-однозначуще съ выраженіемъ «поютъ пѣсни»), и дѣйствительно, я нашелъ, что, и не употребляя туземныхъ терминовъ, Сибиряки точно не поютъ, а ревутъ пѣсни. Ихъ напѣвъ, напримѣръ, пѣсень «Во саду ли въ огородѣ», «Среди долины ровныя» и дошедшей уже до нихъ «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» точно такъ же относится къ напѣву этихъ пѣсень у насъ, какъ залежалый вѣникъ къ букету ландышей. Типа заунывности тихой и нѣжно-трогательной въ этомъ напѣвѣ нѣтъ.

XI.

Путь за Обью.

Весело по собственной охотѣ ѣхать въ Сибирь, въ чаяніи движенія воды въ той житейской купели, которая именуется пріисковая тайга. Всю дорогу изъ головы не выходитъ мысль, что авось счастье улыбнется человѣку и вознаградитъ его за всѣ прежнія утраты открытіемъ какого-нибудь знаменитаго золотаго пріиска, что̀, какъ извѣстно, можетъ служить удивительнымъ и чрезвычайно-пріятнымъ лекарствомъ, по-крайней-мѣрѣ самымъ живительнымъ цѣлебнымъ бальзамомъ для разслабленнаго человѣчества, «яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше», хотя бы человѣчество это страдало карманною чахоткою въ самой сильной степени.

Ка̀къ бы могуче и сильно ни было желаніе человѣка скрыть внутреннее волненіе чувствъ отъ ожиданій и выжиданій благопріятнаго золотаго случая, но желаніе это и твердая воля безсильны для-того, чтобъ совершенно поработить и заставить молчать въ груди будущаго счастливца томленія и страданія, которыя не даютъ ему покоя. Сердечныя ощущенія высказываются сами-собою; они кладутъ неизгладимую печать на предпріимчиваго мечтателя о золотыхъ пріискахъ; они украшаютъ лицо его такими чертами, линіями, складками и ямочками, что даютъ полную возможность самому плохому поклоннику Лафатера въ улыбкѣ, во взглядѣ, въ самой легкой гримасѣ новичка-золотопромышленика прочитать веселье, счастье, радость, утѣхи, которыя осѣняютъ пріисковаго героя, кружатъ ему голову, тревожатъ его и успокоиваютъ предсказаніями, что онъ-то и есть тотъ избранникъ судьбы, на котораго фортуна непреминетъ излить всѣ свои блага: дайте только ему добраться до пріисковъ!

И все-то ему улыбается по дорогѣ: и баба ему улыбается, когда онъ, въ веселомъ расположеніи духа, прикинетъ ей лишнюю монету за стряпню къ обѣду и за чистенькій сервизъ къ чаю; и улыбается ему мужикъ, когда тароватый проѣзжій, перелагая ассигнаціонный счетъ на опредѣленный закономъ, добровольно, безъ напоминаній, присчитываетъ полукопейки на каждую гривну и не обижаетъ «наводкой»; и улыбается ему дѣвка красная, когда онъ, по непонятному влеченію, вздумаетъ вдругъ развернуться и подаритъ ей серебряный рубль на ситецъ. Даже неодушевленные предметы — и тѣ какъ-то особенно ласково на него смотрятъ: и цвѣточки киваютъ головкой, и травка кла-

няется, и колосья преклоняются предъ нимъ... стóитъ только вѣтру подуть въ эту сторону. Каждый день его будитъ отъ сна румяная зоренька, и великолѣпное свѣтило дня ему первому шлетъ благодатные лучи свои. Оно голубитъ его и потѣшаетъ разными фантазмагоріями, которыя простой народъ честитъ названіемъ «марева». То застелетъ ему глаза точно крепомъ и заставляетъ волноваться, подниматься и опускаться отдаленные предметы, то обольетъ весь горизонтъ цѣлымъ моремъ свѣта, такъ-что смотрѣть больно, и предзнаменуетъ этимъ блестящую будущность золотоискателя, то, разсѣкая ночныя испаренія и раздѣляя волны тумановъ, морочитъ путника, указывая ему въ-сторонѣ на одинокую сосну, которая вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вытянется на цѣлую версту въ вышину и широко раздвинетъ косолапыя вѣтви; а вершина такъ жаромъ и горитъ и весь сосѣдній лѣсъ точно облитъ золотомъ! Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ долговязой, тѣмъ она становится все меньше-меньше; распростертыя вдаль вѣтви подбираются ближе къ стволу... и наконецъ уже, подъѣхавъ къ ней, увидишь, что это дерево какъ дерево—сосна, и больше ничего!

Изъ Сибири назадъ ѣхать—этого ужь не увидишь. Кому пріиски повезутъ, тотъ въ Сибири и остается; спѣшатъ домой только тѣ, кому счастья нѣтъ въ золотѣ. Пробираясь въ Россію, путешественникъ ѣдетъ все прямо на западъ: это предзнаменуетъ западъ дней его; въ-продолженіе всего пути онъ видитъ только одинъ закатъ солнца: не прямо ли это предзнаменуетъ «закатъ звѣзды его счастья», какъ предсказалъ и мнѣ одинъ цыганскій Мартынъ Задека въ юбкѣ.

Я немножечко ошибся въ словѣ: говоря про Сибирь, я употребилъ выраженія «мужикъ» и «баба»; въ Сибири этихъ выраженій никогда не услышишь, развѣ только въ бранномъ смыслѣ. Въ каждомъ крестьянинѣ, въ домѣ котораго путнику случится «пристать», вы увидите обыкновеннаго, чисто и опрятно-одѣтаго крестьянина.

Не припомню теперь, изъ какой именно деревеньки... но, впрочемъ, не въ названіи дѣло — выѣхалъ я на удивительной вороной тройкѣ. Станція была немножко-долга, но я надѣялся, что статныя лошадки быстро пролетятъ какія-нибудь десятка два-три верстъ. Но кому жь изъ насъ не извѣстно, что «наружность иногда обманчива бываетъ», а между-тѣмъ, это правило мы чаще всего забываемъ. Проскакавъ первыя пять верстъ, лошадки заморились и пустились-себѣ трускомъ, верстъ по двѣнадцати въ часъ: это въ Сибири называется ѣхать шагомъ. Дѣлать нѣчего, надо было покориться судьбѣ; не затѣвать же исторій съ ямщикомъ! Но такъ-какъ я не имѣю счастія принадлежать къ разряду холоднокровныхъ, то въ тревожномъ состояніи, въ-сердцахъ, обыкновенно стараюсь скорѣй заснуть; а если это не помогаетъ, то начинаю смотрѣть на небо, слѣдить за ходомъ облаковъ или считать звѣзды. На этотъ разъ я заснулъ преспокойно подъ тѣнью мелькавшихъ мимо насъ стройныхъ деревъ сосноваго бора. Солнце быстро близилось къ западу еще при выѣздѣ со станціи и, предавшись сну, я не замѣтилъ, какъ наступила порядочная темень.

Въ быстрой ѣздѣ, безъ остановокъ, на протяженіи нѣсколькихъ тысячь верстъ, мнѣ жаль было сажать моего изнѣженнаго и сонливаго Никиту на тряскія кóзлы: мы съ нимъ вдвоемъ безобидно полулежали въ тарантасѣ.

— Батюшка-баринъ (это слово въ Сибири тоже неизвѣстно), проснитесь... бѣда!.. бормоталъ онъ, торопливо толкая меня подъ бокъ.

— Чтó такое случилось? спросилъ я, озираясь и стараясь припомнить, гдѣ именно я нахожусь.

— Охъ, бѣда наша, баринъ: противъ насъ замышляютъ недоброе—злодѣи что-то перешептываются!..

Я еще разъ протеръ глаза и старался опознаться, но темень была такая, что зги Божьей не видно: только опустѣлыя кòзлы слегка очерчивались на темномъ горизонтѣ страшной мглы. По сторонамъ черными стѣнами обозначался глухой лѣсъ; изрѣдка посвистывалъ и завывалъ вѣтерокъ; вой его перемежался со стономъ филиновъ, да со скрипомъ деревьевъ; гдѣ-то близко слышались человѣческіе голоса.

— Карандасикъ-то важенецкій: видно, что «золотарь» ѣдетъ, и съ денежками! говорилъ мой ямщикъ.

— Поди-тко-сь! отвѣчалъ незнакомый голосъ:—ну, такъ это намъ съруки; да ты-то кàкъ опростоволосился?

— Да жаль бычка-то стало, сердечнаго: не въ кнуты жь его принять!

— Есть чего жалѣть! Не попадись я тебѣ, «встрѣнься» другой, тебѣ бы ничего и не довелось... Вишь, вѣдь, кàкъ спитъ-то знатно: кàкъ бы, того... не проснулся? И прикащикъ-то спитъ.

— Какò прикащикъ—лакеишку съ собой везетъ... такой ненадежный.

— Куда бы мнѣ его сбыть только? У меня-то въ дому нонича покойникъ свой еще не убранъ.

— Такъ ты куда жь ѣздока-то?

— Однако, развѣ къ Сысоичу: парень исправный — пускай заправляетъ!

— И взàболь къ Сысоичу... съ рукъ сбудемъ!

Никита дрожалъ, какъ осиновый листъ; мнѣ самому, признаться, было какъ-то неловко слушать подозрительныя рѣчи вольныхъ ямщиковъ. Ужь не меня ли они хотятъ «съ рукъ сбыть»? не меня ли хотятъ «принять въ кнуты»? Кажется, для этого имъ нечего бы долго переговариваться; у меня же на ту пору не случилось ни саблишки, ни пистолетишка, чтобъ задать острастку шаловливому народу.

— Съ кѣмъ ты, ямщикъ, тамъ переговариваешься? спросилъ я наконецъ его.

— Ахъ, ваше почтенство, извините, родной! Никакъ мы васъ разбудили, аль сами проснуться изволили?

— Да чтó ты тамъ дѣлаешь?

— Простите, батюшка, виноватъ маленечко: встрѣлся съ пріятелемъ, коники-то у него лихіе—вотъ мы и перепрягаемся, не во гнѣвъ вашей милости.

— Да кàкъ же ты смѣешь передавать меня обратнымъ лошадямъ?

— Да чтò, сударь! грѣха таить нечего: кореняка-то своего, бычка-то, я пожалѣлъ—ужь онъ у меня бѣгалъ сегодня одинъ «станокъ» — вотъ я и понадѣялся на воронкòвъ-то, да и попалъ въ просакъ. А «обратнымъ» сдаю потому, что у пріятеля кони лихіе, да мы жь и не «почтовые»: передавать запрету нѣту.

Слово-за-слово, дѣло объяснилось очень-просто, и въ опасныхъ ямщикахъ я нашелъ, вмѣсто злодѣевъ, весьма-добродушныхъ и услужливыхъ людей, которые, для моей же пользы, перепрягли лошадей и старались доставить къ зажиточному хозяину Сысоичу, на слѣдующемъ станкѣ.

Новый ямщикъ умѣстился на козлахъ, свиснулъ, гаркнулъ, раза два

взвизгнулъ, и мы полетѣли стрѣлой. Не больше, какъ черезъ полчаса, мы уже остановились у двухэтажнаго дома Сысоича.

Сысоичъ самъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, услышавъ окликъ моего возницы: «Дома ль, хозяинъ, у тя кони? Повозка бѣжитъ!»

Это былъ высокій, плечистый, сѣдой какъ лунь мужчина, съ молодецкимъ выраженіемъ лица. Онъ ласково пригласилъ меня въ «горницу» и объявилъ, что мигомъ все будетъ готово.

— Нѣтъ, хозяинъ, ты не торопись, а вели-ка поставить самоварчикъ, да прикажи подать что-нибудь поужинать.

Ночью весь домъ переполошился; хозяинъ отдалъ приказъ хозяйкѣ, та передала его дочери, и ужь эта, поручивъ кухонныя заботы «стряпкѣ», начала сама ухаживать за приготовленіемъ чая. Я вытащилъ завѣтную фляжку ямайскаго рома изъ Петербурга и потѣшилъ старика рюмочкой невѣданной ему драгоцѣнности.

— Экая благодать-то какая, винцо-то у васъ, ваше почтенство! Восьмой десятокъ доживать начинаю, а такого золота пивать какъ-будто еще не случалось.

— Будто-бы? Не-уже-ли тебѣ восьмой десятокъ?

— До весны, дастъ Богъ еще вѣку, такъ восемьдесятъ ровно стукнетъ, около егорьева-дни.

— Помилуй, старина! да тебѣ съ-вида я бы и полсотни не далъ, кабы не сѣдые волосы.

— Отецъ-то у меня, ваше почтенство, сто-двадцать живалъ, болѣзней не знавалъ, такъ съ чего жь мнѣ-то понапрасну старѣться? Одно только горе: временемъ уши закладываетъ, да въ глазахъ темная вода бродитъ, да и то намъ ни почемъ.

— Такъ ты, я думаю, екатерининскихъ-то губернаторовъ помнишь?

— Нѣтъ, сударикъ ты мой, не знавалъ я ихъ здѣсь: я съ полсотни годовъ только въ Сибири живу, поженился здѣсь, одну хозяйку схоронилъ, да вотъ съ этой графиней годовъ двадцать живу: дѣвчонкой взялъ.

Хозяйкѣ, дѣйствительно, было съ небольшимъ лѣтъ тридцать, а неувядшій еще румянецъ на щекахъ и томное выраженіе лица давали знать, что она въ свое время была чудной красавицей, и красоту эту, какъ видно, наслѣдовала дочь Сысоича, девятнадцатилѣтняя Глаша, прелестная блондинка съ золотистыми волосами, съ большими влажными голубыми глазами, съ миньятюрными розовыми губками, съ благороднымъ выраженіемъ лица и манерами, которыя какъ-то не совсѣмъ были согласны съ понятіемъ о простой деревенской крестьянской дѣвушкѣ. Въ хлопотахъ хозяева поминутно входили и выходили изъ комнаты; я улучилъ свободную минутку, разговорился съ Глашей и, оставшись съ ней наединѣ, рѣшительно безъ всякаго дурнаго умысла, сказалъ ей:

— Ахъ, какъ ты хороша, дѣвушка! Дорого бы я далъ, чтобъ тебя поцаловать въ губки...

— Если я-те по нраву, какъ ты мнѣ пришелся, такъ я и сама поцалую!

И съ этимъ словомъ она такъ горячо прильнула ко мнѣ, что у меня голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло и зазвенѣло въ ушахъ.

Ободрившись, я пригласилъ всю семью къ своему чаю и изъискивалъ всѣ средства, чтобъ заставить старика разговориться про прош-

лое. Я старался забыть мою, не совсѣмъ нравственную шутку, и сталъ заговаривать съ старикомъ.

— Эхъ, дѣдушка! говорилъ я ему:—времена-то ныньче стоятъ вишь все какія тяжелыя: то ли дѣло, я чай, бывало встарину?

— Не гнѣвите Бога, сударь, и не вѣрьте людямъ, будто въ-старину было лучше—право-ну хуже!

— Полно, дѣдушка, кàкъ хуже! вишь ныньче кàкъ: то годъ неурожайный, то лихая болѣзнь нагрянетъ—все оно, какъ-будто несовсѣмъ что-то ладно.

— И, ваше почтенство, ваше почтенство, съ чужихъ словъ говорите, а не своимъ языкомъ; мелетъ онъ вамъ не дѣльное: и злыхъ людей нòнѣ мéнѣ, и отъ лихой болѣсти лекарства попридуманы. Нѣтъ, вотъ какъ старину-то взять: такъ вотъ было-то... не дай Господи!

— Да чтò же именно такое?

— Да вотъ я вамъ скажу. Вы, примѣромъ, теперь ѣдете, по подорожной, и съ-виду вы какъ-будто и того... изъ чиновныхъ. А попробуйте вы не отдать прогоновъ, такъ «ваше-то благородіе» не упасетъ васъ отъ закона...

— Чтò и говорить! законы у насъ святы.

— Да еще и кàкъ святы! А въ-старину?.. Да вотъ оно чтò: разъ проѣзжаетъ мимо нашего села новый губернаторъ... давно ужь это и было... вотъ пріѣзжаетъ онъ къ намъ; станція; перемѣнить лошадей надо. У насъ ужь съ недѣлю шесть троекъ на выкормкѣ: днюютъ и ночуютъ на «почтовомъ». Мы глядь-поглядь, а у него только одна «корета» всего-нà-все, и больше никакихъ повозокъ нѣту. Вотъ, молъ, чудо какое: экая бѣдность, подумаешь! Ну, чтò жь? перепрягли шестерку и ждемъ. А онъ и выходитъ; а міръ-отъ на улицѣ шапки долой, да въ поясъ, да въ поясъ! А старшина-то къ нему по обычаю съ блюдомъ, да на колѣни; ну, а на блюдѣ-то, дѣло извѣстное—деньги.

«— Чавò, говоритъ, такòво? губернаторъ-то.

«— Прогончики, молъ, ваше величіе!

«— Какіе, говоритъ, прогончики?

«— Какъ въ подорожной указано, милостивецъ! За шестерку!

«— Да никакъ вы, ребята, съ ума пятите? спросилъ губернаторъ-отъ.

«— Отецъ ты нашъ, не гнѣвись: право-слово, даемъ вѣрно!

— Губернаторъ-то, знаешь, былъ настоящій слуга царёвъ—онъ сейчасъ же и давай выводить справки... да чтò жь бы ты думалъ, ваше почтенство? Изъ-поконъ вѣку велось оно, то-есть; такъ-что ныньче никому и въ умъ не прійдетъ.

— Растолкуй же ты мнѣ, старина, я что-то въ-домекъ не возьму.

— А видите чтò, ваше почтенство: какъ вотъ чиновный кто ѣдетъ, бывало, съ подорожной, положимъ, на тройку, такъ съ него не то что міръ самъ не смѣетъ взять прогоновъ —ему жь еще должны были весь прогонъ съ міра на блюдѣ поднести. Теперь ужь этого давнымъ-давно неводится, ужь этакихъ-то штукъ и не слыхать.

— А вотъ, Архипъ Сысоичъ, вы бы гостю-то разсказали про Антрёпку? сказала хозяйка.

— Про какого Антрёпку? спросилъ я.

— Видите, сударикъ: въ-старину, у одного большаго барина, каммердинеръ Богу душу отдалъ. Вотъ онъ и возьми новаго, поселенца изъ Питера, у какихъ-то баръ служилъ... Антропомъ звали, а прозвали Антрёпкой...

— Ну, что̀? дѣло пустое! его благородію пора ѣхать... Мы, пожалуй, сейчасъ лошадокъ запряжемъ.

— Нѣтъ, хозяинъ, не торопи меня, сказалъ я: — я у тебя останусь до утра: никакъ погода поднимается.

— Ой-ли? ну, и ладно; посидимъ; благо и мнѣ спать не хочется... А ты, Глашенька, ты бы легла-себѣ спать; что̀ тебѣ съ нами засиживаться.

— Да куда жь я, та̀тонька, дѣваюсь? Самъ ты слышишь, какъ вѣтеръ рёвмя-ревётъ, мнѣ въ сѣнцахъ-то холодно будетъ.

— Ну, какъ себѣ знаешь!

— Что̀ жь, дѣдушка, Антрёпка-то? спросилъ я, желая продолжить прерванный разговоръ.

— А вотъ, ваше почтеніе... Антрёпка себѣ-на-умѣ, да и прибери къ рукамъ разныхъ то-есть этакихъ дураковъ... мало ль ихъ на свѣтѣ! Только проходитъ годъ, проходитъ два—все тихо. На антрёпкину бѣду назначенъ къ намъ новый исправникъ. Только-что онъ этакъ... пріобыкся къ дѣлу-то — Антрёпка и шасть къ нему — въ гости пожаловалъ! Вотъ и спрашиваетъ его исправникъ.

«— Что̀ тебѣ, братецъ, надо?

«— Да ничего, говоритъ. Я, говоритъ, такъ, самъ-по-себѣ «пришовши» къ вашей милости.

«— А съ какой то-есть, молъ, стати ты пожаловалъ?

«— Да вотъ, говоритъ, сбираемся съ бариномъ по уѣздамъ, такъ хотѣлось бы услужить вамъ.

«— Скажи ты мнѣ просто и безъ обиняковъ: чего тебѣ отъ меня нужно?

«— Да что̀ ужь отъ вашего высокоблагородія грѣха таить! Я, знаете, поминутно бываю при баринѣ, такъ ужь, само-собой, могу, при случаѣ, замолвить про васъ доброе словечко.

«— Ну? Такъ что̀ жь?

«— Такъ не пожалуете ли, на первый разъ, хоть задаточка?

«— Пожалуй, любезный, пожалуй, изволь: отчего жь съ добрымъ человѣкомъ не подѣлиться. Ты бы давно такъ и сказалъ. А сколько бы тебѣ надобно было?

«— Да ужь рубликовъ пятьдесятъ, ваше высокоблагородіе, положьте на первыхъ порахъ, коли милость будетъ: послѣ сочтемся.

«— Изволь, любезный, объ этомъ и говорить нечего, сказалъ исправникъ, вынулъ бумажникъ, развернулъ его и вытащилъ оттуда двухсотенную ассигнацію: дѣло-то это было ужь оченно-давно, такъ-что и старики-то всѣ перемерли. Вотъ, исправникъ посмотрѣлъ на бумажку, да и говоритъ Антрёпкѣ:

«— Экое, молъ, горе, братецъ ты мой: мелкихъ-то бумажекъ у меня нѣтъ. Зайди-тко ты, братецъ, часика черезъ два ко мнѣ въ присутствіе, я тамъ ее размѣняю, а тебѣ отсчитаю полсотни. Можешь ужо̀ зайдти?

«— Извольте-съ, говоритъ, съ нашимъ удовольствіемъ.

— Ушелъ Антрёпка и черезъ два часа явился къ исправнику въ присутствіе. Городовой казакъ доложилъ, какъ слѣдовало; велѣно впустить.

«— А! здравствуй! что̀ тебѣ?

«— Я къ вашему высокоблагородію: приказать изволили.

«— Ну, извини, не помню... Зачѣмъ, бишь, это?

«— Насчетъ, то-есть, разсчетцовъ.

«— Да, да... это за то́-то, да за то̀-то?

«— Точно такъ-съ.

«— Да что́, братецъ, съ тобой, я думаю, за счеты? По-мо̀ему, коли давать, такъ ужь давать! Мѣнять бумажку для тебя не сто́итъ... Секретарь!.. Запиши-ка въ журналъ его рѣчи... Эй, кто тамъ!.. Возьмите-ка вотъ этаго хорошаго человѣка подъ арестъ... Ну, прощай, братецъ: полюбится — на-предки просимъ!

— Тогда открылись всѣ плутни Антрёпки и онъ, послѣ суда, получилъ должное наказаніе. Вотъ, батюшка, ваше почтенье, какія вещи-то водились, а вы еще говорите, что въ-старину будто бы лучше намъ жить было... Нѣтъ, нѣтъ, не грѣшите, ваше благородіе... Тепере-тко, поди-тко, никто и не повѣритъ, каковъ въ-старину народецъ живалъ.

Дальнѣйшій разговоръ поддерживала хозяйка. Какъ-то пришлось къ слову о чаѣ, о темной ночи, или о глухой дорогѣ—и она мнѣ разсказала слѣдующій анекдотъ:

Шелъ караванъ съ чаями. Остановившись въ одномъ мѣстѣ на ночь, караванный прикащикъ, съ наступленіемъ утра, пустился въ дальнѣйшую дорогу, но на первомъ же переходѣ замѣтилъ, что у него похищены цѣлыя два «мѣста» чаю. Въ ближнемъ городкѣ онъ и объявилъ полиціи о своей потерѣ, разсказалъ все происшествіе и прибавилъ, что въ цибикахъ заключался самаго высокаго сорта зеленый чай. Мѣсто было недальнее: бросились искать по горячимъ слѣдамъ — нѣтъ какъ нѣтъ! Исправникъ и уговорилъ прикащика повременить нѣсколько дней въ городѣ. Исправникъ былъ человѣкъ безпримѣрный, хозяйничалъ уѣздомъ лѣтъ десять, крестьянъ всѣхъ поправилъ, воришекъ и даже воровъ истребилъ. Этого господина не то что свой уѣздъ, вся губернія, вся Сибирь уважала и знала, какъ человѣка до крайности честнаго и добраго. Подозрѣніе падало на крестьянъ той деревни, гдѣ караванъ провелъ предшествовавшую кражѣ ночь, но всѣ поиски въ ней остались тщетны. Вдругъ въ маленькомъ городкѣ, въ трехъ знакомыхъ семействахъ обнаружилась какая-то болѣзнь, въ родѣ повальной. Холеры тогда даже въ Россіи не знали, а въ Сибирь она и въ послѣднее время такъ далеко не заходила; впрочемъ, по разсказамъ, признаки болѣзни были нѣсколько-похожи на холерные. Открылось, что причиною появившейся болѣзни былъ зеленый чай: похитители были такіе люди, что даже подозрѣвать ихъ въ чемъ-нибудь законопротивномъ никому не пришло бы въ голову. Обрадовавшись удачному пріобрѣтенію, они такъ щедро накладывали зеленаго чая и такъ неумѣренно его употребляли, что именно этою роскошью и открыли свое преступленіе.

Хозяйка кончила неинтересный свой разсказъ о зеленомъ чаѣ; старикъ Сысоичъ давно уже, сидя, заснулъ; Глаша тоже, казалось, спала крѣпко, хотя по-временамъ и таращила глазёнки посмотрѣть, что̀ подѣлываютъ ея старики...

— Скажи-ка, хозяюшка, работникамъ, чтобъ они «ладили ко̀ней» сказалъ я глашиной матери, не желая тратить драгоцѣннаго времени и надѣясь по холодку проскакать до полудня еще верстъ со сто. Хозяйка вышла, Глаша встрепенулась, подбѣжала ко мнѣ и жалобно сказала:

— Послушай, мой сахаръ-медовичъ: такіе гости, какъ ты, у насъ на-рѣдкость; останься у насъ, сластёный ты мой; ночуй здѣсь, а зав-

тра скажи, что головушку разломило, и пробудь у насъ денька два, а тамъ брось, забудь насъ и поѣзжай-себѣ съ Богомъ...

Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ; мнѣ стало неловко.

— Нѣшто нѣлюбы тебѣ мои рѣчи?.. Ахъ, зналъ бы ты, какъ мнѣ тошно и нѣвесело; я одна-одинёшенька; ни дружка у меня, ни подруженьки нѣту; не съ кѣмъ мнѣ ни поплакать, не съ кѣмъ слова вымолвить... Меня замужъ хотятъ выдать за гадкаго-прегадкаго... А, да, знаешь ли что? вотъ ты ѣдешь на пріиски? возьми-тко меня съ собой? А? возьмешь? Я буду служить тебѣ «по гробъ жизни»... Голубчикъ ты мой, возьми меня вмѣстѣ!...

Я готовъ былъ принять ее за помѣшанную: это самая легкая манера отдѣлываться отъ всего и свалить свою вину на другаго; но мнѣ хотѣлось допытаться до настоящей причины, которая сначала вынудила робкую съ вида красавицу забыть дѣвичій стыдъ свой и броситься на шею первому заѣзжему незнакомцу...

Она, казалось, забыла весь свѣтъ и въ порывахъ, то негодованія, то какого-то сладостнаго волненія, смѣялась надъ моими, по-возможности хладнокровными совѣтами; я старался какъ-можно-дальше отъ нея отодвинуться, но она поминутно приступала ко мнѣ все ближе и ближе; нагнувшись ко мнѣ, она налегла на край стола и перетянула доску. Чайный приборъ задребезжалъ, самоваръ слетѣлъ на полъ, свѣча покатилась — старикъ пробудился отъ шума. Но прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя, Глаша уже притаилась на своемъ мѣстѣ и какъ-будто нехотя, потягиваясь и зѣвая, прощебетала намъ тоненькимъ голосочкомъ:

— Ахъ, что бы васъ тамо-ка! какъ спужали! Чего такого случилось?

Разбитые стаканы подали мнѣ удобный случай оставить что-нибудь хорошенькое Глашѣ на память. Когда я надѣлъ дорожное пальто и съ фуражкой въ рукахъ выходилъ изъ горницы, Глаша, блѣдная, вся въ слезахъ, подошла ко мнѣ и сказала съ упрекомъ:

— Ты, какъ чорствый хлѣбъ, жостокъ. Но Христосъ съ тобой! иди... скажи мнѣ только одно слово... только одно слово: вспомнишь ли ты хоть разъ про бѣдную Глашу?

Я, не помню, сказалъ ей какую-то успокоительную фразу.

Да; прошло ужь четыре года этому довольно-обыкновенному въ дорогѣ происшествію, а все хорошенькая Глаша не выходитъ у меня изъ памяти. Я точно передъ глазами и теперь вижу, какъ мы съ полминуты простояли молча другъ передъ другомъ. Наконецъ я кинулъ ей свое «прощай», вышелъ въ сѣнцы и сошелъ съ крылечка. Ночь была страшно-темная; порывистый вѣтеръ потушилъ фонари, съ которыми хозяинъ и хозяйка вышли усадить меня въ тарантасъ и отпустить въ дорогу. Трое работниковъ сдерживали подъ уздцы бѣшеную упряжку «курьерскихъ». Никита откинулъ подножку съ правой стороны экипажа; съ противоположной стороны Глаша протянула мнѣ свою крестьянскую, крѣпкую руку.

— Готово? спросилъ ямщикъ.

— Трогай! отвѣчалъ Никита.

Въ то же мгновеніе сверкнула молнія и раздался громовой ударъ. Работники отскочили съ дороги, кони захрапѣли, немного привскочили и понесли насъ, точно бѣшеные. Безпрестанно подстрекаемая сверканіемъ и ревомъ грозы, тройка мчалась безъ-устали, не разби-

рая въ гору или подъ гору лежитъ дорога. Ямщикъ навертѣлъ возжи себѣ на руки по самый по̀-локоть и только два раза прокричалъ мнѣ:

— Эй ты, ваше благородіе, держись крѣпче... Богъ вынесетъ, такъ костей не переломаемъ.

Тридцативерстное пространство мы пролетѣли съ небольшимъ въ часъ. Но ни безумная скачка съ опасностью сломить шею, ни ужасъ ярой грозы въ лѣсу не могли меня отвлечь отъ раздумья о Глашѣ... Теперь, я чай, у нея цѣлая гурьба ребятишекъ!.. Шутка ли, въ это время сколько воды утекло!

XII.

Дневникъ неизвѣстнаго господина.

«На послѣдней къ Томску станціи ямщики-Татары величаютъ себя Бухарцами. Рослый, плотный и красивый народъ, но ужасные попрошайки. Лошадёнки туда-сюда.

«Погодите вы у меня, господа писаки разныхъ событій и отношеній! вотъ я скоро начну новое сочиненіе «Историческое развитіе начала ямовъ»: я такъ подшибу вашу поддѣльную ученость и фальшивыя знанія, что вы запоёте у меня кукареку — да ужь поздно.

«Развѣ..? ну, такъ ужь и быть! еще годикъ-другой подожду: авось вы у меня смиритесь... Эй, говорю, уймитесь; вспомните, что я и не такихъ какъ вы важно отдѣлывалъ, а ужь васъ ли мнѣ не вывести на чистую воду?

«Въ «Варюхиной» потребовалъ обѣдать. Хозяинъ зарѣзалъ курицу; хозяйка искрошила ее сырую и потомъ сжарила на сковородѣ. Про супъ и спрашивать нѣчего: его не было. Поѣлъ огурцовъ, да творога съ сметаной—и весь обѣдъ. Подали, правда, три шаньги, да холоднаго барана, но я этого не считаю. А вкусны, особенно шаньги; и барашекъ молоденькій. Но что̀ за испорченная нравственность у этихъ людей? съ меня требуютъ трехрублевый! Далъ два двугривенныхъ; пятакъ на-водку.

«Все это—золотые пріиски надѣлали: даже въ Москвѣ дешевле.

«Вопросъ о пріискахъ — вопросъ важный, вопросъ капитальный. Я его разрѣшу; я вижу, что наши фанфароны-экономисты его не смыслятъ.

«Жаль, что Сэя нѣтъ въ-живыхъ: онъ, да я—насъ только двое.

«Въ каждомъ дѣлѣ — нѣсколько сторонъ. Сибирь обогащаетъ Россію... да, Господи, кто жь этого не знаетъ? Но что есть люди, которые разорились на золотые пріиски—это тоже бытство.

«Хорошее выраженіе «бытство»: куда съ нимъ тянуться этому глупому слову «фактъ»? Фактъ!.. ха, ха, ха,ха... умора!

«Въ «Калтаѣ»—Бухарцы, Бухаряды: такъ ихъ въ-старину православные звали. Я неоднократно доказывалъ, что чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ растлѣніе нравовъ ощутительнѣе: около Парижа не то, что гдѣнибудь близъ Лангдока. Въ Калтаѣ—тоже. Я пью чай безъ сливокъ, и потому по Барабѣ кидалъ за самоварчикъ гривну; оставались довольны. А здѣсь Татаринъ говоритъ «прикащики по гривнѣ серебра даютъ»! Что̀ за ротшильдовское населеніе! Велика важность—самоваръ согрѣть! За что̀ жь тутъ давать гривенникъ?

«Ѣду дальше. Фу, какая скука! Ни души. Рѣдко гдѣ попадется мужикъ въ сермягѣ. Люблю я сермяги!

«Въ сторонѣ сверкаетъ точно зарница: это лучи отражаются въ водохранилищѣ на кругозорѣ.

«— Ямщикъ! Рѣка или озеро? Тамъ?! я спросилъ.

«— Томá, отвѣтилъ онъ мнѣ грубо.

«Гм! Томà... то-есть, Томь. Ну, слава Богу: я, смиренный паломникъ, отведу душу въ Томскѣ.

«Какая досада—опять перевозъ! Ну, ужь мнѣ эти переплавы сôлоны. Совѣтую писать переплавы, отъ слова сплавлять, а не переправы... Тô-то же : все васъ учи!

«Солнце закатилось; настали сумерки; мы подъѣхали къ перевозу. Шесть возовъ предупредили мой экипажъ. Кричу имъ: «раздвиньтесь дурачьё! я ѣду!» А они-себѣ и ухомъ не ведутъ. Хорошо, что я человѣкъ смирный, а ужь было бы имъ! Я, однакожь, растолкалъ ихъ и протискался впередъ.

«Я сдѣлалъ изъ обѣихъ рукъ родъ рупора и отдалъ приказаніе перевозчикамъ на противоположной сторонѣ. Рѣка Томь широка — очень, не то что Обь, однакожь порядочно. Несмотря на то, меня услышали.

«Не дуренъ видъ на Томь. Живописно. Даль. Кругомъ полусвѣтъ и полумракъ. Напротивъ—утесистый берегъ, чорный; мѣстами бѣлѣются полоски: это, говорятъ, мѣста насыщенныя солью. Изъ-за боковыхъ высей выплываетъ желтая луна; она смотрится въ рѣку и, лія томные лучи, серебритъ струи колеблющейся влаги; проникну́тый свѣтомъ «безсчастной вдовы», туманъ на водѣ — дымится какъ курево; въ небѣ горятъ алмазныя звѣздочки, онѣ, какъ очи южной дѣвы, сверкаютъ сладострастнымъ мерцаніемъ... А? каково? Вѣдь очень-хорошо сказано... Чистая поэзія! Вы слышите какъ это Пушкинымъ пахнетъ? Дà, во мнѣ живъ еще теплый духъ Пушкина!

«Ямщикъ отпрегъ пристяжекъ, а потомъ коренную. Народъ помогъ вкатить экипажъ на плотъ. Мужицкіе возы умѣстились тутъ же по сторонамъ. Лошадей ввели въ оглобли задомъ напередъ, то-есть, головой къ кôзламъ. Татары-работники бормочутъ по-своему, отпихиваясь шестами.

«На рѣкѣ тихо—не колыхнется. Положивъ шесты, работники взялись за весла: вода замутилась, эхо въ утесахъ вторило шлепанью веселъ о поверхность воды.

«Рѣка извилиста до такой степени, что мнѣ казалось, будто я переѣзжаю волшебное озеро: зрѣлище дѣйствительно великолѣпное.

«Да вѣдь тутъ много значитъ душевное настроеніе: притомъ же и впечатлительность къ красотамъ природы удѣлъ нашъ, немногихъ.

«Наконецъ мы переѣхали.—Пристань: настланы доски.

«На вершинѣ гористаго берега виситъ надъ рѣкой одинокая изба. Быть-можетъ это остатки дворца и города князца Тояна? Оно и кстати: мѣсто удобное для рекогносцировки. Я обратился съ вопросомъ къ туземцу—но невѣжда вздумалъ меня увѣрять, что этотъ домъ еще не очень-старъ, принадлежитъ Бухарцу, содержателю перевоза; а древній городокъ былъ будто бы на той сторонѣ Томи... Туда же, о древностяхъ толкуетъ, несчастный!

«Ямщикъ опять впрегъ коренную; тарантасъ вывезли на ровное мѣ-

сто и стали приготовлять упряжку. Коренякъ трясетъ и машетъ головой—звенитъ подъ дугой колокольчикъ; а кругомъ—тишь.

«Наконецъ сѣли. Проѣхали съ версту. Миновали татарское предмѣстье: — мечеть съ минаретомъ, на шпилѣ луна вверхъ рогами. Въ окнахъ домовъ цвѣты.

«Подвязали язычки у колокольчиковъ: въ городахъ запрещено ѣздить съ колокольчикомъ.

«Подъ горой шлагбаумъ. Людей ни души. Близъ шлагбаума древняя платформа: при царяхъ, должно-быть, была здѣсь гауптвахта. У насъ въ столицахъ это до-сихъ-поръ соблюдается.

«За шлагбаумомъ крутой въѣздъ на гору, въ городъ. Только-что поднялись — и насъ обдало винной атмосферой: тутъ главное депо питейныхъ товаровъ.

«Странная вещь: я до-сихъ-поръ не встрѣчаю ни мелочной лавки, ни хожалаго продавца съѣстныхъ припасовъ—купилъ бы чего-нибудь поужинать, а въ трактирѣ съ меня вѣрно сдерутъ въ-три-дорога.

«Мало развита образованность; потребности слишкомъ-ограниченны; сфера дѣятельности узка: хоть бы пирожникъ встрѣтился на углу или баба съ гречневиками попалась—а то ровно ничего... А славная вещь—гречневики! Люблю я все, что Русью пахнетъ!

«Не знаю, отчего мнѣ такъ ѣсть захотѣлось: давно ли, кажется, обѣдалъ? давно ли чай пилъ съ хлѣбомъ? Вѣрно это отъ перемѣны климата и отъ энергической раздражительности пищеварительныхъ органовъ.

«Я каждый день подвергаюсь такому дѣйствію перемѣны климата.— Однажды болѣзненное разслабленіе дошло до того, что за завтракомъ я едва-едва справился съ окорокомъ, а за обѣдомъ, кромѣ щей, пирога съ нельмой, разварной стерляди съ хрѣномъ, на-силу съѣлъ телячью грудинку. Спасибо, что хоть миска творога со сметаной меня подкрѣпила... А какъ теперь хороша у насъ, въ столицѣ, ботвинья съ лососиной! А малина со сливками! а яблочные дутики съ вареньемъ!.. Накладешь, бывало, цѣлую тарелку, да взресь, полнёхоньку—и что же? не попахнетъ! такъ во рту само и растаетъ!

«Охъ, ужь мнѣ эти путешествія измучатъ они меня дорогой! Лишенія... заботы... скорбь... И людское безстыдство: такъ за все и тянутъ деньги!

«Виноватъ ли я, что природа проложила здѣсь широкую рѣку? Виноватъ ли я, что просвѣщеніе въ такъ-называемыхъ образованныхъ государствахъ недостигло еще того, чтобъ считать возможнымъ покрытіе всѣхъ рѣкъ въ мірѣ хорошими чугунными мостами? Я изъѣздилъ всю Европу—и перевозы вездѣ существуютъ. Къ-чему? Мостъ въ тысячу разъ удобнѣе.

«Отъ Москвы до Томска — сорокъ переплавъ: по часу считать, такъ почти двое сутокъ изъ жизни вонъ! А какъ для меня дорога каждая минута, посвящаемая общему благу!..

«Противъ депо питейныхъ товаровъ, на воротахъ сѣраго дома, растянута вывѣска. Художникъ тщился нарисовать двухъ господъ играющихъ на бильярдѣ. Попытка довольно-неудачная; впрочемъ не очень-трудно было догадаться, что тутъ гостинница: была русская надпись.

«Въѣхали; полъ на дворѣ выстланъ досками. Пристали къ крыльцу. Сбѣжалъ низенькій господинъ въ русской прическѣ, съ щелушной бородишкой, съ татарскимъ лицомъ, въ чекменѣ изъ рода тѣхъ, въ ка-

кихъ щеголяютъ наши пѣвуны-Цыгане, въ шальварахъ: это хозяинъ. Рядомъ съ нимъ — богатырь, чистый Ярославецъ, въ полномъ крестьянскомъ нарядѣ... но представьте себѣ: мой Москвитянинъ, сей дюжій мужикъ — былъ въ панталонахъ!

— Вези къ другому дворнику! сказалъ я ямщику, и ушелъ...

«Вошелъ въ другой домъ почти рядомъ: гостинницу содержитъ отрасль славянскаго же племени; но коханый пршіяцѐлю заломилъ съ меня такую цѣну за нумеръ, въ которомъ стѣны стояли подъ угломъ 75° къ общему горизонту площади, а по полу могли сами катиться стулья, что я поспѣшилъ убраться отсюда, пока домъ еще не развалился, чего надо было ожидать съ минуты на минуту... Ужь послѣ я узналъ, что этого крушенья ждутъ теперь девятый годъ.

«У дворника Затинщикова мнѣ показали чистенькій ходъ, переднюю, темненькую и двѣ свѣтлыя комнаты на улицу; цвѣты бальзаминъ и ерань; мёбель не дурная; на столахъ мраморныя доски; порядочныя зеркала; часы въ футлярѣ; двѣ очень-хорошенькія горничныя, одна пудовъ въ шестнадцать, а другая очень-деликатная... Жена увѣряетъ, что въ комнатахъ страшно гнилью пахнетъ... Ну, ѣдемъ дальше; а хорошо бы: рубль серебромъ съ харчами въ день!

«У Альбиноса мужская прислуга; комнатки точно клѣтки; цѣна мѣстамъ, нумерамъ и блюдамъ точно какъ въ Петербургѣ во французскомъ ресторанѣ. Покорнѣйшій слуга. Вотъ городокъ-то! Нѐгдѣ пріютиться.

«Переѣхалъ черезъ мостъ рѣку — зовутъ Ушайкой. Направо — опустѣлая гауптвахта; стоитъ нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ фуражкахъ: у одного изъ-подъ накинутаго армяка видна сабля. Это городовые казаки.

«На лѣвой сторонѣ славный домъ, хорошенькой архитектуры: это домъ мѣщанскаго и купеческаго обществъ. Надъ однимъ изъ подъѣздовъ красуется вывѣска—*Публичная Библіотека.*
тритъ.

«Наконецъ судьба сжалилась надъ нами: нашли квартиру по-себѣ— и дешево и мило.

«Не успѣли мы свои пожитки внести въ комнаты и только-что расположились съ женой по-домашнему, предавъ себя въ полное распоряженіе огненно-рыжей горничной, у которой голова обвязана была по-русски, а туловище убрано на французскій манеръ въ нѣмецкое платье съ соблазнительной вырѣзкой отъ плеча до плеча — какъ наши приготовленія ко сну прерваны были приходомъ казака. Это квартальный надзиратель—онъ потребовалъ мою подорожную.

«Завтра весь городъ долженъ знать о моемъ пріѣздѣ.

«Цѣлое утро и цѣлый день я прождалъ визитовъ и представленій— ни одной души. Грубый народъ—ни тѣни цивилизаціи.

«Слѣдующій день прошелъ тоже въ ожиданіяхъ. На третій день я самъ отправился пѣшкомъ дѣлать визиты. Извозчики дороги до немилосердія, да и экипажей у нихъ, кромѣ дрожекъ и роспусковъ, покрытыхъ врикомъ, съ подвязанной доской вмѣсто подножки, нѣтъ никакихъ.

«Всюду встрѣчали меня съ распростертыми объятіями, и, между разговорами о пустякахъ, я узналъ слѣдующія любопытныя цифры.

«Въ Томской-Губерніи десять городовъ. Изъ нихъ Томскъ, Каинскъ, Колывань, Барнаулъ, Кузнецкъ и Бійскъ — уѣздные; Семипалатинскъ

и Устькаменогорскъ безъуѣздные, Нарымъ и Змѣиногорскъ — заштатные. Крѣпостей 6, форпостовъ 15, и 54 редута. Всѣхъ селеній болѣе 1,800; изъ нихъ 28—горныя при самыхъ рудникахъ и заводахъ. Золотыхъ пріисковъ — тысячи три мѣстностей. Таможенныхъ пунктовъ три—Семипалатинская-Таможня, Устькаменогорская-Таможенная-Застава и Бухтарминскій-Таможенный-Постъ. Домовъ каменныхъ 70, казенныхъ и частныхъ, деревянныхъ 7,000.

Доходовъ:

Податей со всѣхъ податныхъ сословій	577,391	руб.	89¹/₄	коп.	сер.
Съ питейныхъ откуповъ	68,330	»	—		»
Неокладныхъ сборовъ	976,509	»	57¹/₄		»
Итого .	1,622,231	руб.	46³/₄	коп.	сер.

«Доходы Кабинета съ инородцевъ (т. е. мѣхами и деньгами), съ рудников (серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ), съ своихъ золотыхъ пріисковъ и разныхъ фабрикъ неизвѣстны.

«Въ Томскѣ 14,000 жителей; восемъ тысячь съ небольшимъ— мужчинъ, остальные все женщины. Въ цѣломъ Томскомъ-Округѣ 122,000 жителей; 61,800 мужчинъ, и 46,400 женщинъ, кромѣ города. Пять тысячь западныхъ христіанъ, восемь съ половиною тысячь мухаммеданъ и пятьсотъ человѣкъ жидовъ.

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ, нарѣчій...

«Въ Томскѣ, кромѣ православныхъ церквей и монастыря третьеклассныго, есть католическій косцёлъ, въ которомъ еще на памяти многихъ старожиловъ гремѣли громы послѣдователей Игнатія Лойолы. Про мухаммеданскую мечеть я уже говорилъ, но сегодня видѣлъ еще и еврейскую школу. Внутри-то я не былъ, но на улицѣ примѣтилъ многолюдныя толпы разодѣтыхъ Евреевъ съ дѣтьми, которыя плавно выступали по направленію къ одному домику, освѣщенному тоненькими свѣчками на тотъ манеръ, какъ у насъ въ кандитерскихъ, въ дни иллюминацій, разставляютъ по окнамъ свѣчи, лѣсенками.

«Въ Томскѣ 25 фабрикъ и заводовъ, именно 13 кожевенныхъ, 3 салотопенныхъ, 5 мыловаренныхъ, 1 канатный и 3 кирпичные. Но не думайте, что только это одно: есть туземецъ—золотыхъ дѣлъ мастеръ, есть серебряники и мѣдники, есть богатѣйшіе магазины Парижанина Алибера, петербургскаго артиста-куафера, и казанскаго нѣмца Фохта. И наши «вязниковцы» охулки на руку не положили — открыли богатое депо интересныхъ товаровъ.

«Гостиный дворъ и ряды очень-хороши; жена нахвалиться не можетъ услужливостью продавцовъ; всѣхъ лавокъ 239. Питейныхъ заведеній, выставокъ и прочаго 22.

«Въ публичной библіотекѣ всѣхъ изданій 712 наименованій, а всѣхъ томовъ 1,683: я удивился, когда увидѣлъ въ ней драгоцѣнное парижское изданіе «Путешествія Чихачева на Алтай». Экземпляръ давно въ библіотекѣ—но все еще не разрѣзанъ.

«Есть и типографія; въ ней печатаются преимущественно контракты золотопромышлениковъ съ рабочими, визитные билеты на толстой бумагѣ, да приглашенія на обѣды и вечера. Книгъ не печатается. Губернскихъ вѣдомостей не издается. Книжныхъ лавокъ нѣтъ. Публика выписываетъ газеты и журналы изъ Петербурга.

«Одинъ изъ здѣшнихъ служащихъ, съ которымъ мнѣ случилось познакомиться, удивилъ меня начитанностью и обширностью свѣдѣній.

Откуда онъ набрался ихъ, не понимаю! Увѣряетъ меня, что будто-бы я... слышете, я — не разрѣшилъ ни одного вопроса. Это доказываетъ только ограниченность его ума; мало того, что вся Русь меня знаетъ, я перевидалъ всѣхъ великихъ людей въ Европѣ.

«Однакожь я, изъ природной скромности и врожденнаго смиренія, вступилъ съ нимъ въ диспутъ. Онъ уморилъ меня со смѣха, горой стоя за Константина-Багрянороднаго. Онъ вздумалъ проводить параллель между набѣгами Нордманновъ и похожденіями нашихъ казаковъ по восточнымъ границамъ Россіи при Грозномъ, и раньше, и позже.

«Всему ученому міру извѣстно, ка̀къ мы пыхтѣли надъ словомъ «гира» у Багрянороднаго въ его «De Administrando Imperio». Татищевъ переводитъ его словомъ вира; Шлёцеръ—вопросительнымъ знакомъ, Карамзинъ принимаетъ это слово за русское и ссылается на языкъ Осетиновъ; Бутковъ думаетъ, что это финское слово; Шафарикъ — выдаетъ его за сарматское: я одинъ скромно утверждалъ свое и, не затрогивая ничьего самолюбія, доказалъ, что Константинъ-Багрянородный назвалъ гирою нашу игру «горку».

«И что̀ же? томскій мой знакомый осмѣливается намъ противорѣчить; онъ говоритъ, что «гира» — греческое слово и означаетъ «объѣзды»!

«Ка̀къ эти люди боятся ломать голову и любятъ искать простѣйшаго разрѣшенія мудреныхъ задачь! А все это наши журналы: они вбиваютъ въ своихъ читателей, охоту предаваться дѣльному чтенію! Не будь этого — пришлось ли бы когда моему томскому знакомому читать Константина-Багрянороднаго? читать книгу, которая ни при немъ, и ни про него писана?

«И пускай бы еще эти мысли распространяли наши бумагомаратели, чернорабочіе петербургскихъ журналовъ, а то солидный человѣкъ, профессоръ Неволинъ, вздумалъ насъ, учёныхъ, подымать на̀-смѣхъ...

«Въ Томскѣ есть больница, есть помѣщеніе для умалишенныхъ людей, есть богадельня, двѣ аптеки, дѣтскій пріютъ, общественный банкъ. Лучшіе ученики изъ гимназіи поступаютъ въ Казанскій Университетъ.

«Дороговизна, для здѣшнихъ мѣстъ, весьма-ощутительна: рожь до 5 р. сер. за четверть, гречневая крупа—9 р. сер.; овесъ до 3 р. сер.; горохъ—$3^{1}/_{2}$ р. сер., все дороже гораздо, чѣмъ въ Москвѣ; только сѣно подешевле: 8 коп. сер. пудъ.

«Вотъ таблица цѣнъ на разные продукты; посмотрите, ка̀къ въ двадцать лѣтъ все вздорожало... Я неоднократно въ своихъ «Финансовыхъ и Экономическихъ Изслѣдованіяхъ и Замѣчаніяхъ» доказывалъ, что «за моремъ телушка — полушка, да рубль перевоза». Цифры я перевожу на серебро:

Высшая цѣна:	Въ 1826 году.	Въ 1846 г.
Ржаной муки пудъ	р. $8^{4}/_{7}$ к. с.	р. 30 к. с.
Пшеничной	$17^{1}/_{7}$ —	40 —
Ячная крупа	$28^{4}/_{7}$ —	40 —
Гречневая	85 —	2
Овса четверть	$42^{6}/_{7}$ —	2 85 —
Пудъ сѣна	отъ 2 до 7 —	8, 12 и дороже.
Говядины пудъ.	48 —	отъ 70 к. до 1 р.
Красной рыбы фунтъ	$2^{1}/_{2}$ —	10 и 15 к. с.
Сажень дровъ	80 —	3 руб.
Кирпича куб. сажень	7 50 —	10 — — $^{1}/_{2}6$

Крестьянскаго сукна аршинъ		34	—		20 —
— холста		13	—		10 —
Пара сапогъ дворянскихъ	7	15	—	4 руб.	
— — простыхъ	3	43	—	2 —	
Пара чарковъ		60	—		50 —
Мѣсячная плата лакею	3	—	—	5 —	
— — работнику въ полѣ	2	—	—	4 —	
Поденщина ремесленику		50	—	1 —	
Пудъ сахара	18	50	—	15 —	
Фунтъ чаю фамильнаго	1	70	—	1 —	40 —
— — хорошаго	7	—	—	8 —	
Бутылка хорошаго виноградпаго вина	7	—	—	4 —	
Масла коровьяго пудъ	2	$28^4/_7$	—	4 —	
Меда пудъ	4	—	—	6 —	
Кожа	1	15	—	2 —	

«Чтобъ жить чистенько, смирно, скромно, одинокому человѣку, непривыкшему ни къ моднымъ пальто, ни къ безстыжимъ фракамъ — если только у него нѣтъ ни души семейства — рублей 300 серебромъ въ годъ будетъ достаточно : перебьется !

«То ли дѣло въ нашихъ благословенныхъ городкахъ великороссійскихъ! Въ иномъ мѣстѣ за половину этой суммы живешь бариномъ!

«Къ Томску приписанъ городъ Нарымъ. Разстояніе между ими 470 верстъ. Нарымъ по-остяцки — «болото». Острогъ заложенъ въ концѣ XVI столѣтія. Въ 1601 году переименованъ городомъ. Онъ переносился раза два-три все ниже по Оби и съ 1629 стоитъ на нынѣшнемъ мѣстѣ. До-сихъ-поръ сохранились еще развалины древняго укрѣпленія и палисадникъ съ башнями. Въ 1785 онъ переименованъ въ окружный городъ, а въ 1822 упраздненъ. Стоитъ на рѣкѣ Нарымкѣ, впадающей въ Обь : терпитъ нынче отъ наводненій, а въ-старину терпѣлъ отъ воеводъ, купцовъ-промышлениковъ, винныхъ продавцовъ и другихъ лицъ, которые жестоко притѣсняли бродячихъ Остяковъ.

«Нынѣ это бѣдный край; 450 мужчинъ и 520 женщинъ; у нихъ тысяча головъ скота. Промышляютъ рыбой, звѣремъ и орѣхами.

«Въ Нарымѣ 3 церкви, 2 каменные дома, изъ коихъ одинъ казенный, 180 деревянныхъ домовъ; 4 кузницы, 19 лавокъ, 2 кабака.

«Жизнь тоскливая ; лѣто короткое, зима долгая, скука смѣртная, воздухъ нездоровый : пахнетъ рыбой. Для продовольствія Остяковъ есть магазины въ Каргосоцкомъ и Тымскомъ Отдѣленіяхъ.

«Ожидаютъ, что городъ переведутъ въ село Тогуръ ; тутъ, по-крайней-мѣрѣ больше удобствъ : и климатъ лучше, и лѣса гуще и почва земли удобная для земледѣлія.

«Тогуръ лежитъ на широкой протокѣ рѣки Оби, не доѣзжая Нарыма сухимъ путемъ 100 верстъ, а водою 150.

«Изъ Нарыма привозятся въ Томскъ осетры, стерляди и костèри — среднее между тѣмъ и другимъ. У костèри тупое рыло, во всемъ прочемъ она сходна съ стерлядью, но на вкусъ хуже ея. Продавцы, желая продать ее подороже, мастерски подпиливаютъ ей морду, чтобъ покупатели приняли ее за стерлядь.

«Въ Томскѣ пироги пекутъ не по-нашему. Приготовятъ опару, заваляютъ тѣсто, раскатаютъ его скалкой и положатъ сперва начинку, а потомъ уже и брюшко отъ рыбы нèльмы, которая, какъ сахаръ, сама

во рту таетъ. Потомъ вздернутъ у пирога стѣнки, закроютъ рыбу другимъ листомъ тѣста, загнутъ, какъ водится, краешки — и въ печку. Пирогъ выйдетъ не круглый, и не длинный, а четырех-угольный. За столомъ пирогъ обрѣжутъ ножомъ, верхнюю корку снимутъ и ѣдятъ рыбу съ начинкой, а тѣсто бросаютъ.

«До пельмѐней здѣсь тоже охотники: пельмѐни въ общемъ употребленіи отъ Казани до Якутска. Они бываютъ преимущественно изъ пшеничной муки, а не изъ крупичатой; дилеттанты говядину для начинки мѣшаютъ непремѣнно съ бараниной; частичку прибавляютъ свинины. Ѣдятъ съ краснымъ уксусомъ и перцомъ. Что̀ всѣ французскія блюда предъ этою амброзіей! Мы, бывало, какъ пріймемся за пельмѐни, то говяжьи, то рыбные, да въ-перемежку, такъ часа два, бывало, ѣшь-ѣшь... такъ наѣшься, что насилу съ кресел̀ъ встанешь. Я сколько разъ женѣ говорю о приготовленіи мнѣ такихъ пельмѐней, а она приготовитъ мнѣ любимую селянку... Что̀ дѣлать! замолчишь!

«Ка̀къ хорошо сказано у Нестора о женахъ добрыхъ: драгъши есть каменья многоцѣньна; радуется о ней мужъ ея, дѣеть бо мужеви своему благо все житье: обрѣтши волну и ленъ, творить благопотребная рукама своима; владаеть яко корабль, куплю дѣющи, и сбираеть особь богатьство; и въставъ и отъ нощи, и даеть брашно дому и дѣла рабынямъ; видѣвши стяжанье куповаше, отъ дѣлъ руку своею насадить тяжанье; препоясавши крѣпко чресло своя, и утверди мышцю свою на дѣло; и вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угасаеть свѣтилникъ ея во всю нощь; руцѣ свои простираеть на полезная, локъти своя устремляеть на вретено; руцѣ свои отврьзаеть убогому, плодъ же простре нищему; не печется мужь ея о дому своемъ, егда гдѣ будеть, вси свои ея одѣни будуть; сугуба одѣнья створить мужови своему, очерьвлена и багряна себѣ одѣнья; взоренъ бываеть во вратѣхъ мужь ея, внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли; опоны створи и отдасть въ куплю; уста же свои отверзе смыслено, въ чинъ молвить языкъмъ своимъ; въ крѣпость и лѣпоту облечеся; милостыня же ея въздвигоша чада ея и обогатиша, и мужь ея похвали ю; жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо Господню да похвалить; дадите ей отъ плода устьну ея, да хвалять во вратѣхъ мужа ея.

«Но, правду сказалъ Златоустъ—се зло, зла злѣйшее, злая жена!

«Въ Томскѣ меня замучили пройдохи и промышленники. Тотъ принесетъ полѣно или кусокъ сосны, ожелѣзившіеся въ горныхъ ручьяхъ и отяжелѣвшія отъ примѣси металлическихъ частицъ; другой притащитъ съ собой мамонтовъ клыкъ, котораго мнѣ съ земли не поднять; третій проситъ купить зубокъ какого-то допотопнаго звѣря; хорошъ зубокъ съ мужицкую голову! Чего-нибудь дѣльнаго, на-примѣръ, а̀ктиковъ, архивной пыли, древностей, заслуживающихъ любопытства предметовъ — нѣтъ, а что̀ мнѣ въ ихъ костяхъ да камняхъ!

«Интересны Татары съ халатами: купилъ. Жена торговала китайскую канфу на салопъ, да чучунчи̂ на платье — дорого. Я сдѣлалъ ей сюрпризъ и подарилъ двѣ длинныя нитки самоцвѣтныхъ каменныхъ шариковъ, по сту штукъ на ниткѣ: одни красные—это сердоликъ, другіе зеленые съ разводомъ—это малахитъ.

Когда я показалъ одному знакомому свое пріобрѣтеніе, которое я цѣню рублей въ пятьсотъ, онъ старался всѣми силами увѣрить меня,

что это стекла китайской композиціи, и что они гроша не стоютъ. Толкуй-себѣ! А за что жь я далъ пятнадцать цѣлковыхъ?

«Мнѣ, право, становится иной разъ забавно, какъ это смѣютъ, невѣжды, спорить: ужь если я что-нибудь разъ сказалъ—значитъ я сказалъ; а что сказалъ я—то вѣрно. Я разсуждать никому не позволю...»

Этой фразой кончается «Дневникъ неизвѣстнаго господина». Онъ мнѣ такъ показался любопытенъ, что я позволилъ себѣ помѣстить его здѣсь для удовольствія читателей.

Это же, кстати, избавляетъ меня отъ труда выставлять статистическія цифры какъ о Томскѣ, такъ и о Нарымѣ, въ которомъ мнѣ самому не случалось бывать.

XIII.

Городъ Томскъ.

Было прекрасное осеннее утро; я открылъ окно и подсѣлъ къ нему; черноглазая «стряпка» убирала постель и хлопотала около самовара, выжидая прохожаго булочника и высчитывая заманчивыя блюда, которыя я могъ заказать для обѣда.

— Такъ что жь вы, супу, что ли, хотите?

— Пожалуй, супу.

— А, можетъ, вы штей лучше любите?

— Я и щи люблю.

— Такъ я вамъ штей сварю.

— Пожалуй, щей.

— А можетъ вы супу желаете лучше?

— Да мнѣ все-равно, что хочешь, то и вари.

— Ну, такъ я вамъ приготовлю супу.

— Ну, супу, такъ-супу.

— А шти-то, кажись, для васъ любѣе?

— Пожалуйста, отстань; что хочешь, то и подавай; мнѣ рѣшительно все-равно.

— Такъ штей?

— Да отвяжись же ты отъ меня съ своими щами!

— Ну, супу, супу, супу! возразила стряпка, вѣроятно желая прислужиться.

— Ты меня выведешь изъ терпѣнья съ своимъ супомъ.

— Такъ я ужь и не знаю какой вамъ тамо-ка вари готовить... да не хотите ли вы борщу?

Долго бы этотъ назидательный разговоръ продолжался, еслибъ мнѣ не пришло на мысль разомъ прекратить всѣ недоумѣнія, назвавъ поименно тѣ блюда, какія мнѣ пришли на память.

— Отцы-кормильцы, подайте копеечку бѣдному, ради Христа небёснаго! раздалось на улицѣ.

Я сидѣлъ задомъ къ окну и продолжалъ отдавать приказанія.

— Подайте, ради Христа небёснаго! повторилъ нищій, не отходя отъ моего окна.

Я оглянулся, увидѣлъ здоровеннаго мужичинищу съ испитымъ лицомъ и отвернулся отъ непріятнаго зрѣлища.

— Подайте бѣдному!

Я зналъ очень-хорошо, что въ Томскѣ не можетъ быть нищихъ, и потому не отвѣчалъ ни слова.

— Если у васъ есть жалость, подайте дряхлому старику милостыню!

Нищій былъ молодъ, крѣпокъ, силенъ, здоровъ: работа ждала его на каждомъ шагу.

— Экая злая собака, безстыжій чурбанъ!... будто не слышитъ... глухая тетеря: подай что ли милостыню! крикнулъ онъ мнѣ съ сердцемъ.

— Богъ подастъ! Наймись въ работники, мой другъ; ты еще молодъ, ты въ–состояніи добывать хлѣбъ честными трудами... я тебѣ найду занятіе.

— Чтобъ тебя черви изъѣли съ твоей работой, язвило бы тебя подъ-сердце!.. Вишь, съ проповѣдью подъѣхалъ, окаянный! возразилъ несчастный.

И съ этимъ словомъ онъ поднялъ палку, ударилъ ею въ сосѣднюю раму и разбилъ окно. Въ то же мгновеніе, откуда ни возьмись, точно изъ земли выросъ, стройный казакъ — и цапъ-царапъ попрошайку. Мнимый дряхлый старикъ вырвался изъ рукъ и бросился бѣжать отъ блюстителя благочинія; но какъ на зло, повернется онъ налѣво — казакъ, повернется направо — тоже казакъ. Они учтиво взяли его и повели куда надобно.

Наконецъ вотъ и булочникъ, съ корзинкою за плечами; полу-нѣмецкій, полу-крестьянскій костюмъ, чорная какъ смоль борода, загнутые кверху франтовскіе усы и щегольскія манеры произвели на меня нѣкоторое впечатлѣніе.

— Не можешь ли ты мнѣ принести другой разъ бріошей, торта, чего–нибудь повкуснѣе?

— Здѣсь этого, сударь, не дѣлаютъ. Развѣ вы къ нимъ такъ привыкли, что не можете безъ нихъ обойдтись? Если я могу вамъ услужить, я постараюсь приготовить для васъ хорошенькихъ штучекъ... Впрочемъ, въ гостиномъ-дворѣ продаются настоящія московскія сайки, которыя только прошлой зимой сюда привезены — самыя-свѣжія! Не прикажете ли ихъ?

— Нѣтъ, я ни до калачей, ни до саекъ не охотникъ.

— Не охотники? Такъ значитъ вы не Москвичъ; вы не петербургскіе ли?

— Изъ Петербурга.

— Тамошній уроженецъ? Давно выѣхали?

— Уроженецъ... выѣхалъ мѣсяца два...

Булочникъ осмотрѣлся кругомъ; стряпка давно вышла, за ней пошелъ и мой Никита; булочникъ сбросилъ на полъ свою ношу, подскочилъ ко мнѣ, придвинулъ стулъ и сѣлъ подлѣ меня. Я немножко удивился этой фамильярности.

— Ахъ, разскажите пожалуйста, что у насъ въ Петербургѣ новаго!.. Но... простите, извините, ради Бога... я забылся... забудьте мою нескромность... ваше высокоблагородіе... отвѣчалъ онъ, весь покраснѣвъ и ставъ передо мной въ вытяжку.

Я теперь только понялъ, что передо мной — несчастный, старался ободрить и обласкать его, по-возможности избѣгая случаевъ затрогать его самолюбіе. Наконецъ, послѣ долгихъ перемежекъ разговора, булочникъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію:

«Я родился въ глуши, въ маленькомъ городишкѣ. Отца и матери не помню; воспитывался у дяди, стараго холостяка, который страшно баловалъ меня, кой-чему училъ доброму, но въ казенное заведеніе не отдавалъ и въ службу не записывалъ. Выросъ я большимъ болваномъ и цѣлью жизни считалъ наслажденіе природой, которая, въ нашихъ краяхъ, невыразимо-великолѣпна, и наслажденіе женщинами, которыя у насъ дивно-прекрасны. Глаза — это огонь, растопляющій ледъ; взгляды — это стрѣлы, пронизывающія сердце; губки — это двѣ малинки, къ которымъ такъ и хочется приложиться своими губами... ну, да ужь что̀ за описанія! просто я вамъ скажу: нашъ уголокъ—рай Мухаммеда, наши женщины — хуріи этого рая. Вотъ я и былъ поклонникомъ этого рая. Заботъ никакихъ нѣтъ, я же и не пріученъ былъ ни о чемъ ни думать, ни разсуждать. Очень-хорошо. На-бѣду мою умираетъ дядя. Послѣ него осталось тысячи двѣ рублей денегъ, да домишко. Прекрасно. Я единственный наслѣдникъ. По минованіи срока слёзъ о кончинѣ добраго дядюшки, въ одну прекрасную ночь я такъ закутился, что забылъ потушить свѣчу, а свѣча-то, безъ надзора, оплыла, подпалила оконныя занавѣски, подожгла дерево и пошелъ дымъ коромысломъ. Я вскочилъ какъ угорѣлый; задыхаясь въ дыму, я припомнилъ, гдѣ лежитъ бумажникъ и маршъ въ окно: и самъ спасся и деньги спасъ. Но домишко весь сгорѣлъ до тла. Это бы еще и ничего, да вмѣстѣ съ домишкомъ сгорѣли и отцовскіе и мои документы.

«Это первая часть. Начинается вторая. Не имѣя собственнаго крова, я переѣхалъ на квартиру къ людямъ, которые должны были снисходительно глядѣть на мои шалости. Разумѣется, почтенными людьми они не могли быть. Тутъ я немножко узналъ, что̀ такое за народъ пріятели, мужчины. Попадался съ ними въ разныя грязныя исторіи, вдавался имъ въ грубые обманы и, наконецъ, убѣдился, что и знакомые мои, да и сама жизнь-то моя — самые скверные, самые отвратительные. Прекрасно. То̀ только вотъ дурно, что убѣдился-то я въ этомъ поздно, когда у меня въ бумажникѣ было уже чисто, что-называется ни сучка̀, ни задоринки.

«Идетъ третья часть. Я начинаю быть разсудительнымъ и вижу, что дѣло плохо. Думаю: займусь я сельскимъ хозяйствомъ? Нельзя: понятія не имѣю, да и земли у меня нѣтъ. Пуститься развѣ въ коммерцію? — денегъ ни гроша. Идти, думаю, на службу царскую? но нынче принимаютъ только людей образованныхъ, а я болванъ-болваномъ. Положимъ, это не бѣда, но вѣдь какое жалованье мнѣ дадутъ? двѣсти рублей ассигнаціями — а тогда считалось еще на ассигнаціи. Мало; я привыкъ жить безъ нужды. Воровать? меня на это не станетъ. Идти въ услуженіе? еще того меньше. Ка̀къ быть? Я, наконецъ, вижу, что я не только безполезный, но даже самый вредный членъ общества: вотъ эта мысль меня жестоко поразила. Какъ это, думаю: собака — полезна; лошади — и говорить нѐчего; на что̀ свинья — и та полезнѣе міру, чѣмъ я, человѣкъ, одаренный здравымъ разсудкомъ и свободной волей? Что̀ же, наконецъ, такое я? Неужели я долженъ умирать съ досады или съ голода. Но если я вздумаю уморить себя съ голода — мнѣ не дадутъ умереть, меня же судить за это будутъ. Ужь ка̀къ я ни ломалъ головы — ничего путнаго не могъ придумать.

«Постой же, думаю я: я вотъ что̀ попробую сдѣлать... и, не откладывая вдаль своего рѣшенія, немедленно приступилъ къ исполне-

нію своего плана. Котомку за плечи, посохъ въ руки и маршъ! «Куда?»— На Кавказъ!—«Съ Богомъ!» Терять мнѣ нечего, а выигрышъ огромный: или пуля-дура, или чины, кресты, вѣчный кусокъ хлѣба! Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, а путь-дорога мнѣ лежала ровно двѣ тысячи верстъ. Прошелъ я это разстояньице благополучно. Прихожу на Кавказъ; являюсь къ кому слѣдовало: такъ и-такъ, говорю, вотъ какая моя доля! Добрый человѣкъ отдалъ мнѣ справедливость.—«Хорошо-съ» говоритъ: «гдѣ жь ваши документы?»

— Все сгорѣло! отвѣчалъ я, конечно со вздохомъ.—«Но вы, вѣрно, позаботились достать себѣ копіи?»—Представьте себѣ: глупое слово «копія» совершенно меня сконфузило: я такъ былъ силенъ въ знаніи законовъ, въ знаніи самыхъ необходимыхъ, я думаю, въ каждой странѣ вещей, что и не подумалъ даже о документахъ о рожденіи и прочемъ. Какъ тутъ быть? Добрый человѣкъ пристально поглядѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:—«Я вѣрю, вы не лжете, но въ ваши лѣта непростительно быть такимъ невѣждой — похлопочите о своихъ документахъ».

— Продолжайте, я васъ слушаю.

«Я съ Кавказа пошелъ опять домой. Однажды иду я по дорогѣ, лѣсомъ, не по самой дорогѣ, гдѣ экипажи ѣздятъ, а окраиной лѣса. Иду, знаете, да и запнулся за что-то, какъ оказалось за сумку. Въ сумкѣ лежало кой-какое бѣльишко, указъ объ отставкѣ уволеннаго за болѣзнію изъ *** скаго пѣхотнаго полка юнкера Кивера и письмо чье-то, что-дескать «любезнѣйшая тетушка, такъ-и-такъ, внучатный братецъ вашъ юнкеръ Киверъ Богу душу отдалъ, и приказалъ вамъ долго жить». Еще идя походомъ на Кавказъ и останавливаясь у незнакомыхъ лицъ, я очень близко сошелся съ одной молодой помѣщицей трехъ душъ. Возвращаясь назадъ, я опять завернулъ къ ней, да какъ-то между разныхъ разностей—и проговорись ей о своей находкѣ. И стали мы вмѣстѣ читать указъ объ отставкѣ.—«Знаешь, мой душка» говоритъ помѣщица: «еслибъ только не примѣты, не рыжіе волосы у Кивера, да не орлиный носъ у тебя—такъ вѣдь это просто твой портретъ, мой ангелъ. Вотъ и носи золотую нашивку и георгіевскій крестикъ!» Я и говорю: полно, моя милая, вздоръ молоть; у меня, видишь, волосы чорные, а у юнкера Кивера носъ курносъ. Вотъ, моя милая и начала меня смущать этой бумажкой и поминутно говоритъ:—«Ну, ужь смотри, душка, попадешься ты безъ документовъ, пріймутъ тебя за бродягу, будетъ бѣда!»

«Разъ, услужливая помѣщица встрѣтила меня съ нѣжной улыбкой, за секретъ показала печать, которая точь-въ-точь была такая же, какъ и на указѣ объ отставкѣ, и начала меня опутывать своими ласками. И женимся-то мы, и заживемъ-то славно, и перейдешь-то ты въ штатскую, и будешь-то у насъ становымъ... Я поддался увлеченію, переписалъ указъ какъ мнѣ надобно было, моя Наташенька расчеркнулась за полковаго командира, безподобно срисовала его подпись и приложила фальшивую печать. Я это обратилъ въ шутку, но не въ шутку надѣлъ солдатскій серебряный крестъ. Теперь мы старались узнать гдѣ *** скій пѣхотный полкъ стоитъ? Открылось, что около Москвы: стало-быть, мнѣ туда ужь не слѣдовало идти—узнаютъ; на Кавказъ тоже незачѣмъ. Кто такой былъ Киверъ и гдѣ жили его родственники—этого мы не могли узнать, а на этомъ всего легче было попасться. Вотъ мы съ Наташей и пустились на-легкѣ въ Петербургъ

отъискивать себѣ мѣста, да и зажили тутъ себѣ припѣваючи. Тутъ-то меня и поймали на самой простой штукѣ. Какой-то чиновникъ или писарь въ полиціи, случайно вздумалъ защитить себя отъ солнечнаго свѣта «моимъ» указомъ объ отставкѣ. Взоръ его безсознательно упалъ на вытисненную цифру года; онъ и смекнулъ, что слова на бумагѣ написаны за шесть лѣтъ прежде, чѣмъ существовала самая бумага.

«Въ такомъ случаѣ какъ ни вертись — никакъ не отвертишься. Надобно вамъ сказать, что до-сихъ-поръ я дѣйствовалъ, что-называется, очертя голову. Я пристрастился къ Наташѣ, влюбился въ нее до безумія, утопалъ въ блаженствѣ и былъ точно въ туманѣ—ничего знать не хотѣлъ. Но когда я попалъ въ острогъ, я опомнился. Къ бо́льшему несчастію, я упорно стоялъ въ своей лжи и не приносилъ чистосердечнаго раскаянія. Вина моя въ фальшивой поддѣлкѣ документовъ была тяжкая, всѣ улики—на лицо, собственное мое признаніе было не необходимо.

«Развязка шла къ концу. Вдругъ прихожу я на передопросъ; смотрю—передо мной моя Наташа. Она сама явилась въ судъ, призналась во всемъ, хотѣла все принять на себя. Судьи хотѣли сжалиться надъ красотой Наташи, но оправдать насъ было невозможно, повода къ смягченію наказанія не пріискалъ бы ни какой адвокатъ. Насъ порѣшили. Приговоръ передали къ исполненію; врачи свидѣтельствовали меня и нашли законныя причины, препятствовавшія мнѣ быть какъ въ солдатахъ, такъ и въ работахъ въ арестантскихъ ротахъ. Насъ—въ Сибирь.

«Доро́гой мы поженились; пришли сюда; Наташа получила деньги за проданный на родинѣ разный скарбъ; положеніе наше было обезпечено.

«Теперь мы живемъ домко́мъ. Наташа печетъ булки, я по утрамъ ихъ разношу въ продажу, а по вечерамъ занимаюсь своими дѣлами. Нынѣче у меня окортомлена порядочная земелька; работники ее у меня тамъ обработываютъ; я на ней построилъ заимку — вотъ мы туда по вечерамъ и ѣздимъ съ Наташей. Когда минетъ срокъ моему поселенію, я буду считаться государственнымъ крестьяниномъ, запишусь въ купцы по-крайней-мѣрѣ второй гильдіи и стану заниматься золотыми промыслами.»

Обычай требовалъ, чтобъ я объѣздилъ съ визитами всѣхъ томскихъ почетныхъ жителей, губернатора, архіерея, прокурора, предсѣдателей, голову и многихъ другихъ. Перебирая ихъ адресы, я остановился на одной фамиліи «К—овъ». Не Петръ ли Васильевичъ? Онъ точно. Вотъ радость-то! Мой почтенный учитель русскаго языка — директоромъ томской гимназіи. Да это человѣкъ незабвенный въ памяти всѣхъ учениковъ; мы всѣ вспоминаемъ объ немъ добрымъ словомъ.

Встрѣча и сближеніе съ Петромъ Васильевичемъ избавили меня отъ скуки церемонныхъ визитовъ. Одинокому человѣку, пріѣхавшему въ чужой городъ съ тѣмъ, чтобъ быть дѣятелемъ въ несложномъ снарядѣ губернской жизни, не сидѣть же одному и добровольно лишать себя сообщества: онъ и ѣдетъ на поклоны. Является къ одному горожанину, рекомендуется ему персонально, проситъ принять себя «въ благосклонное расположеніе», садится въ голубой гостиной на диванѣ, передъ которымъ стоитъ круглый столъ и разостланъ азіатскій коверъ. Горожанинъ отвѣчаетъ, что онъ «считаетъ за честь познако-

миться съ такимъ человѣкомъ», и приглашаетъ къ себѣ на сегодня откушать за-просто, чѣмъ Богъ послалъ. Этимъ визитъ и кончается. Пріѣзжій ѣдетъ къ другому лицу: тамъ уже изъ окна видѣли изъ какого дома гость пожаловалъ. Происходитъ та же сцена—опять голубая гостиная, коверъ, столъ и диванъ и приглашеніе откушать — «хоть завтра», за-просто чѣмъ Богъ послалъ. Такъ и въ другихъ домахъ. Пріѣзжій послѣ посѣщеній возвращается домой и видитъ у себя на столѣ нѣсколько визитныхъ карточекъ съ загнутыми уголками. На слѣдующій день форменная отдача визитовъ горожанъ пріѣзжему, съ цѣлью застать его дома. «Обѣды за-просто» роскошны питіемъ и яствами; иногда они утомительны отъ монотонности, но чаще весьма назидательны, сближая пріѣзжаго съ цвѣтомъ народонаселенія, которое почти только за однимъ обѣдомъ завязываетъ интересные разговоры: тутъ-то и открываются любопытныя стороны губернской жизни, тутъ-то пріѣзжій и приглядывается къ мѣстнымъ особенностямъ.

Вскорѣ послѣ обѣда гости разъѣзжаются по домамъ, на-отдыхъ, а къ семи часамъ вечера снова сбираются въ томъ же домѣ на чай и преферансъ. Въ домѣ наступаетъ тишина; дамы играютъ въ гостиной, кавалеры въ залѣ; между чаемъ и закуской, гостей нѣсколько разъ обносятъ мадерой, а въ важныхъ случаяхъ шампанскимъ; послѣ закуски слѣдуетъ ужинъ; наконецъ гости разъѣзжаются. Препровожденіе времени, какъ изволите видѣть, однообразное и общее всѣмъ нашимъ городамъ не только «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», но даже и отъ моря Балтійскаго до Восточнаго-Океана.

Въ мое время во всей Сибири вообще и въ одномъ сибирскомъ городѣ въ-особенности, въ «сливкахъ общества» читали мужчины «Петербургъ днемъ и ночью» г. Ковалевскаго и «графъ Монте-Кристо» Дюма; а женщины «Проступокъ господина Антуана» и «Сынъ Тайны», только-что доставленные изъ Парижа черезъ петербургскихъ корреспондентовъ. Мужчины, которыхъ все бытіе, всѣ мысли устремлены на добычу золота изъ разнообразныхъ золотыхъ пріисковъ, читали съ жадностью страницы, убѣдительно доказывавшія могущество «человѣка съ золотомъ», и романы эти еще болѣе скрѣпляли между ними узы братства и единодушія. Въ дамахъ было не то. Представительницы городскаго прекраснаго общества раздѣлились на партіи; однѣ горой стояли за Поля Феваля, другіе до небесъ превозносили Жоржа Занда.

Мнѣ показалось весьма-страннымъ, изъ-за чего эти госпожи воюютъ и чѣмъ именно провинилась поклонница Феваля передъ тою, которая съ ума сходитъ отъ Жоржа Занда; а между-тѣмъ и та и другая косились другъ на друга и выводили на свою противницу бездну небылицъ, впутывая ихъ въ разныя сплетни. Я рѣшился за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія обратиться къ одной особѣ, которая въ этой войнѣ сохраняла строгій нейтралитетъ.

— А! вотъ въ этомъ и задача! отвѣчала она:—одная любитъ ландыши, другая маргаритку, и обѣ по-своему правы. Отложите въ сторону войну, которую вы приписываете чтенію романовъ; войдите въ наше положеніе, взгляните, какъ мы проводимъ жизнь, и вы согласитесь, что сплетни—нашъ удѣлъ: безъ размолвокъ съ своими сестрами мы жить не можемъ.

— Я полагаю, что чтеніе романовъ, взаимныя бесѣды о литературѣ еще болѣе должны соединять васъ въ тѣснѣйшій кружокъ.

— Такъ, съ одной стороны, потому-что знаешь напередъ въ комъ и на сколько искать сочувствія. Но вы представьте только себѣ, къ-чему намъ это сочувствіе? Для-того ли чтобъ болѣе и болѣе предаваться мечтательности? Видѣть счастіе однихъ, мучиться, изнывать отъ зависти и досады.

— Нѣтъ; чтобъ болѣе жить жизнію, болѣе наслаждаться ею.

— О, жить!.. Мы... Я вотъ какъ живу. Встаю утромъ—горничная чешетъ мнѣ голову; иду къ мужу—пьемъ вмѣстѣ чай; потомъ онъ идетъ заниматься дѣлами, я—хозяйствомъ. На это часъ времени: два за глаза довольно. Чѣмъ разсѣяться до обѣда? хандрить? грустно. Идти гулять пѣшкомъ? одной неприлично. Кататься по городу? его въ полчаса весь объѣдешь. Остаешься дома, во всякое время дня подъ постояннымъ надзоромъ чужихъ глазъ. Кашляну ли я у себя въ будуарѣ—и о моемъ кашлѣ будутъ знать черезъ полчаса въ цѣломъ городѣ. Захочу дышать чистымъ воздухомъ—и тысячи глазъ наблюдаютъ, куда сверну я съ большой улицы, и не нарушу ли тѣмъ правилъ приличія, чтобъ дать пищу злымъ языкамъ. Мнѣ нѣтъ еще и двадцатипяти лѣтъ. Я хочу жить полною жизнью, и чтобъ не остаться при одномъ желаніи, берусь за книгу, чтобъ видѣть, какъ живутъ другіе люди. Возьму въ руки романъ, страдаю чужими страданіями, радуюсь за чужую радость. Не заставитъ ли это меня посмотрѣть на свои страданія, пожелать своей радости, высказать свое сердце другому, тому, кто бы въ-силахъ былъ меня понять, кто отвѣтилъ бы на призывъ моей души? Бѣгу къ мужу, подкрадываюсь на цыпочкахъ къ его кабинету, слегка отворяю дверь, едва дыша вхожу и вижу мужа, въ которомъ души не слышу. Онъ сидитъ углубившись въ чтеніе какого-то письма, повременамъ пощелкиваетъ щетами; лицо его отуманено, губы его сжаты и подобраны: они выражаютъ нетерпѣніе... Ахъ! вы помните ли эти слова Майкова, которыя мнѣ невольно пришли теперь на мысль:

Люблю, если тихо къ плечу моему головой прислонившись,
Съ любовію смотришь, какъ очи потупивъ, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь...

Онъ меня замѣтилъ; я жду его оклика, надѣясь разбудить въ немъ нѣжное чувство.

Невольно проникнутъ тобою,
Подъемлю я очи къ тебѣ и встрѣчаюсь съ твоими очами...

Я трепещу отъ сладостнаго ожиданія; я заранѣе млѣю отъ удовольствія, жду, что

И мы улыбнемся безмолвно, какъ будто бы въ сладкомъ молчаньи
Мы мыслью сошлися и много сказали улыбкой и взоромъ.

Вы думаете, что оно такъ и будетъ? что души наши сольются? А каково вамъ покажется, если надъ вами разразится неласковый тонъ его словъ:—«Ахъ, поди, матушка, вонъ: ну что тебѣ надо?» — Мой другъ... ты скученъ...—«Пошла, пошла, матушка: мнѣ не до тебя—тутъ поважнѣе дѣло: прикащикъ пишетъ, что пластъ на пріискѣ истощился...» Вотъ, ваша любовь, мужчины! вотъ гдѣ ваша поэзія!

— Это еще ничего не доказываетъ; пускай только на вашей сторонѣ поэзія...

— Поэзія страданій...

— Но что жь и кто жь вамъ мѣшаетъ удалить эти страданія, найдти счастіе и успокоеніе въ чемъ вамъ угодно, не мѣшая мужу въ тяжелыя минуты жизни, когда онъ старается упрочить ваше же благосостояніе?

— Кто?! Здѣсь не Петербургъ; здѣсь нѣтъ мѣста, гдѣ бы я могла развлечь себя такъ, какъ мнѣ бы хотѣлось развлечься. Я могу только ограничиваться воспоминаніями минувшихъ дней любви, могу строить воздушные зáмки, которые при первомъ голосѣ разсудка уничтожаются, и остаюсь только—прекрасной хозяйкой.

— Но развѣ вамъ этого мало? Въ такомъ случаѣ свою дѣятельность, всѣ силы души своей направьте на что-нибудь другое, дѣльное, серьёзное.

— Но вы забываете, что я прежде всего—человѣкъ, прежде всего—женщина; что я по своей натурѣ прежде всего живу сердцемъ, а голова у меня только такъ, для домашняго обихода и хозяйственныхъ соображеній.

— Такъ, зная, стало-быть, что вамъ угрожаетъ ваше положеніе, перевѣсъ сердца надъ головой, я думаю, вы сами не пожелаете потерять голову. Заставьте ее работать; не-уже-ли у васъ нѣтъ столько силы воли, чтобъ отстранить всѣ препятствія?

— Вотъ этого-то мнѣ и хотѣлось бы! да положеніе-то между двухъ огней и желаніе, нужда, необходимость сохранять себя отъ внутренняго пожара—сушитъ меня, черствитъ нѣжную душу, настроиваетъ на сплетни и злословіе, и готовитъ изъ меня злую, сварливую старуху.

— Не вѣрьте, не вѣрьте моей женѣ, что она старуха! сказалъ вошедшій въ это время счастливый супругъ, слышавшій при входѣ только послѣднюю женнину фразу: — это сама юность, да еще и юность-то какая забубённая. Кáкъ она у меня кутитъ въ карты—вы представить себѣ не можете. Король, валетъ самъ-четвёртъ червей, да тузъ король самъ-четвёртъ масти, а она вдругъ семь бухнетъ въ червяхъ—и съ рукъ сходитъ: то одинъ съ тузомъ въ вистъ не пойдетъ, а другой отъ третьей дамы козыряетъ, то оба спасуютъ—счастье же этакое, подумаешь! Другое дѣло—щеголять любитъ, совсѣмъ разоряетъ меня на модныя тряпки изъ Петербурга: всегда раньше всѣхъ одѣнется по картинкѣ, которая въ будущемъ мѣсяцѣ разошлется при журналахъ. Это ли не молодость!.. А что касается до нѣжныхъ чувствованій — о! это такая Мерсéдесъ, что я вамъ и сказать не умѣю.

— Ты мнѣ такіе ловкіе комплименты говоришь, мой другъ, что я даже не считаю за нужное и покраснѣть немножко, отвѣчала хозяйка, грозно взглянувъ на мужа и сдѣлавъ презрительную улыбку.

— Но за-то, кáкъ ты, я думаю, покраснѣешь отъ удовольствія, когда я буду имѣть честь —возразилъ мужъ, принявъ важно-оффиціальную позу и положивъ руку на сердце:—повергнуть къ стопамъ твоимъ, въ выраженіе чувствъ истиннаго моего уваженія и таковой же преданности, выписанную мною и только-что сейчасъ прибывшую модную коляску на лежачихъ рессорахъ... А-га! посмотрите на нее въ эту минуту, продолжалъ онъ, потирая руки:—ей-Богу, жена моя сведетъ меня съ ума: она просто богиня красоты.

Прекрасная хозяйка дѣйствительно вся порозовѣла; глаза ея подернулись влагой и засверкали, маленькій ротъ полуоткрылся, брови приподнялись; она ахнула отъ восхищенія и бросилась цаловать мужа.

— Ребёнокъ, блажной ребёнокъ! сказалъ мужъ съ упрекомъ, но при-

давъ голосу бездну нѣжности—и грубое чмоканье прямо въ губки жены прекратило прежнюю болтовню...

Разговоръ принялъ другое направленіе; стали разсуждать, какъ будетъ злиться та-то и та-то изъ зависти къ хорошенькой игрушкѣ, какъ пріятно будетъ разъѣзжать въ модной коляскѣ по городскимъ улицамъ, и какъ всѣ будутъ дивиться чудному фасону и дивному устройству осей, рессоръ и ко́зелъ.

— А что̀, мой ангелъ, спросила хозяйка:—если вдругъ такой грѣхъ случится, что рессора лопнетъ? Ка̀къ намъ тогда быть? Вѣдь кузнецъ не починитъ.

— А что̀ ты думаешь? И впрямъ не починитъ!

— Такъ намъ бы посовѣтоваться хоть теперь съ кѣмъ-нибудь надо... Пошли-тко ты за атаманомъ: бѣда коли рессора лопнетъ—пропала коляска!

— И въ-самомъ-дѣлѣ умно замѣчено...

Атаманъ городоваго полка имѣлъ большую мастерскую экипажей, можно-сказать, былъ единственнымъ туземнымъ экипажмейстеромъ, съ которымъ одинъ только Ицка Хаимовъ и могъ бы соперничать; атаманъ велъ свои фабричныя дѣла добросовѣстно, открыто, на большую ногу.

Казачій атаманъ былъ здоровенный, плотный мужчина, не старыхъ лѣтъ и смотрѣлъ отчаяннымъ рубакой. Онъ былъ очень-простой, добрый и честный человѣкъ, нисколько не важничалъ своимъ атаманскимъ достоинствомъ, которое давало ему право на титулъ «его благородія».

Я имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ по поводу починки моего тарантаса и всегда приходилъ въ восхищеніе отъ его здравыхъ сужденій. Этотъ человѣкъ съ-роду не видывалъ Китайцевъ, а между-тѣмъ питалъ къ нимъ непримиримую вражду, безпрестанно мечтая о далекой странѣ, за Шилкой и Аргуномъ, и строя воздушные за̀мки о торговлѣ по Восточному-Океану.

— Вѣдь трусы-то какіе, эти Китайцы, говаривалъ онъ: — а туда же корчатъ изъ себя героевъ! Жаль, что Англичане, а не кто-нибудь другой, потѣшились ихъ бранными подвигами, а то плохо бы имъ пришлось. Да вотъ что̀: дайте вы мнѣ полкъ хорошихъ солдатъ, тысячи въ три человѣкъ, да столько же вооруженныхъ поселенцевъ: будь я не я, если не уничтожу въ прахъ пятидесятитысячную ихъ армію! Вѣдь это какой народъ? Со страха воинскаго нападенія сами себѣ животы пораспарываютъ ножами! Вотъ у насъ за Иртышомъ стоятъ ихъ караулы. И вооружены, конечно, какъ водится. Такъ ужь на что̀ барантовщики–Киргизы? и тѣ ихъ на-подрядъ такъ одного за другимъ и снимаютъ. Китайцы и въ драку не лѣзутъ: и ружьишко дрянное, и снаряда нѣтъ, да и страхъ-то шибко великъ, ну, а крошка-то воинской чести мало-мало есть же у человѣка, даже и у Китайца—такъ что̀ жь они дѣлаютъ? Видятъ они издали, что барантовщики-то несутся, они выложатъ ружья, да и разлягутся всѣ въ-повалку, и притворятся будто спятъ крѣпкимъ сномъ, только чтобъ имъ не драться. Киргизы и оберутъ ихъ до̀-чиста, да и идутъ-себѣ дальше. Повѣрьте: не шутя вамъ говорю! Да чего лучше — кяхтинскіе разсказываютъ: У Китайцевъ есть обычай салюты въ извѣстные дни дѣлать, въ торжественные. Вотъ и надо поднять пальбу. А пушекъ-то нѣтъ: такъ у нихъ что̀? Въ стоячіе пни понатыканы мушкетныя дулы стоймя: они и набьютъ ихъ порохомъ, а отъ затравки, для вспышки, насыплютъ пороха дорож-

кой, саженъ на пятнадцать отъ заряженнаго дула, да и спорятъ: кому поджечь? А какъ подожгутъ, то и ударятся бѣжать въ-сторону: вотъ вамъ китайскіе воины!.. А туда же хорохорятся и важничаютъ!

— Этто проѣзжалъ у насъ здѣсь изъ Питера въ Кяхту молодой лейбуланъ, продолжалъ казачій атаманъ: — вотъ пріѣхалъ онъ на Кяхту, а дзургучей маймаченскій увидай его, да и пристань къ одному нашему чиновнику: подари, да подари такое платье! Нашъ-то туда-сюда, а дзургучей—важная птица: лицо отъ правительства, да и для таможни нашей съ вѣсомъ. Кáкъ быть? Сняли съ него мѣрку, послали въ Питеръ къ самому лучшему военному портному. Дзургучей былъ быкъ-быкомъ: рожа толстая, глаза—прорѣзныя щелки; подбородокъ въ три ряда, шеи нѣтъ, вся голова лысая, съ поддѣльной косой, усищи висятъ подъ носомъ, точно крысьи хвостики; брюхо въ два обхвата, ноги кривыя и короткія, и весь-то онъ отъ жира еле двигается. Чтò станешь дѣлать? Прислали ему уланскій мундиръ, красную шапку, и «это» съ лампасами: завизжалъ отъ радости, окаянный, и давай на себя все напяливать! Вотъ вамъ, каковы Китайцы!

Обыватели города Томска раздѣляются на многочисленные кружки: на аристократію первой руки, на аристократію втораго разбора, аристократію третьяго разряда; за нею идетъ «средній классъ» съ своими подраздѣленіями. Это раздѣленіе на классы зависитъ не отъ какихъ-нибудь политическихъ, а отъ политичныхъ причинъ: стòитъ немножко измѣниться обстоятельствамъ, и человѣкъ, почти въ одно мгновеніе, выдвинется изъ задняго ряда въ переднюю шеренгу, и ужь тутъ наличный капиталъ на всѣхъ кладетъ одинаковый лоскъ просвѣщенія и образованности.

Для поддержанія этихъ достоинствъ существуетъ на свѣтѣ одна очень-хорошенькая подпорка—это французскій языкъ, любимый русскими дамами отъ столичнаго Петрограда до упраздненнаго городка Зашиверска. Этотъ французскій языкъ бываетъ двухъ сортовъ, одинъ «про себя», другой—«не про насъ». Послѣдній, языкъ Ламартина, Шатобріана, и другихъ, общеизвѣстный, но недоступный толпѣ, массѣ. А тотъ, который называется «про себя»—достояніе абсолютнаго большинства той части публики, которая топорщится подняться по-выше, натыкать себѣ побольше павлиныхъ перьевъ, и сказать настоящимъ павлинамъ: «мы и сами не какіе-нибудь!..»

Милыя особы, владѣющія французскимъ языкомъ «про себя», съ удивительной быстротой могутъ перевести каждую, необходимую для домашняго обихода фразу: «фэтъ донэ буаръ», «апелэ муа Егора»; «нотръ пріискъ нуз'а донэ, анне пассе, боку ревеню», «ахъ, кэ ж'эмъ ля мюзикъ: се ма ви!» Это фразы, значеніе которыхъ растолковано всѣмъ чадамъ и домочадцамъ: добрая хозяйка пріучаетъ ихъ понимать себя во всѣхъ случаяхъ жизни, а если судьба соединила жизнь ея съ внезапно-разбогатѣвшимъ Сибирякомъ, то уже нѣтъ сомнѣнія, что она употребитъ всѣ свои силы на то, чтобъ офранцузить мужа-пентюха и заставить его съумѣть выговорить хоть «ну, дез'омъ дю ком-и-фò.»

Часто умная маменька такъ хорошо выучиваетъ своего мужснька болтать «про себя» по-французски, что онъ самъ уже, день-ото-дня, все больше и больше совершенствуется.

— Мушə вотръ ле нé, Капитоша!.. Ну, чтò стоишь? Мушə, коли тя-

тенька приказываетъ. Иль фо обеирѐ, коли тятенька ордонѐ!.. Ну, сейчасъ... мушѐ-же... али не компренѐ?

— Вуй, компренѐ, отвѣчаетъ ребенокъ лѣтъ двѣнадцати, а иногда и больше.

— Коли компренѐ, такъ пуркуа-же атандѐ?

Въ этакомъ родѣ идутъ и дальнѣйшіе переговоры. Но такъ-какъ за всѣмъ этимъ все-еще нельзя иному публично бесѣдовать на аристократическомъ діалектѣ, то, чтобъ не потерять значенія, своего «дю комн-фо», они стараются гдѣ-нибудь въ общемъ разговорѣ ввернуть настоящую парижскую фразу.

Но, разсказывая про то́, что̀ водится повсюду, я совсѣмъ забылъ про городъ Томскъ. Надо признаться, что уловить какія-нибудь особенности города Томска чрезвычайно-трудно. Сказать, что здѣсь штабъ 3-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи и стоитъ линейный сибирскій батальйонъ № 11-й, и что, поэтому, въ Томскѣ есть общество военныхъ офицеровъ—этого будетъ мало. Сказать, что золотопромышленики здѣсь живутъ богато, это само-собой извѣстно, тѣмъ болѣе, что богатство даетъ и имъ средство жить открыто и роскошно, и удѣлять часть отъ избытковъ своихъ на богоугодныя дѣла. Такъ, на-примѣръ, здѣсь Дѣтскій Пріютъ устроенъ золотопромышленикомъ; въ пользу погорѣлыхъ гражданъ пожертвовано 3,000 руб. сер. золотопромышлениками; на новый соборъ въ городѣ собрано 76,000 руб. серебромъ ими же. Сказать, что здѣсь горожане имѣютъ обыкновеніе кататься послѣ обѣда по главнымъ улицамъ? или что здѣсь квартиры до́роги? или что лѣтомъ городъ пустѣетъ? или что здѣсь есть пристань, отъ которой въ-началѣ навигаціи отправляются суда съ чаями въ Тюмень? торговки маклярятъ и факторствуютъ? что здѣсь выгодно жить процентщикамъ? что̀ большинство здѣшнихъ мѣщанъ ходитъ въ работы на пріиски? что здѣсь новичокъ-золотопромышленикъ легко можетъ попасть въ просакъ? что здѣсь руки до́роги? что здѣсь есть улица съ мостовой по мак-адамовской системѣ? что здѣсь, наконецъ, строится театръ? что здѣсь есть нѣсколько людей первостатейныхъ? что здѣсь недурны женщины?.. но это же самое мы можемъ найдти и въ другихъ мѣстахъ и пріидти къ заключенію, что Томскъ самъ-по-себѣ безцвѣтенъ и не имѣетъ такихъ особенностей, которыя придавали бы ему исключительный, ему только свойственный, характеръ.

Было время, и Томскъ гремѣлъ своею самостоятельностью, и время это было для него два раза: въ первый разъ, когда не были еще открыты золотые промысла̀ ни гдѣ, кромѣ Томскаго-Округа, а во второй разъ, въ не такъ-давнее время, когда вдругъ прошелъ слухъ, что рѣчка Ушайка, на устьѣ которой стоитъ Томскъ, изобилуетъ страшнымъ богатствомъ, золотыми пріисками съ восьми-золотниковымъ содержаніемъ; но это время миновалось, и въ баснословныя богатства Ушайки теперь никто уже не вѣритъ.

Объ одной только особенности случилось мнѣ слышать отъ тамошнихъ жителей: будто бы томскій мѣщанинъ ни за что̀ не пойдетъ въ лакеи. Онъ наймется въ кучера, въ конюхи, въ дровосѣки, въ прикащики, въ сидѣльцы, пойдетъ въ тяжелую работу, на пріиски, во что угодно, но въ лакеяхъ служить не будетъ. Не знаю, въ какой степени извѣстіе это заслуживаетъ вѣроятіе, да и какая существуетъ раз-

ница между слугой и прислугой. Сколько я по-крайней-мѣрѣ присмотрѣлся къ Томску, тамъ, напротивъ, живетъ народъ чрезвычайно-услужливый, особенно къ тѣмъ, въ комъ онъ заискиваетъ благорасположенія.

XIV.

Начало Колыванскихъ Заводовъ.

Томская-Губернія особенно знаменита открытыми въ новѣйшее время рудниками и розсыпями драгоцѣнныхъ металловъ. Но не мы первые положили въ Сибири начало горнаго дѣла: неизвѣстные народы вымершихъ поколѣній, оставили намъ памятники своего горнаго производства въ повсюду по Сибири разсѣянныхъ горныхъ выработкахъ, слывущихъ подъ общимъ названіемъ «чудскихъ-копей».

Копи эти, служившія въ послѣдствіи времени для Русскихъ надежными указателями сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли сокровищъ, находимы были всюду: и на Уралѣ, и на Алтаѣ и въ отрогахъ Яблоноваго-Хребта.

Въ нѣкоторыхъ рудникахъ Уральскаго-Хребта, разработываемыхъ по чудскимъ-копямъ, открыты были Русскими неразвалившіяся еще крѣпи чудскихъ горныхъ работъ и слитки мѣди, немного покрытые ржавчиною. Въ другихъ мѣстахъ того же хребта найдены были дрова и кости совершенно окаменѣлыя. Въ Гумешевскомъ-Рудникѣ, на пятнадцати-саженной глубинѣ, вырыта была круглая шапка съ собольимъ околышемъ, довольно уцѣлѣвшимъ, и кожаный мѣшокъ. Хотя въ Уральскомъ-Хребтѣ копи неизвѣстныхъ народовъ и дѣйствительно способствовали намъ къ распространенію въ этихъ мѣстахъ горнаго производства, однакожь многіе изъ лучшихъ уральскихъ рудниковъ открыты были безъ этихъ путеводителей и даже гораздо-далѣе той мѣстности, гдѣ разсѣяны «чудскія-копи», встрѣчающіяся только на востокъ до рѣкъ Богаряки и Полдневой, на западъ до Бѣлой, Дюмы и Каргалы, а на сѣверъ до рѣкъ Исети и Чусовой.

На Алтаѣ, гдѣ эти копи разсѣяны въ большомъ количествѣ въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи, копи эти дали намъ возможность съ удивительной быстротой развернуть здѣсь нашу горную промышленость. Замѣчено, что древніе рудокопы были небольшіе искусники въ горныхъ разработкахъ и далеко не могли тягаться съ нашими современными техниками, касательно утонченныхъ пріемовъ въ горномъ дѣлѣ. Невѣдомые намъ народы хотя и испытывали свои силы даже и надъ твердыми рудами, однакожь не имѣли, какъ видно, полнаго въ томъ успѣха, вѣроятно потому, что не знали употребленія пороха, что̀, какъ извѣстно, служило большою помощію въ прошломъ столѣтіи при распространеніи здѣсь нашими отцами и дѣдами горныхъ разработокъ. Вообще на Алтаѣ не находили старинныхъ копей, которыхъ бы глубина простиралась далѣе пяти сажень, между-тѣмъ-какъ въ наше время нижнія работы производились болѣе нежели на сто сажень отъ поверхности горы.

По извѣстію Палласа, при разработкѣ Змѣиногорскаго-Рудника, между рудами, былъ найденъ почти сгнившій остовъ древняго рудокопа и при немъ кожанный мѣшокъ съ богатѣйшими охрами. Сверхъ-того, тамъ нашли въ верхнихъ работахъ между глиною, кусокъ слоновой челюсти, которая хотя и оруденѣла, однакожь Палласъ легко могъ ее признать.

При разборкѣ въ 1811 году чудскихъ каменныхъ насыпей, или отваловъ, на южной покатости горы, въ которой разработанъ Бухтарминскій-Рудникъ, открытъ былъ человѣческій остовъ. Очевидецъ этого происшествія разсказываетъ, что онъ видѣлъ этотъ остовъ въ самой его гробницѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ сланцовыхъ плитъ. «Кости, при первомъ взглядѣ» разсказываетъ онъ далѣе «казались цѣлыми, но по прикосновеніи къ нимъ тотчасъ же разрушались. По образованію черепа можно было заключить, что покойникъ происходитъ отъ калмыцкаго племени, и всѣ кости показывали весьма-высокій его ростъ. Въ гробницѣ онъ лежалъ головою на востокъ. Вмѣстѣ съ его костями смѣшаны были и другія, которыя, по виду ихъ, казались бараньими. Неподалеку отъ этой гробницы лежалъ камень, которымъ, повидимому, покойникъ былъ раздавленъ, ибо нѣкоторыя кости были повреждены. Эти тлѣнные останки, вѣроятно, древняго рудокопателя, мы погребли на томъ же самомъ мѣстѣ и привели гробницу его въ прежнее состояніе.» Кажется, очевидецъ этотъ былъ Г. И. Спасскій.

При Золотушенскомъ-Пріискѣ, близъ Локтевскаго-Завода, на рѣкѣ Алеѣ находили много слѣдовъ старинной плавки рудъ: тамъ попадались глиняные черепки отъ плавильныхъ горшковъ и шлаки, или огарки. Остатки эти даютъ поводъ заключать, что древніе обитатели Сибири и въ металлургическомъ искусствѣ были не болѣе свѣдущи, какъ и въ искусствѣ обработки рудъ: въ шлакахъ не только по химическому испытанію оказывалось значительное содержаніе мѣди, но даже и простыми глазами въ нихъ замѣтна была вкропленная мѣдь.

Вообще въ этихъ копяхъ находили старыя крѣпи, лошадиные зубы, мѣдь отличной чистоты для чудскихъ инструментовъ. Что касается до самыхъ орудій, употреблявшихся при горномъ производствѣ, то ихъ находили въ видѣ балдъ или молотовъ изъ трапа, заостренныхъ клиновъ изъ порфира, разныхъ вещей, которыхъ назначеніе неудобопонятно и которыя сдѣланы изъ глины, и, накопецъ, разныя полоски, кирки, тесла и другія подѣлки, выдѣланныя изъ мѣди, которая, отъ долговременнаго лежанія, частію превратилась въ мѣдную зелень, а частію — въ красную мѣдную руду, особенно въ тонкихъ мѣстахъ, гдѣ вставляется рукоятка.

Правительство наше издревле принимало дѣятельныя мѣры къ распространенію въ предѣлахъ нашего отечества горнаго производства. Въ средѣ своихъ подданныхъ невозможно было найдти искусныхъ техниковъ, тѣмъ болѣе, что добыча драгоцѣнныхъ металловъ была намъ еще неизвѣстна; поэтому владыки Россіи и приглашали къ себѣ «рудознатцевъ» изъ чужихъ краевъ.

Свѣдѣнія наши объ этомъ предметѣ не доходятъ до временъ, предшествовавшихъ царствованію Іоанна Васильевича III. Этотъ государь, въ 1482 году, просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать къ нему, въ Россію, горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добыва-

ніи золотой и серебряной руды. Въ 1490 году въ наказѣ Греку Траханіоту, отправленному посломъ къ римскому цезарю, велѣно было пригласить къ намъ изъ Германіи искусныхъ горныхъ мастеровъ Можетъ-быть, дѣйствительно, въ-слѣдствіе этихъ приглашеній, въ 1492 году прибыли къ намъ два нѣмца, Иванъ и Викторъ, и отправлены съ Андреемъ Петровымъ и Васильемъ Болшинымъ искать серебряной руды около Печоры.

Въ 1557 году русскій посолъ, Іосифъ Непѣя, Вологжанинъ, отправленъ былъ царемъ Іоанномъ-Грознымъ въ Англію, съ цѣлію, между-прочимъ, пригласить оттуда искусныхъ рудокоповъ. Въ 1569 году дозволено Англичанамъ устроить селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ для пріисканія и плавки желѣзныхъ рудъ, съ условіемъ привести изъ Англіи знающихъ дѣло горныхъ людей и научить этому искусству Русскихъ.

Вслѣдъ затѣмъ правительство обратило особенное вниманіе на тогдашніе наши восточные предѣлы, по покореніи Казанскаго-Царства далеко отодвинувшіеся къ Каменному-Поясу, и, въ видахъ распространенія въ этомъ краю горнаго промысла, для усиленія собственныхъ своихъ доходовъ, въ 1571 и 1573 годахъ приглашало горныхъ техниковъ изъ Швеціи, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобъ горное производство обратить въ исключительное достояніе короны, въ-отношеніи частныхъ лицъ оно придерживалось запретительной системы. Выводъ этотъ вполнѣ оправдывается словами, помѣщенными въ грамматахъ на имя Строгоновыхъ: въ первой, на извѣстное пространство земель по Камѣ, отъ 4 апрѣля 1558 года сказано: «А гдѣ буде найдетъ руду серебряную «или мѣдяную, или оловянную, и Григорью (Строгонову) тотъ часъ о «тѣхъ рудахъ отписывати къ нашимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ «рудъ не дѣлати безъ нашего вѣдома.»

Въ другой грамматѣ, отъ 25 марта 1568 года, на рѣку Чусовую, по сю сторону Урала, снова подтверждено объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

Но въ третьей грамматѣ, отъ 30 мая 1574 года, предоставлявшей Строгоновымъ въ пользованіе всю Сибирь (хотя вообще ни Русскіе до-тѣхъ-поръ, ни въ послѣдствіи времени Строгоновы и не переступали даже черезъ Уралъ) по рѣкамъ Иртышу, Оби и на иныхъ рѣкахъ, уже не однимъ Строгоновымъ, а всѣмъ вообще желающимъ, разрѣшалось въ невѣдомыхъ намъ и непокоренныхъ нами странахъ, производить рудные промыслы. «А гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ (Строгоновы) «найдутъ руду желѣзную—и имъ руда дѣлати, а мѣдяну руду, или «оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на «испытъ дѣлати; а кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати — и «имъ дѣлати освобождати, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы «нашей казнѣ была прибыль.»

Вслѣдъ за блистательными подвигами Ермака, а потомъ Чулкова, мѣстнымъ властямъ въ Сибири вмѣнено было въ обязанность вывѣдывать у туземныхъ племенъ, гдѣ у нихъ серебро и золото водится, и уже въ 1623 году правительство наше знало подробно о занятіяхъ татарскихъ осѣдлыхъ племенъ, обитавшихъ подъ именемъ «Кузнецовъ», или Кузнецкихъ-Людей, въ предѣлахъ нынѣшняго Кузнецкаго-Округа Томской-Губерніи. Въ грамматѣ царя Михаила Ѳеодоровича, отъ 11 сентября 7131 (1623) года между-прочимъ объ этихъ племенахъ сказано:

«Около Кузнецка, на Кондомѣ и Мрасѣ рѣкахъ, горы великія каменныя и въ тѣхъ горахъ емлютъ кузнецкіе ясашные — камни, и камни тѣ разжигаютъ на дровахъ, и раздробивъ сѣютъ рѣшетомъ, и просѣявъ сыплютъ по немногу въ горнъ и сливаютъ желѣзо, и изъ того желѣза дѣлаютъ панцыри, бехтерды, шеломы, копья, рогатины, мечи и другія подѣлки, окромя пищалей; и панцыри тѣ и бехтерды мѣняютъ Калмыкамъ на лошадей, коровъ и овецъ, также иные и ясакъ платятъ.»

Было бы крайне утомительно для нашихъ читателей слѣдить за распространеніемъ горнаго промысла въ Сибири во всей подробности. Чтобъ охарактеризовать эпоху, въ которой производились эти изслѣдованія, манеру сближеній нашихъ съ указателями будущихъ богатствъ, пытливость и любознательность нашихъ казаковъ и другіе неуловимые оттѣнки, мы не могли ничего придумать удобнѣе, какъ привести въ подлинникѣ нѣкоторыя грамматы, чрезвычайно-любопытныя и по изложенію и по содержанію, и напоминающіе недавніе еще «розъиски» нашихъ частныхъ золотопромышлениковъ.

Одну изъ этихъ грамматъ приведемъ всю безъ сокращеній; она относится къ 1679 году:

«Отъ царя и великаго князя Өедора Алексѣевича всея Великія и и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ Сибирь, въ Нерчинскіе-Остроги, головѣ Самойлѣ Александровичу Лисовскому.

«Въ прошломъ 186 (1678) году писалъ къ намъ, великому государю, изъ Тобольска, бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ, что въ 186 году писалъ къ нему изъ нерчинскаго острогу тобольскій сынъ боярскій Павелъ Шульгинъ, что

«Въ 184 (1676) году присланъ въ Нерчинскій-Острогъ и билъ челомъ намъ, великому государю, мунгальскаго Даинъ-Контайша посланецъ Бугойца о выпускѣ брацкихъ (бурятскихъ) ма(у)жиковъ, которые въ Нерчинскомъ-Острогѣ сидятъ въ аманатѣхъ. Да тотъ же Даинъ-Контайша посланецъ Бугойца въ Нерчинскомъ, въ съѣзжей избѣ, въ разговорѣ, ему, Павлу, сказывалъ: обыскалъ-де онъ въ степи, близко Аргуни рѣки, серебряную и оловянную руду и для тѣхъ рудъ Даинъ-Контайша посылалъ людей своихъ съ верблюды и велѣлъ тѣ руды привезти къ себѣ въ улусъ; да у него-де, Даинъ-Контайши, руды плавить нѣкому: и хочетъ той руды, для подлиннаго объявленія, отвезти, вверхъ по Янѣ рѣчкѣ, къ хутухтѣ своему; и спрашивалъ въ Нерчинскомъ-Острогѣ русскихъ людей рудознатцевъ, серебряную и оловянную руду кто знали и плавить умѣли. А во 184 же году посылалъ онъ, Павелъ, изъ Нерчинскаго, для ясашнаго сбору, служилыхъ людей Ваську Милославова съ товарищи, пять человѣкъ, къ Аргунѣ-рѣкѣ, къ Намясинскимъ Тунгусамъ и для провѣдыванія рудъ: гдѣ по Аргунѣ-рѣкѣ мунгальскіе люди обыскали серебряныя и оловянныя руды, чтобы той руды привезти къ нему, Павлу, въ Нерчинскъ.

«И Васька-де Милославовъ съ товарищи въ Нерчинско привезли сѣрой да желтой руды понемногу, золотника по четыре, а сказали: провѣдывали-де они о тѣхъ рудахъ у Намясинскихъ Тунгусовъ всякими мѣрами — и провѣдать не могли: а объявилося въ Намясинскихъ улусахъ, у князца Анга, у котораго сидитъ въ Нерчинску сынъ въ аманатѣхъ. Мунгальскаго Даинъ-Контайши мунгалъ Аранза, котораго Даинъ-Контайша посылалъ для сыску тѣхъ рудъ къ Аргунѣ-рѣкѣ,

ему Васькѣ тѣхъ рудъ, за его васькины подарки, далъ, для подлинной вѣдомости, сѣрой да желтой, а называетъ-де онъ Араиза желтую—золотою, а сѣрую—серебряною. Да онъ же имъ сказалъ, что-де тѣ руды имались на рѣчкѣ Алтачѣ, по-русски — золотой, да на Мунгучѣ, по-русски — серебряной, да на Тузачѣ, по-русски—оловянной; а тѣ-де рѣчки сошлись устьями неподалеку отъ Аргуни и пали въ оную рѣку.

«И отъ Нерчинского до тѣхъ рѣчекъ ѣзды пять дней; и онъ-де, Павелъ, досмотря тѣхъ рудъ, и для подлиннаго сыску посылалъ изъ Нерчинского—десятника Жилку Свѣшникова съ товарищи, пять человѣкъ, давъ имъ вожей, Тунгусовъ, ясашныхъ людей, четырехъ человѣкъ, къ Аргунѣ-рѣкѣ и къ тѣмъ рѣчкамъ Алтачѣ, и къ Мунгучѣ, и къ Тузачѣ, и далъ тѣмъ Тунгусамъ государева жалованья суконъ и котловъ и всякой желѣзной мелочи. А пріѣхавъ на тѣ мѣста велѣлъ онъ, Павелъ, досмотрѣть подлинно, гдѣ мунгальскіе люди имали золотую и серебряную руду и есть ли на тѣхъ мѣстахъ, близко тѣхъ мѣстъ, лѣсъ?

«И Жилка Свѣшниковъ съ товарищи въ Нерчинско пріѣхали, а съ собою привезли сѣрого камени, что называютъ оловянною рудою, два пуда, да желтаго каменья, незнаткой руды — пол-семигривны, которую имали они около сѣрой руды, да разныхъ земель, въ пяти узлахъ, шесть фунтовъ, которыя земли имали надъ тою же рѣчкою *у старыхъ у разныхъ плавиленъ;* а ему (Павлу Жилка Свѣшниковъ съ товарищи) сказали:

«Доѣзжалъ-де онъ (Жилка) до оной рѣчки, что называютъ мунгальскіе люди и Тунгусы—Тузачею и Мунгучею рѣчками, а ѣхали-де они изъ Нерчинского-Острогу по той рѣчкѣ пять дёнъ среднею ѣздою и осмотрѣли-де на той рѣчкѣ *старыхъ плавиленъ двадцать и больше:* и копана изъ горы и плавлена руда. А какіе люди на томъ мѣстѣ жили—они провѣдать не могли. И по признакамъ-де на томъ мѣстѣ даинъ-контайшскіе люди имали руды изъ тѣхъ же мѣстъ, потому-что къ той рудѣ отъ его. Даинъ-Контайша, улуса слѣдъ. А сѣрой-де руды жила пошла въ гору, шириною въ сажень, да отъ той же сѣрой руды сажени на три осмотрѣли они подкопъ великій, и въ тотъ подкопъ входили, *и въ той подкопъ были глубокіе подкопы, затвержены сланью и хрящомъ и большимъ камнемъ.* А на иныя-де мѣста Тунгусы ихъ не повели и сказали, что-де они, опричь того мѣста, иныхъ мѣстъ не знаютъ. А лѣсъ-де всякій отъ того мѣста на горахъ, по каменью въ полуверстѣ, и въ четырехъ, и въ пяти верстахъ.

«Около тѣхъ мѣстъ, отъ Нерчинского-Острогу въ тринадцати днищахъ, *были города и юрты* многія жилыя, и мельницъ камени жерновыя и осыпи земляныя — не въ одномъ мѣстѣ. А онъ-де Павелъ спрашивалъ многихъ старыхъ людей иноземцовъ и Тунгусовъ и мунгальскихъ людей: какіе люди на томъ мѣстѣ напредъ сего живали и городы и всякіе заводы заводили? И они сказали: какіе люди живали — того они не знаютъ и ни отъ кого не слыхали.

«А въ 184 году пріѣхалъ въ Нерчинскій-Острогъ нововыѣзжій челкагорскаго роду Тунгусъ—Даянъ-Шаманъ, а ему Павелъ сказалъ: посылалъ-де онъ изъ Нерчинского-Острогу для руднаго сыску, Жилку Свѣшникова съ товарищи на Мунгучу (Алтачу?) и Тузачу рѣчки, а до Мангучи, что русскимъ языкомъ называютъ серебряная рѣчка, за незнаніемъ не довели. А онъ-де Даянъ-Шаманъ (сказалъ, что онъ) тоё рѣчку знаетъ, и на той рѣчкѣ старыхъ и знатныхъ людей заводы и копи и

плавильщи вѣдаетъ, и онъ, Даянъ, тую рѣчку укажетъ русскимъ людямъ и самъ съ ними въ вожахъ до той рѣчки пойдетъ.

«И онъ-де Павелъ послалъ изъ Нерчинского-Острогу казака Ваську Милославова съ товарищи, пять человѣкъ, давъ имъ того Даянъ-Шамана, а велѣлъ имъ ѣхать къ Аргунѣ-рѣкѣ до Мунгучи-рѣчки, гдѣ укажетъ Даянъ-Шаманъ; а пріѣхавъ на тоё рѣчку досмотрѣть подлинно и, описавъ на роспись, взять изъ того мѣста, гдѣ были старыя рудныя копи, руды пуда три или четыре.

«И Васька-де Милославовъ съ товарищи пріѣхали, а ему на допросѣ сказали: были-де они съ Тунгусомъ Даянъ-Шаманомъ, а онъ Даянъ довелъ ихъ до той же рѣчки, гдѣ они были прежде сего съ Жилкою Свѣшниковымъ, и онъ-де Жилка съ товарищи нашли руду и привезли въ Нерчинскій-Острогъ. И онъ же Васька съ товарищи, изъ тѣхъ же мѣстъ, взялъ той же сѣрой руды десять гривенокъ и привезли къ нему Павлу. А на иныя-де рѣчки и мѣста Тунгусъ Даянъ-Шаманъ его Ваську съ товарищи не повелъ, а сказалъ, что онъ, опричь-де той рѣчки, иныхъ мѣстъ не знаетъ.

«И въ Нерчинскомъ-Острогѣ, въ съѣзжей избѣ, тотъ Тунгусъ Даянъ-Шаманъ сказалъ тѣ же рѣчи, что и Васька Милославовъ съ товарищи сказали; а для того-де онъ, Даянъ-Шаманъ, въ Нерчинскомъ-Острогѣ сказывалъ, что-де чаялъ онъ, что Жилка Свѣшниковъ съ товарищи до той рѣки не доѣзжали.

«Во 184 году пришелъ изъ Албазинскаго-Острогу нерчинскій бронный мастеръ Кузёмка Новогородецъ, и тѣ руды онъ Павелъ ему Кузёмкѣ показывалъ, и онъ Кузёмка плавилъ сѣрой руды десять гривенокъ и, выплавивъ изъ десяти гривенокъ, принесъ Павлу девяносто золотниковъ свинцу съ оловомъ.

«Да во 185 году пришли изъ Китайскаго-Государства, съ переводчикомъ Николаемъ, купецкіе люди, Гречана Иванъ Чудевъ да Спиридонъ Остаждевъ; и провѣдалъ-де онъ, Павелъ, что они серебряную и золотую и оловянную и иныя руды знаютъ и видали, и онъ-де Павелъ показывалъ, что имъ, для опыту, сѣрой руды плавить четырнадцать гривенокъ далъ. Изъ той руды они плавили четыре гривенки безъ счета свинцу; а ему, Павлу, досмотря рудъ, сказали, что именно-де сверхъ гдѣ бываетъ свинешная руда, тутъ-де есть и серебряная руда: только-де надобно копать глубоко и съискать знающими людьми; и которые-де служивые люди, Жилка Свѣшниковъ съ товарищи, ѣздили къ рудному съиску и они сказывали, что имали тоё руду сверху, незнаючи.

«И прислалъ онъ Павелъ въ Тобольскъ пудъ серебряной руды въ мѣшкѣ, изъ которой въ Нерчинскомъ-Острогѣ выплавленъ свинецъ, да желтой, незнаткой, руды пол-семи гривенки въ мѣшкѣ, да разныхъ земель въ пяти мѣшкахъ шесть гривенокъ съ полу-гривною, и съ мѣшками. И тѣ руды, что въ Нерчинскомъ-Острогѣ кузнецъ и Гречана свинцу выплавили — присланы къ Москвѣ.

«И мы, великій государь, указали: о тѣхъ рудахъ по посылкамъ учинить въ Енисейску по нашему, великаго государя, указу... А однолично бъ ты того себѣ въ оплошку не ставилъ и къ намъ, великому государю, службу и радѣніе свое показалъ, руды съискалъ и опыты учинить и плавить велѣлъ; а буде серебряную или золотую и мѣдную и оловянную руду съищешь—и мы, великій государь, пожалуемъ тебя нашимъ, великаго государя, жалованьемъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7187 (1679) іюля въ 29 день.» Въ 1696 году «иноземцы Греки, и за

моремъ и опыты учиня, сказали, что та руда свинцомъ и серебромъ богата: только де знатно, что взята вверху, а если-де копать глубже — не сумнѣваются, что явится тамъ руда, серебромъ богатѣе».

Вслѣдствіе подобныхъ открытій усилены были мѣры къ отысканію въ Сибири драгоцѣнныхъ металловъ какъ въ Нерчинскомъ-Краѣ, такъ и въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи. Въ грамматѣ Петра-Великаго къ томскому воеводѣ Ржевскому сказано между-прочимъ:

«Въ іюнѣ 1696 года писалъ ты къ намъ, великому государю, что января въ 7 день горныхъ князцовъ Когодая да Мышана ты разспрашивалъ и нашимъ, великаго государя, жалованьемъ надежилъ, чтобы указали узорочныя вещи — и Когодай-де указалъ на рѣчкѣ Баракдатѣ руду серебряную въ горахъ, коштацкой лучше многимъ. Да казацкій сынъ Ивашко Великосельскій да князецъ Ичачелъ привезли къ тебѣ знакъ серебряной руды, а нашли на рѣчкѣ Большомъ-Китатѣ въ горѣ. А Грекъ Александръ Левандіана (посланный Петромъ-Великимъ въ томъ же году въ Сибирь для горныхъ работъ), смотря того знаку, сказалъ, что знакъ самыя серебряныя руды—только взятъ сверху, и той руды фунтъ, да коштацкой руды три фунта 20 золотниковъ прислалъ ты къ Москвѣ въ Сибирскій-Приказъ, и вышеписанныя присланныя отъ тебя руды въ Сибирскомъ-Приказѣ казаны гречанину Веніамину, Левандіанѣ, и Веніаминъ сказалъ: руда, которая взята на рѣчкѣ Большомъ-Китаѣ—не серебряная; а другая, на который стоитъ нынѣ промыселъ серебрянаго завода — знакъ серебряной верховой руды; а по выплавкѣ нынѣ изъ нея ничего не выйдетъ; а будетъ серебро — которая руда взята будетъ внизу.

«Въ нынѣшнемъ 1698 году января въ 12 день писалъ ты къ намъ, великому государю, что въ прошломъ 1697 году въ горныя порубежныя волости ко князцомъ Мышану да Когодаю посылалъ ты сына боярскаго Степана Тупальскаго для взятья рудъ, и они-де, Степанъ съ товарищи, землю раскопали до каменя знаку серебряной руды, и тотъ камень ломали сверху, а просѣчь въ глубину не умѣли; и того-де да прежняго, всего изъ 16 пудъ, по переплавкѣ Грека Александра, вышло 25 золотниковъ самаго чистаго серебра, и то серебро прислалъ ты къ Москвѣ въ Сибирскій-Приказъ, а гречанинъ-де Александръ Левандіана, съ товарищи, отпущены для промыслу на рѣчку Коштакъ (*); а съ Коштаку-де онъ Александръ пріѣзжалъ въ Томскій и билъ челомъ, чтобъ у рудоплавныхъ заводовъ караульныя башни и крѣпости устроить...»

Долго здѣсь бился Грекъ Левандіана и ничего путнаго не успѣлъ сдѣлать: драгоцѣнныя сокровища не давались ему, и всѣ расходы его на поиски не вознаграждались надежнымъ открытіемъ. Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о благонадежномъ открытіи серебряныхъ рудъ въ Нерчинскомъ-Краѣ, Александръ Левандіана переведенъ былъ туда въ 1703 году и тѣмъ попытки о распространеніи въ Томскомъ-Уѣздѣ горныхъ промысловъ прекратились.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось въ забвеніи лѣтъ двадцать.

Въ промежутокъ этого времени на Уралѣ явился знаменитый желѣзный заводчикъ, выведенный изъ Тулы тамошній кузнецъ и мастеръ

(*) Коштакомъ встарину въ Сибири называлось то, что нынѣ носитъ названіе питейной-выставки.

Никита Демидовъ, положившій прочное основаніе распространенію нашей горной промышлености и сдѣлавшійся родоначальникомъ извѣстной нынѣ фамиліи Демидовыхъ. Никиту Демидова, тогдашняго владѣльца-помѣщика Невьянскихъ-Заводовъ, любили всѣ его окружавшіе и даже только знавшіе объ немъ по наслышкѣ, и любовь эта обнаружилась между-прочимъ тѣмъ, что въ его владѣніяхъ многіе странники изъ Россіи и охотники, стремившіеся далѣе на востокъ, находили вѣрное пристанище, опредѣленное занятіе и безбѣдный кусокъ хлѣба; даже правительство тогдашняго времени замѣтило, что Демидовъ, имѣя по описи гораздо-меньшее число крестьянъ, сравнительно съ казенными заводами, приготовлялъ желѣза гораздо-болѣе, чѣмъ казенные заводы.

Другое слѣдствіе приверженности къ Демидовымъ всѣхъ, кто объ нихъ слыхалъ, касается ближе къ нашему предмету и заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1723 году нѣсколько человѣкъ поселившихся въ Сибири на Оби русскихъ мужичковъ, пошли въ горы на промыслы. Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія— объ этомъ молчитъ преданіе, зашли они въ порядочную глушь и очутились у Синюхи, или Синей-Сопки, извѣстной возвышенности, находящейся не въ дальнемъ разстояніи отъ озера, прозваннаго нами Колыванью. Недалеко отсюда кочевалъ какой-то чжунгарскій князецъ, кажется Галданъ-Церенъ. Здѣсь забредшіе охотники нашли какой-то страннаго образованія насыпи изъ землицы, непохожей на простую землю, а окрашенной иными цвѣтами и представлявшейся совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ песокъ, глина или черноземъ. Смышленыя бородки помяли ее — крѣпка, не разсыпается; потерли ее — руки мараетъ. Что за чудо такое? думали они, и никакъ не могли понять, въ чемъ тутъ дѣло. Но когда вслѣдъ за тѣмъ они напали на старинныя копи, на груды каменныхъ отваловъ, между которыми нашли и огарки металлическихъ рудъ—тогда для нихъ сдѣлалось ясно, что нечаянная находка можетъ ихъ повести къ добру. Они замѣтили мѣстность, возвратились домой и послали вѣсти на Уралъ, къ сыну Никиты Демидова, въ послѣдствіи времени дѣйствительному статскому совѣтнику Акинфію Никитичу Демидову, въ полной увѣренности, что онъ имъ скажетъ хорошее спасибо. Акинфій Демидовъ, немедля нисколько, прислалъ (конечно, уже въ-слѣдующемъ году) въ Затомскій-Край нѣсколько человѣкъ своихъ мастеровыхъ, подъ предводительствомъ преданнаго ему подъячаго, знатока въ горномъ дѣлѣ, какого-то Дмитрія Семеновича, по прозванію Козьи-Ножки.

Козьи-Ножки не пускалъ дѣла въ долгій ящикъ. Прибывъ къ указанному мѣсту, онъ остановился подъ Синюхою, на рѣчкѣ, которая, Богъ знаетъ ужь почему, была прозвана Локтевкой, набралъ тутъ каменьевъ, мигомъ сладилъ изъ нихъ печь—и давай работать, то-есть, производить испытаніе здѣшнихъ рудъ. Между-тѣмъ никто изъ его людей не оставался безъ дѣла; всѣ разсыпались въ разныя стороны по окрестностямъ и возвратились оттуда съ полными мѣшками рудныхъ признаковъ изъ другихъ мѣсторожденій. Козьи-Ножки сдѣлалъ имъ надлежащее испытаніе, удостовѣрился, что труды его не пропали даромъ, что онъ попалъ въ мѣдяное царство и, собравъ образцы со всѣхъ объисканныхъ имъ мѣстъ, возвратился какъ ни въ чемъ не бывалъ, въ Невьянскіе-Заводы къ Демидову.

Въ 1724 году Демидовъ обратился въ Государственную Берг-Коллегію и просилъ разрѣшенія построить на Алтаѣ мѣдиплавильный заводъ; а между-тѣмъ онъ уже отправилъ туда съ невьянскихъ своихъ заводовъ мастеровыхъ людей и трехъ прикащиковъ и началъ уже разработку новаго открытаго имъ рудника, прозваннаго отъ озера Колывани-Колыванскимъ. Разрѣшеніе отъ Берг-Коллегіи дано было въ февралѣ 1726 года, и у Демидова, подъ самою Синюхою (прозванною такъ потому, что вершина ея синѣется въ высотѣ), на рѣчкѣ Локтевкѣ, построенъ былъ небольшой заводъ съ ручными печами. Вскорѣ Демидовъ успѣлъ выхлопотать себѣ для работъ — нѣсколько человѣкъ крестьянъ изъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ, для защиты отъ опасныхъ сосѣдей—смѣнныя команды городовыхъ казаковъ, а для болѣе-правильнаго и сообразнаго съ требованіями науки производства работъ, екатеринбургскій обер-берг-амтъ, по представленію Демидова, отправилъ на Алтай гиттенфервальтера Клеопина, который, избравъ болѣе-удобное для завода мѣсто, въ трехъ верстахъ отъ перваго, на рѣкѣ Бѣлой, построилъ въ 1728 году новый заводъ, названный тоже Колыванскимъ, о четырехъ печахъ и, пустивъ его въ дѣйствіе въ 1729 году, возвратился въ Екатеринбургъ.

Съ мая 1735 по май 1737 года заводы Демидова, вслѣдствіе стараній извѣстнаго въ свое время человѣка, Василья Никитича Татищева, находились во временномъ управленіи казны; но владѣлецъ, снова вошедши въ свои права, основалъ новые заводы Шульбинскій и Барнаульскій (въ 1739 году, но еще въ 1730 году Демидовъ поселилъ нѣсколько своихъ людей на рѣчкѣ Барнаулкѣ и положилъ первое основаніе здѣшнему населенію) и открылъ рудникъ Змѣиногорскій. Въ открытіи всѣхъ этихъ богатствъ ему, а послѣ него и коронѣ, много помогали чудскія копи: имъ Кабинетское Вѣдомство обязано Локтевскимъ, Бухтарминскимъ, Зыряновскимъ, Снѣгиревскимъ, Змѣиногорскимъ, Золотушенскимъ и другими рудниками.

Край, въ которомъ расположены были демидовскіе заводы, считался въ Кузнецкомъ-Округѣ, но не имѣлъ еще ни опредѣленныхъ, сознанныхъ границъ, ни достаточнаго количества защитниковъ : поэтому кочевыя племена безпрестанно нападали на наши селенія, грабили ихъ и разоряли. Участь заводовъ, удаленныхъ отъ главной населенности края, была еще хуже. Демидовъ, заявивъ объ открытіи и началѣ работъ на Барнаульскомъ-Заводѣ, представлялъ Канцеляріи Главнаго Правленія Сибирскихъ и Казанскихъ-Заводовъ, что «въ тамошнихъ мѣстахъ безъ крѣпости отъ непріятельскихъ людей быть весьма-опасно», и, 16 сентября 1741 года, ему Высочайше было дозволено (по примѣру уральскихъ его заводовъ) построить при заводѣ крѣпость собственнымъ капиталомъ. Демидовъ исполнилъ это. Къ заводамъ его было приписано нѣсколько сотъ крестьянскихъ дворовъ: Демидовъ и на Алтаѣ, какъ и на Уралѣ, явился немаловажнымъ владѣльцемъ.

Вообще онъ, какъ видно, не щадилъ ни при какомъ случаѣ ни чужихъ трудовъ, ни собственныхъ издержекъ: имѣлъ своихъ искусныхъ людей, выписывалъ изъ Германіи ученыхъ нѣмцевъ, платилъ имъ большія деньги, велъ дѣла свои отлично и, наконецъ, въ 1743 году, пригласилъ лично къ себѣ въ службу на заводы берг-лейтенанта Христіани и берг-гиттенмейстра Іогана Юнггапса, имѣя уже на заводахъ ученаго штейгера, нѣмца же, Филиппа Трегера ; но тутъ счастье ему начинаетъ уже измѣнять.

Съ одной стороны, изъ именнаго Высочайшаго указа 24 іюля 1744 года, видно, что Демидова стали тѣснить со всѣхъ сторонъ и дѣлать ему всевозможныя прижимки, которыя обыкновенно жизнь нашу обращаютъ въ настоящій адъ. Сама Императрица говоритъ: «Извѣстно намъ учинилось, что дѣйствительному статскому совѣтнику Акинфію Демидову не только въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ по заводамъ своимъ вѣдомъ, но и въ прочихъ правительствахъ, чинятъ обиды и не дѣльными примѣтками—въ волокиту и разореніе, паче же въ дѣлахъ помѣшательство и остановку приключаютъ; а понеже онъ, Демидовъ, кромѣ настоящей трудами своими государственной и народной пользы, особливо и собственно намъ вѣрныя свои службы показалъ: того ради повелѣваемъ, съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, всякія дѣла и челобитья на Демидова напередъ доносить намъ, понеже мы, за его вѣрныя службы, въ собственной протекціи и защищеніи содержать его имѣемъ».

Съ другой стороны случилось слѣдующее обстоятельство. Христіани и Юнгансъ, изслѣдовавъ породы Змѣиногорскаго-Рудника, объявили Демидову, что здѣсь надобно ожидать серебра, равно какъ и изъ рудника Воскресенскаго, названнаго такъ по дню своего открытія и сообщившаго свое названіе, вмѣстѣ съ названіемъ перваго, Колыванскаго завода, всей массѣ алтайскихъ промысловъ, называющихся въ настоящее время Колывано-Воскресенскими заводами, а страна, составляющая округъ этихъ заводовъ, называется въ законахъ Колыванскою-Областью. Юнгансъ и Христіани стали проплавлять серебряныя руды и добыли уже изъ нихъ 27 фунтовъ и 18 золотниковъ серебра. Но прежде чѣмъ Демидовъ успѣлъ представить объ этомъ, — третій изъ приглашенныхъ имъ Германцевъ, Филиппъ Трегеръ, окончившій въ это время по контракту свое служеніе у Демидова, получилъ увольненіе, оставилъ заводы, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ на Демидова доносъ «въ сокрытіи казеннаго интереса». Между-тѣмъ пришло донесеніе и отъ самого Демидова, причемъ прислано было и выплавленное серебро, съ поясненіемъ, что оно добыто изъ 233 пудовъ свинца. Тогда Трегеръ, въ обличеніе богатаго владѣльца, представилъ пробу золота и доказалъ, что не одно серебро и мѣдь можно получать на Алтаѣ : при такомъ положеніи дѣлъ Демидову нетрудно было упасть въ мнѣніи государыни.

Для приведенія въ извѣстность всѣхъ обстоятельствъ дѣла, на Алтайскіе-Заводы посланъ былъ бригадиръ Беръ съ поручикомъ гвардіи Булгаковымъ и техникомъ Улихомъ. Прибывъ на мѣсто, они начали свои изслѣдованія въ верхнемъ концѣ Змѣиногорскаго-Рудника, не оставили испытать достоинства прежнихъ рудъ и представили правительству болѣе 45 пудовъ золотистаго серебра. Изъ этого количества отдѣлили у насъ чистаго золота 12 фунтовъ 32 золотника и 33 доли, а масса серебра, въ количествѣ 44 пудовъ 6 фунтовъ и 21 золотника, пожертвована императрицею въ здѣшнюю Александро-Невскую-Лавру и употреблена на раку святаго благовѣрнаго и великаго князя Александра-Невскаго. Въ августѣ 1745 года Демидовъ умеръ.

По смерти Демидова, въ 1747 году 12 мая состоялось Высочайшее повелѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ : «По указу Нашему отправленъ отъ Насъ на Колывано-Воскресенскій, Барнаульскій и Шульбинскій, умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинфія Демидова, заводы бригадиръ Андрей Беръ, которому тѣ заводы и прочее, на Ир-

тышѣ и Оби рѣкахъ, и между оными всѣ строенія, какія обрѣтаются, заведенныя отъ помянутаго Демидова, со всѣми отведенными для того землями, съ выкопанными всякими рудами и инструментами, съ пушками и мелкимъ ружьемъ, и съ мастеровыми людьми, собственными его Демидова и съ приписными крестьянами—указали мы взять на насъ; а для исправленія работъ на оныхъ заводахъ, въ прибавку къ тѣмъ, кои приписаны къ онымъ заводамъ, повелѣваемъ нашему сенату приписать кузнецкаго вѣдомства казенныя слободы Бѣлоярскую, Малышевскую, Бактунскую-Крѣпость и Берскій-Острогъ, за которыя подушныя деньги плачены быть имѣютъ отъ Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства. А понеже, какъ извѣстно, при оныхъ заводахъ мѣста къ поселенію людей довольныя и всѣмъ потребнымъ къ житію человѣческому изобильныя, и для того по рѣкамъ, близъ оныхъ заводовъ текущимъ, селить пришлыхъ въ Сибирь, кои явились по нынѣшней генералитетской переписи; и оные пришлые люди, чьи бы они ни были, должны заработывать на заводахъ, первое—подати государственныя, по 70 копѣекъ, другое—подати помѣщиковы, по 40 копѣекъ, которыя отъ заводовъ отдаваться будутъ въ нашу казну и куда надлежитъ, а что сверхъ тѣхъ податей заработаютъ—то имъ плачено будетъ отъ завода по настоящимъ цѣнамъ.»

Съ этихъ поръ «Колывано-Воскресенскіе-Заводы» составляютъ собственность Кабинета Его Императорскаго Величества: съ этого же времени стали усиливать мѣры къ надлежащей оборонѣ края возведеніемъ крѣпостей и снабженіемъ ихъ артиллеріею.

Но если, съ одной стороны, край этотъ почтилъ память перваго распространителя здѣсь руднаго дѣла, Демидова, сооруженіемъ ему на барнаульской городской площади памятника, то, съ другой стороны, обитатели Томской-Губерніи не должны забывать и тѣхъ людей, которые дали ихъ дѣятельности особый толчокъ, открывъ здѣсь новую, небывалую до нашего времени, отрасль промышлености, именно золотую; сибиряки не должны забывать и того блага, которое думалъ извлечь изъ этой промышлености потомокъ Демидова, знаменитый служеніемъ своимъ на общую пользу, Павелъ Николаевичъ Демидовъ.

Возобновимъ же въ памяти нашей, извѣстныя уже впрочемъ, свѣдѣнія о томъ и о другомъ предметѣ: начнемъ съ золотыхъ розсыпей и кончимъ П. Н. Демидовымъ.

Разсказываютъ, что будто бы въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, шарташскій кержакъ, то есть раскольникъ, Ерофей Марковъ, лѣтъ за сто до нашего времени, ѣхалъ, на Уралѣ, по берегу рѣки Пышмы и нашелъ на дорогѣ кварцевый камень, съ прослойкою вкропленнаго въ него, ясно для простаго глаза, золота. Маркову и въ голову не приходило, чтобъ это было именно золото; онъ видѣлъ тутъ блестящій камешекъ, очень интересный по своему виду и блеску, не болѣе. Онъ видѣлъ тутъ какую-то особенность, можетъ-быть рѣдкость, не похожую на тѣ голыши, какіе ему прежде доводилось видать. Эту-то рѣдкость онъ и представилъ въ екатеринбургскую заводскую канцелярію. Канцелярія сразу поняла какого рода это дѣло, сняла съ Маркова допросъ и отобрала показаніе: гдѣ онъ камешекъ нашелъ, когда, съ кѣмъ онъ его нашелъ, какъ онъ его нашелъ, сколько именно нашелъ, однимъ словомъ, допросила его до малѣйшей подробности и отправила съ нимъ, для дальнѣйшихъ изслѣдованій, своего члена.

Членъ не открылъ ничего утѣшительнаго. Но о происшествіи этомъ, какъ о дѣлѣ особенной важности, донесено было Государственной Берг-Коллегіи.

Берг-Коллегія повела дѣло иначе. Она видѣла, что Марковъ тутъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ; онъ сдѣлалъ то, что, по его мнѣнію, нужно было сдѣлать, а за результатъ чужихъ изъисканій и испытаній платиться ему не слѣдуетъ: этакъ можно, пожалуй, и другихъ отвадить отъ объявленія начальству о признакахъ и слѣдахъ, которые могутъ повести далеко. Вотъ, Берг-Коллегія и велѣла поступать съ Марковымъ кротко и человѣколюбиво, пригласить его позаботиться объ открытіи новаго металла и обнадежить его щедрою наградою, если Богъ поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ.

Марковъ не хотѣлъ чтобъ о немъ думали что-нибудь дурное, и работалъ изъ всѣхъ силъ. Люди ли были даны ему подѣльнѣе, да понадежнѣе, или сама судьба сжалилась надъ бѣднякомъ и хотѣла загладить прежнюю свою несправедливость, только золото было тогда же открыто. Впрочемъ, это была золотая руда, но все-еще не золотые пески съ крупинками самороднаго золота.

Правильная разработка уральскихъ золотыхъ рудъ началась въ 1754 году. Въ это время при работахъ стали копать канавку; выброшенную оттуда землю, «пески», подвергли промывкѣ — и, странно сдѣло! — изъ земли осѣло нѣсколько золотыхъ песчинокъ. Всѣ полюбопытствовали посмотрѣть на такой казусъ; посмотрѣли и довольно. Въ-самомъ-дѣлѣ, къ-чему могли повести пять-шесть мелкихъ крупинокъ, всего-то можетъ-быть съ булавочную головку?

Лѣтъ черезъ двадцать случай этотъ опять повторился и объ немъ тогда много говорили; но поговорили — тѣмъ и кончили.

Лѣтъ черезъ тридцать послѣ того былъ на Уралѣ обер-берггауптманомъ Ирманъ. Ему въ разговорахъ сообщили эти свѣдѣнія. Ирманъ, воспоминаніе о которомъ и теперь живетъ на Уралѣ, былъ пораженъ етими разсказами: онъ немедленно осмотрѣлъ мѣста, въ которыхъ сдѣланы были эти находки, подвергнулъ изслѣдованію выкинутую изъ канавокъ землю и удостовѣрился, что это дѣйствительно пески золотосодержащіе. Въ 1813 году оффиціально сдѣлалось извѣстно, что на Уралѣ найдены золотыя розсыпи по рѣчкѣ Мильковкѣ, на Верхъ-Исетскихъ-Заводахъ г-на Яковлева.

Открытіе это надѣлало въ свое время много шуму и въ Россіи и въ цѣлой Европѣ, особенно когда съ каждымъ годомъ развитіе золотаго производства стало увеличиваться обширнѣе и обширнѣе, и когда, наконецъ, у насъ бросили почти золотые рудники.

Въ двадцатыхъ годахъ мысль искать золото въ землѣ, у себя подъ ногами, вскружила многимъ голову: были извѣстны и темные слухи о золотѣ въ Сибири, были извѣстны и открытія золотыхъ песковъ и на западныхъ склонахъ Урала, даже близь Перми, наконецъ даже во Владимірской-Губерніи у города Гороховца. Двое богатыхъ сибиряковъ рѣшились пуститься на поиски этихъ драгоцѣнностей въ Зауральскомъ-Краѣ. Люди эти были Якимъ Меркуловичъ Рязановъ, жившій въ Екатеринбургѣ и занимавшійся большими коммерческими оборотами, и Ѳедотъ Ивановичъ Поповъ, бывшій виннымъ откупщикомъ въ городѣ Томскѣ. Оба они были пріятели между собой и обоихъ преслѣдовала мысль открыть золото въ Сибири. Оба они искали его въ 1826 году, г. Рязановъ по склонамъ Урала въ Тобольской-Губерніи, г. Поповъ

по склонамъ Алтая въ Томской-Губерніи. Но еще въ 1824 году Я. М. Рязановъ, осчастливленный личною бесѣдою съ нимъ покойнаго государя, рѣшился изложить ему свои планы и надежды на будущія богатства далекаго края. Государь съ обычною благосклонностію выслушалъ г. Рязанова, согласился съ нимъ въ его предположеніяхъ и назначилъ ему для этого денежное пособіе. Послѣдовавшая затѣмъ кончина Благословеннаго остановила-было это дѣло на нѣкоторое время, но благополучно нынѣ царствующій Государь Императоръ осуществилъ своими милостями мысли Рязанова, повелѣвъ выдать ему значительный капиталъ.

Потомъ была открыта г. Поповымъ первая золотая розсыпь на Алтаѣ, по рѣчкѣ Бирикулю, въ Томскомъ-Округѣ, въ Дмитровской-Волости.

Въ 1829 году компанія гг. Я. М. Рязанова, Г. Ѳ. Казанцова и С. И. Баландина проникла въ глубину томскихъ горныхъ отроговъ, въ страны дикія, пустынныя и неприступныя, и открыла здѣсь знаменитый Кундустуюльскій-Ключъ, и уже это богатое открытіе положило прочное основаніе развитію въ Томской-Губерніи, и во всей Сибири золотопромышлености — частной на казенныхъ земляхъ и коронной на земляхъ Кабинетскихъ. Но время-отъ-времени слава томской тайги стала меркнуть съ года на годъ, и теперь имѣть золотые пріиски здѣсь, значитъ уже не имѣть ничего: это ужь общее правило, которое, какъ и всякое другое общее правило, тоже не безъ исключеній.

Обращаясь къ серебру и золоту, скажемъ, что у насъ на святой Руси золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, и особенно золотыхъ пріисковъ— нѣстъ числа.

Правду говаривали въ–старину: «Русская земля на серебро и золото урожайливая—много въ ней добра сего живетъ!»

И чье сердце не порадуется при видѣ массы богатствъ, всюду кругомъ насъ разлитой? Что̀ намъ древнія сокровища Испаніи? что̀ намъ миѳическая Калифорнія? Не хватитъ у насъ Сибири — у насъ остается незатронутый еще рудникъ въ горахъ кавказскихъ, доказанно-скрывающихъ въ своихъ нѣдрахъ большія сокровища!

XV.

Народонаселеніе Томской–Губерніи.

Опредѣлить одной чертой характеръ обитателей Томской–Губерніи— невозможно, потому что край этотъ населенъ тысячами народа, коснѣющаго въ дикости, тысячами народа съ испорченною и зараженною зломъ нравственностью, и тысячами народа, котораго коснулось уже европейское просвѣщеніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ развитія, приспособленнаго къ быту, потребностямъ и врожденнымъ наклонностямъ русскаго человѣка.

Много мы ѣзжали по разнымъ краямъ нашего обширнаго отечества, многаго мы и не видали, однакожь, ознакомившись порядочно, кромѣ Сибири, съ сѣверо–восточными и съ нѣкоторыми центральными нашими губерніями, мы можемъ на первый разъ сказать только то, что кто знакомъ съ зажиточностью волжскихъ крестьянъ или съ образомъ жизни столичныхъ окрестныхъ деревень, напримѣръ хоть съ Царскою-Славянкою — тотъ легко можетъ представить себѣ и бытъ большинства крестьянъ сибирскихъ вообще и крестьянъ– домохозяевъ

Томской-Губерніи въ-особенности. Разницы, повидимому, очень-не много: та же свобода нравовъ, та же твердость характера, та же наклонность къ щегольству, та же падкость къ вину и то же предпочтеніе, какое вездѣ оказываютъ крестьяне къ грамотнымъ своимъ собратіямъ, только въ Сибири грамотныхъ людей больше, сравнительно, чѣмъ у насъ въ селеніяхъ.

При этой сходности наружной, Сибирякъ все-таки остается Сибирякомъ.

Стоитъ только обратиться къ коренному населенію русскихъ людей въ Сибири, припомнить обстоятельства, которыми, въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, сопровождалось заселеніе Сибири, посудить изъ какихъ элементовъ сложилась народная жизнь Сибиряковъ, чтобъ понять, наконецъ, кто таковы были тѣ, которые составляли и составляютъ большую массу, корень нынѣшняго тамошняго населенія... Корней этихъ, правда, много, но главный разсадокъ русскаго племени — были добровольные бѣглецы и добровольные переселенцы; за ними уже слѣдовали собственно ссыльные и, наконецъ, служилые люди.

. . . .

Чтобы сохранить заведенный порядокъ, мы на первый разъ представляемъ здѣсь слѣдующую таблицу народонаселенія Томской-Губерніи за 1846 годъ:

Въ Томской-Губерніи считается лицъ обоего пола:

Священно и церковно-служителей православнаго вѣроисповѣданія, съ ихъ семействами	1,733
Монашествующихъ	19
Монастырскихъ служителей	137
Католическаго духовенства бѣлаго	1
— — — чернаго	2
Духовенства мухаммеданскаго съ семействами	53
Чиновниковъ разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ	1,886
Дворянъ и чиновниковъ внѣ государственной службы . .	7,726
Почетныхъ гражданъ	49
Купцовъ трехъ гильдій	1,226
Врачей	31
Мѣщанъ	15,837
Казаковъ съ семействами, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.	22,038
Строевыхъ чиновъ военнаго вѣдомства	11,497
Военныхъ поселянъ	31
Чиновъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства . .	57
— путей сообщенія	15
Пожарныхъ и полицейскихъ служителей	429
Помѣщенныхъ въ заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія.	60
— — въ богадѣльняхъ	98
Цеховыхъ	989
Крестьянъ помѣщичьихъ } пришедшихъ на заработки изъ великороссійскихъ губерній . . .	343
Дворовыхъ людей } или проживающихъ при своихъ господахъ	538
Экономическихъ поселянъ	1,657
Горныхъ работниковъ	55,769
Крестьянъ приписанныхъ къ кабинетскимъ горнымъ заводамъ.	243,477
Государственныхъ крестьянъ	93,691

Иностранныхъ гостей.	39
Заграничныхъ выходцевъ.	486
Инородцевъ	53,406
Ссыльныхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько каторжныхъ. .	53,269
Всего душъ обоего пола. .	566,589

Въ 1826 году число жителей простиралось до 321,000 душъ, въ 1827 считалось 336,000, а въ 1837 году—около 480,000 душъ.

Народонаселеніе это распредѣлено такимъ образомъ:

	мужес. п.	женс. п.	обоего пола.
Городъ Томскъ.	8,133	5,891	14,024
— Нарымъ.	452	520	972
Томскій-Округъ.	62,304	46,921	109,225
Городъ Каинскъ.	1,362	1,208	2,570
Каинскій-Округъ.	34,448	27,800	62,248
Городъ Колывань.	688	536	1,224
Колыванскій-Округъ.	32,201	33,708	65,909
Городъ Барнаулъ	4,803	4,489	9,292
Барнаульскій-Округъ	36,490	38,245	74,735
Городъ Кузнецкъ.	1,471	1,252	2,723
Кузнецкій округъ.	41,027	39,652	80,679
Городъ Бійскъ.	1,472	1,425	2,897
Змѣиногорскій-Рудникъ . . .	3,754	3,706	7,460
Городъ Усть-Каменогорскъ. .	1,977	878	2,855
Городъ Семипалатинскъ . . .	4,211	3,146	7,357
Бійскій-Округъ.	63,068	60,323	123,391
	297,409	269,180	566,589

Мы раздѣляемъ эту полумильйонную толпу народонаселенія на десять группъ, хотя нѣсколько и перемѣшанныхъ, но отличающихся одна отъ другой кой-какими оттѣнками: 1) чиновники и все непростонародье 2) собственно-войско (регулярное), 3) казаки, 4) горные работники, 5) горные крестьяне, 6) государственные крестьяне, 7) мѣщане, 8) ссыльно-поселенцы и ссыльно-каторжные, 9) инородцы.

О первыхъ двухъ группахъ мы ничего не можемъ сказать особеннаго: онѣ всюду одинаковы, и твердо стоятъ на незыблемыхъ началахъ, положенныхъ въ основаніе ихъ дѣятельности святыми законами великаго нашего отечества. Что жь касается до казаковъ, то о нихъ мы предлагаемъ отдѣльную замѣтку, или коротенькую статейку потому собственно, что до-сихъ-поръ предметъ этотъ, несмотря на чрезвычайную свою важность во многихъ отношеніяхъ, не былъ еще, сколько намъ извѣстно, разработанъ во всей полнотѣ· этой попыткой мы надѣемся вызвать дѣятельность другихъ, болѣе свѣдущихъ, лицъ.

На основаніи существующихъ узаконеній горные работники или, собственно говоря, заводскіе люди Колыванской-Области, составляютъ особое, принадлежащее Императорскому Кабинету, сословіе людей, обязанныхъ исправлять горныя заводскія работы. Изъ этого сословія никто не можетъ быть уволенъ въ другое состояніе безъ разрѣшенія министра финансовъ. Ихъ дѣти и незаконнорожденныя дѣти ихъ вдовъ и дочерей, принадлежатъ заводскому вѣдомству. Заводскіе люди раздѣляются на нижнихъ чиновъ, рабочихъ, малолѣтковъ и отставныхъ, и

комплектуются посредствомъ набора рекрутъ съ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. Нижніе чины и рабочіе обязаны по особому положенію производить: 1) работы въ рудникахъ и заводахъ, 2) работы при ремеслахъ и постройкахъ и 3) работы урочныя, вспомогательныя для заводскаго производства, но не составляющія собственно горной или заводской работы. Двѣ недѣли они работаютъ, а третью отдыхаютъ и употребляютъ это время въ личную свою пользу. Имъ дается готовое помѣщеніе (а въ случаѣ нежеланія—мѣста и потребное количество лѣсу для построекъ, освобождаемыхъ отъ всякихъ повинностей), жалованье и провіантъ, а для поощренія къ собственному независимому хозяйству—ихъ снабжаютъ достаточнымъ количествомъ земли для землепашества, фабрикъ или чего имъ угодно, и для сѣнокосовъ. Малолѣтки, съ 12 лѣтъ зачисляемые въ подростки или ученики, поступаютъ въ заводскія школы съ 7-ми лѣтняго возраста; съ 18-ти лѣтъ они поступаютъ въ разрядъ полныхъ работниковъ; малолѣтнымъ также полагается жалованье и провіантъ. Обученіе въ школахъ есть ихъ обязанность и право. Участь отставныхъ обезпечена особыми пенсіями и единовременными выдачами. Заводскіе люди судятся военнымъ судомъ.

Пятьдесятъ-пять тысячъ душъ этого сословія составляютъ цвѣтъ томскаго народонаселенія, отличный отъ прочихъ группъ какъ по образованію своему, такъ и по обезпеченности своего положенія; роскошная природа, постоянно ихъ окружающая, занятія горныя, такъ сильно развивающія способности человѣка, постоянная подчиненность людямъ съ европейскимъ образованіемъ, каковы всѣ наши горные офицеры, понимающіе святость долга и умѣющіе вселять въ подчиненныхъ себѣ лицахъ полную вѣру въ нелицепріятіе и въ неподкупность правосудія,—все это ставитъ сословіе заводскихъ людей на такую степень благосостоянія внутренняго и наружнаго, что съ ними рѣдкіе изъ нашихъ зажиточныхъ поселянъ великороссійскихъ губерній могутъ сравниться. И это тѣмъ рѣзче бросается въ глаза новопріѣзжаго, что онъ никакъ не ожидаетъ встрѣтить, гдѣ же? въ Сибири, на рудникахъ, цѣлое сословіе, которое заставитъ его покраснѣть за бывалыя грезы о томъ, что въ чужихъ краяхъ непремѣнно все должно быть лучше чѣмъ у насъ. Извѣстно, что у насъ въ Россіи распространена ложная мысль, что въ сибирскихъ рудникахъ живутъ не люди, а несчастные мученики, вѣчные страдальцы, которые всю жизнь свою проводятъ въ нѣдрахъ земли, никогда не видятъ свѣта Божьяго и изнуряются тяжкими трудами. Есть же люди, которые вѣрятъ этому вздору, неимѣющему и тѣни правды: вздоръ этотъ даже не заслуживаетъ названія клеветы и доказываетъ только странную нелюбовь изучить собственное отечество по офиціальнымъ источникамъ. На заводахъ Колыванской-Области нѣтъ ссыльно-каторжныхъ.

Послѣ сословія линейныхъ казаковъ и сословія заводскихъ людей, поставленныхъ почти на одинаковую степень благоденствія (трудно пріискать болѣе близкое, къ ихъ положенію, слово), является сословіе крестьянъ приписанныхъ къ заводамъ (алтайскимъ).

Эта толпа народа отличается отъ толпы государственныхъ крестьянъ собственно тѣмъ, что представители ея состоятъ въ непремѣнной обязанности исправлять работы, необходимыя для дѣйствія заводовъ. Работы эти, строгая правильность распредѣленія которыхъ самымъ точнымъ образомъ ограждена положительными законами, состоятъ: 1) въ рубкѣ куренныхъ дровъ, 2) въ разломкѣ угольныхъ кучъ и перевозкѣ

на заводы руды, угля и флюсовъ, и 3) въ починкѣ плотинъ въ случаѣ ихъ поврежденія. За исправленіе этихъ работъ приписные крестьяне получаютъ плату по существующему положенію. Приписные крестьяне, не изъемлются отъ платежа подушной подати и другихъ сборовъ въ казну государственную, равно какъ отъ рекрутской повинности, отъ исправленія земскихъ повинностей деньгами или натурою, и отъ сборовъ на мірскія надобности, а все это исполняютъ наравнѣ съ государственными крестьянами. Но̀ находясь въ непосредственной зависимости горнаго начальства, слишкомъ 240,000 душъ этого сословія обращаются только къ горному начальству, а не къ другой какой-либо власти, какъ съ просьбами объ удовлетвореніи ихъ нуждъ по хозяйству, такъ и съ жалобами въ случаѣ дѣлаемыхъ имъ обидъ или притѣсненій. Въ самыхъ дѣлахъ суда и полиціи (земской, потому-что въ Колыванской-Области своя полиція горная, изъ горныхъ образованныхъ людей), приписные крестьяне хозяйственнымъ ихъ управленіемъ, то-есть, Конторами и Отдѣленіями ихъ, ограждаются..; и общая земская, по губерніи, полиція производитъ между ними слѣдствія не иначе, какъ при депутатѣ со стороны заводскаго вѣдомства.

Эта гарантія со всѣхъ сторонъ, подвѣдомственность горнымъ офицерамъ (занимающимъ должности Управителей въ заводскихъ имѣніяхъ и другіе начальническіе пòсты), постоянныя сношенія со всѣмъ, что̀ есть лучшаго въ окружающей его сферѣ, естественнымъ образомъ сдѣлали изъ приписнаго крестьянина человѣка, къ которому какъ-то нейдетъ названіе мужика: по внутреннему своему развитію, по сознанію своей самостоятельности, онъ несравненно выше того, что̀ мы въ обыкновенномъ разговорѣ называемъ мужикомъ. Чтобъ дать понятіе о нравственности членовъ этого сословія, нужно прибавить еще, что съ шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія въ округѣ населенности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ (т. е. въ Колыванской-Области) строжайше запрещалось, какъ для сбереженія хлѣба и лѣсовъ, такъ и для предохраненія людей отъ пьянства, заводить тамъ винные и пивные заводы, даже самую продажу вина, въ старые годы, дозволялось производить только въ праздничные дни. Въ наше время, съ подобною же нравственною цѣлію запрещается поселять въ этомъ краѣ людей лишенныхъ правъ состоянія и удаленныхъ въ Сибирь за преступленія: для ссыльнаго Колыванская-Область закрыта навсегда. Благодатная почва земли, постоянность и умѣренность цѣнъ на главнѣйшіе предметы потребленія, удобство сбытовъ сельскихъ произведеній на заводы Области, на частные золотые пріиски, бокъ-о̀-бокъ лежащіе, и на городскіе рынки— сдѣлали это сословіе сословіемъ богатыхъ фермеровъ, живущихъ не въ избахъ, а въ хорошихъ домахъ, въ полномъ довольствѣ, котораго, въ подобной общности, трудно съискать въ нашихъ краяхъ, развѣ въ около-столичныхъ богатыхъ селеніяхъ.

Бытъ сословія государственныхъ крестьянъ въ Сибири отличается отъ быта нашихъ государственныхъ крестьянъ тѣмъ, что тамъ не введено еще новой системы управленія, принятой въ руководство въ великороссійскихъ государственныхъ имѣніяхъ и такъ-называемыхъ «палатъ государственныхъ имуществъ» въ Сибири не существуетъ; по-этому уѣздомъ (равняющимся по величинѣ, какъ мы уже замѣтили, любому европейскому государству) завѣдываетъ одинъ исправникъ. Въ послѣднее время правительство обратило зоркое вниманіе на волостныхъ писарей по несомнѣннымъ свѣдѣніямъ о ихъ злоупотребленіяхъ и

искоренило зло. Кромѣ этого различія быта тамошнихъ крестьянъ отъ русскихъ, есть еще одна не менѣе достопримѣчательная особенность. Въ Сибири нѣтъ бѣдныхъ того разряда, который мы здѣсь у себя обозначаемъ подъ названіемъ нищихъ; въ Сибири они встрѣчаются только въ сословіи ссыльно-поселенцевъ, или продолжающихъ бродяжничать, или впавшихъ въ эту горестную долю въ «поселеніяхъ», или въ поселенческихъ колоніяхъ, въ-слѣдствіе особенныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Но вообще въ Сибири, въ сословіи государственныхъ крестьянъ, и въ Томской-Губерніи въ-особенности, бѣдность въ массѣ— невозможна : особенно двѣ отрасли промышлености, въ послѣдніе двадцать лѣтъ, сильно поддерживаютъ дѣятельность и трудолюбіе, а слѣдовательно, и благосостояніе крестьянъ въ Сибири : это земледѣліе и работа на золотыхъ пріискахъ, дающихъ въ извѣстной мѣрѣ жизнь и развитіе цѣлому населенію. Словъ нашихъ о благосостояніи мы не просимъ примѣнять непремѣнно къ каждому лицу, лѣнивому или преслѣдуемому судьбой — зло всюду перемѣшано съ добромъ; и если мы говоримъ о благосостояніи, то говоримъ это какъ выраженіе общей зажиточности, существующей, какъ и всякое общее правило, не безъ нѣкоторыхъ исключеній.

Трудно найдти между ними домохозяина, который бы у себя въ деревнѣ не занималъ по-крайней-мѣрѣ двухъ комнатъ, прилично убранныхъ стульями, диванчикомъ, зеркальцомъ, коврикомъ; не носилъ чистаго бѣлья; не былъ хорошо обутъ и одѣтъ; не имѣлъ бы для приготовленія пищи особой стряпки (кухарки), или освѣщалъ свою комнату въ зимніе вечера чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ свѣчи : лучина не употребляется, о черныхъ, курныхъ, избахъ и понятія не имѣютъ, лаптей не носятъ, любятъ и имѣютъ возможность вкусно и сытно ѣсть и, не зная особенной нужды, живутъ долго и достигаютъ глубокой старости: изъ общей массы ежегодно умирающихъ, включая въ то число и недостигшихъ пятилѣтняго возраста дѣтей, между которыми смертность всюду одинаково-значительна (около 50%), число стариковъ свыше шестидесяти-лѣтняго возраста обыкновенно бываетъ отъ 10 до 12%.

Бытъ мѣщанъ сибирскихъ малымъ чѣмъ отличается отъ быта крестьянъ, и если случается видѣть превращенія такого рода, что иные крестьяне ходятъ безъ бородъ, въ нѣмецкомъ платьѣ, въ долгополыхъ капоткахъ и узенькихъ сюртучкахъ, то-есть и мѣщане, которые не носятъ ничего, кромѣ крестьянскаго платья: отличительная черта мѣщанъ отъ крестьянъ— городская жизнь, и всѣ благія и злыя послѣдствія отъ того проистекающія; хорошая сторона ихъ—постоянное занятіе разнаго рода ремеслами, торговлею, разными промыслами и добываніе честнымъ трудомъ всѣхъ способовъ къ жизни. Искусство быть всегда «себѣ-на-умѣ», расторопность, услужливость, увертливость и отчасти разгульность съ одной стороны, а съ другой недовѣрчивость, и кажущаяся преданность судьбѣ, хотя и не кладутъ разительнаго отличія этой толпы отъ толпы крестьянъ, но все-таки ставятъ ее на высшую степень цивилизаціи.

Населеніе ссыльныхъ представляетъ въ Томской-Губерніи необходимую общественную язву, мало-по-мало излечиваемую положительными мѣрами правительства. Мы уже имѣли случай очертить бытъ этихъ людей съ разныхъ сторонъ въ отдѣльныхъ разсказахъ о золотыхъ пріискахъ и потому распространяться о нихъ здѣсь мы считаемъ неумѣстнымъ. Скажемъ только одно, что ссыльныхъ въ Сибирь преступ-

никовъ мы раздѣляемъ на три разряда: 1) на ссыльно-каторжныхъ; 2) на ссыльно-поселенцевъ, водворившихся въ селеніяхъ съ собственною охотою заниматься обработываніемъ земли, и тѣмъ подающихъ вѣрную надежду на забвеніе прошедшаго; 3) на ссыльно-поселенцевъ, ходящихъ въ заработки на частные золотые пріиски: это люди, которые одну половину года проводятъ въ честномъ трудѣ, другую половину по бо́льшей части въ лѣни и бездѣйствіи.

Подъ словомъ инородческіе обитатели Томской-Губерніи мы будемъ разумѣть собственно туземныя племена мухаммеданскія или идолопоклонническія. Сюда принадлежатъ Остяки Нарымскаго-Края, принявшіе уже христіанство, Бухарцы и Татары исповѣдующіе исламизмъ и алтайскіе Калмыки и Телеуты, частію обращенные, а частію остающіеся въ прежнемъ идолопоклонствѣ, или какъ у насъ обыкновенно выражаются «Татары камларскаго толка».

Касательно Остяковъ, которыхъ прежнее вѣрованіе нынѣ мало извѣстно, мы знаемъ только то̀, что они были идолопоклонники, что во время перваго ихъ знакомства съ Русскими у нихъ былъ золотой идолъ, былъ какой-то кумиръ Рача, было еще изображеніе какой-то богини и что они молились имъ, умилостивляя ихъ жертвами и топя въ рѣкахъ, въ извѣстные дни, оленей. Однакожь изъ одной грамматы Годунова къ Березовскому воеводѣ, къ князю Петру Ахамашуковичу Черкасскому (1606 года), надобно заключать, что идолы эти находились въ храненіи князьцовъ, предводителей племенъ и служили знакомъ ихъ достоинства, аттрибутомъ ихъ власти. Въ грамматѣ этой сказано между-прочимъ: «Билъ намъ челомъ кодскій Остякъ князь Игичеевъ братъ Алачева Онжа Юрьевъ (то-есть Онжа Юрьевъ, братъ князца Игичея Алачева), а сказалъ... что-де у брата ихъ былъ, по ихъ вѣрѣ, Палтышъ-болванъ, *чѣмъ онъ княжилъ и Кодскими-Остяками владѣлъ* и тотъ Палтышъ, какъ брата его не стало, взятъ на Березовъ въ казну... И какъ къ тебѣ ся наша граммата придетъ, а князь Онжа на Березовъ пріѣдетъ — и ты бъ ему Палтышъ брата его, князя Игичея Алачева, изъ нашіе казны велѣлъ отдать и тѣми волостками, которыя за ними были, велѣлъ ему владѣти».

Приводъ въ подданство Россіи мухаммеданскихъ и языческихъ племенъ, выражался наружнымъ образомъ приведеніемъ ихъ къ клятвенному обѣщанію или къ шерти, которую мухаммедане давали на коранѣ, какъ это видно изъ граммать XVII столѣтія о возмущеніяхъ Барабинцовъ и тарскихъ Татаръ, а клятва язычниковъ сопровождалась обычными формами. При приводѣ къ шерти каждому воеводѣ предписывалось наблюдать слѣдующій обрядъ:

«А какъ, господине, учнешь ясачныхъ людей къ шерти приводити и ты бъ въ тѣ поры велѣлъ надъ ними держати сабли; а прочетши запись велѣлъ встыкати на ножъ и давати имъ въ ротъ по куску хлѣба съ ножа, а послѣ того и велѣлъ бы еси ихъ поити и кормити...»

Самая клятва при записи шертной заключалась обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Даю шерть государю своему, царю и великому князю (такому-то) всеа Русіи, и его царицѣ и великой княгинѣ, которую ему государю Богъ дастъ, и ихъ царскимъ дѣтямъ на томъ на всемъ какъ въ сей записи писано, по тому мнѣ служити и прямити и до своего живота,

по своей вѣрѣ, по шерти; а не учну язъ такъ государю своему царю и великому князю всеа Русіи служити, какъ въ сей записи писано — и буди на мнѣ Божій огненный мечъ, и побей меня государева хлѣбъ и соль, и ссѣки мою голову та вострая сабля!»

Слѣдующія слова грамматы временъ Петра-Великагo (1689 года о принятіи въ русское подданство табунутскихъ Сойотовъ) еще ближе къ нѣкоторымъ нынѣшнимъ обрядамъ при-алтайскихъ Калмыковъ и Телеутовъ.

«И слушавъ сихъ статей Саиты и Шуленги, за дѣтей своихъ и за всѣхъ улусныхъ людей, дали шерть такову: пищаль цаловали въ дуло, саблею собакъ рубили, да тоё кровавую саблю лизали, по чашкѣ студёной воды пили и впредь для подтверженія къ симъ статьямъ они Саиты руками своими закрѣпили.»

И въ наше время, при вступленіи на престолъ русскихъ государей, Остяковъ приводятъ къ присягѣ слѣдующимъ образомъ: кладутъ топоръ и медвѣжью шкуру на землю и каждому Остяку даютъ съ ножа по куску хлѣба. Они поочередно говорятъ: «Если я не буду государю вѣренъ, или изъ своей земли уйду — то пусть медвѣдь меня заѣстъ, топоръ отрубитъ мнѣ голову, ножъ меня заколетъ, и кускомъ хлѣба я подавлюсь».

Мы уже имѣли случай однажды замѣтить, что подъ словомъ «камларскій толкъ» должно разумѣть идолопоклонничество. Слово «кàмъ» первоначально было въ употребленіи, какъ говорятъ, у однихъ Телеутовъ или Бѣлыхъ-Колмаковъ и означало у нихъ то же самое, что у сѣверныхъ идолопоклонниковъ—шаманъ, волхвъ; Русскіе сдѣлали изъ этого производныя слова «камлàть» и «камлàрить»—волхвовать, «камлàнье»—волхнованье и, наконецъ, «камларскій толкъ»—идолопоклонничество—и усвоили его всѣмъ южнымъ племенамъ, на языкѣ которыхъ нѣтъ слова шаманъ.

Телеуты, даже некрещеные, оказываютъ особенное предпочтеніе къ святому угоднику нашей церкви, Николаю-Чудотворцу, падаютъ ницъ предъ его образомъ и чествуютъ его особыми приношеніями. Несмотря однакожь на это, они молятся и своимъ бурханамъ, простымъ идоламъ, грубо сдѣланнымъ изъ дерева или сшитымъ изъ разныхъ лоскутьевъ. Они плохо имъ вѣрятъ и небрежно съ ними обращаются, когда не видятъ въ нихъ особенной нужды и только въ крутую пору жизни вспоминаютъ объ нихъ, мажутъ ихъ — для умилостивленія — масломъ и сметаною и ждутъ за это особенной благодати; почтеніе ихъ къ этимъ бурханамъ только наружное, единственно изъ боязни къ взыскательности камовъ. Но что касается до высшаго существа, до верховнаго правителя міровъ — то поклоненіе ему совершается съ особеннымъ благоговѣніемъ и сопровождается торжественными жертвоприношеніями.

Жертвоприношенія ихъ бываютъ общественныя или частныя. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ были разсказаны объ этомъ предметѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, содержаніе которыхъ таково:

Общественное жертвоприношеніе бываетъ однажды въ годъ лѣтомъ, около Ильина-Дня, особенно чтимаго христіанами въ Сибири. Оно совершается около улуса на рѣчкѣ, куда пригоняютъ для жертвы трехъ лошадей или рогатыхъ скотинъ, и гдѣ изъ заранѣе приготовленнаго

множества дровъ или бревенъ (сутунковъ) складываютъ костеръ. По собраніи улуса на мѣсто поклоненія, народъ задушаетъ жертвы, снимаетъ съ нихъ кожу, раскладываетъ огонь подъ костеръ и жертвенное мясо варитъ въ котлахъ. Между-тѣмъ всѣ становятся лицомъ къ востоку; камъ беретъ торжественный бубенъ, непремѣнную принадлежность своего сана, колотитъ въ него и оглушительную музыку свою сопровождаетъ еще болѣе оглушительнымъ ревомъ и возможными кривляньями, чрезвычайно-дикими для непривычнаго зрителя, тогда-какъ для молящихся это дѣйствіе совершенно естественное; въ-продолженіе этого молитвеннаго дѣйствія народъ поклоняется. Когда жертвенное мясо переварится, — моленіе и поклоны прекращаются; мясо кладутъ въ большія чаши; народъ помѣщается вкругъ нихъ артелями или отдѣльными партіями и приступаетъ къ трапезѣ. Мясо ѣдятъ безъ вилокъ, куски его берутъ руками и разрываютъ зубами, а отваръ (вáрю) хлебаютъ ложками, которыя каждый привозитъ съ собой заблаговременно. Потомъ кости сожигаютъ на кострѣ, кожи продаютъ, а вырученныя деньги дѣлятъ между собой пó-ровну.

Частное жертвоприношеніе бываетъ у какого-нибудь главы семейства по особенной нуждѣ и непремѣнно при камѣ; для торжественнаго случая приглашаются родственники и знакомые молящагося семейства. Тутъ обыкновенная жертва—или лошадь или быкъ. Внѣ улуса дѣлаютъ помостъ на четырехъ деревянныхъ столпахъ, сажени въ-полторы вышиною. Въ назначенное время семейство собирается сюда; приводятъ жертву, задушаютъ ея, распарываютъ кожу и, не отнимая отъ нея ни головы, ни хвоста, снимаютъ ее съ мяса. Потомъ шкуру эту развѣшиваютъ на длинной жерди и приставляютъ къ жертвеннику съ западной стороны, приноровя голову такъ, чтобъ казалось, что она смотритъ на востокъ. Затѣмъ тушу разнимаютъ на части, стараясь не повредить костей, варятъ ихъ и въ заключеніе всего—съѣдаютъ. Все это сопровождается усердными моленіями присутствующихъ и стукомъ кáма въ бубенъ.

Свадьбы совершаются по обыкновенію, за калы́мъ, который женихъ обязанъ внести за свою невѣсту; слово «калы́мъ» Русскіе переиначили въ «плакáтъ». Во время празднества свадьбы учреждаются лошадиныя скачки, «ярышъ»; награды побѣдителямъ раздѣляются на четыре степени: первую степень составляетъ какая-нибудь вещь по-дороже, напримѣръ, шелковая матерія или китайка; вторую степень—кобылья кожа; третью—кисы́, т. е. ноги и хвостъ лошади; наконецъ, послѣднюю степень составляютъ неоглоданныя еще кости.

Въ остальныхъ оттѣнкахъ частной жизни они во многомъ сходствуютъ съ Калмыками; часть этой общей массы—принадлежитъ къ разряду инородцевъ кочевыхъ, часть къ бродячимъ, часть къ осѣдлымъ. Но и осѣдлые стоятъ на низшей еще степени цивилизаціи и трудно подчиняются условіямъ организованнаго общества. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ первое двадцати-лѣтіе много дѣлано было попытокъ сдѣлать ихъ осѣдлыми,—но!.. непониманіе будущихъ благъ цивилизаціи, было главнѣйшимъ тому препятствіемъ. Однакожь установившаяся въ послѣдніе годы постоянная алтайская миссія, съ евангельскою кротостью просвѣщая нашихъ дикарей свѣтомъ истинной вѣры, положила начало ихъ перерожденію.

Но дикари, несмотря на всю кротость своихъ нравовъ, все-еще отзываются дикарями. Хлѣбъ они сѣютъ по покатямъ горъ, обращеннымъ

на-полдень, «на солнцепёкѣ»; землю копаютъ для этого остроконечными лопатками; вмѣсто бороны употребляютъ вершинки срубленныхъ деревъ, у которыхъ подравниваютъ сучья; вмѣсто серпа употребляютъ ножъ. Они срубаютъ имъ колосъ съ соломы; колосья связываютъ пучками и развѣшиваютъ для просушки на жерди; потомъ по одной такой кучкѣ насаживаютъ на шестъ и зажигаютъ; когда шелуха и солома перегорятъ—они выбиваютъ зерна кривою палкою и хранятъ ихъ въ туясахъ или берестяныхъ буракахъ и по мѣрѣ надобности употребляютъ въ пищу, перетирая зерна въ муку каменными плитками. По изобилію подножнаго корма они сѣно косятъ въ небольшомъ количествѣ и то ножомъ. Покойниковъ хоронятъ тремя различными способами: одни сожигаютъ ихъ вмѣстѣ съ лучшею лошадью и съ любимыми вещами, лукомъ, стрѣлами, съ сѣдломъ, плетью и гамзой (трубкой); другіе отвозятъ ихъ въ горы, кладутъ на высокія подмостки и заваливаютъ лѣсомъ и каменьями; иные просто зашиваютъ трупъ въ кошму (полсть, войлокъ) и вѣшаютъ па сукъ высокаго дерева.

Житейскія утѣшенія этихъ племенъ — кейфъ, или услажденіе себя полнымъ торжествомъ лѣни; далѣе слѣдуютъ табакъ, водка, кумысъ и —музыка. Музыкальные инструменты ихъ не очень замысловаты. Это 1) *забызга*—дудка изъ ствола какого-то травянистаго растенія: звуки забызги чрезвычайно нѣжны и заунывны; 2) желѣзный *варганъ*, устройство котораго, вѣроятно, общеизвѣстно; 3) безъименная *лира* — деревянный ковшъ съ двумя волосяными струнами; новый національный инструментъ, гармоника, еще не сроднилась съ Калмыками и Телеутами. Участники ихъ музыкальныхъ собраній раздѣляются на три категоріи: *подпѣватели*, пришедшіе въ восторгъ поэты, которыхъ импровизація — есть рядъ нравственныхъ мыслей; *подплакиватели* — нѣжныя души, которыя, въ-слѣдствіе упоительныхъ чаръ вина и мелодіи, обнаруживаютъ свою восторженность плачемъ о суетѣ міра сего; *подплясыватели* — легкомысленные весельчаки, которые живутъ только настоящимъ и не могутъ удержать себя отъ невольнаго взрыва разгулявшейся чувственности и радостныхъ подергиваній членами. Хореграфическое искусство ограничивается небольшимъ числомъ па и позъ; самая обыкновенная фигура та, когда танцоры составляютъ кружокъ, берутся за руки и подскакиваютъ на одномъ мѣстѣ, искривляя тѣло въ различныхъ положеніяхъ, смотря по внутреннему побужденію каждаго. Напѣвы пѣсень и плясокъ передаются въ потомство отъ одного поколѣнія къ другому и, почемъ знать? можетъ-быть какой-нибудь новый Фелиціанъ Давидъ соберетъ эти напѣвы и калмыцкими мелодіями будетъ услаждать утонченный вкусъ публики.

Особенно замѣчателенъ обрядъ произнесенія присяги, или присяжнаго свидѣтельства. Въ дѣлахъ маловажныхъ присяга произносится на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы, въ дѣлахъ особенной важности она совершается на заряженномъ ружьѣ. Здѣсь дѣло уже касается не правдивости, а точнаго исполненія степной обычной формы. Обрядъ этотъ, освященный временемъ, состоитъ въ томъ, что дуло заряженнаго ружья покрываютъ мѣдною монетою; присягающій долженъ поцаловать дуло, поставить ружье на сошки и, затѣмъ, выстрѣлить изъ него на воздухъ.

Всѣхъ инородцевъ въ Томской-Губерніи считается болѣе 53,000 душъ обоего пола; они обитаютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ.

1. Мухаммедане:

Въ Томскомъ-Округѣ	8,683 души.	
— Барнаульскомъ —	45 —	
— Каинскомъ —	5,220 —	
— Бійскомъ —	15,610 —	Всего 29,558 душъ.

2. Идолопоклонники:

Въ Кузнецкомъ-Округѣ.	5,181	душа привыкшихъ къ осѣдлости.	
	5,012	— кочевыхъ.	
— Бійскомъ-Округѣ. .	2,600	— привыкшихъ къ осѣдлости.	
	10,918	— кочевыхъ.	Всего 23,711 д.
			53,269 д. о. п.

Говоря вообще объ обитателяхъ Томской-Губерніи,—нельзя проминовать того, чтобы съ одной стороны не указать на благодѣтельныя усилія правительства всюду разлить свѣтъ просвѣщенія: въ этомъ отношеніи Томская-Губернія, сравнительно-населеннѣйшая и въ настоящее время лучшая часть всей Сибири, можетъ похвастаться множествомъ своихъ училищъ, приноровленныхъ къ потребностямъ каждаго сословія. Не говоря уже про то, что у насъ всегда и для всѣхъ были открыты пути къ народному образованію (въ корпусахъ, лицеяхъ, высшихъ училищахъ, академіяхъ и университетахъ), мы въ самой Томской-Губерніи насчитали болѣе пятидесяти низшихъ училищъ поддерживаемыхъ единственно только правительствомъ. Конечно, за двадцать лѣтъ было не то. Въ 1826 году въ Томской-Губерніи считалось всего только шесть училищъ. Извѣстнымъ манифестомъ о горныхъ заводахъ положено прочное начало образованію собственно въ Колыванской-Области; въ 1836 году во всей губерніи считалось уже до 26 училищъ. Въ настоящее время въ Томской-Губерніи существуютъ слѣдующія учебныя заведенія.

Духовныя: Въ Томскѣ семинарія и духовное училище . . .		2.
Военныя: Школа кантонистовъ		1.
Гражданскія: въ Томскѣ гимназія съ пансіономъ	1	
уѣздное училище . .	1	
приходское училище .	1	
пріютъ	1	
частная школа . . .	1	5
въ Каинскѣ уѣздное училище. .	1	
— Кузнецкѣ уѣздное училище .	1	
— Семипалатинскѣ приход. учил.	1	
— Барнаулѣ частная школа . .	1	
Училищъ для дѣтей поселянъ при приходскихъ церквахъ	6	15.
Казачьи: училищъ при полковыхъ сотняхъ въ предѣлахъ Томской-Губерніи		20.
Горныя: окружное училище въ Барнаулѣ (на 80 учен.)	1	
заводское практическое и горное практическое училища въ Барнаулѣ же (высшіе классы окружнаго училища)	2	
училищъ при заводахъ Барнаульскомъ, Локтевскомъ, Павловскомъ, Сузунскомъ, Томскомъ и Гурьевскомъ (на 725 учениковъ)	6	
училищъ при рудникахъ (на 550 учениковъ)	8	17.
	всѣхъ училищъ	55.

Характеръ народонаселенія и нравственное его состояніе все-еще будутъ не ясны, если мы упустимъ численность молитвенныхъ храмовъ, такъ много говорящихъ въ пользу народнаго благочестія и такъ сильно дѣйствующихъ на религіозное его образованіе.

Въ 1826 году въ Томской-Губерніи считалось:

монастырь	1
церквей православныхъ каменныхъ	31
— — деревянныхъ	47
— католическихъ	1
— лютеранскихъ	1
православныхъ часовень	240
мухаммеданскихъ мечетей	44

Въ 1846 году было:

православныхъ церквей каменныхъ . . .	51
деревянныхъ . .	80
монастырь . . .	1
часовень	222
церквей: единовѣрческихъ . .	5
католическая	1
лютеранская	1
мухаммеданскихъ мечетей . .	50
еврейскихъ школъ	3

Заключимъ нашу статью слѣдующими цифрами. Въ Томской-Губерніи въ шести окружныхъ городахъ—Томскѣ, Каинскѣ, Колывани, Кузнецкѣ, Барнаулѣ и Бійскѣ считается мужчинъ 17,929, женщинъ 14,801, итого 32,730 душъ обоего пола.

Если къ числу выражающему населеніе городовъ окружныхъ (уѣздныхъ), мы придадимъ цифру населенности городовъ заштатныхъ и безокружныхъ, какова, на-примѣръ, Нарымъ, Семипалатинскъ и другіе,—то численность общей городской населенности будетъ выражаться такъ: мужчинъ 28,323, женщинъ 23,051, всего 51,374 души обоего пола.

За исключеніемъ этихъ мѣстъ, населенность округовъ Томской-Губерніи представляетъ цифру 515,215 душъ обоего пола, изъ которыхъ 269,086—мужчины, а 246,129—женщины.

Въ общемъ итогѣ народонаселенія 297,409 мужчинъ и 269,180 женщинъ, или 566,589 душъ обоего пола, считается

a) собственно православнаго вѣроисповѣданія	мужчинъ	247,554	
	женщинъ	224,490	472,044 ч.
b) раскольниковъ и единовѣрцевъ .	мужчинъ	17,755	
	женщинъ	17,011	34,766 —
c) христіанъ другихъ вѣроисповѣданій	мужчинъ	2,979	
	женщинъ	2,048	5,027 —
d) Евреевъ.	мужчинъ	788	
	женщинъ	675	1,463 —
e) мухаммеданъ	мужчинъ	15,671	
	женщинъ	13,887	29,558 —
f) идолопоклонниковъ	мужчинъ	12,662	
	женщинъ	11,049	23,711 —

Точныхъ выводовъ или таблицъ о родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ за какой-нибудь одинъ извѣстный періодъ времени, добыть затруднительно, потому-что: 1) Томская-Губернія касательно духовнаго управленія тѣсно соединена съ Енисейскою подъ однимъ эпархіальнымъ начальствомъ; 2) списки о чипахъ военнаго управленія касаются совершенно-другаго вѣдомства, а нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія въ епархіальномъ вѣдомствѣ вовсе не имѣются и 3) постоянные приливы и отливы новаго населенія еще болѣе затрудняютъ возможность какихъ-нибудь вычисленій. Поэтому мы здѣсь и ограничимся слѣдующими свѣдѣніями за данный 1846 годъ.

Въ-продолженіе его въ Томской-Губерніи родилось 18,912 дѣтей обоего пола, изъ которыхъ только 260 были незаконнорожденныя, всѣ прочія рождены въ бракѣ.

Въ 1846 году умерло 11,152 человѣка (обоего пола): въ томъ числѣ

a) дѣтей недостигшихъ одного года	2,525,	или	22%	всѣхъ смертныхъ случаевъ.		
b) дѣтей отъ одного до пяти лѣтъ	3,390	—	33%	—	—	—
c) въ возрастѣ отъ пяти до шестидесяти лѣтъ . .	3,750	—	33%	—	—	—
d) стариковъ свыше шестидесяти лѣтъ	1,387	—	12%	—	—	—

Болѣзни особенно поражающія людей въ этомъ краѣ суть: 1) сибирская язва, временно только являющаяся и поражающая, сколько замѣчено, только взрослыхъ людей простаго класса; 2) цынга въ мѣстностяхъ сырыхъ и болотистыхъ; 3) лихорадки весной и осенью; 4) красуха или скарлатина, обнаруживающаяся на дѣтяхъ отъ 3-хъ до 10-ти лѣтняго возраста; 5) корь, 6) сифилисъ и 7) оспа.

Съ послѣдними двумя родами болѣзней Сибирь ознакомилась въ тоже время, какъ ознакомилась и съ Россіею: занесли и развили ихъ здѣсь—наши казаки. Сифилитическій ядъ губительно дѣйствовалъ въ—продолженіе XVII столѣтія — врачебной помощи не было и бѣдные дикари мерли, окуривая свои раны ядовитыми веществами: ни мѣдь, ни киноварь, ни мухоморъ, ничто не спасало ихъ отъ гибели.

Первые лекаря и первая аптека явились въ Сибири вмѣстѣ съ Лихаревымъ: значитъ и тутъ Петръ–Великій, какъ и вездѣ, является первымъ сѣятелемъ добра; въ другой разъ врачебная помощь прибыла съ Измайловымъ, съ Берингомъ; потомъ стали пріѣзжать въ Сибирь полковые лекаря изъ иноземцовъ, но они скоро отказывались отъ Сибири, ссылаясь на незначительное жалованье и на недостаточность практики, тогда–какъ настоящею причиною этого было и недовѣріе народа къ медицинѣ. Въ 1733 году Сенатъ нашелся въ необходимости усилить врачамъ жалованье и опредѣлилъ его во 160 рублей. А нынѣ, чрезъ сто лѣтъ, въ Сибири и особенно въ Томской-Губерніи, трудно найдти даже частную фабрику золотопріискателя, у котораго не было бы и маленькаго лазарета, и небольшой аптеки и если не опытнаго врача, то, по-крайней-мѣрѣ, знающаго дѣло фельдшера. Однихъ врачей кончившихъ курсъ наукъ — въ Томской–Губерніи считается 31, изъ которыхъ 15 постоянно находятся на заводахъ Колыванской–Области, а 16 — въ прочихъ частяхъ губерніи.

Много народа изъ туземныхъ обитателей вымерло въ Сибири отъ оспы. Люди эти думали, что оспа, губящая ихъ тайно, есть страшное

чудовище, которое, пользуясь темнотою ночи, обезображиваетъ ихъ своими страшными когтями. Всѣ стойбища инородцевъ постоянно охранялись натянутыми луками и «настороженными» на невидимаго губителя стрѣлами. Но когда и это средство не помогало, бѣдные дикари нарочно выжигали на лицѣ раскаленнымъ желѣзомъ ямки, чтобъ хоть этимъ обмануть невѣдомаго злодѣя, дать ему явное доказательство своихъ отъ него страданій, заставить его хоть этимъ миновать ихъ и губить другихъ, здоровыхъ. Самымъ сильнымъ образомъ оспа свирѣпствовала въ 1610 году у Нарымскихъ-Остяковъ, въ 1631 году въ Туруханскѣ, въ 1651 году въ Якутской-Области и долго люди не знали средствъ избавиться отъ этой заразы.

Первое прививаніе оспы было въ Сибири, въ Томской-Губерніи, и именно въ Змѣиногорскѣ, въ 1771 году: первая операція произведена была тамъ подлекаремъ Андреевымъ надъ 69-тью взрослыми и малолѣтними и такъ благополучно, что каждый изъ нихъ выдержалъ болѣзнь, а смертнаго случая при этомъ не было ни одного. Въ наше время Сибиряки не боятся оспы и не бѣгаютъ отъ оспенныхъ учениковъ, путешествующихъ изъ селенія въ селеніе съ медицинскими пособіями; рѣдкій изъ дѣтей не подвергается ихъ операціи; въ 1845 году въ Томской-Губерніи оспа привита была 14,503 дѣтямъ; цифра эта за 1846 годъ намъ неизвѣстна, но, вѣроятно, разницы мало.

Какой же результатъ мы выведемъ вообще о массѣ томскаго народонаселенія? Очень-короткій: народъ здравствуетъ, живетъ-себѣ спокойно, по-возможности благоденствуетъ, наслаждаясь настоящимъ и не пускаясь ни въ какія умствованія о будущемъ.

XVI.

Казаки на Руси до Петра-Великаго.

Служилый, а вмѣстѣ съ тѣмъ воинскій, людъ въ Сибири составляли въ-старину воеводы, какъ оберегатели тишины внутренней и внѣшней; за ними, въ порядкѣ служебной іерархіи, слѣдовали дворяне-по-московскому-списку, потомъ «сибирскіе дворяне», боярскіе-дѣти, Литва, Нѣмцы, Черкасы, Поляки, сотники стрѣлецкіе, простые стрѣльцы, казаки, въ общемъ смыслѣ нисшаго разряда воинскихъ людей, или войсковой черни, съ ихъ атаманами и десятниками, и, наконецъ, служилые Татаре и Остяки.

Выраженія «атаманы» и «казаки» искони извѣстны въ сѣверо-восточной Руси. Въ XIII столѣтіи мы находимъ въ Двинской-Землѣ «ватаммановъ», какъ предводителей ватагъ, состоявшихъ изъ «наймитовъ» на паузкахъ или на лодьяхъ, и раздѣлявшихся на «осначей» и «кормниковъ»: ватаги эти занимались бѣломорскою промышленостью. Подобныя этимъ ватаги стали появляться и южнѣе; наконецъ, съ теченіемъ времени, мы находимъ ихъ и на Волгѣ, куда они перешли съ Бѣла-Озера и Двины, или гдѣ они образовались сами собою, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ подъ видомъ рыбопромышлениковъ.

Состоя изъ нѣсколькихъ артелей и составляя такимъ-образомъ особый классъ людей, шнырявшихъ по направленію рѣкъ и образовавшихъ порядочную гребную флотилію, этотъ промышленый народъ никогда не представлялъ какой-нибудь отдѣльной корпораціи, а казался общиною временъ патріархальныхъ, разсѣянной всюду въ видѣ нѣсколькихъ группъ, на которыхъ одинаковость рода занятій положи-

ла одинаковый отпечатокъ—отвагу и удаль, пренебреженіе опасностей, отчаянную храбрость и корыстолюбивыя желанія промыслить добычу.

Постоянное отдаленіе отъ главныхъ центровъ населенія и другія обстоятельства, развили въ нѣкоторыхъ артеляхъ эту наклонность «промыслить добычи» до тѣхъ размѣровъ, гдѣ промыселъ переходитъ границу законности и гдѣ является преступное дѣяніе — «воровское дѣло». Это, какъ и въ каждомъ родѣ промышлености : коль-скоро преступность оборотовъ, въ извѣстномъ родѣ занятій, дѣлается доступною для массы дѣятелей и это уклоненіе отъ прямаго пути и безразборчивость средствъ становится общею характеристическою чертою промышленаго класса—тогда и самый промыселъ усвоиваетъ себѣ названіе «воровскаго промысла».

Точно такъ было и въ XV столѣтіи : и новгородскіе ушкуйники и волжскіе ватащики и сосѣдніе съ ними донскіе рыбаки мало-по-малу принимаютъ характеръ «воровскихъ казаковъ», какъ ихъ называютъ государственные акты того времени, въ отличіе отъ «служилыхъ казаковъ», вольныхъ охочихъ людей, частію примыкавшихъ, за извѣстное вознагражденіе, къ царскому войску, частію водворенныхъ самимъ правительствомъ селеніями на границахъ съ сосѣдями, и отъ «промышленыхъ казаковъ», нерѣшавшихся переходить за границы законности и любви къ порядку, и занимавшихся добываніемъ рыбы или звѣря и другими промыслами. Въ-слѣдствіе разносторонняго образа занятій казаковъ, и самое слово «казакъ», имѣло у насъ нѣсколько значеній, именно : 1) какъ гребца и судовщика, но не какъ коннаго воина; 2) какъ вольнаго промысловаго человѣка; 3) какъ наемнаго работника; 4) какъ наемнаго охочаго ратника по городамъ и острогамъ; 5) какъ военнаго поселенца и 5) какъ преступнаго члена общества.

О промысловыхъ и рабочихъ казакахъ мы встрѣчаемъ въ старинныхъ грамматахъ XVI столѣтія слѣдующія выраженія, которыя болѣе или менѣе проясняютъ ихъ значеніе въ Сѣверной-Руси. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ нихъ говорится : «у которыхъ крестьянъ «учнутъ жити казаки—и съ тѣхъ казаковъ имати «казацкое», смотря «по человѣку, по алтыну и по десяти денегъ».—Въ другой, таможенной грамматѣ опредѣляющей сборъ съ привозимыхъ товаровъ на паузкахъ и пошлину съ ватаммановъ, между-прочимъ опредѣлено : «а «колко будетъ въ которомъ паузкѣ наймитовъ и намѣстникомъ имати «съ наймита по полуторѣ дензѣ». Въ третьей, жалованной монастырю грамматѣ, сказано, что изъ Кирилова-Монастыря ходитъ въ Дмитровъ монастырская лодья съ разными товарами, монастырю принадлежащими, и что «съ тоё ладьи, съ товаровъ и съ осначей и съ казаковъ... ни которыхъ пошлинъ» брать не будутъ.

Вообще сельскіе обыватели назывались въ волостяхъ «волощанами», въ деревняхъ «деревенскими крестьянами» и раздѣлялись на «земскихъ людей, то-есть собственно на крестьянъ, природныхъ обитателей даннаго мѣста, и на «казаковъ», которые тоже были или деревенскіе, или волостные, но, будучи вольными промышлениками и людьми пришлыми, не имѣли сами непосредственныхъ отношеній къ главному землевладѣльцу и, какъ наемные вольные работники, знали только своихъ хозяевъ, тѣхъ, у кого они жили, и во всякую пору могли удаляться изъ одного мѣста въ другое, коль скоро оканчивали дѣла свои съ непосредственнымъ своимъ нанимателемъ; а въ качествѣ свободныхъ промышлениковъ и оберегателей страны отъ случайнаго непріятеля, они

были облегчены въ разныхъ сборахъ сравнительно съ другими крестьянами.

Поэтому мы можемъ встрѣтить постановленія, въ которыхъ говорится, что если «прійдетъ каковъ казакъ незнаемый вново, или и прежь «сего живалъ, а похочетъ въ нашихъ волосткахъ жити и промышля- «ти—и у коего человѣка станетъ жити и тому человѣку идти къ при- «казчику и къ доводчику да его явити, а явки дати приказчику двѣ «московки, а доводчику московка»... «а кои казаки станутъ межъ се- «бя, или съ прихожими казаки, зернью играти и приказчику, обыскавъ «того, да того казака изъ волости выбити вонъ», а у кого онъ жилъ, съ того взыскать положенный штрафъ... «Кто казака-приходца най- «метъ и явки съ него четыре деньги; а въ одной волости найметъ— «ино двѣ деньги»... «Въ примётныхъ отписѣхъ пишутъ розныя день- «ги: намѣстничи, и дьячіе, и старостъ городовыхъ, и цѣловальниц- «кіе, и полонянникомъ на окупъ, и пищалные, и посошные, и въ го- «родовое дѣло, и въ мостовщину, и въ хлѣбные—и вы бъ, земскіе люди «и казаки, тѣ всѣ розныя деньги платили по разсужденію, по живо- «томъ, и по промысломъ, и по головамъ, котораго году дастъ Богъ «службы ратчины нѣтъ; а котораго году случится служба ратчина—и «казаки бъ того году тѣхъ всѣхъ розныхъ денегъ не платили: коли «служба ратчина и они бы одну ратчину платили... А у которыхъ ка- «заковъ дворы свои, и лошади и коровъ держатъ—и на тѣхъ класть «выть не цѣлую, по разсужденью, которой для чего достоинъ»; пошлины же за право промышлености и торга казаки платили по торгамъ и по головамъ, а не по животамъ: «кто болши торгуетъ—тотъ болши и даетъ».

Съ теченіемъ времени слово казакъ болѣе и болѣе усвоивало себѣ значеніе ратника, воина, и въ XVII столѣтіи мы находимъ уже всѣ рубежи наши заселенными военно-промышленымъ сословіемъ казаковъ. Котошихинъ говоритъ о нихъ, что они были «устроены вѣчнымъ житьемъ» для обереженія порубежныхъ мѣстъ; что число ихъ доходило до 5,000 человѣкъ; что они набраны изъ служилыхъ людей послѣ прежнихъ служебъ, что имъ даны дворы, мѣста и пахатныя земли и что съ нихъ не требуется никакихъ податей, ни оброковъ. Эти порубежные казаки составляли конные отряды, имѣли знамена и, во время дѣйствительной службы, получали жалованье; начальные люди у нихъ назывались головами, атаманами, сотниками, ясаулами и выбирались изъ дворянъ и изъ рейтарскихъ офицеровъ. Эти казаки находились въ распоряженіи Розряднаго-Приказа. Земли, на которыя ихъ помѣщали, считались не помѣстьями, но общинною, казачьею «вотчиною» и, по Уложенію, казаки не могли ни продавать ихъ, ни мѣнять.

Подъ категорію этихъ казаковъ можно подвести въ Московскомъ Государствѣ польскихъ казаковъ на границахъ съ Польшею, казаковъ волжскихъ и астраханскихъ, терскихъ казаковъ, обитавшихъ на западномъ берегу Каспійскаго-Моря, за Терекомъ на Аграхани, кубанскихъ казаковъ на Кубани и сунженскихъ, пробравшихся на Сунжу, яицкихъ казаковъ, возникшихъ еще въ XVI столѣтіи на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго-Моря на рѣкѣ, нынѣ называющейся Ураломъ, съ главнымъ куренемъ ихъ въ Гурьевѣ, и другихъ, которые, будучи поселены въ городахъ не порубежныхъ для воинскаго дѣла, носили общее названіе «городовыхъ» казаковъ.

Наконецъ, были еще казаки, которымъ иностранные писатели о Россіи хотѣли навязать идею не только отдѣльнаго войсковаго сословія, но даже и идею отдѣльной національности : это Донцы, и «Запорожцы» и «Малороссіяне», доселѣ усвоивающіе себѣ имя собственно такъ-называемыхъ «казаковъ» , хотя они, по законамъ положительнымъ, только крестьяне, помѣщичьи или государственные.

Донцы, въ исходѣ семнадцатаго столѣтія были организованы уже въ правильное населеніе; охота и понаровка къ грабежу и вредъ своимъ братьямъ, русскимъ людямъ, по возможности были отъ нихъ отняты правительствомъ, крѣпко державшимъ ихъ въ рукахъ. Котошихинъ, разсказывая про исключительную ихъ подчиненность Посольскому-Приказу, говоритъ, что «будетъ ихъ казаковъ на Дону тысячъ съ двадцать человѣкъ; учинены для обереганія понизовыхъ городовъ отъ приходу турскихъ, и татарскихъ, и ногайскихъ людей, и Калмыковъ. А люди они породою Москвичи и иныхъ городовъ, и новокрещеные Татары, и запорожскіе казаки, и Поляки, и Ляхи, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ, и торговые люди, и крестьяне. И дана имъ на Дону жить воля своя; и начальныхъ людей межъ себя, атамановъ и иныхъ, избираютъ, и судятся во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ. А кого лучится имъ казнити за воровство, или за иныя дѣла и не за крѣпкую службу— и тѣхъ людей, посадя на площади, или на полѣ, изъ луковъ или пищалей разстрѣляютъ сами; также будучи на Москвѣ, или въ полкѣхъ, кто что сворuетъ—царскаго наказанія и казни не бываетъ, а чинятъ они межъ собой сами жъ. А какъ они къ Москвѣ пріѣзжаютъ, и имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ парочитымъ людемъ; а ежели бы они на Дону служить и послушны быть неучали, и толко бъ не они, донскіе казаки : неукрѣпились бы и не были бъ въ подданствѣ давно за московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы, съ городами и съ землями, во владѣтельствѣ. А посылается къ нимъ на Донъ царское жалованье, денежное, не гораздо по многу и не всегда; а добываются тѣ казаки на Дону на всякихъ воинскихъ промыслахъ отъ турскихъ людей, горою и водою, также и отъ персидскихъ людей и отъ Татаръ и отъ Калмыковъ, и что кто гдѣ на воинскомъ промыслу ни добудутъ, дѣлятъ всѣ межъ собою по частямъ, хотя кто и не былъ. Да къ нимъ же къ донскимъ казакамъ изъ Казани и изъ Астрахани посылается хлѣбное жалованье, чѣмъ имъ мочно сытымъ быть; а иные сами на себя промышляютъ.»

Что жь касается до малороссійскихъ казаковъ, находившихся при царѣ Алексіи Михайловичѣ въ завѣдываніи Приказа-Малыя-Россіи, то начало ихъ густинскій лѣтописецъ относитъ къ первой четверти XVI вѣка, и именно къ 1516 году. Мы приведемъ здѣсь слѣдующія весьма любопытныя его слова :

«Отъ начала своего сей народъ Русскій (казаки на Украйнѣ) бранми всегда употребляшеся, и отъисперва въ нихъ сіе художество бѣ, оружіе и брани; посемъ, егда начаша князи быти, наста въ нихъ лучшее строеніе и обычаи пріятнѣйшыи въ землѣ нашой; но единаче сей народъ нашъ бранилюбный не преста строити брани, аще не со околными народы, си есть, Греки, а потомъ Половци, Печенѣги, то сами межи собою, донелѣ же презъ Батіа, татарскаго царя, иже землю нашу русскую пусту сотвори, а народъ нашъ умали и смири, ксему же еще и отъ Ляховъ, и Литвы, такожде и междособными бранми зѣло озлоблены и умаленны быша, а потомъ и князи въ

нихъ оскудѣша; тогда сей нашъ народъ мало успокоися. Въ лѣто же вышеирѣченное (1516), егда король (Сигизмундъ) забавляшеся зъ Москвою, а Миндикерей (Менглигирей) поплѣни землю нашу, посла Жигмонтъ король посла ко Миндикерею, глаголя: «почто, миръ имѣя со мною, поплѣнилъ еси мою землю?» Миндикирей же отвѣща: «кромѣ моея воля се безчинницы нѣкія сотвориша, ихъ же азъ не могохъ возстягнути.» Жигмонтъ король, хотя ему сей смѣхъ отдати, посла Прецлава Лянцкорунскаго на Украйну собирати люду и такожде Татаромъ пакостити; онъ же, собравъ охотниковъ скилка сотъ, пойде съ ними аже подъ Бѣлагородъ (Акерманъ) и тамо забра множество товара, и коней, и овецъ татарскихъ и турецкихъ, и возвратися съ ними. Татаре же и Турки, собрашеся, гониша по нихъ и постигоша ихъ аже подъ Очаковомъ, у Овидова озера, и бишася съ ними; но наши поразиша ихъ и со великимъ добытіемъ во здравіи возвратишася. И потомъ бранилюбивый сей народъ, засмаковавши себѣ зъ добычъ, наставиша себѣ старѣйшину зпосредѣ себе, нарицаемаго Козака, отъ него уже и сами потомъ козаками нарекошася, и начаша сами часто въ татарскую землю ходити, и оттуду многія добытія приносити; день же ото дне примножашеся ихъ, иже по времени умножишася, и даже доселѣ не престаютъ пакости творити Татаромъ и Туркомъ. А старѣйшину себѣ избираютъ зпосредѣ себе, мужа храбра и смысленна по своему древнему обычаю; живутъ же всегда на Запорожю, рыбы ловяще, ихъ же безъ сли на солнцу сушатъ, а на зиму расходятся кождо во свой градъ, толко зъ килка сотъ оставляютъ на куренѣ стрещи стрѣлбы и чолновъ, а на лѣто паки собираются. И симъ образомъ козаки начало свое пріяша.»

Начиная съ этихъ собственно такъ-называемыхъ казаковъ украинныхъ, мы считаемъ необходимымъ привести себѣ на память, что въ шестнадцатомъ столѣтіи всѣ наши Украйны обладали чрезвычайно воинственнымъ характеромъ. На сѣверовостокъ отъ Москвы лежала «Украйна Сибирская», къ западу отъ нея Украйны «Поморская» и «Нѣмецкая» или «Свейская», потомъ «Ливонская Украйна», «Литовская Украйна», «Сѣверская Украйна», «Польская Украйна», «Крымская Украйна». Но такъ-какъ казачество, въ томъ смыслѣ, какъ мы его теперь понимаемъ, возродилось въ Украйнѣ Малороссійской, и такъ-какъ оно, подведенное государями Россіи подъ опредѣленную норму, первое послужило зародышемъ нашихъ войсковыхъ сословій, то для объясненія состава малороссійскаго войска мы, по-необходимости, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать слѣдующія строки изъ извѣстныхъ всѣмъ любителямъ русской исторіи «Очерковъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексію Михайловичу» профессора С. М. Соловьева.

«Въ южной Руси, «въ области Днѣпровской — говоритъ господинъ профессоръ — зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широтѣ, при всей неопредѣленности отношеній, характеризующей обыкновенно общество юное, только-что начавшее жить самостоятельною жизнію. Въ-слѣдствіе родовыхъ отношеній, князья съ своими дружинами переходили изъ одного города въ другой; подлѣ, въ степяхъ, кочевали азіатскіе хищники, грабившіе Русь; на границахъ степей жили разноименные народцы, составлявшіе переходъ отъ степняковъ или Половцевъ (что, вѣроятно, значитъ одно и то же, ибо «поле» въ древнемъ языкѣ значитъ «степь») къ осѣдлому народонаселенію; то

были: Чорные-Клобуки, Торки, Берендѣи, Турпѣи, Коди, Бродники, образовавшіеся, какъ кажется, изъ разноплеменной смѣси. Не могши, по слабости своей, быть самостоятельными между Половцами и Русью, всѣ эти народцы примкнули къ послѣдней, стали служить князьямъ ея и въ войнахъ съ Половцами, и въ распряхъ междоусобныхъ, выбирая вмѣстѣ съ гражданами князей, которые были любы, или которые были сильны. Таковы были составныя части народонаселенія въ древней Руси, но все это было, выражаясь словами поэта, только несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ: князья съ дружинами жили сáми-по-себѣ, города сами-по-себѣ, пограничные народцы сами-по-себѣ. Князья были большею частію необыкновенно-храбры, умѣли и у себя дома, и въ чужихъ странахъ честь свою взять; дружины уподоблялись своимъ вождямъ; но чтó значила вся эта храбрость при такомъ безпорядьи?..» Южная Русь была не въ силахъ устоять противъ натиска Татаръ—и пала. Воскреснуть для самостоятельнаго бытія она не могла: у нея не было на то основы, связующаго начала — и Малороссія подпала подъ владычество Литвы. Приливъ пришлецовъ отовсюду однако жь не умалялся; напротивъ, число бѣглецовъ, желавшихъ войдти въ военное сословіе Украйны, еще увеличилось въ-слѣдствіе притѣсненій, которымъ подверглось нисшее сельское народонаселеніе отъ шляхты, въ Польшѣ, и вообще русское народонаселеніе отъ Поляковъ, преимущественно въ Галиціи. Еще въ 1232 году папа Григорій IX писалъ, что польскіе крестьяне, притѣсняемые землевладѣльцами, бѣгутъ въ Русь; послѣ, эти притѣсненія все болѣе и болѣе усиливались, слѣдовательно число перебѣжчиковъ долженствовало увеличиваться; такимъ-образомъ Украйна наполнялась людьми отважными, пришедшими сюда искать облегченія отъ тяжкой доли, которую они терпѣли въ отечествѣ. Люди вольные и бездомные во всѣхъ русскихъ областяхъ и у Татаръ назывались казаками; скоро это названіе распространилось и на все малороссійское военное сословіе. Собственно названіе казаковъ прилично было Запорожцамъ, которые представляли дружину въ полномъ ея характерѣ, не подчиняясь никакому вліянію, ни государственному, ни семейному, ибо недопускали къ себѣ женщинъ.

«Прежде это войско раздѣлялось на «околицы», состоявшія изъ одного селенія, и на «курени», состоявшіе изъ нѣсколькихъ селеній; отсюда названія «куренной» и «околичной» шляхты. Старые служивые назывались «товаристствомъ», молодые—«казаками». Курени и околицы управлялись выбранными «атаманами» и «товарищами», которые разбирали маловажныя распри и мирили; по важнымъ же земскимъ дѣламъ воины разбирались и судились въ повѣтовыхъ и городскихъ судилищахъ. По службѣ воинской они вѣдались «хорунжими» повѣтовыми, которые обязаны были дѣлать смотры и описи казакамъ и ихъ вооруженію, также хранили знамена или хоругви повѣтовыя. Въ случаѣ похода, хорунжіе повѣщали по куренямъ сборъ въ назначенныя мѣста, гдѣ изъ собравшихся «казаковъ» и «товарищества» составлялись «полки» и «сотни», и въ нихъ избирались, вольными голосами, всѣ чиновники высшіе и нисшіе, которые считались въ своихъ чинахъ только во время похода; по возвращеніи же изъ него переходили въ прежнее состояніе, съ названіемъ товарищей и съ нѣкоторымъ вліяніемъ при подачѣ голосовъ.

«Но казаки собирались часто безъ позыва хорунжихъ, выбирали

начальниковъ, составляли такъ-называемые «охочекомонные полки» и отправлялись въ Турцію, Молдавію, Крымъ, подъ предлогомъ освобожденія плѣнниковъ, а въ-самомъ-дѣлѣ для грабежа. Ясно, что такія казацкія прогулки раздражали Турцію, которая обвиняла въ нихъ польское правительство. Вотъ почему король Сигизмундъ I рѣшился прекратить казацкое своеволіе болѣе-правильнымъ устройствомъ малороссійскаго войска. Въ-слѣдствіе этого, гетманъ Ружинскій учредилъ двадцать непремѣнныхъ казацкихъ полковъ, въ двѣ тысячи человѣкъ каждый; имена эти полки получили отъ главныхъ городовъ, на-примѣръ «кіевскій», «переяславскій» и т. д. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, названныя также по городамъ и мѣстечкамъ. Во всякій полкъ опредѣлены были выбранные «товариществомъ» и «казаками» изъ заслуженныхъ товарищей полковники, сотники и старшины полковые и сотенные, которые оставались въ этихъ чинахъ на всю жизнь. Полки должны были наполняться выбранными изъ куреней и околицъ молодыми казаками, написанными въ реестръ до положеннаго на выслугу срока, и отъ-того назывались «реестровыми казаками». Въ мирное время содержались они собственнымъ имуществомъ, а въ случаѣ войны получали жалованье изъ малороссійскаго скарба. Но мы видѣли, что въ Малороссію безпрестанно стекались отовсюду бѣглецы еще бездомные, неосѣдлые; государству нужно было куда-нибудь дѣвать этихъ людей, употребивъ ихъ на собственное служеніе. Для помѣщенія такихъ охотниковъ, называвшихся «гультяями», устроено пять «охочекомонныхъ» полковъ, называвшихся по фамиліямъ полковниковъ, назначаемыхъ гетманами; охочекомонные содержались на пограничной стражѣ, въ низовьяхъ рѣкъ Самары, Буга и Днѣстра, получали ежегодно незначительное жалованье и больше довольствовались звѣриною и рыбною ловлею; за поведеніе ихъ отвѣчали полковники. Малороссійскимъ казакамъ дано было устройство; но, разумѣется, нельзя было дать его запорожскимъ казакамъ, гультяямъ, охочекомоннымъ по преимуществу. Вѣкъ дружинъ прошелъ безвозвратно... и въ описываемое время дружина была анахроническимъ явленіемъ.»

Наконецъ Малороссія подчинилась царю Алексію Михайловичу: разумѣется, что и общественное благо всего московскаго государства и благо самой Малороссіи требовали именно тѣхъ мѣръ, какія предпринимали на счетъ ея государи Россіи, побуждаемые необходимостью организовать все государство на одних общихъ всѣмъ областямъ и прочныхъ основахъ.

Царь Алексій Михайловичъ, подчинивъ Малороссію своему могуществу, учредилъ для нея въ Москвѣ верховное правительственное мѣсто подъ названіемъ Приказа-Малыя-Россіи, возводилъ малороссійскихъ гетмановъ въ санъ бояръ русскихъ, а старшинъ казацкихъ, отличавшихся приверженностью къ русскому престолу, въ достоинство дворянъ, и изъискивалъ всѣ мѣры къ сліянію воедино разрозненныхъ тогда національностей, великорусской и малороссійской.

Вѣрность народа малороссійскаго была омрачена въ глазахъ Петра-Великаго измѣною гетмана Мазепы, забывшаго царскія милости и возмечтавшаго быть самостоятельнымъ, владѣтельнымъ княземъ Сѣверскія-Земли; но, къ чести Малороссіи, не всѣ, а малая только часть казаковъ раздѣляли преступные замыслы Мазепы. Великій преобразователь Россіи еще болѣе сравнялъ права Малороссіянъ съ правами всей массы русскаго народа; въ 1722 году онъ учредилъ въ Глуховѣ Ма-

лороссійскую-Коллегію, въ которой, вмѣстѣ съ членами изъ природныхъ Украинцовъ, засѣдали и русскіе военные чиновники, имѣвшіе вліяніе на рѣшеніе и ходъ всѣхъ дѣлъ Коллегіи. Созидая все для блага и славы цѣлой Россіи, Петръ-Великій вездѣ и безразлично употреблялъ въ дѣло и русскихъ людей и Малороссовъ, начиная отъ глубокомысленныхъ государственныхъ занятій до постройки укрѣпленій и рытья каналовъ, на югѣ или на сѣверѣ Россіи.

Императоръ Петръ II хотя и уничтожилъ Глуховскую-Коллегію, но нисколько не намѣренъ былъ отступать отъ того направленія, которое дано было Малороссіи великими его предшественниками; въ этомъ же духѣ дѣйствовала императрица Анна Іоанновна: сліяніе національностей и уравненіе правъ близились къ ожидаемому концу. Императрица Елизавета Петровна вручила избирательный санъ гетмана, какъ должность, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, а императрица Екатерина-Великая признала за благо вовсе уничтожить это громкое званіе, какъ болѣе уже не нужное, и окончательно организовала Малороссію на тѣхъ же началахъ, на какихъ существовали и всѣ прочія области Русской-Имперіи. Даже раздѣленіе на полки или округи было уничтожено: въ Малороссіи явились и губерніи, и уѣзды, и помѣщики, и дворянскіе предводители — все такъ, какъ было и въ остальной Россіи.

Говоря до-сихъ-поръ о малороссійскихъ казакахъ, мы еще ничего не сказали о самомъ Запорожьѣ, о Запорожской или Запорозской-Сѣчи. Въ Сѣчи первоначально образовался главный притонъ казаковъ, главный ихъ военный лагерь, сборное мѣсто для цѣлаго казачества. Сѣчевики обязаны были жить здѣсь безъ сообщества женщинъ, которыя не дерзали вступать въ это «лыцарское» уединеніе; сюда приходили богатые и бѣдные, сановные и простые люди, давшіе обѣтъ посвятить себя воинскимъ подвигамъ и войнѣ съ врагами христіанства православнаго. Мало-по-малу Сѣчь обратилась въ обширную военную колонію. Когда польское правительство одерживало верхъ надъ всей Украйной, оно всегда старалось обратить Запорожье въ военный редутъ для наблюденія за движеніями Татаръ и посылало туда по два полка расписанныхъ по городамъ казаковъ на три мѣсяца; по истеченіи этого срока оно смѣняло ихъ новыми двумя полками. Но постоянное пребываніе въ Запорожьѣ не дозволялось никому.

Запорожье, участвовавшее въ замыслахъ Мазепы, было въ 1709 году разорено по повелѣнію Петра-Великаго; Сѣчевики бѣжали и скрылись къ крымскому хану, гдѣ и жили противъ нынѣшняго Херсона, по ту сторону Днѣпра, подъ его покровительствомъ, до 1734 года. Императрица Анна Іоанновна благоволила разрѣшить имъ возвращеніе на родину. Запорожцы основали Новую-Сѣчь недалеко отъ стараго пепелища, именно при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Подпольной. Императрица Екатерина-Великая, стремясь къ осуществленію своихъ плановъ и признавъ своеволіе сѣчевиковъ анахронизмомъ, а поведеніе ихъ при вторженіи Турковъ въ Новую-Сербію — преступнымъ, повелѣла уничтожить Сѣчь, а Запорожцевъ разселить по Украйнѣ, истребить ихъ азіатскія наклонности и подчинить ихъ русскому началу. Исполнителемъ своихъ велѣній императрица избрала генерала Текелія. Сѣчь въ 1775 году была уничтожена окончательно; часть Запорожцевъ предалась мирной жизни селянина, изъ другой сформированы два пикинерные полка, остальные бѣжали къ «врагамъ христіанства», Туркамъ.

Въ 1792 году императрица снизошла къ ходатайству князя Потемкина и отвела Запорожцамъ земли у Чернаго-Моря, между Кубанью и Азовскимъ-Моремъ. Потомковъ, какъ этихъ Запорожцевъ, такъ и тѣхъ, которые бѣжали къ Туркамъ, мы увидимъ далѣе, говоря о казачьихъ войскахъ — черноморскомъ и азовскомъ.

XVII.

Старинные казаки въ Сибири (*).

Начало покоренію Сибирскаго-Царства, не изъ прямо-воинственныхъ и завоевательныхъ видовъ, а изъ простаго желанія укрыться отъ законныхъ преслѣдованій и поживиться добычею — положили казаки, бѣжавшіе съ рѣки Волги. Численность ихъ, по всей вѣроятности, безпрестанно увеличивалась приставашими къ нимъ толпами бродячаго народа вольныхъ и промысловыхъ людей тогдашней Восточной и Сѣверо-восточной Россіи.

Подвиги предводителя этихъ первыхъ казаковъ въ Сибири были удачны для него самого и для его дружины, но скоро личные виды Ермака подчинились видамъ государственнымъ, и такимъ-образомъ набѣгъ на Сибирь принялъ характеръ завоеванія цѣлаго царства. Однакожь окончательнымъ покореніемъ этого царства Россія обязана уже не этимъ казакамъ: послѣ смерти Ермака, весь оставшійся въ живыхъ сбродъ ратныхъ людей и казаковъ бросилъ Сибирь и со страха бѣжалъ. Государь московскій собралъ новую рать и изъ Москвы послалъ ее для воеванья сибирскихъ людей.

Рать эта состояла изъ стрѣльцовъ; къ ней примкнули вольные охотники, рѣшившіеся попытать своего счастья въ воинскомъ дѣлѣ; къ ней пристали и бѣжавшіе изъ Сибири первые казаки: и тѣ и другіе и третьи положили основаніе нынѣшнимъ казачьимъ сословіямъ въ Сибири.

Кромѣ добровольнаго записыванья въ казаки, или присоединенія къ войсковой черни, умноженіе ратной силы производилось и особымъ сборомъ людей на рать съ поземельныхъ владѣльцовъ и поссессоровъ, обязанныхъ, въ-слѣдствіе особыхъ каждый разъ повелѣній, формировать опредѣленное число ратниковъ.

Первый подобный сборъ былъ еще при Ермакѣ: царь Іоаннъ Васильевичъ назначилъ-было его съ купцовъ-оброчниковъ Максима и Никиты Строгоновыхъ, которымъ было велѣно, для усиленія рати воеводы князя Болховскаго, приготовить для похода въ Сибирь пятьдесятъ человѣкъ на коняхъ; но вслѣдъ за тѣмъ повелѣніе это было уничтожено царскою грамматою къ Строгоновымъ, отъ 7-го января 7092 (1584) года, въ которой было сказано, что «ратныхъ людей, по прежнему «указу, пятьдесятъ человѣкъ конныхъ — имати есмя не велѣли, а велѣли изготовить подъ нашу рать и подъ запасъ пятьнадцать струговъ «добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бы подняли по «двадцати человѣкъ» кромѣ запаса.

(*) Статья эта основана на документахъ, напечатанныхъ въ «Актахъ Историческихъ», издаваемыхъ отъ Академіи Наукъ.

Другой изъ извѣстныхъ намъ сборовъ былъ при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ, когда грамматою 5-го іюля 7100 (1592) года Строгоновымъ вмѣнялось въ обязанность приготовить для похода «сто человѣкъ ратныхъ людей, добрыхъ молодцовъ и просужихъ, которые бъ стрѣлять «были горазды и ратное бы дѣло знали»; людей этихъ велѣно было снабдить рушницами и пищалями, луками, кремлями, рогатинами и всякимъ ратнымъ боемъ. Поссессоры чусовскихъ земель, Строгоновы обязаны были казакамъ этимъ заплатить наемную плату и заготовить для нихъ провіантъ; «а наемъ бы есте дали по мѣсяцомъ, какъ сколь-«ко проживутъ и проѣдутъ, а запасу имъ велѣти имати на всю осень «и на всю зиму и до весны... а замѣшкаете — и вамъ отъ насъ быти «въ великой опалѣ и продажѣ» — сказано въ концѣ грамматы.

Когда власть русскаго царя надъ Сибирью была прочно утверждена построеніемъ города Тобольска, то присылка ратныхъ людей въ Сибирь была безпрестанная; вольнаго, охочаго народа шло туда тоже довольно: туда стали являться казаки изъ украинныхъ мѣстъ, явились и Литва, и польскіе казаки, и казаки терскіе, наконецъ, были даже и охотники съ Запорожья (Черкасы)', не говоря уже про жилецкихъ людей, при царѣ Өедорѣ Іоанновичѣ водворенныхъ въ Сибири и инородцевъ, избавленныхъ отъ ясака, но обязанныхъ вмѣсто того службою, не только собственно ратною, но и работами всякаго рода, необходимыми для укрѣпленія вліянія нашего въ землѣ новой.

«Писали вы къ намъ (говоритъ царь Өеодоръ Іоанновичъ пелымскому воеводѣ съ товарищами), что новово острогу сдѣлали вы всякими служилыми людьми и пелымскими жильцы отъ Тавды рѣки двѣсти саженъ и на острогѣ поставили, наугóльныхъ и по ворóтамъ, семь башенъ, а дорубать и покрыть гóрода нéкѣмъ. И били намъ пелымскаго города жильцы, а сказали: служатъ они на Пелыми всякія нашія службы, конныя и пѣшія, и на караулѣ въ городѣ и въ острогѣ, и на всякія ихъ посылки посылаютъ, и около города острогъ и башни ставили, и ровъ около острога выкопали, и нашихъ служилыхъ людей провожаютъ, и за пашенными за всякими людьми въ приставствѣ ходятъ, и жнутъ и молотятъ, и за нашими запасы (ихъ) посылаютъ. Да имъ же велѣно нарубати и крыти пелымскій городъ: а они города рубить и крыть не умѣютъ и плотничная имъ рýбля не въ обычай. И какъ къ вамъ ся наша граммата придетъ и вы бъ пелымскимъ служилымъ всякимъ людемъ, Литвѣ, и Казакомъ и Стрѣльцомъ нынѣ города дорубать и крыти не велѣли, только бъ у васъ острогъ и городъ былъ укрѣпленъ, чтобъ въ острогѣ и городѣ жить было безстрашно.»

Казаки въ Сибири рознились отъ стрѣльцовъ тѣмъ, что стрѣльцы составляли родъ особенной касты, представители которой «бываютъ въ стрѣльцахъ вѣчно, и дѣти и внучата ихъ—стрѣльцы жъ, по нихъ», а казаки были вольные ратники, которые могли по своему желанію перейти въ тягольные люди. Поселившись въ Сибири и получивъ въ пользованіе зéмли подъ пашни, а на время дѣйствительной службы и денежное жалованье, казаки обязывались охранять безопасность края собственными средствами и подъ собственною отвѣтственностію. Кромѣ-того стрѣльцы получали вооруженіе свое отъ правительства, а казаки должны были имѣть его собственное; стрѣльцы раздѣлялись на «приказы» или полкй, изъ пяти сотенъ каждый; полкомъ начальствовалъ «голова», а сотнею «сотникъ», казаки были росписаны по сибирскимъ городамъ и въ цѣломъ своемъ составѣ были въ зависимости

отъ воеводъ, какъ соединенія власти военной и административной; казаки раздѣлялись на сотни, начальникъ каждой сотни назывался атаманомъ, подъ нимъ уже были ясаулы, пятидесятники и десятники. Атаманы у сибирскихъ казаковъ были сначала по собственному выбору общины, но скоро правительство назначало ихъ отъ себя.

Новые покорители Сибири были истинные страдальцы за вѣру, престолъ и отечество; ихъ подвиги—были подвиги невѣроятные. Обстоятельства, нужды, тяжкія лишенія, горькія утраты, малочисленность въ-сравненіи съ племенами покоряемыми и врожденное человѣку желаніе хоть какъ-нибудь улучшить тяжелую долю, частенько ставили нашихъ витязей въ необходимость прибѣгать къ мѣрамъ не всегда оправдываемымъ нравственностью и понятіемъ о долгѣ... Но великія послѣдствія пережитыхъ и перенесенныхъ ими опасностей, съ исключительною цѣлью умереть за Святую Русь, покорить подъ высокую царскую государеву руку новыя страны, прославить русское оружіе баснословными завоеваніями — заставляютъ насъ забывать подъ-часъ всѣ недостатки и неправды, которые съ-тѣхъ-поръ укоренились въ обоюдныхъ отношеніяхъ вообще Русскихъ къ сибирскимъ инородцамъ и нѐхристямъ, а въ особенности въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ прочему мирному населенію. Правда, казаки имѣли на своей сторонѣ и выгоды и старались, по естественному побужденію, поразнообразить чѣмъ-нибудь свои житейскія наслажденія, чтобъ хотя нѣсколько облегчить тяжелое бремя ратной службы; но что̀ это были за утѣшенія, въ-сравненіи съ тѣмъ необезпеченнымъ положеніемъ, которое было постояннымъ удѣломъ горсти храбрецовъ, разсѣянныхъ на необозримомъ пространствѣ и постоянно удручаемыхъ страшною бѣдностью и нуждой?

Мы очень-часто можемъ встрѣтить плачъ казаковъ передъ надёжой-государемъ о своемъ тяжкомъ положеніи и моленія объ улучшеніи ихъ участи, моленія, которыя, безъ-сомнѣнія, каждый разъ доходили по назначенію. «Мы, холопи твои, государевы (часто читаемъ мы въ челобитныхъ казачьихъ), пошодчи на твою царскую службу въ «Кузнецы», одолжалися великими долгами, давали на себя кабалы, а имали въ долгъ платье, и обуви, и харчи, и головы свои позакабалили, и животишковъ своихъ избыли, и въ долгу, государь, погибли до конца, безъ твоего царскаго жалованья. Милосердый царь-государь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, смилуйся: пожалуй насъ, холопей своихъ, за наше службишко и работу своимъ царскимъ жалованьемъ, вели намъ его дати, чтобъ намъ, холопямъ твоимъ, безъ твоего царскаго жалованья, на правежѣ въ долгу въ-конецъ не погибнуть и твоей царской службы впредь не отбыть. Царь-государь, смилуйся, пожалуй!»

Чтобъ сообразить, каково приходилось нашимъ героямъ въ Сибири, чтобъ понять мало-мальски тогдашнюю жизнь нашихъ ратныхъ людей въ соболиномъ царствѣ, тягость ихъ тогдашнихъ обязанностей, неутѣшительную перспективу опасностей, которымъ подвергало себя русское воинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для-того, чтобъ увидѣть всю разницу, которая такъ рѣзко обозначается между тогдашними бѣдствіями и нынѣшнимъ благосостояніемъ сибирскихъ казаковъ, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь, въ сокращенномъ видѣ, слѣдующій документъ, челобитную томскаго же ратнаго населенія:

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи бьютчеломъ холопи твои государевы, изъ твоей государевы дальніе

отчины, изъ Сибири, томсково города конные стрѣльцы и казаки и Литва и пѣшіе казаки и ружники и оброчники — Богдашко Семеновъ Терской, да Ондрюшко Ивановъ, да Васька Онаньинъ, да Гришка Яковлевъ, во всѣхъ, товарищей своихъ, мѣсто, двусотъ тридцати и четырехъ человѣкъ.

«Служимъ мы, холопи твои, тебѣ, государю, въ твоей царской дальней отчинѣ, въ Сибири, въ Томскомъ городѣ всякіе твои царскіе службы, зимніе и лѣтніе, лѣтомъ о дву конь, а въ проѣзжіе станицы и зимніе походы и дальнія посылки на лыжахъ, недѣль по десяти и по пятьнадцати, и голодъ и нужду всякую терпимъ, и съ голоду, государь, и съ ознобу помираемъ на твоихъ царскихъ службахъ.

«А твоего, государь, царскаго хлѣбнаго жалованья намъ, холопемъ твоимъ, преже сего съ Руси приходило въ наши оклады на прошлые годы четь муки (по пяти пудъ съ четью и по шти пудъ съ четью), а крупъ и толокна потому жъ. А нынѣче, государь, твой государевъ запасъ приходитъ малъ: четь муки—по три пуда и по четыре, а крупъ, государь, четь и толокна потому жъ. И намъ, государь, холопямъ твоимъ, съ жёнишками и съ дѣтишками прокормиться нечѣмъ: твоего царскаго хлѣбново жалованья въ годъ недоставаетъ.

«Въ прошломъ, государь, (7)122 (1,614) году іюля въ 8 день приходили, государь, подъ Томскій городъ войною твои, государевы измѣнники киргизскіе и ясашные люди и служивые тотаровя богасарскіе и кызылскіе и чюлымскіе и мелескіе и керексуки и кузнецкіе люди войною. И отогнали, государь, у насъ, холопей твоихъ, лошади и коровъ, и многихъ служивыхъ людей, казаковъ, побили, и твой, государь, хлѣбъ и казачей на яланѣ выжгли и вытоптали.

«И насъ, государь, холопей твоихъ, воеводы посылали на твою царскую службу и на твоихъ, государевыхъ, измѣнниковъ войною. И бились мы, государь, съ тѣми измѣнниками явственно; и Божіею, государь, милостію и твоимъ государевымъ счастіемъ мы, холопи твои, всѣхъ тѣхъ людей побили и достальныхъ, государь, людей привели подъ твою царскую руку къ шертѣ; и теперево, государь, всѣ твои вороги тобѣ, государю, служатъ и прямятъ и ясакъ съ собя платятъ; И мы жонъ ихъ и дѣтей въ полонъ поимали, и заклады (аманаты) у нихъ поимавъ въ городъ привели и до Алтына, государь, царя мы, холопи твои, дорогу очистили и въ иныя земли.

«А какъ, государь, мы холопи твои подымались на твою царскую службу и намъ, государь, подъемъ ставился человѣку рублевъ по 20 и по 30. И мы, государь, въ походѣ лошадьми опали; и голодъ и великую нужу и стужу терпѣли, и лошадину, государь, съ голоду ѣли, и въ тѣхъ, государь, твоихъ царскихъ службахъ мы, холопи твои, обнищали и одолжали великими долги, и въ долгѣхъ, государь, на правежѣ животъ свой мучимъ: а окупиться, государь, съ правежу нечѣмъ, а твоего, государь, царсково денежнаго и хлѣбнаго жалованья къ намъ, холопемъ твоимъ, въ Томской городъ сполна не доходитъ! А нынѣча, государь, мы, холопи твои, и съ женишками и съ дѣтишками—съ ними наги, а купити, государь, негдѣ, торговые люди не заѣзжаютъ: мѣсто дальнее!

«До насъ, государь, холопей твоихъ, и лѣтомъ и зимой разсылаютъ на твои государевы службы и на отъѣзжіе караулы, и въ проѣжжую станицу, а пѣшихъ казаковъ въ Тобольскъ для запасовъ, и къ Татарамъ по городкамъ на береженіе ихъ. И мы, государь, холопи твои

государевы, съ твоея государевы службы и зиму и лѣтомъ (дома) не бываемъ и на твоихъ, государь, царскихъ службахъ голодъ и нужу терпимъ, а въ подъемахъ, государь, намъ, холопемъ твоимъ, убытки великіе ставятся. А насъ, государь, въ Томскомъ городѣ служилыхъ людей немного, всего двѣсти и тридцать и четыре человѣка.

«А какъ, государь, насъ холопей твоихъ разошлютъ по твоимъ царскимъ службамъ—и остаются одни караульщики, а прибылыхъ людей нѣтъ; а орды, государь, великіе многіе къ Томскому городу прилегли и неподалеку кочуютъ, и насъ, государь, холопей твоихъ, по землямъ и по пашнямъ побиваютъ и намъ, государь, тѣми людишками твоего, государь, города, безъ прибавочныхъ людей, не удержати: И будетъ, государь, надъ нами, холопи свои, не смилосердуешься, служилыхъ людей на житье прибавить не велишь — и которая, государь, поруха надъ твоимъ государевымъ городомъ учинится — что бы намъ, холопемъ твоимъ, отъ тебя, государь, не быти въ опалѣ и въ казни.

«Да въ прошломъ, государь, въ (1607) 115 году присланы, государь, съ Москвы въ Томскій городъ пашенные крестьяне, 100 человѣкъ, твоя царская пашня пахати—и тѣхъ, государь, пашенныхъ крестьянишекъ по пашнямъ твои государевы измѣнники высѣкли (изрубили), а иные померли и твоея, государевы, пашни пахати некому.

«Милосердый царь государь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи! Пожалуй насъ, холопей своихъ, государевымъ своимъ царскимъ денежнымъ и хлѣбнымъ недодаточнымъ жалованьемъ въ наши оклады за нашу службишку и за кровь. Воззри, государь, на нашу великую нужу и бѣдность и вели къ намъ прибавить на житье служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ, жилецкихъ людей, чтобъ мы, холопи твои государевы, въ конецъ не погибли и твоей бы царской службы впредь не отстали и розно бы не разбрелися. Царь государь, смилуйся, пожалуй!»

Не распространяясь здѣсь о завоеваніяхъ и вообще о подвигахъ нашихъ казаковъ въ дальнихъ краяхъ Сибири, мы ограничимся приведеніемъ слѣдующаго, любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ, документа, относящагося къ 1683 году, и показывающаго степень значенія сибирскихъ казаковъ, какъ покорителей и какъ развѣдывателей далекихъ странъ.

«Вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что томскаго и красноярскаго уѣздовъ на села и на слободы, и на деревни измѣнники «киргискіе люди войною приходятъ, и русскихъ, всякихъ чиновъ, «людей побиваютъ, и села, и слободы, и деревни, и хлѣбъ на поляхъ, «и сѣна жгутъ, а ясачнымъ людямъ намъ, великимъ государемъ, ясаку «платить не велятъ, и тѣхъ ясачныхъ людей бьютъ и въ полонъ емлютъ; «и въ нынѣшнемъ 191 году, въ Сибирскомъ-Приказѣ, томскіе служилые «люди, о походѣ на Киргизъ, коими мѣсты и въ кое время нашимъ, «великихъ государей, ратнымъ людямъ войною ходить и какъ хлѣбные «запасы проводить подали роспись:»

Роспись.—«Исперва итти изъ Енисейскаго съ запасы, до Красноярскаго-Острогу, лѣтомъ дощаниками, или малыми судами, а зимою — санми; а изъ Красноярскаго-Острогу, по Енисею, до новаго Караульнаго-Острогу, а по тамошнему дѣлу смотря ходъ, большою же рѣкою Енисеемъ вверхъ до рѣки Упсы, а отъ Упсы рѣки водою ходу дни три до рѣки Абакану, а въ Абаканъ рѣку вышла рѣка Уйбатъ, и они, Абаканъ и Уйбатъ, вышли въ томскія и кузнецкія страны, а вершина ихъ близко Кузнецкаго-Острогу, а Упса рѣка вышла съ другіе страны

Енисея въ Енисей же рѣку, а Енисей рѣка прошла сквозь Киргизскую-землю. А по-сю сторону Енисея, по рѣкамъ Абакану и по Уйбату, живутъ, и подлѣ Енисей, многіе киргизскіе и съ ними калмыцкіе люди, а по-другую сторону Енисея, по Упсѣ рѣкѣ, живутъ Киргизы же, имя имъ Тубинцы, а съ ними иныхъ многихъ земель данные люди. А прежъ сего жили Киргизы на рѣкахъ Іюсахъ, ближе къ Томску и Красноярскому-Острогу, а какъ съ государевыми людми завоевались—для того въ даль съ Іюсовъ отошли.

«А изъ Томскаго города ходъ въ Киргизскую Землю: исперва отъ города верстъ тридцать еланью; съ того мѣста итти чорнымъ лѣсомъ, ломомъ, верстъ двадцать, а послѣ того еланьми и степми, и переходить многіе рѣки поперегъ, 1) рѣка плавежная Тапма, 2) Кытакъ (Китатъ), 3) Яя, 4) Большая Кія, 5) Большая Урюпа, 6) Большая Берешъ, 7) Бечища, 8) Черной Іюсъ, 9) Большая Іюсъ-Бѣлой ; а межъ тѣми большими рѣками, отъ Томскаго до Іюса, большихъ и малыхъ бродовыхъ рѣкъ и нужныхъ переправъ 17; и всего отъ Томскаго до Іюса ходу— лѣтомъ недѣли три и болши, а зимою толко снѣги большіе и ходъ отнимаютъ : а толко снѣги малые — и тогда бываетъ немного долѣ лѣтняго. А отъ Іюса рѣки къ Енисею, до Упсы рѣки, ходу, горою *съ нарядомъ* (съ артиллеріей), дней шесть, или менши, а отъ Упсы до Абакану ходу, горою, пол-два дни.

«А изъ Кузнецкаго ходу будетъ до Абакану и до Уйбату, высокими горами и крутыми рѣками, недѣли двѣ, или менши ; а изъ Томскаго до Кузнецкаго ходу, верхъ по Томѣ рѣкѣ : по калмыцкой зарѣчной сторонѣ, недѣли двѣ, или больши, лѣтомъ отъ плавежныхъ рѣкъ, а зимою ходъ короче — толко бы былъ малый снѣгъ.

«И толко указъ великихъ государей будетъ — итти на Киргизъ изъ Енисейска, лѣтомъ или зимою, съ хлѣбными запасы, до Новаго Караульнаго-Острогу Енисеемъ рѣкою, а по тамошнему дѣлу смотря, изъ Караульнаго-Острогу до Упсы рѣки и до Абакану, а изъ Томскаго ратнымъ людямъ горою и степью, а изъ Кузнецкаго-Острогу будетъ съ третею сторону толко ходъ лѣтомъ, а зимою изъ Кузнецкого, за болшими снѣгами, пройти на конѣхъ не мочно, потому что бываютъ отъ Кузнецкаго къ Киргизской сторонѣ снѣги непроходимые, — и толко мочно ходу быть изъ Кузнецкого на киргизскихъ людей улусы пѣшимъ, потому что киргизскіе люди, какъ послышатъ изъ Томского и изъ Краснорскаго на нхъ Киргизскую землю походъ государевыхъ ратныхъ людей, и они, Киргизы, женъ своихъ и дѣтей отсылаютъ прятать въ вершины абаканскіе и уйбатскіе, близко Кузнецкого-Острогу, а сами выѣзжаютъ съ боемъ противъ томскихъ и енисейскихъ и красноярскихъ ратныхъ людей, — и толко изъ Кузнецкого зимою на лыжѣхъ будутъ пѣшіе люди, а Киргизы не узнаютъ : — и о томъ дѣлѣ, прося у Господа Бога милости, мочно въ Киргизкихъ улусѣхъ промыселъ учинить.

«А что изъ Енисейскаго въ Киргизскую-Землю запасы завезены будутъ, и отъ тѣхъ запасовъ государевымъ ратнымъ людемъ будетъ льгота и неотягченіе, и надежны будутъ государевы ратные люди на тѣ хлѣбные запасы и, прося у Бога милости, промыслъ чинить станутъ, а киргизскіе люди, увидя то, что государевы ратные люди изъ Томскаго степью, и изъ Енисейска—съ хлѣбными запасы, впадутъ въ великую ужесть : и оттого станутъ ужесть имѣть, что со всѣхъ странъ госуда-

ревы ратные люди водами съ запасы, и степью также, съ розныхъ странъ.

«И мыслить то станутъ: «нынѣ-де государевы ратные люди пришли «въ ихъ Киргизскую-Землю не по-прежнему: голодни не будутъ, и «вскорѣ не оголодаютъ, и изъ Киргизской-Земли, не учинивши госуда«рева дѣло, не выдутъ:» и станутъ мыслить привести въ свою землю иныхъ земель многихъ людей, или съ земли бѣжать, или вовсе великимъ государемъ учинятся покорни. А пущи-всего страхъ въ Киргиской землѣ — запасные суды съ людми и хлѣбомъ.

«А изгономъ бы ихъ, Киргизъ, воевать добро: и въ Томскомъ, и въ Кузнецкомъ. и въ Красноярскомъ людей мало, а отъ иныхъ городовъ отдалѣли.

«И какъ въ иныхъ разныхъ городѣхъ ратныхъ людей сбирать — и въ ихъ Киргизской Землѣ будетъ вѣсть, потому что межъ сибирскими городами живутъ много розныхъ земель иноземцовъ некрещенныхъ.

«А одно толко: заводныхъ запасовъ, кромѣ Енисейска, изъ Томскаго и изъ Кузнецкого, горою, зимою и лѣтомъ, завезть не мочно; а изъ Енисейска и изъ Красноярскаго, горами, и степми, и Енисеемъ, зимою, запасы завезть толко до Караулного-Острогу, а далѣ — Богъ вѣсть! кромѣ воднаго пути: потому что въ Томскомъ, и въ Кузнецкомъ, и въ Красноярскомъ людишки нужные и бѣдные, по два и по три на одной лошади, а иной пѣшъ, всегда бродятъ и запасъ на себѣ таскаютъ нартами, оголодаютъ, и отъ того голоду всегда ратные люди отъ Киргизъ погибаютъ. А недругу — въ посмѣхъ, что государевы ратные люди голодни въ ихъ землю приходятъ, и, отходя, на дорогѣ погибаютъ безъ хлѣбныхъ запасовъ.»

Есть у насъ люди, которые привыкли хвалить все старое, не зная настоящей цѣны настоящему: еслибъ вглядѣться хорошенько въ нынѣшній бытъ русскаго народа въ Сибири, да сравнить его съ стариннымъ бытомъ — врядъ-ли бы кому пришло въ голову благословлять «благословенную старину»; съ гордостью пришлось бы сознаться, что у насъ съ каждымъ годомъ всюду усиливается народное благоденствіе.

Кромѣ этихъ мѣстныхъ опасностей, кромѣ обыкновенныхъ тягостей неразрывно связанныхъ съ почетнымъ званіемъ защитниковъ новой, дальней земли, сибирскіе казаки испытывали и другія лишенія. Ненаселенность края, отсутствіе женщинъ, заставляли казаковъ входить въ болѣе-близкія сношенія съ туземными обитателями, заискивать благорасположеніе монгольскихъ красавицъ и, какъ-будто припоминая себѣ разсказы о проказахъ древнихъ Римлянъ съ Сабинянками, этимъ путемъ размножать русскую населенность въ новыхъ поколѣніяхъ, донынѣ обозначенныхъ инымъ, совершенно-нерусскимъ обликомъ. Много имѣемъ мы поводовъ выводить это заключеніе изъ разныхъ примѣровъ преданности къ русскимъ воинамъ татарскихъ и калмыцкихъ женщинъ, передавшихъ нашимъ казакамъ, вѣсти о враждебныхъ предпріятіяхъ своихъ единоземцевъ. Очень немногіе изъ переселявшихся въ Сибирь ратныхъ людей запасались, или были въ возможности облегчать ношу тяжкой своей жизни — супругами.

Таково было положеніе края въ тогдашнее время, положеніе, подобнаго которому въ настоящее время, въ-слѣдствіе всюду разлитаго нравственнаго образованія и благочестія, и слыхомъ не слыхать въ православной Руси.

Подъ словомъ «казаки» въ-послѣдствіи времени, безъ различія отдѣловъ русскаго войска, въ Сибири стали называть вообще всѣхъ тѣхъ, кто, по своему положенію, обязанъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать и охранять предѣлы имперіи, исполняя вмѣстѣ-съ-тѣмъ, не зависимо отъ обязанностей воинскихъ, и обязанности полицейскія: казаки рубили лѣса для остроговъ, были сборщиками податей и ясака съ инородцевъ, подводили подъ эту категорію тѣхъ туземныхъ жителей, которые хотя и не имѣли съ нами браней воинскихъ, но не находились еще въ совершенной отъ насъ зависимости; однимъ-словомъ, ратные сибирскіе люди, то-есть стрѣльцы, и казаки, конные и пѣшіе, должны были исправлять всѣ службы, какія-бы на нихъ ни были возложены.

Въ званіе собственно-казаковъ принимались и самые инородцы, преимущественно же тѣ изъ нихъ, которые находились подъ безсомнѣннымъ и полнымъ вліяніемъ русскаго оружія, равно какъ и тѣ, неокруженныя еще со всѣхъ сторонъ русскими, инородческія племена, которыя добровольно подчиняли себя власти русскаго государя и успѣвали доказать преданность и покорность престолу русскому вѣрностью на дѣлѣ и полезнымъ служеніемъ къ выгодамъ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XVII столѣтія небольшая орда Татаръ-Эуштинцовъ князца, то-есть, головы́, Тояна, не была обложена ясакомъ, а всѣ принадлежащіе къ ней Татары поверстаны въ казачью службу. Подобное верстанье считалось инородцами за знакъ особенной милости, которую они другъ передъ другомъ старались оправдать передъ верховною властію, «служа и прямя вѣрно и явственно», несмотря на тягости, которымъ они подвергались, и гордясь нарицательными преимуществами, которыя отличали ихъ отъ собратій, обложенныхъ ясакомъ. На такомъ основаніи въ концѣ XVII столѣтія были поверстаны въ казацкую службу, на западѣ Сибири, бухарскіе выходцы рода Кулмаметова, положившіе основаніе нынѣшнимъ тобольскимъ казакамъ-мухаммеданамъ и, потомъ, на юго-востокѣ Сибири, тунгузскіе выходцы изъ Китая, положившіе основаніе нынѣшнимъ тунгусамъ-казакамъ.

Казакамъ въ Сибири вообще давалось жалованье; оно раздѣлялось на денежное и хлѣбное. Денежное жалованье не всегда было для всѣхъ казаковъ однообразное, но бо́льшею частію оно было около пяти и пяти съ четвертью тогдашнихъ рублей; прибавка жалованья дѣлалась въ-слѣдствіе особенныхъ заслугъ. Хлѣбное жалованье полагалось «женатымъ (наравнѣ) съ женатыми, холостымъ — съ холостыми»: среднею выдачею на каждаго холостаго казака, сколько объ этомъ можно судить изъ дошедшихъ до насъ современныхъ цифръ, было четверть муки, четверть крупъ и четверть толокна на годъ.

Казаки раздѣлялись на конныхъ и на пѣшихъ, также какъ и стрѣльцы въ Сибири. И тотъ и другой разрядъ казаковъ исправлялъ службы свои лѣтомъ, въ случаѣ нужды, на кочахъ, коломенкахъ и на судахъ другихъ наименованій, а зимою — на лыжахъ. Обыкновенное вооруженіе ихъ было только копье, сабля и рогатина; у нѣкоторыхъ, особенно у инородцевъ или у Русскихъ, окруженныхъ монгольскими племенами, были стрѣлы, но у немногихъ только водилось огнестрѣльное оружіе.

Къ разряду казаковъ принадлежали и «бѣломѣстцы» или «бѣломѣстные казаки». Названіе свое получили они отъ обѣленныхъ участковъ земли, неподлежавшихъ никакимъ земскимъ сборамъ, ни оброку, ни

податямъ: службу ратную они отправляли общинами, пополусотенно и болѣе-дробными частями, въ городахъ и острогахъ, и чередовались между собою по заведенному однажды навсегда порядку, за чѣмъ особенно наблюдали атаманы, разрѣшая встрѣчавшіяся недоразумѣнія. Въ свободную недѣлю они жили въ участкахъ земли, отводимыхъ имъ уже за жалованье хлѣбное, съ лугами для покосовъ, если желавшіе этого отвода принадлежали къ разряду конныхъ казаковъ. Но безсемейные, непросившіе земель, получали натурою по 24 пуда годоваго хлѣбнаго жалованья.

Царь Алексій Михайловичъ, формируя регулярное войско и желая поставить его на европейскую ногу, учредилъ и въ Сибири регулярную пѣхоту, «драгунскіе полки», вооруживъ ихъ шпагами на бандалерахъ и мушкетами съ замкàми, но уже не съ фитилями, какъ это водилось въ полкàхъ стрѣлецкихъ; каждой ротѣ дано особое знамя. Вмѣсто кавалерійскихъ, «рейтарскихъ» полковъ сформировалъ конныхъ стрѣльцовъ, и принялъ мѣры для надлежащаго вооруженія всѣхъ казаковъ и для обученія всѣхъ ихъ одинаковой выправкѣ и одинаковымъ пріемамъ, какъ и въ строевыхъ войскахъ.

Въ древнія времена, наши воины дрались храбро, но дрались кто во-чтò-гораздъ; въ нашемъ войскѣ, кажется, не было тогда никакой выправки: по-крайней-мѣрѣ исторія не сохранила намъ никакихъ объ этомъ сказаній.

Домъ Романовыхъ первый постигъ важность значенія воинскаго строя, и кàкъ ни скудна наша историческая литература сочиненіями объ этомъ царственномъ домѣ, однакожь, все-таки извѣстно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ первый позаботился составить первый воинскій уставъ. Царь Алексій Михайловичъ сталъ вводить его и въ Сибири. Кàкъ быстро тогдашняя рать успѣвала взять ружье, зарядить его и выстрѣлить въ непріятеля, чтò нынѣ — дѣло одной минуты, объ этомъ можно судить изъ слѣдующей команды того времени:

— Слушайте, ребята-молодцы:
— Фурни пясть на лопасть! (плутонгъ)
— Виль бухальцомъ на сторожу (на караулъ)!
— Торни къ ногѣ дюжо!
— Грянь на землю ражо!
— Опять торни къ ногѣ!
— Виль на сторожу!
— Широкимъ кверху: положь на плечо могучо!
— Сними съ могуча плеча!
— Широкимъ внизъ: виль на сторожу!
— Повернись бокомъ!
— Прижми къ бочевицѣ (заряду)!
— Открой пальцемъ корытцо (полку)!
— Ударь по лопатницѣ (по сумѣ)!
— Вынимай берендейку съ мякотцей (вынимай патронъ)!
— Сорви кусальцомъ берендейку (скуси патронъ)!
— Высыпь мякотцу на коротцо!
— Виль на другу сторону!
— Запусти мякотцу въ бухальцо (опусти зарядъ въ дуло)!
— Вынимай дубецъ (шомполъ)!
— Вбѣй крѣпко мякотцу!
— Дубецъ на мѣсто!

— Фурни на плечо!
— Взводи кочетки (курокъ)!
— Виль напередъ!
— Дерни за кривульку!
— Тресни вдругъ (стрѣляй)!!
— Пясть на лопасть!
— Торни межь ногъ!
— Виль кривильцомъ съ вострильцомъ!
— Наложи кривильцо на бухальцо!
— Верни кривильцомъ!
— Шурни пястью!
— Щелкни вдругъ!
— Виль на сторожу!
— Бокомъ повернись!
— Ко мнѣ передомъ!
— Повернись задомъ!
— Численка запрячься!
— Повернись передомъ!
— Численка вывернись!
— По толпѣ повернись!
— Шастай вдругъ въ толпу!
— Шастай вонъ изъ толпы!
— Пяться назадъ!
— Тулися впередъ!
— Виль впередъ!
— Виль на сторожу!
— Бухальцомъ подъ мышку!
— Ступайте, ребята, врознь!

При царѣ Алексіи Михайловичѣ началось уравненіе окладовъ стрѣлецкихъ съ казачьими, и потомъ перечисленіе первыхъ въ казаки, конныхъ въ конные, а пѣшихъ въ пѣшіе, на томъ основаніи, что и тѣ и другіе «въ царскомъ жалованьи и окладѣ ровны, а государеву дѣлу въ томъ, что ихъ писать казаками — порухи никакой нѣтъ».

Уложеніе сохранило намъ слѣдующія постановленія о казакахъ:

«Въ которое время про воинскихъ людей будутъ вѣсти и по тѣмъ вѣстямъ чаяти воинскихъ людей приходу — и въ то время зъ государевы службы ратныхъ людей ни для какихъ дѣлъ не отпускати.

«А буде... казакъ сбѣжитъ съ службы и тѣхъ, сыскивая и чиня имъ жестокое наказанье и бивъ кнутомъ, выслати въ полки къ воеводамъ съ приставы; а незаслуженное жалованье править по разсчету.

«А которые учнутъ государю бити челомъ, что имъ за старостію, или за увѣчьемъ, или за болѣзнью на государеву службу идти не мочно: и тѣхъ челобитчиковъ въ городѣхъ осматривати, и будетъ впрямъ имъ на службѣ быти не мощно — и имъ велѣть посылати, со всею службою и запасы, дѣтей своихъ, и братью и племянниковъ и внучатъ безпомѣстныхъ, которые въ государеву службу поспѣли, а никакія службы не служатъ и ни въ какіе чины не написаны: а меньши осминадцати лѣтъ никого имъ на службу въ свое мѣсто не посылати.

«Казакомъ своихъ казачьихъ «вотчинныхъ» земель никому не продавать и не сдавать.

«Со всякихъ служилыхъ людей, и съ тѣхъ людей и запасовъ, которые посланы для государевыхъ дѣлъ, мыта и перевозу и мостовщины нигдѣ не искать.

«Которые въ городѣхъ стрѣльцы, и казаки, и драгуны всякими торговыми промыслы промышляютъ, и въ лавкахъ сидятъ — и имъ съ торговыхъ своихъ промысловъ платити таможенныя пошлины, а съ лавокъ — оброкъ; а съ посадскими людьми тягла имъ не платити и служебъ не служити.

«Которые тяглые люди стали въ казаки, и денежными оклады они верстаны и кормы мѣсечными устроены — и тѣхъ черныхъ людей изъ казаковъ не имати, а быти имъ въ службѣ по прежнему.

«Тяглые люди продаютъ бѣломѣстцамъ тяглые свои дворы, а пишутъ, вмѣсто купчихъ, закладныя, и свои дворы просрочиваютъ; а тѣ люди, кому они просрочены — тѣ дворы обѣливаютъ: и чернымъ людямъ тяглыхъ своихъ дворовъ не тяглымъ людямъ не закладывати и не продавати; а кто тяглой дворъ продастъ или заложитъ бѣлымъ людемъ — и у тѣхъ тѣ дворы безденежно отбирать въ сотни.

Съ грамматъ на казацкія земли, съ судныхъ грамматъ по дѣламъ казаковъ между собою, съ управныхъ грамматъ сибирскихъ служилыхъ людей, съ грамматъ ихъ о годовомъ жалованьѣ и о безпошлинномъ торгѣ и съ ихъ проѣзжихъ грамматъ... «никакихъ пошлинъ не имать, для того, что мѣсто далнее и земли за ними государевы», или «ради службы ихъ и бѣдности».

«Которые служилые люди принесутъ изъ Сибирскаго Приказа въ Печатный Приказъ государевы грамматы о томъ, чтобъ быть имъ въ сибирскихъ городѣхъ у казаковъ въ головахъ, или въ сотникахъ, или въ атаманѣхъ — и съ тѣхъ грамматъ брать пошлины по рублю съ человѣка, потому-что посылаютъ ихъ по ихъ челобитью, а не въ неволю.

«Окупу полоненикомъ за казаковъ — по двадцати по пяти рублевъ.

«За безчестья атаманомъ и казакомъ правити противъ ихъ денежныхъ окладовъ, а которымъ идетъ кормъ — тѣмъ за безчестья править по пяти рублевъ (около 25 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей).»

Въ казакахъ считались: 1) всѣ тѣ ратные люди, которые, въ-слѣдствіе царскихъ повелѣній, командировались въ Сибирь именно на казачью службу, 2) всякихъ чиновъ люди сосланные изъ Московскаго-Царства въ Сибирь на вѣчное житье и поверстанные въ казаки; 3) тѣ изъ принадлежавшихъ къ податнымъ сословіямъ, которые добровольно записывались въ служилые люди; 4) дѣти и внуки служилыхъ людей, достигшіе совершеннолѣтія, несостоящіе въ тяглѣ и невписанные въ другой родъ службы; съ теченіемъ времени въ это же сословіе поступили и 5) тягольные люди, примкнувшіе къ казачьему сословію, безъ исключенія, однакожь, изъ подушнаго оклада; 6) родственники служилыхъ людей, поселившіеся въ деревняхъ безъ службы и послѣ снова на нее зачисленные безъ исключенія изъ подушнаго оклада, въ который они попали потому, что, во время переписи, жили по деревнямъ, и 7) выписные изъ извѣстнаго числа душъ въ пограничныхъ селеніяхъ. Петръ-Великій запретилъ верстать въ казаки ссыльныхъ, и ввелъ въ Сибири армейскіе и гарнизонные полки.

Но выше простыхъ казаковъ, драгуновъ и стрѣльцовъ стояли боярскія-дѣти, росписанныя по городамъ или считавшіяся при архіерейскомъ домѣ въ Тобольскѣ и такъ-называемые «сибирскіе дворяне»,

составлявшіе отдѣльное сословіе. «Сибирскія боярскія дѣти» были потомки поселившихся, или и поселенныхъ, въ Сибири боярскихъ дѣтей изъ московскихъ городовъ; потомъ въ это званіе производились за отличіе воеводами или губернаторами нижніе чины и даже крестьяне, служившіе въ казачьей службѣ безъ исключенія изъ подушнаго оклада; изъ боярскихъ дѣтей они повышались въ званіе сибирскихъ дворянъ городовыхъ, а уже изъ этого званія возводились въ «дворяне по московскому списку». Изъ постановленій и указовъ Петра-Великаго видно, что 1) и сибирскіе дворяне, и дѣти боярскія и казаки были—служилые люди; 2) что назначеніе ихъ было — «быть для посылокъ и службы»; 3) что въ званіе это и при немъ поступали лица изъ крестьянства и купечества; 4) что они были свободны отъ податей и всякихъ платежей; 5) что въ эти чины изъ подушнаго оклада впредь принимать никого не велѣно; 6) что сословіе сибирскихъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и казаковъ надлежитъ комплектовать только дѣтьми лицъ, принадлежащихъ къ этимъ тремъ разрядамъ казаковъ, и 7) что имъ не дозволялось ни покупать крестьянъ, ни имѣть деревень, ни принимать то или другое себѣ въ закладъ, ни совершать на нихъ какія-нибудь крѣпости. — Въ 1737 году въ Сибири оставлено по штату для гражданской службы 76 сибирскихъ дворянъ и 277 боярскихъ дѣтей: прочіе сданы въ солдаты; а состоявшимся въ 1744 году постановленіемъ пояснено, что званіе сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не представляетъ никакихъ преимуществъ и не имѣетъ никакого вліянія на потомственное значеніе.

Съ появленіемъ въ Сибири гарнизонныхъ и армейскихъ полковъ, прежняя сборная братія, казаки, отодвигаемые регулярною массою, стали болѣе-и-болѣе утрачивать свое первенство и значеніе въ краяхъ, гдѣ русское населеніе день-ото-дня разрасталось шире-и-шире Сибирское казачество удалялось въ мѣста пустынныя, къ сѣверу и на край восточныхъ границъ и уже тамъ хозяйничало между инородцами, живя въ нуждахъ въ перемежку съ довольствомъ и примѣшивая къ браннымъ подвигамъ добычу съ инородцевъ: отшельничество и карты, перенесеніе опасностей и грабежи, распространеніе предѣловъ Россіи и кабала нехристей въ рабство, шли рука-объ-руку.

Въ это время не было постоянныхъ правилъ въ опредѣленіи окладовъ денежныхъ и хлѣбныхъ; между-тѣмъ земли, отведенныя цѣлымъ казачьимъ обществамъ въ нераздѣльную вотчину, но раздѣленныя, въ послѣдствіи времени, по мірскимъ приговорамъ, посемейно, приняли характеръ частныхъ вотчинъ, какъ полная собственность каждаго казака. На это не обращали вниманія сначала, а въ-послѣдствіи отъ укрепившейся привычки, каждый казакъ сталъ уже считать себя полнымъ хозяиномъ и законнымъ распорядителемъ выдѣленныхъ ему участковъ земли, считая ихъ за наслѣдственное, личное свое достояніе. Одни продавали эти участки, другіе ихъ скупали, и вотъ въ Сибири появилось цѣлое сословіе небывалыхъ прежде помѣщиковъ-вотчинниковъ. Землевладѣльцами явились не одни казаки, но и посадскіе, и купцы, и архіерейскіе служители, и ямщики; они селили тутъ вымѣниваемыхъ, на основаніи тогдашнихъ законовъ, Азіатцевъ, и этими переселенцами воздѣлывали свои земли и утучняли свои поля. Нечего уже и говорить про тотъ служилый людъ, гражданскихъ властей, въ рукахъ которыхъ была полная возможность устроить свои дѣла очень-хорошо. Люди вообще съ вліяніемъ успѣ-

вали записывать при ревизіяхъ, въ видѣ своихъ крѣпостныхъ людей, то бѣглыхъ, то ссыльныхъ.

Наконецъ эти продѣлки открылись, и императрица Екатерина-Великая рѣшилась прекратить безпорядки и злоупотребленія. При открытіи намѣстничествъ, она замѣтила 22 января 1782 г. генерал-губернатору Кашкину, что «въ Сибири нѣтъ недвижимыхъ дворянскихъ имѣній»; но, несмотря и на это выраженіе, зло продолжало еще свое существованіе, и только со временъ Императора Александра Павловича всѣ мнимыя и незаконными путями возникшія дворянскія имущества и господскія села угасли и исчезли, обратившись въ государственное достояніе.

Во времена Петра-Великаго, и послѣ него, слово «казакъ» означало два совершенно-противоположные рода служилыхъ людей — или военно-полицейскихъ служителей въ сибирскихъ городахъ, или чистыхъ ратниковъ въ пограничныхъ мѣстахъ, а различіе въ именованіи прежнихъ отдѣльныхъ государевыхъ службъ стало теряться, кромѣ одного регулярнаго войска. Исключительное же названіе казаковъ, какъ людей, поставленныхъ въ необходимость употреблять носимое оружіе въ дѣло противъ враговъ отечества — воспріяло свое начало при учрежденіи пограничныхъ линій.

Постоянными врагами нашими на югѣ тогдашней Сибири, вплоть до самаго Енисея, были Киргизы, раздѣлявшіеся на три орды, Малую, Среднюю и Большую. Существенной связи между этими тремя ордами не было, и идея единства Киргизовъ не была утверждена ни на какомъ твердомъ основаніи. Одно понятіе о смежности и естественная зависимость болѣе-слабыхъ родовъ отъ болѣе-сильныхъ, да развѣ необходимость внѣшней обороны, давали имъ подобіе нѣкотораго единства. Каждая орда имѣла своихъ хановъ, но власть ихъ, въ мирное время ничтожная, только при опасностяхъ внѣшняго нападенія являлась съ нѣкоторою силою. Опасности эти для каждой орды были различны — каждая имѣла своихъ враговъ: Малая-Орда — съ одной стороны Башкировъ, а съ другой Хивинцовъ и Бухарцовъ, Средняя-Орда — Монголовъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Калмыковъ и Дзюнгорцовъ, и кочевавшихъ на полуденной сторонѣ Алтайскихъ-Горъ, отъ верховьевъ Иртыша до рѣки Или. Народъ этотъ былъ самостоятельный; предводители его — Алтынъ, Мергенъ, Лоджанъ, Цеценъ-ханъ и другіе, вѣроломствовали передъ русскими и своевольно нарушали присягу на подданство. Кочевья этого народа простирались отъ Иртыша до Томска: вся нынѣшняя, такъ-называемая въ положительныхъ законахъ, Колыванская-Область государева была въ его владѣніи. Даже и тогда, когда русское оружіе проникло и въ эти мѣста, калмыцкіе караваны проходили до Томска, гдѣ и было складочное мѣсто. Сосѣдство Калмыковъ съ Киргизами и частые споры возбуждали между ними битвы, съ перемѣннымъ счастіемъ, то на ту, то на другую сторону. Междоусобныя ихъ войны и грабительства поддерживали въ обоихъ народахъ воинственный духъ, тѣмъ болѣе для нашего правительства непріятный, что конечнымъ результатомъ ихъ обоюдныхъ дракъ было разореніе нашихъ русскихъ волостей, уже на нашей, русской землѣ. Вторженія и Калмыковъ и Киргизовъ въ Сибирь, всегда жестокія и всегда опустошительныя, простирались съ одной стороны до Томска и Красноярска, а съ другой доходили до Барабы и до Тары.

Эти обстоятельства и подали поводъ къ учрежденію «сибирской линіи» : рѣка Иртышъ принята была за естественный ея предѣлъ. Эта сибирская линія тянется нынѣ отъ рѣки Тобола или отъ Звѣриноголовской-Крѣпости почти до самаго Нор-Зайсана. Одна часть этой линіи, отъ границъ Оренбургской-Губерніи до крѣпости Омска, называлась прежде, да и ныньче называется иногда, «ишимскою-линіей», а отъ Омска далѣе вверхъ по Иртышу «иртышскою-линіей». Отъ этой послѣдней, при Усть-Каменогорскѣ, отдѣляется особая линія; она имѣетъ направленіе къ сѣверо-востоку, простирается чрезъ Бійскъ до Кузнецка и называлась прежде «бійскою-линіей» : она охватываетъ площадь земли, въ которой кочуютъ наши алтайскіе инородцы, полные наши подданные и двоеданцы.

Основаніе сибирской линіи положено въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1716 году построены были крѣпости Омская и Желѣзинская, а въ 1725, составленъ штатъ для пяти крѣпостей и протянута линія форпостовъ, редутовъ и маяковъ. Ненадобно, однакожь, предполагать, будто въ понятіи о «линіи» содержится и понятіе о «границѣ»: границъ русскому оружію и русской власти здѣсь никто не полагалъ; изъ русскаго царства до китайскаго города Чугучака только два шага, въ Киргизской же степи правительство наше не строитъ городовъ, довольствуясь только основанными тамъ небольшими русскими колоніями.

Со времени учрежденія крѣпостей по Иртышу, къ нимъ приписаны были, изъ общаго числа служилыхъ людей, около 800 душъ подъ исключительнымъ наименованіемъ казаковъ. До 1737 года они, кромѣ провіанта и фуража, получали денежнаго жалованья по четыре рубля, но съ этого времени, по распоряженію вновь-возстановленнаго Сибирскаго-Приказа, окладъ этотъ уменьшенъ до 3 р. 31½ коп. При дальнѣйшемъ распространеніи нашихъ крѣпостей въ этихъ мѣстахъ, находящіеся здѣсь казаки стали болѣе и болѣе усвоивать себѣ названіе «линейныхъ» въ отличіе отъ «городовыхъ», приписанныхъ къ Сибирскимъ городамъ. Въ 1754 году, по сенатскому указу, линейнымъ казакамъ денежные оклады были увеличены свыше 6 рублей, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличена и выдача ржи и овса; окладъ офицерскихъ чиновъ не превышалъ 20 руб.; заведеніе у всѣхъ казаковъ лошадей, одежды и вооруженія оставалось на обязанности самихъ казаковъ; до 1759 года всѣ казаки были въ непосредственной зависимости губернскаго начальства.

Между-тѣмъ, когда послѣ смутъ и волненій Джунгаровъ съ Китайцами, Галдан-Церенъ началъ сосѣдствомъ своимъ наводить безпокойства и на нашихъ пригграничныхъ обитателей, въ Сибирь снова были введены регулярныя войска изъ Россіи подъ начальствомъ генерал-майора Киндермана. Пять полковъ, пришедшихъ съ нимъ въ 1745 г. (именно два пѣхотные — ширванскій и нотебургскій и три драгунскіе — вологодскій, луцкій и олонецкій), распространились отъ самаго Тобольска по Иртышу и далѣе по линіи колывано-кузнецкой. Хотя безпокойства отъ Галдан-Церена и быстро миновались, но тѣмъ не менѣе правительство наше признало за необходимое вполнѣ обезпечить состояніе нашей «линіи» въ военномъ отношеніи, и, разселяя болѣе-и-болѣе казаковъ, ввело ихъ, наконецъ, въ зависимость отъ власти военной, тогда-какъ казаки, болѣе-отдаленные отъ «линіи» по-прежнему состояли въ полномъ распоряженіи гражданскихъ чиновъ и употреблялись ими

всегда какъ на дѣйствительныя потребности управленія, такъ и для собственныхъ, личныхъ услугъ, что́, по привычкѣ, продолжалось довольно-долго.

По-мѣрѣ-того, какъ «линія» наша расширялась и населялась, набѣги Киргизовъ и Калмыковъ на наши земли стали дѣлаться рѣже и рѣже, а обоюдныя ихъ горячія драки ограничивались уже однѣми стычками, но наконецъ и это прекратилось, съ покореніемъ, въ 1754 году, Китайцами Калмыковъ.

Съ этого времени граница Китайской Монголіи закрылась: устроены пограничные города, образована бдительная стража, и сношенія наши со стороны Алтая съ Поднебесною-Имперіею прекратились навсегда къ полному нашему удовольствію, оправдываемому тѣмъ, что въ то время еще не предвидѣли важныхъ послѣдствій этой дипломатіи.

Вторженія Калмыковъ за Алтайскія-Горы пресѣклись, и бійская линія, то-есть Бійскъ и Кузнецкъ, съ другими посредствующими крѣпостями, войдя далеко въ черту центральнаго сибирскаго населенія, сдѣлалась совершенно-излишнею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ торговля китайская, производившаяся прежде при посредствѣ Калмыковъ, пресѣклась и умалилась, если не совсѣмъ, то весьма-ощутительно. Томскъ, Тара и самый Тобольскъ—города нѣкогда торговые, потеряли свою силу: на ихъ счетъ усилилась далекая Кяхта. Только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, въ-слѣдствіе настоятельныхъ мѣръ высшаго правительства о развитіи торговли нашей съ этого пункта, и непреложныя, ежегодно обнародываемыя цифры доказали, какихъ блистательныхъ результатовъ можемъ и должны мы ожидать въ будущемъ отъ торговыхъ операцій съ этой стороны, если не съ Китаемъ, то по-крайней-мѣрѣ съ среднеазійскими владѣніями.

Но если, за сто лѣтъ назадъ, трудно было предвидѣть важность значенія рѣкъ на западѣ — Иртыша, а на востокѣ—Амура, по-крайней-мѣрѣ окончаніе дѣлъ Китайцевъ съ Калмыками имѣло для насъ то чрезвычайно-важное послѣдствіе, что Киргизы, отрѣзанные отъ Монголіи рядомъ крѣпостей и сильною стражею, а отъ Россіи «сибирскою линіей», потеряли всѣ способы къ вторженію въ наши предѣлы. Воинственный духъ ихъ постепенно ослабѣвалъ, ослабѣвалъ и въ настоящее время Киргизы — ни больше ни меньше, какъ ловкіе наѣздники, хорошіе барантовщики и полудикіе Ордынцы, нисколько уже для насъ неопасные.

Въ эту эпоху, эпоху хлопотъ Китайцевъ съ Джунгарами, въ эпоху безпокойныхъ заалтайскихъ сосѣдей нашихъ Даваци и Амурсаны, въ эпоху нашихъ хлопотъ съ походомъ волжскихъ Калмыковъ и безпокойныхъ дѣлъ въ верховьяхъ Оби, правительство, несмотря на военныя дѣйствія наши въ Пруссіи, зоркимъ окомъ слѣдило за всѣмъ, что́ совершалось по ту сторону горъ: оно умножало наши военныя силы по Иртышу, что такъ не нравилось Китайцамъ, повелѣвало занять мѣста отъ Устькаменогорска до Телецкаго-Озера, высылало въ Сибирь новые драгунскіе полки и старалось о благополучномъ устройствѣ дѣлъ въ далекомъ за-Уральи.

Около того же времени и въ-слѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ оказалась настоятельная надобность привести и восточную нашу границу въ почтительное положеніе. Мѣры, придуманныя для этого сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, заключались преимущественно въ томъ, чтобы во-первыхъ: для усиленія обыкновенной казачьей по-

граничной стражи, въ предѣлахъ нынѣшней Иркутской-Губерніи учредить четыре шестисотенные полка изъ селенгинскихъ Бурятъ, изъ которыхъ, однакожь, и ранѣе этого предложенія начато было формированіе воинской стражи, но только въ половинномъ числѣ; во-вторыхъ, чтобы полки эти состояли на собственномъ своемъ содержаніи, безъ особенной поддержки со стороны правительства, которое, въ замѣнъ того, отчисляло ихъ изъ подушнаго оклада и избавляло отъ взноса ясака, и въ-третьихъ, чтобъ независимо отъ этихъ шести полковъ составить четыре ландмилицкіе полка, конные, каждый въ 600 человѣкъ, которыхъ, по предложенію Соймонова, надлежало отчислить отъ 11,000 земскихъ казаковъ Тобольской-Провинціи и поселить ихъ съ женами и дѣтьми въ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ краѣ для охраненія границы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для хлѣбопашества.

Планъ этотъ былъ утвержденъ (1764 г.), но не вполнѣ. Послѣдній пунктъ, то-есть составленіе ландмилицкихъ полковъ изъ переселяемыхъ казаковъ, не былъ уваженъ, потому-что Военная-Коллегія сочла несовмѣстнымъ смѣшивать оборону границы съ крестьянскимъ занятіемъ и полагала за безполезное — въ одномъ краю разорять полный составъ казаковъ, выбранныхъ на службу изъ 110,000 душъ крестьянъ, а въ другомъ краю худо ихъ упрочить. Военная-Коллегія весьма-справедливо и основательно разсуждала, что переселеніе это и переходъ семьями не могли совершиться безъ огромныхъ тратъ со стороны казны и безъ весьма-чувствительныхъ потерь и лишеній со стороны самихъ переселенцевъ.

Въ замѣнъ этого Военная-Коллегія, съ Высочайшаго утвержденія, положила учредить въ Сибири изъ выходцевъ русскихъ, выводимыхъ изъ Польши, семь ландмилицкихъ полковъ, пять пѣхотныхъ, противъ пѣхотныхъ мушкатерныхъ, и два конные, противъ карабинерныхъ; пребываніе ихъ назначено въ предѣлахъ нынѣшней Восточной-Сибири, около Иркутска, Селенгинска и Нерчинска.

Въ это же время подобныя же мѣры предприняты были и въ предѣлахъ нынѣшней Западной-Сибири, съ тою разницею, что здѣшнимъ ратнымъ людямъ, преимущественно русскимъ, съ потомками прежней Литвы, Поляковъ и нѣмцевъ, присвоено было названіе «казаковъ линейныхъ», потому-что они занимали линію крѣпостей, а въ восточной части Сибири—«пограничныхъ», потому-что они занимали тамъ границу.

Со вступленіемъ на губернаторство Чичерина, Линія-Бійская, развѣтвлявшаяся на два отдѣла, Колыванскую и Кузнецкую, была заселена преимущественно выходцами изъ Польши, а собственно Иртышская-Линія заселялась частію колодниками, переводимыми туда (1761 года) первоначально для починки и передѣлки крѣпостныхъ строеній, частію изъ отставныхъ полковыхъ нижнихъ чиновъ, съ производствомъ провіанта и прочаго установленнаго снабженія; этимъ нижнимъ чинамъ, кромѣ денежной ссуды, отводилось для пашни отъ двадцати до тридцати десятинъ земли (1762 г.), а для бо́льшаго усиленія нашей пограничной черты на югѣ положено начало укрѣпленій по рѣкѣ Бухтармѣ (1763 г.). Численность сибирскихъ казаковъ и воинственный духъ ихъ мало-по-малу поддерживались разселенными между ними, во времена императрицы Екатерины, частицы Донцовъ (1760) и полуторыхъ сотень Запорожцевъ (1770 г.). Въ-послѣдствіи (въ 1775 г.) въ число казаковъ были включены и водворенные по близости линій

ссыльные, а при императорѣ Павлѣ-Первомъ въ составъ казачьяго войска вошли двѣ тысячи малолѣтковъ, родившихся отъ солдатъ, поселенныхъ въ Тобольской-Губерніи.

Въ-продолженіе этого времени, правительство наше, справедливо убѣждаясь, что въ Сибири менѣе всего можно ожидать «вторженій непріятельскихъ», и что главнѣйшія заботы, которыхъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, не имѣютъ никакой связи съ врагами «внѣшними», выводило оттуда полевыя регулярныя войска и уже въ послѣднее время сосредоточило строевые отряды и главныя воинскія силы въ извѣстныхъ пунктахъ. Къ тому же времени вывода войскъ надобно отнести и конечное разграниченіе казаковъ «линейныхъ» отъ «городовыхъ»: первые, раздѣленные на полки, изъ которыхъ въ настоящее время состоитъ Линейное-Казачье-Войско, вполнѣ подчинились военному управленію; вторые, занятые внутренними распорядками и исполненіемъ различныхъ полицейскихъ обязанностей, остались, и остаются до-сихъ-поръ, въ полной зависимости отъ гражданской власти.

О прочной организаціи и объ обезпеченіи участи первыхъ, линейныхъ, казаковъ заботливо и усердно старались генерал-губернаторъ Селифонтовъ и корпусные командиры Глазенапъ и Капцевичъ. Въ 1808 году этимъ казакамъ дано было окончательное образованіе (въ это время ихъ считалось до 6,200 человѣкъ), а въ 1822 году положеніе о линейныхъ казакахъ было дополнено нѣкоторыми постановленіями, съ раздѣленіемъ линейнаго войска на десять пятисотенныхъ казачьихъ полковъ съ двумя конными казачьими артиллерійскими ротами.

Что жь касается до сибирскихъ «городовыхъ казаковъ», то они, по пространству Сибири и по роду ея населенія, всегда находились въ составѣ мѣстной полиціи, и потому служба, отправляемая ими по гражданской части, была многоразлична: они содержали караулы при казенныхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, находились при губернскихъ и уѣздныхъ властяхъ на посылкахъ, удовлетворяли надобностямъ городскихъ и земскихъ полицій, относительно благоустройства и хозяйства въ городахъ и по уѣздамъ, понуждали разсѣянныхъ всюду инородцевъ ко взносу ясака, содержали караулы при тюремныхъ острогахъ, имѣли надзоръ за ссыльными при казенныхъ работахъ, препровождали казенные транспорты, употреблялись въ разныя должности при винокуренныхъ заводахъ, при соляныхъ озерахъ и заводахъ, и исправляли разныя другія порученія.

Несмотря, однакожь, на это, городовые казаки, въ общемъ составѣ своемъ, не имѣли никакого правильнаго устройства, ни даже вѣрнаго обезпеченія своей участи, будущности, настоящаго существованія при добросовѣстномъ и вѣрномъ исполненіи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. До 1822 года они получали и весьма-малое и весьма-неуравнительное содержаніе.

Управленіе, распредѣленіе и снабженіе казаковъ основано было на штатѣ, составленномъ въ 1737 году бывшимъ Сибирскимъ-Приказомъ. На основаніи этого штата всѣ казаки раздѣлены были на команды, сообразно нуждамъ того времени и тогдашнему населенію Сибири; равномѣрно и содержаніе ихъ опредѣлено было, по различію существовавшихъ тогда въ разныхъ мѣстахъ цѣнъ, различное; окладъ офицерскаго жалованья не превышалъ двадцати рублей ассигнаціями; провіантъ и фуражъ выдавались имъ тоже по особому, для каждаго

мѣста, положенію, между-тѣмъ-какъ обзаведеніе лошадьми, одеждой и вооруженіемъ оставалось на собственномъ иждивеніи казаковъ.

Съ теченіемъ времени, съ болѣе-строгимъ надзоромъ правительства за дѣйствіями служилаго народа въ далекой Сибири, съ постояннымъ прекращеніемъ и исчезновеніемъ негласныхъ оброчныхъ статей и средствъ къ легкой наживѣ, но въ то же время и съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія, городовые казаки стали бѣднѣть, болѣе и болѣе впадать въ изнуреніе, а наконецъ и совсѣмъ обнищали.

Поименованныя нами выше причины этого явленія усугублялись еще и тѣмъ, что нормальная цифра годоваго оклада оставалась неизмѣняемою и будучи, можетъ-быть, когда-нибудь очень-давно, достаточною для покрытія всѣхъ издержекъ существованія, оказалась въ-послѣдствіи столь ничтожною, что изъ нея трудно было придумать сдѣлать какое-нибудь употребленіе. Земли, которыя, по распоряженію правительства, должны были быть отведены казакамъ — не были имъ отведены; городовые казаки не имѣли ни ближайшаго начальства, ни опредѣленныхъ обязанностей; они часто перемѣщались съ мѣста на мѣсто и, непрерывно продолжая службу въ отдаленіи отъ своихъ семействъ, не имѣли возможности заниматься своимъ хозяйствомъ, еслибъ какой-нибудь счастливый случай дѣйствительно и послалъ имъ «свое» хозяйство.

Это несчастное время давно миновало и давно уже вышло у всѣхъ изъ памяти; не намъ, казалось бы, и вспоминать о немъ: напротивъ, мы того мнѣнія, что настоящее положеніе казаковъ въ Сибири, какъ результатъ заботливыхъ стремленій правительства о благосостояніи края, лучше всего указываетъ на то различіе, какое мы встрѣчаемъ во всемъ между настоящимъ и прошлымъ.

Это «прошлое» для цѣлой Сибири было грустное и горькое, а вліяніе его на городовыхъ казаковъ было то, что казаки, ставъ нищими въ-отношеніи къ средствамъ существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ стали нищими духомъ, начали нравственно падать, и изъ потомковъ покорителей Сибири обратились-было въ притѣснителей низшаго и слабаго класса народонаселенія; воинскій духъ въ нихъ исчезъ, нравственная сила истощилась, и слово «казакъ» не внушало уже къ себѣ никакого ни почтенія, ни расположенія въ народѣ.

Много усилій предстояло высшему правительству поднять и сословіе казаковъ и значеніе ихъ въ общемъ мнѣніи; наконецъ, только въ наше столѣтіе, мы видимъ постепенное достиженіе этой цѣли. Начало этому положила императрица Екатерина-Вторая (1773): она изъискивала всѣ способы дать сословію городовыхъ казаковъ, по возможности, прочное обезпеченіе. Въ числѣ разныхъ мѣръ, придуманныхъ для этой цѣли, самою дѣйствительною былъ указъ о нарѣзкѣ казакамъ опредѣленнаго числа десятинъ на душу; указъ этотъ былъ повторяемъ неоднократно.

Съ этихъ поръ заботы о казакахъ и благодѣтельныя на счетъ ихъ распоряженія были постоянны: въ 1804 году бывшій сибирскій генерал-губернаторъ Селифонтовъ представлялъ тоже о необходимости преобразованія положенія городовыхъ казаковъ. Съ того времени, по назначенію высшаго правительства, составлены мѣстнымъ начальствомъ, гражданскимъ и военнымъ, разныя по этому предмету предположенія,

и наконецъ, въ 1806 году, былъ изготовленъ «проектъ» окончательнаго устройства городовыхъ казаковъ съ изложеніемъ началъ, которыми предполагалось обезпечить это сословіе и которыя казались вполнѣ-приспособленными къ мѣстнымъ потребностямъ.

Съ 1822 года эта вожделѣнная перемѣна настала и для казаковъ, вмѣстѣ съ цѣлой Сибирью.

Нынѣшніе сибирскіе казаки.

Въ настоящее время *Сибирскіе Городовые Казаки* составляютъ отдѣльную отъ прочаго сибирскаго населенія корпорацію—нѣчто въ родѣ военно-полицейской команды, предназначенной уже не для воинскихъ подвиговъ, а сформированныхъ исключительно для исполненія разныхъ административныхъ порученій. По своему положенію, они совершенно усвоили себѣ характеръ того, что̀ мы вообще разумѣемъ подъ полицейскою стражею, въ обширномъ смыслѣ; это родъ не воиновъ, но и не крестьянъ или чиновниковъ, а отдѣльнаго сословія, съ правомъ и обязанностью носить оружіе, какое случится по роду возлагаемаго порученія и исполнять службы, которыя будутъ имъ предстоять; они состоятъ внѣ зависимости отъ воинской власти и, въ дѣлахъ суда, подвѣдомственны гражданскому правительству.

Городовые казаки съ своими офицерами находятся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ исправниковъ и гражданскихъ губернаторовъ; они носятъ усы, а иные рядовые — и бороды, но не имѣютъ эполетъ; офицеры ихъ не имѣютъ права носить кокардъ на фуражкахъ, или—по мѣстному выраженію—«на картуза̀хъ»; одежду имѣютъ они воинскаго покроя, но надѣваютъ и халаты, азямы или армяки, и за службу производятся въ гражданскіе чины; званіе «городоваго» казака пріобрѣтается рожденіемъ въ казачьемъ сословіи. Прежніе «атаманы» нынѣ переименованы въ «сотенные начальники», пользующіеся, за-урядъ, правами чиновника XIV класса, то-есть, почетнымъ гражданствомъ, а «атаманъ» есть званіе, принадлежащее командиру цѣлаго полка; атаманы за-урядъ состоятъ въ IX классѣ гражданской службы, если дѣйствительною службою не пріобрѣли чина равнаго или высшаго.

По существующимъ законоположеніямъ, городовые казаки раздѣляются на два разряда: одни управляются въ составѣ «полко̀въ», другіе же— въ составѣ «станицъ». Въ составѣ «полковъ» управляются казаки, неимѣющіе хозяйства, а безпрерывно отправляющіе разныя обязанности по службѣ; во уваженіе этого обстоятельства они и получаютъ свое продовольствіе отъ казны, то-есть, денежные оклады, провіантъ и фуражъ. Въ составѣ «станицъ» управляются казаки постоянно-водворенные, отправляющіе по очередямъ службу въ мѣстахъ своего жительства и отнюдь не далѣе полуторыхъ-сотъ верстъ отъ станицы. Будучи свободны отъ платежа государственныхъ податей и отъ земскихъ сборовъ и постоянно занимаясь хлѣбопашествомъ и промышленостью всякаго рода, равно какъ и ремеслами, станичные казаки, въ-слѣдствіе того, не получаютъ отъ казны продовольствія.

Во всѣхъ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ изъ сословія городовыхъ казаковъ сформировано семь полковъ, которымъ присвоены названія сообразно съ занимаемою мѣстностью; три изъ нихъ расположены въ

Западной-Сибири, а четыре въ Восточной-Сибири. Полки эти, каждый подъ управленіемъ особаго атамана, суть:

1) «Тобольскій-городовой-казачій-полкъ», шестисотенный, расположенный въ Тобольской-Губерніи.

2) «Сибирскій-татарскій-городовой-казачій-полкъ», пятисотенный, составленный исключительно изъ мухаммеданъ и расположенный въ Тобольской же Губерніи.

3) «Томскій-городовой-казачій-полкъ» состоитъ изъ пяти сотень и расположенъ въ Томской-Губерніи.

4) «Енисейскій-городовой-казачій-полкъ», пятисотенный же, расположенъ въ предѣлахъ Енисейской-Губерніи.

5) «Иркутскій-городовой-казачій-полкъ», въ пять сотень, занимаетъ въ Иркутской-Губерніи пространство по-сю-сторону озера Байкала.

6) «Забайкальскій-городовой-казачій-полкъ», тоже въ пять сотень, занимаетъ въ Иркутской-Губерніи пространство по ту сторону Байкала.

и 7) «Якутскій-городовой-казачій-полкъ», пятисотенный, расположенъ въ разныхъ пунктахъ Якутской-Области и Охотскаго-Приморскаго-Управленія.

Изъ числа этихъ семи полковъ первые шесть — конные, а послѣдній, якутскій, пѣшій; къ составу тобольскаго-городоваго-полка причисляется еще «пелымская-пѣшая-станичная-казачья-команда», а къ составу якутскаго-полка—особая «камчатская-казачья-команда», человѣкъ изъ тридцати рядовыхъ съ четырьмя урядниками.

Каждой отдѣльной части казачьяго полка предоставляется право перехода на станичное положеніе, если она пріиметъ на себя исполненіе и прежнихъ обязанностей.

Вообще закономъ постановлено, чтобъ переводъ изъ полковъ въ станицы не былъ производимъ безъ желанія самихъ казаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещенъ и переходъ частный, не цѣлыми командами.

Для довольствія казаковъ въ полкахъ принятъ въ основаніе штатъ, утвержденный въ 1808 году для линейныхъ казаковъ Западной-Сибири, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ, но съ непремѣннымъ исполненіемъ предписаній правительства объ отводѣ казакамъ надлежащихъ участковъ земель; выдача провіанта и фуража установлена единообразная, а вооруженіе и одежда оставлены, какъ обыкновенно, на попеченіи самихъ казаковъ.

Чтобъ еще болѣе облегчить казакамъ вооруженіе по предписанной формѣ, правительство въ разныя времена даровало имъ, въ видѣ особенной милости, надлежащее количество сабель и ружей, избавивъ чрезъ то казаковъ отъ личныхъ расходовъ.

Казаки тобольскаго-полка обладаютъ уже отведенными имъ землями въ Тобольскомъ, Туринскомъ и Тюменскомъ Округахъ; сверхъ-того многіе пользуются землею наравнѣ и вмѣстѣ съ крестьянами въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ сами они живутъ, а поселенные въ городахъ владѣютъ, наравнѣ съ горожанами, выгонными участками; тѣмъ же изъ казаковъ, которые расположены въ Березовѣ, Сургутѣ, Нарымѣ и другихъ, предоставлено полное право заниматься звѣриными и рыбными промыслами, въ свободное отъ службы время. Казаки-мухаммедане не имѣютъ отдѣльной земли, но пользуются ею наравнѣ съ тѣми единовѣрцами, съ которыми они живутъ вмѣстѣ, въ однихъ и тѣхъ же юртахъ (деревняхъ).

Вообще же объ этомъ предметѣ хозяйства городовыхъ казаковъ замѣтить надобно, что:

1) Вблизи мѣстъ, назначенныхъ для постояннаго жительства полковъ, отводятъ изъ пустопорожнихъ, или оброчныхъ, казенныхъ земель, для хлѣбопашества и скотоводства, по пятнадцати десятинъ на человѣка, и отведенная такимъ-образомъ земля зачисляется казакамъ, вмѣсто выдачи провіанта натурою, въ число положенной пропорціи.

2) Если казаки своими трудами разсчистятъ лѣса или осушатъ болота, то и эти земли остаются въ ихъ владѣніи, хотя бы и превышали положенную пропорцію, и

3) Въ мѣстахъ квартированія полковъ имъ позволено строить домы и хозяйственныя заведенія и пользоваться всѣми выгодами промышлености, наравнѣ съ другими обывателями.

Городовые казаки исправляютъ слѣдующіе многоразличные роды службъ:

I. По дѣламъ полицейскимъ, на ихъ обязанности лежатъ 1) ночные полицейскіе разъѣзды по городамъ; 2) поимка бѣглыхъ въ городахъ и уѣздахъ; 3) конвой казенныхъ транспортовъ; 4) пикеты и разъѣзды около заводовъ, фабрикъ и на частныхъ золотыхъ пріискахъ, въ предупрежденіе побѣговъ ссыльныхъ; 5) препровожденіе ссыльныхъ на этапную дорогу; 6) составленіе конной стражи на этапахъ; 7) исправленіе особенныхъ порученій и разныхъ посылокъ при лицѣ чиновниковъ, начиная отъ засѣдателя земскаго суда до генерал-губернатора; 8) охраненіе соляныхъ озеръ; 9) побужденіе къ платежу податей, взносу недоимокъ и исправленію повинностей; 10) наблюденіе за благочиніемъ на сельскихъ и инородческихъ ярмаркахъ; 11) отправленіе должностей квартальныхъ надзирателей въ городахъ; 12) наблюденіе за тишиною въ казенныхъ поселеніяхъ и на дѣйствующихъ частныхъ золотыхъ пріискахъ для поддержанія дисциплины въ рабочихъ и прочее.

II. По дѣламъ хозяйственнымъ имъ поручается: 1) развозка, храненіе и продажа отъ казны предметовъ продовольствія въ отдаленныхъ сѣверныхъ мѣстахъ, по установленнымъ правиламъ; 2) сборъ податей съ инородцевъ; 3) разныя порученія при казенныхъ заготовленіяхъ; 4) разныя порученія на заводахъ, фабрикахъ на казенныхъ и на частныхъ промыслахъ, по части землемѣрной и строительной.

III. Въ замѣнъ другихъ командъ, городовые казаки употребляются: 1) въ пограничные караулы и разъѣзды, гдѣ не устроено особой пограничной стражи; 2) въ караулы при казенномъ имуществѣ, гдѣ не находится, или недостаточно внѣшнихъ командъ; 3) вмѣсто почтальйоновъ въ случаѣ ихъ недостатка, въ отдаленныхъ малолюдныхъ краяхъ; 4) въ счетчики по казначейству, при ихъ недостаткѣ; 5) въ тягу лодокъ по рѣкамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ; 6) по особымъ распоряженіямъ главнаго управленія употребляются въ замѣнъ воинскихъ командъ по обязанностямъ внутренней стражи.

Состоя при должностяхъ, городовые казаки находятся въ непосредственной зависимости того начальства, которому подвѣдомственъ предметъ ихъ должности.

Не касаясь выгодъ положенія, которыя неразрывно связаны съ замѣщеніемъ городовыхъ казаковъ въ нѣкоторыя должности, или тѣхъ преимуществъ, которыми они пользуются на службѣ, свидѣтельствующей о трудахъ и о лишеніяхъ, возьмемъ для примѣра самую тяжкую, повидимому, ихъ службу собственно при частныхъ золотопромышле-

никахъ, имѣющихъ право требовать себѣ казаковъ для содержанія порядка между рабочими.

Оставивъ и въ этомъ случаѣ въ сторонѣ вознагражденіе, которымъ обезпечены казаки со стороны правительства, прослѣдимъ въ краткихъ словахъ весь походъ казаковъ изъ сборнаго мѣста въ тайгу и возвратный ихъ путь оттуда.

Городовой казакъ отправляется на пріиски обыкновенно въ крестьянскомъ нижнемъ платьѣ; сверху накидываетъ верблюжій азямъ и надѣваетъ форменную фуражку — единственное отличіе его, въ пути, отъ прочаго простонародья; саблю и ружье онъ беретъ съ собой и на своей лошади (если она есть у него), или на лошади самого золотопромышленника пріѣзжаетъ на пріискъ верхомъ, по дорогѣ болѣе или менѣе мучительной, но къ которой со вторыхъ сутокъ здѣсь такъ привыкаютъ, какъ мы привыкаемъ къ торцевой мостовой.

Здѣсь ему отводятъ приличное помѣщеніе для защиты отъ вѣтра и непогоды и даютъ продовольствіе, иногда наравнѣ съ прикащиками, и всегда выше довольствія рабочаго. Лошадь казака, если онъ согласенъ, нанимаютъ для работъ на фабрикѣ, съ платою отъ 23 до 70 копеекъ сереб. поденщины, смотря по мѣсту, и во всякомъ случаѣ кормятъ ее на хозяйскій счетъ, пасутъ въ горахъ, и время-отъ-времени выдаютъ опредѣленныя порціи сухарей, овса и сѣчки, смотря по заведенному порядку.

На пріискѣ казака ожидаютъ вотъ какія обязанности: наблюдать, чтобъ рабочіе не похищали золота; прекращать продажу золота на чужіе пріиски; предотвращать картежную игру на краденное золото; открывать винную контробанду въ складкахъ платья рабочаго; отвращать побѣги работниковъ, ловить ихъ и доставлять по принадлежности; находиться при лицѣ золотопромышленника, хозяина или главноуправляющаго; надзирать за работами и послушаніемъ поселенцевъ и крестьянъ; быть на неважныхъ посылкахъ; сопровождать тѣхъ, кто постарше, въ прогулкахъ и въ дѣльныхъ поѣздахъ, и проч.

Съ самаго вступленія на частные пріиски, городовой казакъ замѣчаетъ, что, при обыкновенной тишинѣ, у распорядителя пріисковыхъ работъ, сколько-нибудь уважающаго справедливость и человѣколюбіе, ему рѣшительно почти нечего дѣлать, и онъ, отъ скуки и бездѣлья, предлагаетъ свои услуги хозяину, за частное вознагражденіе, быть возчикомъ, мыть золото или наблюдать за техническою частію, въ родѣ прикащика.

Лѣнивъ онъ, или усерденъ, во всякомъ случаѣ, онъ состоитъ въ полномъ повиновеніи къ управляющему пріискомъ, какъ мѣстному хозяину, и исполняетъ его приказанія. Въ этихъ занятіяхъ проходитъ весь періодъ лѣтнихъ работъ.

Во все время пребыванія своего на пріискѣ, казакъ, какъ здѣшній, такъ и посторонній, пріѣзжающій съ посылками отъ мѣстной власти и другихъ чиновъ, получаетъ, въ видѣ «гостинца», безъ всякой идеи о подкупѣ, который тутъ даже невозможенъ, хорошіе сапоги, нѣсколько аршинъ холста, сукна, плиса, азямъ и разныя носильныя вещи.

При оставленіи пріиска, городовой казакъ дѣлаетъ съ конторой разсчетъ и получаетъ слѣдующія ему суммы: за работу лошади, за его собственныя частныя услуги по фабрикѣ, ординарныя и экстраординарныя, «на праздникъ» и, наконецъ, старательскія, за сверхъ-урочную

работу. Все это идетъ ему, какъ частному наемному лицу. Какъ лицо должностное, исправлявшее добросовѣстно свои обязанности и ненадѣлавшее хлопотъ хозяину — городовой казакъ, проживъ даромъ и въ полномъ удовольствіи цѣлое лѣто на чужой счетъ, получаетъ отъ него, въ знакъ признательности, разныхъ матеріаловъ на обувь и одежду, продовольствіе на дорогу и рублей 5, 7 или 10 серебромъ денежной награды. Только самый лѣнивый и самый нерадивый ограничивается прибылью всѣхъ полученій отъ 10 до 15 руб. сер., а прилежный и трудолюбивый казакъ, смотря по мѣстности и по сопровождавшему его труды счастію, выноситъ изъ тайги отъ 40 до 80, иногда до 150, а въ бывалые годы и до 250 руб. серебромъ. — Единственную тягость этихъ откомандировокъ составляетъ верховое путешествіе, мучительное на первый разъ для людей не знакомыхъ съ тайгой; но къ нему очень-легко привыкнуть на другой же день, особенно, когда убѣдишься, что иначе и быть не можетъ, и что положеніе это дѣйствительно самое нормальное, при окружающихъ обстоятельствахъ.

Отдѣльное отъ городовыхъ казаковъ сословіе составляетъ сословіе «*Пограничныхъ Казаковъ*», равномѣрно несостоящихъ въ зависимости воинскаго начальства: они расположены на югѣ Иркутской-Губерніи (Вост. Сибири) и, облегая со всѣхъ сторонъ коронные нерчинскіе заводы, оберегаютъ какъ ихъ, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и границу нашу съ Китаемъ.

Это пограничное войско, въ существѣ своемъ, есть превосходное учрежденіе и чрезвычайно-благоразумно приспособлено къ потребностямъ края. Укажемъ на элементы, изъ которыхъ образовано это сословіе.

Въ настоящемъ своемъ составѣ, сословіе пограничныхъ казаковъ раздѣлено на шесть слѣдующихъ полковъ:

1. Русскій полкъ, въ 8 сотень (къ нему причислена нерчинская-команда.)
2. Тунгусскій — въ 5 сотенъ.
3. Полкъ Ашебагадовъ
4. — — Цонголовъ
5. — — Сортоловъ
6. — — Атагановъ

(3–6:) Эти 4 полка бурятскіе, каждый въ 6 сотень.

Начало учрежденія этихъ полковъ относится къ царствованію императора Петра II, когда, послѣ втораго разграниченія съ Китаемъ, по буринскому трактату, учреждены были на границѣ изъ селенгинскихъ Бурятъ и Тунгусовъ три полка съ пожалованіемъ имъ знаменъ.

Сословіе пограничныхъ казаковъ раздѣляется на три отдѣленія: Тункинское, Хороцайское и Цурухайтуевское. Каждое изъ нихъ завѣдывается особымъ «пограничнымъ приставомъ» или «дистаночнымъ начальникомъ» изъ русскихъ казачьихъ чиновниковъ и отличается особеннымъ количественнымъ составомъ: Цурухайтуевское-Отдѣленіе состоитъ изъ 4-хъ сотень русскихъ казаковъ и изъ всѣхъ казаковъ Тунгусовъ; Хороцайское-Отдѣленіе состоитъ изъ 3-хъ сотень русскихъ казаковъ и изъ всѣхъ казаковъ Бурятъ; остающаяся за-тѣмъ одна русская сотня состоитъ въ-вѣдѣніи Тункинскаго-Отдѣленія. Обыкновенное вооруженіе инородческихъ казаковъ составляютъ пика, сабля, костяной лукъ со стрѣлами, у многихъ есть даже ружья и винтовки, изъ которыхъ они мастерски стрѣляютъ.

Сверхъ опредѣленнаго закономъ состава полковыхъ сотень, численность ихъ естественнымъ образомъ усиливается сама-собою зачисленіемъ на дѣйствительную службу достигшихъ совершеннолѣтія казачьихъ дѣтей (такъ-что въ сотнѣ не ровно сто человѣкъ); при счетѣ же всей казачей населенности должно принимать въ соображеніе и малолѣтковъ, то-есть недостигшихъ 16-ти-лѣтняго возраста и несовершеннолѣтнихъ. Такъ на-примѣръ, въ сословіи городовыхъ казаковъ (при 36-ти сотняхъ) считается, какъ говорятъ, болѣе 12,000 душъ мужескаго пола, а казаковъ, дѣйствительно-состоящихъ на службѣ — до 8,000 душъ; въ сословіи пограничныхъ казаковъ считается всего до 10,000 душъ мужескаго пола, а служащихъ только около 4,000 душъ.

Третье, тоже совершенно-отдѣльное казачье сословіе въ Сибири составляетъ сословіе «линейныхъ казаковъ», или «*Сибирское Линейное Казачье Войско*», вновь преобразованное въ концѣ 1846 года. Войско это составляетъ исключительную принадлежность одной Западной-Сибири и занимаетъ пограничную линію Тобольской и Томской Губерній, отъ границы оренбургскаго казачьяго войска до сѣверозападныхъ предѣловъ Китайской-Имперіи и управляется «наказнымъ атаманомъ», неимѣющимъ права непосредственнаго сношенія съ Сѵнодомъ, Сенатомъ или министрами.

Народонаселеніе войска составляютъ: а) собственно сибирскіе линейные казаки и б) люди разнаго званія, зачисленные въ войско. Въ сословіе казаковъ дозволяется принимать: 1) киргизовъ сибирскаго вѣдомства; 2) вольноотпущенныхъ по узаконеннымъ безспорнымъ актамъ, и 3) людей, получившихъ свободу по окончательнымъ рѣшеніямъ присутственныхъ мѣстъ. Лица, однажды поступившія въ войсковое сословіе и ихъ потомство, остаются въ войскѣ навсегда и перемѣнять состоянія не имѣютъ права ни сами они, ни ихъ будущія поколѣнія.

Изъ общей совокупности правъ и преимуществъ, дарованныхъ вообще войску, представители его освобождаются отъ податей и поставки рекрутъ. Они могутъ, въ свободное отъ службы время, производить торговлю и промышленость внутри и внѣ войсковыхъ предѣловъ, пріобрѣтать стороннія земли и устраивать фабрики и заводы на войсковыхъ земляхъ.

Войсковое сословіе надѣлено землями въ округахъ Курганскомъ, Ишимскомъ и Омскомъ (Тобольской-Губерніи) и въ Бійскомъ и Кузнецкомъ Округахъ (Томской-Губерніи), начиная отъ редута Сибирскаго на западѣ, до редута Малонарымскаго на самомъ югѣ Томской-Губерніи, и до города Кузнецка на востокѣ, занимая такимъ-образомъ 93 редута, 21 форпостъ, 13 крѣпостей, 42 деревни, 7 большихъ селъ и 6 городовъ: Петропавловскъ, Омскъ и Семипалатинскъ, Устькаменогорскъ, Бійскъ и Кузнецкъ, считавшіеся до сего въ Колыванской-Области. Земли, занимаемыя линейными казаками, подъ общимъ выраженіемъ «Войсковой-Земли», предоставлены войску въ «общественное» владѣніе; по-мѣрѣ надобности, дальнѣйшее надѣленіе войска землями будетъ произведено въ киргизскихъ степяхъ и въ иныхъ мѣстахъ.

Мѣра поземельныхъ довольствій опредѣляется всѣмъ поровну, именно: для штаб-офицера 400 десятинъ, для обер-офицера 200, для казака 30; для каждаго церковнаго причта станичныхъ церквей — 99 десятинъ земли, способной для хлѣбопашества и скотоводства. Сверхъ-того, на каждый изъ 9-ти полковыхъ округовъ (на которые раздѣлена

Войсковая-Земля) припрѣзывается, по возможности, до 24,000 десятинъ земли въ запасъ на увеличивающееся народонаселеніе и для войсковыхъ хозяйственныхъ заведеній. Но на земли эти никто изъ лицъ войсковаго сословія не имѣетъ права полной собственности: владѣніе — только пожизненное, и притомъ, въ полный окладъ отдѣльному лицу опредѣленной пропорціи дается только $^2/_3$ пахатной и сѣнокосной земли, а остальная $^1/_3$ остается въ общественномъ пользованіи, для пастьбы скота.

Войсковое сословіе пользуется всѣми произведеніями на поверхности опредѣленной ему земли, какъ-то: лѣсами, водами и другими угодьями, кромѣ благородныхъ металловъ, которые, въ случаѣ открытія ихъ въ нѣдрахъ Войсковой-Земли, обращаются въ казну, а войску предоставляется за нихъ соразмѣрное вознагражденіе изъ суммъ государственнаго казначейства. Для общественныхъ и частныхъ выгодъ войска, ему предоставляется исключительное право пользоваться, въ предѣлахъ водворенія, рыболовствомъ. Равномѣрно дается право на рыбные промыслы во всѣхъ озерахъ и рѣкахъ Киргизской-Степи однимъ только сибирскимъ линейнымъ казакамъ, съ-тѣмъ, однакожь, условіемъ, чтобъ они не препятствовали мѣстнымъ Киргизамъ пользоваться этими водами.

Сибирское линейное казачье войско раздѣляется на 4 бригады; въ каждой изъ нихъ, кромѣ первой, по 2 полка шестисотеннаго состава, а первая бригада состоитъ изъ 3 полковъ. Всѣхъ полковъ 9, по числу которыхъ и Войсковая-Земля дѣлится на 9 полковыхъ округовъ.

Кромѣ-того, въ войскѣ полагается: 1) своя конно-артиллерійская бригада, изъ трехъ легкихъ баттарей, каждая въ 8 орудій; 2) 9 резервныхъ командъ, при каждомъ полку по одной въ 276 человѣкъ, раздѣленныхъ на 6-ть отдѣленій (по 46 казаковъ) для усиленія каждой полковой сотни и состоящихъ изъ урядниковъ и казаковъ или неспособныхъ къ фронтовой службѣ, или уволенныхъ изъ полковъ и баттарей за выслугу установленнаго 20-ти-лѣтняго срока (полный срокъ службы 30 лѣтъ); 3) особая команда войсковыхъ мастеровыхъ изъ 219 служилыхъ казаковъ, предназначенныхъ исключительно для приготовленія служащимъ нижнимъ чинамъ войска — войсковыхъ принадлежностей, амуниціи, вооруженія и прочаго, и 4) опредѣленное число нестроевыхъ чиновъ.

Вооруженіе линейныхъ казаковъ: шашка, либо сабля, драгунское ружье безъ штыка, или карабинъ, и дротикъ или пика, смотря по назначенію службы.

Обязанности войска состоятъ въ томъ, чтобъ: 1) охранять Сибирскую-Линію на всемъ протяженіи, занимаемомъ войскомъ; 2) содержать таможенную стражу на рубежѣ Киргизской-Степи; 3) защищать внѣшніе «киргизскіе-приказы» отъ хищниковъ и исполнять при нихъ полицейскія обязанности; 4) содержать въ степи военные посты и коммуникаціонные пикеты; 5) составлять лѣтніе резервы; 6) высылать отряды на томскіе золотые пріиски для полицейскаго порядка; 7) комплектовать нижними чинами жандармскія команды 8-го, сибирскаго, округа жандармовъ; 8) заселять и защищать вновь-учреждаемыя правительствомъ линіи, укрѣпленія и посты, и 9) по повелѣнію, выходить на службу, куда прикажутъ.

Резервныя команды должны: 1) составлять пограничную и таможенную стражу, въ пособіе строевымъ казакамъ; 2) отправлять, въ замѣнъ

ямщиковъ, почтовую и земскую гоньбу въ Киргизской-Степи и по всей Кордонной-Линіи; 3) помогать строевымъ казакамъ въ заготовленіи сѣна для служилыхъ лошадей, и 4) имѣть присмотръ и производить работы на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ.

Сверхъ-того, войско содержитъ внутреннее свое управленіе и отбываетъ земскія повинности, съ постоянною осѣдлостію неразлучныя, какъ-то: 1) содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ, гатей и перевозовъ въ предѣлахъ Войсковой-Земли; 2) всѣ мѣстныя обязанности, сопряженныя съ подводною и квартирною повинностью, и 3) препровожденіе арестантовъ.

Войсковые чины экипируются изъ войсковыхъ общественныхъ суммъ: тутъ считается и обмундировка, и вооруженіе, и всѣ принадлежности коннаго ратника. Жалованье же, боевые снаряды и заряды и пользованіе отъ недуговъ отнесены на счетъ казны. Для исправленія своихъ нуждъ войско получаетъ вспомоществованіе ежегодно по 6,000 руб. сер. и единовременно дано ему 30,000 руб. сер. изъ ясачныхъ суммъ въ усиленіе способовъ покрытія собственныхъ ежегодныхъ расходовъ.

Мѣстное управленіе войскомъ, смотря по большей или меньшей сферѣ дѣятельности, бываетъ «станичное», «полковое», «бригадное» и «войсковое». Выборовъ членовъ въ эти правленія цѣлымъ обществомъ въ сибирскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ не существуетъ: всѣ должности замѣщаются назначеніемъ начальства.

Не входя въ полное исчисленіе точнымъ образомъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей этого сословія въ малѣйшихъ подробностяхъ и точнымъ образомъ опредѣленныхъ окладовъ землями и денежнымъ (во время нахожденія на дѣйствительной службѣ) жалованьемъ отъ казны и изъ войсковыхъ суммъ, заключимъ наши замѣтки о линейныхъ казакахъ объясненіемъ, что полный комплектъ штатныхъ чиновъ простирается до 11,500 человѣкъ (въ томъ числѣ въ полкахъ — около 8,000 человѣкъ, въ артиллерійской бригадѣ 745 челов., въ резервахъ 2,500 челов., мастеровыхъ 220 челов. и 100 человѣкъ нестроевыхъ); общее же число всѣхъ линейныхъ казаковъ доходитъ до 30,000 душъ, въ короткое время могущихъ быть готовыми для военныхъ дѣйствій. Для образованія юношества учреждены: для дѣтей офицерскаго званія—особый, для нихъ учрежденный, эскадронъ Сибирскаго Кадетскаго Корпуса, а для дѣтей простыхъ казаковъ—54 низшія школы, по одной (на 20 учениковъ) при каждой сотнѣ. Кромѣ-того, для образованія урядниковъ, существуетъ еще, въ конно-артиллерійской бригадѣ, одна бригадная школа.

Кромѣ этихъ трехъ отдѣльныхъ казачьихъ сословій, изъ которыхъ одни только линейные подчинены Военному Министерству, а остальныя два сословія подчинены Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ Сибири есть еще одинъ разрядъ казаковъ—*Заводскіе Горные Казаки* при алтайскихъ заводахъ. Этотъ родъ казаковъ находится въ непосредственной зависимости отъ Министерства Финансовъ.

Положительные законы опредѣляютъ значеніе этихъ казаковъ слѣдующими выраженіями: «На заводахъ уральскихъ и алтайскихъ конныхъ командъ не полагается, но состоятъ разъѣздные, опредѣляемые подъ названіемъ «казаковъ» изъ заводскихъ служителей и употребляемые для разныхъ внутреннихъ по заводамъ полицейскихъ исполненій.» Такіе же разъѣздные существуютъ и на нерчинскихъ заводахъ.

Такъ-какъ особая, установленная для нихъ обмундировка отличаетъ ихъ отъ прочихъ сословій края, а численность ихъ ставитъ ихъ въ положеніе особаго отряда, между-тѣмъ, какъ права и обязанности ихъ смѣшиваются съ правами тоже отдѣльнаго сословія людей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «горной стражи», то я считаю не лишнимъ сдѣлать здѣсь слѣдующее извлеченіе изъ нашихъ узаконеній :

Алтайскій горный батальйонъ, алтайская горная стража или *линейный горный батальйонъ, на заводахъ алтайскихъ состоящій* (приписанный къ отдѣльному сибирскому корпусу и считающійся въ откомандировкѣ), и *заводскіе горные казаки* комплектуются изъ заводскихъ мастеровыхъ Горной-Области; перемѣщать ихъ изъ горнаго въ другія вѣдомства запрещается, кромѣ тѣхъ случаевъ: 1) когда нижніе чины, по болѣзни, не дослужатъ срока, положеннаго для полной отставки отъ горной службы: ихъ на это исключительно время опредѣляютъ къ вахтерскимъ и другимъ должностямъ, внѣ заводовъ; 2) когда выслужившіе положенный срокъ не будутъ, за провинности, подлежать увольненію: людей этого разряда переводятъ въ другія воинскія команды, и 3) когда они, впавъ въ преступленіе, по этому уже самому, потеряли право продолжать службу въ горномъ вѣдомствѣ Императорскаго-Кабинета: ихъ тогда размѣщаютъ въ вѣдомства постороннія. Заводскіе горные казаки обмундировываются по особо-установленной для нихъ формѣ. Дѣти мужескаго пола нижнихъ чиновъ горной стражи, или ихъ вдовъ и не замужнихъ дочерей, поступаютъ навсегда въ горное вѣдомство; получаютъ опредѣленный провіантъ и записываются въ заводскія школы (а мы имѣли уже случай сказать, что въ одной Колыванской-Области считается горныхъ училищъ 17: три высшія и 14 низшихъ. Комплектъ учениковъ положенъ въ 1355 человѣкъ). Участь лицъ, составляющихъ это сословіе, обезпечена положительными законами какъ въ-отношеніи пользованія ихъ во время болѣзни, такъ и въ-отношеніи пенсій, по окончаніи службы.

Что же касается до казаковъ на нерчинскихъ заводахъ, то они не составляютъ отдѣльнаго сословія : они приписаны къ пограничному казачьему войску и комплектуются изъ русскихъ пограничныхъ казаковъ. Обязанности этихъ казаковъ чисто-полицейскія. Во время службы на заводахъ (съ 15-го марта по 15-е ноября) они находятся въ полной зависимости «коменданта нерчинскихъ заводовъ», а въ прочее время—«троицко-савскаго пограничнаго управленія и иркутскаго гражданскаго губернатора».

XIX.

Нынѣшнія казачьи сословія внѣ Сибири.

Черноморское-Казачье-Войско происхожденіемъ и существованіемъ своимъ обязано милостямъ Императрицы Екатерины-Второй и ходатайству князя Потемкина-Таврическаго. Первоначально оно образовано было изъ однихъ Запорожцевъ и поселено было на островѣ Фанагаріи и на земляхъ между Кубанью и Азовскимъ-Моремъ.

Въ 1842 году, сословію этому дана новая организація. На основаніи Высочайше-утвержденнаго положенія, черноморское казачье войско занимаетъ все пространство земель, лежащихъ между восточнымъ берегомъ Азовскаго и частію Чернаго Морей, Екатеринославскою-Губерніею,

Войскомъ-Донскимъ, Ставропольскою-Губерніею и горскими жителями, отъ которыхъ отдѣляетъ ее рѣка Кубань.

Войсковая земля раздѣляется на три военные округа: а) Таманскій (управленіе его находится въ Станицѣ Полтавской), съ 20-ю станицами, или куренями, съ народонаселеніемъ почти въ 20,000 душъ; б) Екатеринодарскій (въ Екатеринодарѣ), съ 20-ю же станицами и съ народонаселеніемъ въ 21,000 душъ, и в) Ейскій (въ станицѣ Уманской), съ 19-ю куренями и съ народонаселеніемъ въ 19,000 душъ.

Основаніе этого народонаселенія въ 60,000 душъ, составляютъ: а) собственно черноморскіе казаки, потомки прежнихъ Запорожцевъ; б) дворовые люди, принадлежащіе войсковымъ чиновникамъ, и в) инородцы, перешедшіе изъ Крыма и изъ-за Кубани, живущіе въ селеніяхъ Ады и Ангелинскомъ и хуторахъ по рѣкѣ Кубани. (Обитающіе въ предѣлахъ Войсковой-Земли инородцы носятъ наименованія 1) владѣльцевъ, 2) подвластныхъ, 3) вольныхъ черкесъ и 4) Армянъ). Для усиленія войска назначено переселить въ Черноморію пять тысячь душъ изъ малороссіи, по впредь до переселенія дозволено принимать въ сословіе черноморскихъ казаковъ Малороссіянъ отдѣльными семействами, по ихъ желанію, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ они представили надлежащее удостовѣреніе своихъ обществъ и начальства о согласіи на переселеніе и чтобы водвореніе ихъ произвели на собственный счетъ, не требуя отъ правительства никакихъ пособій.

По общимъ правиламъ, войско можетъ принимать въ свое сословіе: 1) людей непринадлежащихъ ни къ какому сословію, 2) вольноотпущенныхъ, по безспорнымъ актамъ, 3) получившихъ свободу по окончательнымъ рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, 4) незаконнорожденныхъ дѣтей солдатокъ, которыхъ мужья поступили на службу изъ казенныхъ селеній, или изъ семействъ, зачисленныхъ въ-послѣдствіи въ войсковые полки, 5) дѣтей, рожденныхъ послѣ отставки отъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, бывъ уволены отъ войсковой службы изъ малороссійскихъ казаковъ, приходятъ въ-послѣдствіи въ Черноморію для соединенія съ семействами, переселенными туда по распоряженію правительства, и водворяются на земляхъ Черноморскаго-Войска. Водворяясь, они записываются въ число отставныхъ казаковъ и не употребляются ни въ какія повинности.

Черноморское казачье войско обязано: 1) охранять границы Войсковой-Земли отъ набѣговъ закубанскихъ народовъ, 2) выставлять и содержать въ совершенной исправности (снабдивъ обмундированіемъ, оружіемъ, лошадьми, верховыми и вьючными, и всею конскою принадлежностію): а) лейб-гвардіи черноморскій дивизьонъ изъ лучшихъ въ цѣломъ войскѣ по поведенію, виду и службѣ юнкеровъ и казаковъ, б) двѣнадцать конныхъ полковъ и девять пѣшихъ батальйоновъ, снабженыхъ каждый по одному знамени, в) одну конно-артиллерійскую бригаду, изъ трехъ конно-артиллерійскихъ легкихъ баттарей и одной гарнизонной артиллерійской пѣшей роты, 3) имѣть войсковую сотню мастеровыхъ, и 4) нести общія земскія повинности, неразлучныя съ постоянною осѣдлостію, каковы: содержаніе почтовыхъ станцій, на общемъ основаніи, наймомъ, а не личнымъ отбываніемъ, содержаніе дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ, квартирная повинность, препровожденіе арестантовъ, земская почта, снабженіе присутственныхъ и общественныхъ мѣстъ топливомъ.

Ближайшій начальникъ черноморскаго казачьяго войска носитъ на-

званіе наказнаго атамана, имѣющаго права: по военной части—начальника дивизіи, а по гражданской — гражданскаго губернатора, не имѣя однакожь непосредственныхъ сношеній ни съ Сенатомъ, или Сѵнодомъ, ни съ Министрами. На этомъ основаніи, наказный атаманъ утверждаетъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ второй степени, наблюдаетъ за благоустройствомъ и благочиніемъ, за бездоимочнымъ сборомъ надлежащихъ взносовъ, принимаетъ мѣры къ отклоненію недостатковъ въ народномъ продовольствіи, наблюдаетъ за нормальностію отношеній между владѣльцами и ихъ крѣпостными людьми и, въ случаѣ надобности, подвергаетъ ихъ опекѣ.

Военное управленіе каждаго округа сосредоточено въ лицѣ окружнаго штаб-офицера, а въ станицахъ — станичнаго атамана и двухъ судей, избираемыхъ обществомъ каждой станицы и составляющихъ станичное правленіе, дѣйствующее, въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, въ видѣ исполнительной власти.

При командированіи въ экспедицію болѣе трехъ полковъ, назначается походный атаманъ, опредѣляемый въ эту должность, какъ и наказный атаманъ, Высочайшею властію.

Такимъ-образомъ, въ гражданскомъ отношеніи, войско черноморское и народъ, населяющій его землю, представляютъ видъ отдѣльной губерніи. Мѣстное земское управленіе занимаетъ тамъ Станичное Правленіе, и первую степень дѣятельности управленія, въ родѣ нашего уѣзднаго, представляетъ управленіе въ округахъ, состоящее изъ окружныхъ судовъ, окружныхъ сыскныхъ начальствъ, словесныхъ мировыхъ судовъ, подъ наблюденіемъ окружныхъ стряпчихъ; вторую высшую степень, общее войсковое гражданское управленіе составляютъ: Войсковое-Правленіе, подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана, и Войсковой Уголовный и Гражданскій Судъ, оба подъ наблюденіемъ войсковаго прокурора. Для сокращенія времени судопроизводства въ войскѣ, основанъ Торговый Словесный Судъ, учрежденный съ тою цѣлью, чтобъ торговые казаки, во взаимныхъ спорахъ и искахъ по торговлѣ между собою и съ посторонними лицами, не вступали безъ необходимости въ письменное судопроизводство. Это учрежденіе состоитъ изъ двухъ судей, ежегодно избираемыхъ обществомъ торговыхъ казаковъ изъ среды себя: дѣла въ немъ должны быть кончены въ восьмидневный срокъ и безъ письменнаго производства—иначе дѣло отсылается въ Войсковое Правленіе. По уголовнымъ дѣламъ всѣ лица, проживающія на Войсковой-Землѣ, не исключая и женщинъ, судятся военнымъ судомъ; лица мужескаго пола, принадлежащія къ войсковому сословію судятся на основаніи военно-уголовныхъ законовъ; къ прочимъ примѣняются общіе уголовные законы.

Доходы войска составляютъ: «непремѣнные»—жалованье отъ казны 20,000 руб. ассигн.; съ небольшимъ 7,000 руб. ассигн., отпускаемые на содержаніе учебныхъ заведеній, и проценты съ двухъ мильйоновъ рублей ассигнаціями, обращающихся въ кредитныхъ установленіяхъ; «измѣняющіеся» — съ питейныхъ сборовъ, съ рыбныхъ ловель, съ продажи соли, каменнаго угля и нефти, съ оброчныхъ статей, съ сбора за лавки и мѣстъ на ярмаркѣ, сборъ съ войсковыхъ вѣсовъ, сборъ съ перевоза изъ Тамани въ Керчь, сборъ съ казаковъ Торговаго Общества (состоящаго изъ 200 человѣкъ, вносящихъ ежегодно по $57\frac{1}{2}$ руб. сер. въ войсковую казну), сборъ съ казаковъ торгующихъ (по праву свободной торговли какъ внутри, такъ и внѣ войсковыхъ предѣ-

ловъ, временно, пока не доходитъ служебная очередь), но не принадлежащихъ къ Торговому-Обществу; сборъ съ иногородныхъ купцовъ за право торговли въ Черноморіи, и взысканіе процентовъ съ объявленныхъ ими торговыхъ капиталовъ; вычеты извѣстныхъ процентовъ изъ жалованья своихъ чиновниковъ внутренней службы; сборъ за довольствіе съ частныхъ конскихъ табуновъ на войсковой землѣ; выручка съ войсковой типографіи и съ другихъ хозяйственныхъ оборотовъ; сборъ съ дворовыхъ людей чиновниковъ на земскую повинность, и съ другихъ источниковъ, коими въ-послѣдствіи могутъ усилиться доходы войска.

Войсковая земля составляетъ общественную собственность. Поземельныя довольствія отводятся каждой станицѣ по числу чиновниковъ и казаковъ (нижнимъ чинамъ по 30 десятинъ на душу, обер-офицеру по 200, штаб-офицеру 400, генералу 1,500 десятинъ; но они получаютъ только по $^2/_3$ пахатной и сѣнокосной земли, а $^1/_3$ остается въ общемъ станичномъ пользованіи для пастьбы скота: участки эти — пожизненные).

Переписи подлежатъ всѣ дѣти мужескаго пола, рожденные внѣ офицерскаго званія. Всѣ они, по минованіи 17 лѣтъ отъ рожденія, записываются для употребленія въ станичныя повинности подъ именемъ «малолѣтковъ», и отбываютъ ихъ въ-теченіе двухъ лѣтъ. На 20-мъ году они зачисляются въ казаки и приводятся, на вѣрность службы, къ присягѣ; на этотъ исключительно одинъ годъ ихъ избавляютъ отъ повинностей, чтобъ дать имъ болѣе возможности приготовить себя во всемъ для полевой службы, въ которую они поступаютъ по очереди на вакансіи, съ наступленіемъ 21 года возраста. Общій срокъ выслуги для отставки — 30 лѣтъ: 25 лѣтъ на полевой службѣ и 5 лѣтъ на внутренней.

Для образованія юношества положительное законодательство указываетъ на слѣдующія мѣры:

Въ Екатеринодарѣ учреждено Войсковое-Окружное-Училище. Пять человѣкъ дѣтей дворянъ, а такъ же штабъ и обер-офицеровъ Черноморскаго-Войска, изъ числа отличнѣйшихъ учениковъ этого училища, по окончаніи въ немъ курса, поступаютъ для дальнѣйшаго образованія въ харьковскую гимназію, а оттуда, по удостоенію, въ тамошній университетъ; прочіе же ученики возвращаются къ родителямъ для поступленія въ службу, сообразно ихъ происхожденію. Воспитанники, поступившіе въ гимназію и университетъ, получаютъ содержаніе отъ войска, и, по окончаніи курса, опредѣляются на службу въ войско.

Для воспитанія дѣтей дворянъ черноморскаго казачьяго войска назначается четырнадцать вакансій въ кадетскихъ корпусахъ.

Богоугодныхъ заведеній три: богадѣльня на 45 мужчинъ и 15 женщинъ, съ отдѣленіемъ для умалишенныхъ, больница въ Екатеринодарѣ и богадѣльня на 30 человѣкъ въ Киновіи, при Екатеринолебежской-Николаевской-Пустыни.

Черноморскіе казаки ходятъ въ косматыхъ шапкахъ; вооруженіе ихъ—шашка, кинжалъ, ружье, пистолетъ и пика, кромѣ пѣхотинцевъ.

Донское-Казачье-Войско — старинное, усиливавшееся въ численности своей вольными переходами, по-временамъ, людей изъ разныхъ сословій. Въ пресѣченіе происходившаго доселѣ вывоза на Донъ съ

полками людей разнаго званія и націй и затруднительнаго судопроизводства, которымъ войсковое управленіе затруднялось при обращеніи ихъ къ законнымъ владѣльцамъ и вѣдомствамъ — нынѣ положены твердыя правила, подъ строгимъ запрещеніемъ, никого изъ постороннихъ на Донъ не вывозить.

Земля, обитаемая Донцами, имѣетъ около 350 верстъ длины по обѣимъ берегамъ рѣки Дона; бо́льшая ея ширина 300 верстъ.

Нынѣшнее народонаселеніе Войска можно приблизительно положить около семисотъ тысячь душъ; оно раздѣляется на четыре военные округа со ста-четырьмя станицами. Общее управленіе сосредоточено въ лицѣ наказнаго атамана, находящагося въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Сенатомъ, Сунодомъ, министрами и главнокомандующими арміями. Каждымъ военнымъ округомъ управляетъ окружный генералъ, назначаемый съ утвержденія наказнаго атамана, по общимъ выборамъ къ должностямъ, на три года. Такія же отношенія, какія существуютъ между окружнымъ генераломъ и военнымъ округомъ, постановлены и между калмыцкимъ народомъ (обитающимъ въ этихъ мѣстахъ и причисляемыхъ къ Войску) и калмыцкимъ правленіемъ, ведущимъ списки всѣмъ служащимъ Калмыкамъ и поступающимъ изъ ихъ малолѣтковъ въ казаки.

Донское Войско составляютъ:

«Лейб-гвардіи Казачій Полкъ», изъ шести эскадроновъ Донцовъ и седьмаго изъ Черноморцевъ.

«Атаманскій Наслѣдника Цесаревича Полкъ», изъ шести эскадроновъ Донцовъ и лейб-гвардіи Уральской-Сотни.

«Донская легкая конная артиллерія», изъ четырнадцати баттарей восьми-орудійнаго состава.

Команда при Новочеркасскомъ Артиллерійскомъ Арсеналѣ.

56 полковъ шестисотеннаго состава; каждый изъ нихъ носитъ фамилію своего командира и нумеръ, который данъ полку при выходѣ его съ Дону. Каждая полковая сотня имѣетъ свое знамя (полковые «приказные» суть непремѣнные помощники «урядниковъ»; «драбанты» — деньщики; «казаки»—нижніе чины).

«Войсковая сотня мастеровыхъ» въ 220 человѣкъ, на предметъ изготовленія обмундировки, вооруженія и конской принадлежности.

«Рабочій полкъ», шести-сотеннаго состава, для возведенія войсковыхъ зданій.

«Пяти-сотное Общество Торговыхъ Казаковъ».

Управленіе войсковыми конскими заводами, съ табунщиками изъ Калмыковъ и командою верховыхъ и пѣшихъ Донцовъ.

Въ военное время донскіе казачьи полки, составляя соединеніемъ своимъ (отъ трехъ до пяти полковъ) бригаду, выступаютъ съ Дона подъ командою генерала, носящаго названіе походнаго атамана.

По силѣ данныхъ привилегій и прежнихъ постановленій, Войску отпускается ежегодно: 1) жалованье и за будары по 21,311 руб. 60 к. ежегодно; 2) на пенсіи раненымъ, вдовамъ и сиротамъ послѣ убитыхъ на войнѣ ежегодно по 20,000 руб. ас.; 3) за десять тысячь четвертей хлѣба 90,000 руб. тоже ежегодно, и 4) двѣсти-сорокъ-восемь пудовъ пороху и полтораста пудовъ свинца.

Войско учреждаетъ отдѣльный военный капиталъ для удовлетворенія собственно военнымъ потребностямъ, и кромѣ-того отдѣльный вспомогательный капиталъ, для облегченія изъ процентовъ его штабъ и обер-

офицерамъ войска способовъ для исправленія себя къ полевой службѣ. Помощь нижнимъ чинамъ опредѣлена также положительными законами.

Перепись малолѣтковъ такая же, какъ и у черноморскихъ казаковъ.

Общій срокъ для службы 30 лѣтъ.

Для воспитанія юношества существуютъ низшія училища, училища окружныя и войсковая гимназія; для военнаго дѣла — артиллерійская школа въ Новочеркаскѣ и кадетскіе корпуса Москвы и Петербурга.

Астраханское-Казачье-Войско—потомки прежнихъ волжскихъ казаковъ —занимаетъ земли, пожалованныя ему по Волгѣ, внизъ отъ Камышина въ предѣлахъ Саратовской и Астраханской Губерніи. Войсковая земля раздѣляется на три округа, каждый съ небольшимъ въ 2,000 душъ народонаселенія мужескаго пола (всего около 6,600 душъ муж. пола собственно астраханскихъ казаковъ безъ примѣси другихъ). По недостатку въ войскѣ земель, пріемъ въ это сословіе постороннихъ лицъ воспрещенъ. Астраханскіе казаки съ потомствомъ остаются въ войсковомъ сословіи навсегда, на общемъ основаніи.

Обязанности Астраханскаго Казачьяго Войска заключаются въ томъ, что они должны: 1) содержать кордоны каспійской и внутренней астраханской линій, расположенныхъ около земель калмыцкихъ, Кундровскихъ Татаръ и кочевыхъ Киргизовъ Внутренней-Букеевской-Орды; 2) посылать команды въ Калмыцкую-Орду, въ ставку хана Букеевскихъ Киргизовъ, въ городъ Царицынъ, на время бывающихъ тамъ ярмарокъ и въ другія мѣста; 3) содержать во всегдашней готовности къ службѣ три конные полка (по одному, съ особымъ знаменемъ, изъ каждаго полковаго округа) шести-сотеннаго состава и одну конно-артиллерійскую баттарею восьми-орудійнаго состава, и 4) нести обычныя повинности дорожныя, почтовыя и продовольственныя.

Къ войску причисляются: войсковая команда мастеровыхъ въ 55 человѣкъ и Торговое Общество не болѣе какъ изъ 50 человѣкъ казаковъ, освобожденныхъ отъ службы полевой и внутренней.

Войскомъ управляетъ наказный атаманъ, неимѣющій права прямыхъ сношеній съ высшими учрежденіями; значеніе его по военной части равносильно значенію бригаднаго командира, а по гражданской—гражданскаго губернатора; главное же завѣдываніе войскомъ лежитъ на обязанности астраханскаго военнаго-губернатора.

Три степени общаго управленія войскомъ суть — станичныя правленія, полковыя правленія и войсковое правленіе. Въ первой степени, станичные начальники и станичные судьи избираются обществомъ своихъ станицъ; полковыя правленія состоятъ каждое изъ полковаго командира и трехъ засѣдателей; войсковое правленіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана, изъ старшаго члена и двухъ ассессоровъ: лица эти назначаются высшими властями.

Войсковая-Земля составляетъ общественную собственность; личные отводы земли въ пользованіе или пожизненные участки составляютъ для казаковъ по 30 десятинъ на душу; для чиновниковъ, обер-офицеровъ по 200, а штаб-офицеровъ по 400 десятинъ.

Въ войсковой доходъ поступаютъ : сборъ съ отдаваемыхъ въ откупное содержаніе рыболовныхъ мѣстъ и другихъ поземельныхъ оброчныхъ статей, сборъ съ казаковъ Торговаго Общества, вычеты извѣстныхъ процентовъ изъ жалованья чиновниковъ внутренней службы, выручки съ хозяйственныхъ оборотовъ, проценты съ войсковаго капитала

Для облегченія всего казачьяго сословія въ способахъ исправленія служебныхъ потребностей учрежденъ особый вспомогательный капиталъ изъ 10,000 руб. сер., отчисленныхъ отъ войсковой казны.

Переписи войсковой подлежатъ всѣ дѣти мужескаго пола, рожденные внѣ офицерскаго званія; всѣ они, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, зачисляются въ казаки, но до совершенной возмужалости не обременяются тяжелою службою. Первый годъ службы есть льготный: въ это время молодые казаки освобождаются отъ «сидѣнокъ» или станичныхъ повинностей; но съ истеченіемъ этого года они поступаютъ въ отправленіе дѣйствительной службы. Общій ея срокъ—30 лѣтъ.

Для образованія войсковаго юношества учреждены: для простыхъ казаковъ—десять станичныхъ училищъ, для офицерскихъ дѣтей—пансіонъ на тридцать учениковъ при астраханской гимназіи и еще двѣ вакансіи въ кадетскихъ корпусахъ, а для дѣвицъ — пять вакансій въ Астраханскомъ Институтѣ для Благородныхъ Дѣвицъ.

Вооруженіе астраханскихъ казаковъ — шашка, ружье, пистолетъ и дротикъ.

Къ астраханскому войску причисляются и Калмыки, несущіе кордонную службу по Ахтубинской, Элтонской и Узеньской Линіямъ. Въ служилые Калмыки назначаются люди не моложе 18-ти и не старѣе 45-ти лѣтъ, съ надлежащею аммуниціею, вооруженіемъ и лошадьми.

По разореніи Запорожья, Сѣчевики, въ 1775 году, бѣжали за Дунай въ турецкую землю и жили тамъ. Во время послѣдней нашей войны съ Турками, казаки эти, подъ предводительствомъ своего кошеваго атамана, Гладкаго, явились въ 1828 году къ Государю Императору и просили милосердаго его призрѣнія. Государь принялъ ихъ милостиво и тогда же употребилъ ихъ въ дѣло: въ отрядахъ нашихъ они дѣйствовали подъ именемъ «отдѣльнаго запорожскаго войска». Въ 1831 году, они, подъ именемъ «*Азовскаго Казачьяго Войска*» поселены на берегахъ Азовскаго-Моря, въ предѣлахъ Екатеринославской-Губерніи. Число ихъ простирается до 6,500 человѣкъ. До 1847 года войско это, «за отличную свою службу», получало амуницію и оружіе отъ казны. Нынѣ оно содержитъ себя, на общемъ основаніи, собственными средствами; но, по скудости войсковыхъ денежныхъ средствъ, положительные законы опредѣляютъ случаи покрытія войсковыхъ расходовъ изъ государственной казны.

Въ войсковое сословіе принимаются и другіе Запорожцы, выходящіе изъ турецкихъ владѣній; равномѣрно къ нему причисляются и сыновья солдатскихъ вдовъ, вышедшихъ замужъ за азовскихъ казаковъ.

Азовское-Казачье-Войско управляется наказнымъ атаманомъ и войсковою канцеляріею. Оно состоитъ изъ десяти сотень и обязано снаряжать 15 командъ, каждую изъ 20 человѣкъ, при 29 лодкахъ для крейсерства вдоль восточнаго берега Чернаго-Моря, подъ распоряженіемъ начальника Черноморской Береговой Линіи. Для внутренней службы сформирована особая команда изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ.

«Черноморская-Береговая-Линія» раздѣляется на три отдѣленія: отъ Кубани до Геленджика, отъ Геленджика до Навагинскаго-Укрѣпленія, и оттуда до границы Мингреліи.

Другая отрасль укрѣпленій составляетъ «Кавказскую-Линію», раздѣляемую на пять главныхъ частей:

1) Черноморская-Кордонная-Линія» отъ Чернаго-Моря по рѣкѣ Кубани до станицы Воронежской.

2) «Правый-Флангъ» простирается отъ Воронежской-Станицы, по Лабѣ и Кубани, до укрѣпленія Кумары и раздѣляется на Кубанскую и Лабинскую Линіи.

3) «Центръ» тянется отъ Хумары вдоль подошвы главнаго хребта Кавказскихъ-Горъ до поста Липовскаго на рѣкѣ Терекѣ и раздѣляется на Кисловодскую-Линію, Внутреннюю-Кабардинскую-Линію, Передовую-Кабардинскую-Линію, и на Линію по военно-грузинской дорогѣ.

4) «Владикавказскій Военный Округъ» заключаетъ въ себѣ горскія племена по обѣимъ сторонамъ военно-грузинской дороги. Участокъ ея до Казакъ-Кичу называется «Верхне-Сунженская-Линія», и

5) «Лѣвый Флангъ», все остальное пространство границы до Каспійскаго-Моря, раздѣляется на Линіи: Сунженскую, Терскую, Передовую-Чеченскую и Передовую-Кумыкскую.

Охраненіе этихъ укрѣпленій лежитъ на обязанности *Кавказскаго-Линейнаго-Казачьяго-Войска*, владѣющаго землями отъ границъ Черноморскаго Казачьяго Войска до Каспійскаго-Моря.

Войско раздѣляется на 17 полковыхъ округовъ и 120 станицъ, съ народонаселеніемъ во сто-тысячь человѣкъ мужескаго пола. Въ сословіе это дозволено принимать малороссійскихъ казаковъ, однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ, на общемъ основаніи; мѣщанъ по увольнительнымъ свидѣтельствамъ отъ обществъ; вольноотпущенныхъ и получившихъ свободу изъ крѣпостнаго владѣнія по окончательнымъ рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ; дѣтей солдатскихъ вдовъ, вышедшихъ за̀мужъ за казаковъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска; отставныхъ солдатъ, которые поступили на службу изъ казенныхъ селеній, обращенныхъ въ составъ казачьяго войска, ихъ дѣтей, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ, и азіатцевъ разныхъ наименованій. Сихъ послѣднихъ размѣщаютъ по станицамъ, удаленнымъ отъ передовой-кордонной-линіи.

Лица, однажды поступившія въ войско, остаются въ немъ вѣчно и съ потомствомъ.

Войско управляется наказнымъ атаманомъ, неимѣющимъ права непосредственныхъ сношеній съ высшими въ Имперіи учрежденіями.

Войско, сверхъ обыкновенныхъ земскихъ повинностей, обязано: 1) охранять кавказскую линію, на занимаемомъ войскомъ пространствѣ, и военно-грузинскую дорогу отъ набѣговъ и вторженія горскихъ народовъ; 2) высылать противъ нихъ отдѣльные отряды въ экспедиціи; 3) заселять вновь-учреждаемыя линіи, и 4) содержать въ полномъ составѣ и въ совершенной и всегдашней готовности:

Команду гвардейскихъ линейныхъ казаковъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя, въ С.-Петербургѣ, по штату.

Конно-артиллерійскую бригаду изъ трехъ легкихъ баттарей восьмиорудійнаго состава.

Дивизіонъ въ составѣ «Кавказскаго Сводпаго Иррегулярнаго Полка», въ Варшавѣ.

Конную команду, для охраны пересылочныхъ казенныхъ суммъ.

Двадцать конныхъ полковъ шести-сотеннаго состава, въ девяти бригадахъ. Замѣчательные изъ этихъ полковъ по составленію суть: «Моздокскій» и «Гребенской», состоящіе по большой части изъ старинныхъ казаковъ, въ давнюю пору поселившихся въ этихъ мѣстахъ; «Влади-

кавказскій» и «Горскій», сформированные преимущественно изъ Малороссовъ; «Волгскій», имѣющій въ составѣ своемъ Цыганъ, два «Сунженскіе» полка изъ новыхъ поселенцовъ; «Кизлярскій Семейный Полкъ» изъ Грузинъ; и

«Команду мастеровыхъ».

«Торговое Общество» казаковъ этого сословія состоитъ изъ 200 человѣкъ, свободныхъ отъ полевой и внутренней службы: эти «торговые» казаки вносятъ въ войсковую казну по 60 руб. серебромъ ежегодно. Казаки же «торгующіе», то-есть временно производящіе торговлю (до наступленія служебной очереди) на сумму 1,000 руб. асс., вносятъ ежегодно въ войсковой доходъ 7 руб. 15 к. серебромъ.

Кромѣ этого сбора, доходы войска составляють: отдѣляемая имъ часть съ откупныхъ питейныхъ сборовъ; отдача въ откупное содержаніе нефтяныхъ источниковъ при крѣпости Грозной; доходъ съ лавокъ и мѣстъ на ярмаркахъ; сборъ съ войсковыхъ перевозовъ и разныхъ хозяйственныхъ оборотовъ; вычетъ процентовъ съ жалованья войсковыхъ чиновниковъ, проценты съ войсковаго капитала.

Кромѣ «войсковаго капитала», войско имѣетъ «вспомогательный капиталъ» въ 80,000 руб. сер.

Отводъ пожизненныхъ участковъ въ поземельное довольствіе неоднообразенъ:

Въ иномъ мѣстѣ простые казаки получаютъ 15 десятинъ, въ другомъ 30 дес., въ третьемъ 50 дес. на душу; обер-офицеры въ одномъ 60 дес., въ другомъ по 100 дес.; а штаб-офицеры въ одномъ 300, а въ другомъ по 400 десятинъ.

Мѣстное управленіе по военной и гражданской части раздѣляется на войсковое, бригадныя, полковыя и станичныя правленія.

Каждое станичное правленіе, состоящее изъ станичнаго начальника и двухъ станичныхъ судей, избираемыхъ станичнымъ обществомъ, представляетъ мѣстную исполнительную власть, дѣйствующую на пространствѣ каждой станицы.

Полковыя правленія учреждены въ иномъ мѣстѣ въ каждомъ полку, а въ иномъ—для каждыхъ двухъ полковъ, и состоятъ изъ опредѣляемыхъ туда властями: предсѣдателя и трехъ (или четырехъ, если правленіе составлено для двухъ полковъ) засѣдателей съ канцеляріей, занимаясь частями инспекторскою, полицейскою, хозяйственною и гражданскою въ предѣлахъ своего округа.

Бригадное управленіе сосредоточивается въ лицѣ бригадныхъ командировъ, дѣйствующихъ въ районѣ своихъ бригадъ и завѣдующихъ полками по военной части, а въ нѣкоторыхъ полкахъ и хозяйственною.

Войсковое правленіе имѣетъ предметомъ своего вѣдомства то, что въ общемъ губернскомъ управленіи лежитъ на обязанности губернскихъ правленій и гражданскихъ палатъ. Войсковое правленіе составляютъ наказный атаманъ, старшій членъ и три ассессора. Для производства уголовныхъ дѣлъ учреждены двѣ военно-судныя коммиссіи, завѣдыванію которыхъ принадлежатъ всѣ обитатели войсковой земли, не исключая и женщинъ, на общемъ основаніи.

Перепись малолѣтковъ, верстанье ихъ въ казаки и срокъ службы для отставки производится на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ сословіи Черноморскаго-Казачьяго-Войска.

Вооруженіе полковыхъ казаковъ — ружье черкесское, неформенное,

пистолетъ, шашка и кинжалъ; форма — косматая шапка, чекмень безъ воротника и обшлаговъ съ напатронникомъ и бурка.

Для образованія юношества учреждаются полковыя школы, въ каждомъ полковомъ округѣ по одной для простыхъ казаковъ и, кромѣ того, для офицерскихъ дѣтей, изъ войсковыхъ суммъ:

Для однихъ дворянъ:

24 вакансіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, Москвы и Петербурга (8 вакансій на счетъ казны).

Для дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ;

15 вакансій въ пансіонѣ при Ставропольской-Гимназіи,

3 вакансіи въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ.

«Кавказское Линейное Казачье Войско» подчиняется главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Къ корпусу этому принадлежатъ слѣдующія иррегулярныя учрежденія:

Дивизіонъ «Конно-Горскаго Полка», набранный изъ Горцевъ и составляющій съ помянутымъ выше дивизіономъ кавказскихъ линейныхъ казаковъ — такъ-называемый «Кавказско-Сводный Иррегулярный Полкъ».

«Конно-Мусульманскій», шестисотенный полкъ, въ Варшавѣ, изъ мухаммеданъ и Армянъ и вообще жителей Закавказья.

«Джаро-Лезгинская Милиція», изъ обитателей присоединенныхъ отъ Персіи провинцій.

Вмѣстѣ съ командой гвардейскихъ линейныхъ казаковъ въ собственномъ Конвоѣ Государя Императора находятся:

«Лейб-гвардіи Кавказско-Горскій Полу-эскадронъ» изъ почтнѣйшихъ лезгинскихъ фамилій Джарской-Области.

Команда Лезгинъ Джарской-Области.

Команда Закавказскаго Конно-Мусульманскаго Полка, съ персидской границы.

Изъ Татаръ, обитателей Крымскаго-Полуострова, составляется такъ-называемый «Лейб-гвардіи Крымско-Татарскій Эскадронъ», причисляемый къ «Лейб-гвардіи Казачьему Полку» и состоящій изъ восьми взводовъ.

Срокъ службы *Крымскихъ-Татаръ*—пятнадцатилѣтній, а отправленіе ея распредѣляется такимъ-образомъ, что каждый ратникъ сначала служитъ одинъ годъ въ Крыму, потомъ четыре года въ Санктпетербургѣ, потомъ пять лѣтъ пребываетъ дома; за тѣмъ одинъ годъ служитъ въ Крыму и потомъ опять четыре года въ Петербургѣ.

Одна половина этого эскадрона находится постоянно на службѣ въ Петербургѣ, а другая на жительствѣ въ Крыму; ежегодно смѣняется по одному взводу: одинъ идетъ въ Крымъ, другой изъ Крыма.

Дунайское-Казачье-Войско владѣетъ общественною землею въ Бессарабіи, въ Аккерманскомъ-Уѣздѣ, и состоитъ изъ десяти станицъ.

Основаніе войсковаго народонаселенія положили бывшіе «Усть-Дунайскіе» и «Буджацкіе» казаки; также Греки, Сербы, Болгары и Албанцы, служившіе волонтерами при нашей арміи во время послѣдней турецкой кампаніи; наконецъ, коронные цыгане и другаго званія люди, въ разное время причисленные къ войску. Дунайскіе казаки, съ потомствомъ, остаются въ этомъ сословіи навсегда. Пріемъ постороннихъ лицъ воспрещенъ впредь, по недостатку въ войскѣ земель.

Войскомъ управляетъ наказный атаманъ, не имѣющій права непосредственныхъ сношеній съ Синодомъ, Сенатомъ или министрами.

Обязанности войска состоятъ въ слѣдующемъ: 1) содержать кордонную стражу на островахъ Лета и Четалѣ; 2) посылать команды— для усиленія кордонной линіи по лѣвому берегу Дуная, для содержанія карауловъ на Георгіевскомъ-Острову и при Бессарабскомъ Соляномъ Правленіи, для разъѣздовъ въ г. Одессѣ и для содержанія полицейскаго порядка въ г. Аккерманѣ и его уѣздѣ; 3) содержать въ совершенномъ порядкѣ и всегдашней готовности выступить по назначенію два конныхъ полка пятисотеннаго состава, и 4) отбывать повинности дорожную, квартирную и подводную, препровождать арестантовъ и составлять общественные запасы продовольствія.

При войскѣ состоитъ особая «Команда Мастеровыхъ» изъ служилыхъ казаковъ и «Торговое Общество» изъ тридцати человѣкъ, свободныхъ отъ полевой и внутренней службы. Правила о вступленіи въ это общество такія же, какъ и въ другихъ казачьихъ сословіяхъ.

Войско содержитъ себя на собственный свой счетъ, на общемъ основаніи; полки и команды, находящіеся на дѣйствительной полковой службѣ, внѣ границъ войсковаго населенія, получаютъ, наравнѣ съ другими, содержаніе отъ казны государственной.

Доходы войска составляютъ отпускаемые имъ изъ государственнаго казначейства 10,000 руб. ассигнаціями и разные сборы отъ продажи общественнаго хлѣба, съ ярмарокъ и базаровъ, съ общественныхъ мельницъ, съ виноградныхъ садовъ, отъ продажи пригоннаго скота, съ «торговыхъ» и торгующихъ казаковъ, сборъ съ иногородныхъ торговцевъ, съ войсковыхъ вѣсовъ, сборъ процентовъ съ объявленныхъ иногородными торговыхъ капиталовъ и проч.

Вспомогательный капиталъ войска составляетъ сумму въ 10,000 р. серебромъ.

Въ десяти станицахъ дунайскаго войска восемь «станичныхъ правленій» изъ избираемыхъ станичными обществами станичнаго атамана и двухъ судей. Правленія эти представляютъ мѣстную исполнительную власть, дѣйствующую на пространствѣ каждаго юрта. Военною и гражданскою частью завѣдываетъ войсковое правленіе, состоящее изъ наказнаго атамана, старшаго члена и двухъ ассессоровъ.

Войсковые чины судятся за преступленія на службѣ, равно и по службѣ—военнымъ судомъ, а внѣ службы—гражданскимъ.

Перепись малолѣтковъ и срокъ службы такіе же, что̀ и у черноморскихъ казаковъ.

Войсковое начальство строго наблюдаетъ, чтобъ каждая изъ станицъ, по соразмѣрности своего населенія, имѣла уравнительное съ другими количество земель для станичныхъ довольствій. Войсковые чиновники въ этомъ отношеніи пользуются штаб-офицеры четырьмя, а обер-офицеры двумя казачьими паями.

Сословіе дунайскаго казачьяго войска имѣетъ одно войсковое училище и богадѣльни въ каждой станицѣ.

Дунайскіе казаки ходятъ въ курткахъ, а вооружены ружьемъ по формѣ, пистолетомъ, шашкой и дротикомъ.

Дунайское Казачье Войско вмѣстѣ съ Азовскимъ Казачьимъ Войскомъ и Крымскими Татарами, находится въ главномъ вѣдѣніи новороссійскаго и бессарабскаго генерал-губернатора. Въ одномъ съ ними составѣ иррегулярныхъ войскъ новороссійскаго и бессарабскаго края состоятъ

и греческіе охочіе выходцы, получившіе въ-послѣдствіи полное воинское устройство и извѣстные нынѣ подъ именемъ «Балаклавскаго Греческаго Батальйона».

Объ учрежденіи этихъ *греческихъ военныхъ поселянъ* надлежитъ замѣтить слѣдующее: Въ 1769 году, командовавшій русскимъ флотомъ на Средиземномъ-Морѣ графъ Орловъ приглашалъ въ нашу службу греческихъ волонтеровъ; по этому случаю состоялся манифестъ императрицы Екатерины. Начало этому приглашенію сдѣлано было нѣсколько прежде, при сношеніяхъ Мавромихали съ президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ графомъ Панинымъ.

Волонтеры эти скоро явились, и съ 1769 по 1773 годъ сражались съ Турками подъ именемъ «спартанскихъ легіоновъ». Въ 1775 году они переселились къ намъ съ своими семействами и поселены были около Таганрога, Керчи и Ениколя, подъ названіемъ «Албанцевъ».

Въ 1783 году, по окончательномъ покореніи Крыма, они были переселены туда для содержанія кордонной линіи по берегамъ Чернаго-Моря отъ Севастополя до Феодосіи, на пространствѣ 300 верстъ.

При императорѣ Павлѣ Петровичѣ имъ дано было устройство. Изъ нихъ составлены три роты служилыхъ людей, по 100 человѣкъ рядовыхъ и по 10 унтер-офицеровъ въ каждой; всего по штату 396 человѣкъ.

Балаклавскіе Греки носили родъ шишаковъ, на манеръ нынѣшнихъ военныхъ касокъ, только безъ мѣдныхъ гербовъ, чешуи и шишечки на верху; зеленыя куртки съ красными косыми воротниками, красныя шаровары, поверхъ которыхъ надѣвались высокіе гусарскіе сапоги; вооружены кривою саблею и приборнымъ ружьемъ (которое держится по унтер-офицерски, или по драгунски).

Въ настоящее время, эти своего рода казаки, наименованные «военными поселянами» обязаны формировать изъ среды своей такъ-называемый «Поселенный-Балаклавскій-Греческій-Пѣхотный-Батальйонъ» изъ четырехъ ротъ (лошадей полагается по одной на каждые десять человѣкъ). Сословіе это поселено въ Таврической-Губерніи по берегу Чернаго-Моря, начиная отъ Егорьевскаго-Монастыря и Балаклавы до Феодосіи; къ батальйону причислено и селеніе Алупки съ населяющими его Греками, обращенными въ «военныхъ поселянъ». Въ военное время, всѣ, принадлежащіе къ составу батальйона, то-есть, какъ поселившіеся на отведенныхъ ему земляхъ, такъ и обращенные въ военные поселяне—обязаны приниматься за оружіе и дѣйствовать противъ непріятеля.

«Поселенный-Балаклавскій-Греческій-Пѣхотный-Батальйонъ» содержитъ кордонную стражу по берегамъ Чернаго-Моря.

Для образованія на службу дѣтей офицеровъ и нижнихъ чиновъ, учреждена рота военныхъ кантонистовъ; въ ней на счетъ казны помѣщаются и содержатся сто-двадцать бѣднѣйшихъ дѣтей унтер-офицерскихъ и солдатскихъ; прочіе кантонисты — приходящіе, живутъ у родственниковъ и обмундировываются на собственный счетъ, а провіантъ получаютъ отъ казны. Офицерскія дѣти ничѣмъ отъ казны не снабжаются.

Батальйонъ и рота кантонистовъ управляются своимъ «командиромъ».

Оренбургское-Казачье-Войско водворено по всему протяженію Оренбургской-Линіи, отъ границъ Сибири до впаденія рѣки Илека въ рѣку Уралъ, занимая части уѣздовъ Оренбургскаго, Троицкаго, Верх-

неуральскаго, Челябинскаго и пространство между новою и старою линіею въ прирѣзанномъ отъ Киргизской-Степи участкѣ и заселяя такимъ-образомъ 112 станицъ, 48 деревень, селъ и слободъ, четыре укрѣпленія, двѣ крѣпости (Илецкую-Защиту и Орскую) и три города: Оренбургъ, Верхнеуральскъ и Троицкъ.

Народонаселеніе Оренбургскаго-Казачьяго-Войска составляютъ: 1) собственно такъ-называемые «Оренбургскіе-Казаки», 2) Башкиры и Мещеряки, по желанію своему вошедшіе въ составъ этого войска, потому-что не выселились изъ земель, вновь отданныхъ въ казачью собственность; 3) нижніе чины (и ихъ семейства), принадлежавшіе къ составу четырехъ поселенныхъ здѣсь линейныхъ батальйоновъ; 4) тѣ изъ служившихъ въ этихъ батальйонахъ польскихъ уроженцевъ, изъ дворянъ, которые изъявили на то свое желаніе; 5) бѣлопахатные солдаты и люди военнаго происхожденія, извѣстные подъ именемъ «малолѣтковъ», жившіе на Войсковой-Землѣ; 6) отставные нижніе чины регулярныхъ войскъ, водворившіеся на землѣ, составляющей нынѣ войсковую собственность; 7) бывшіе казенные солевозцы и казенные крестьяне, поселившіеся здѣсь до исхода 1840 года; 8) всѣ казенные крестьяне, которые поселились или впредь поселятся въ чертѣ Оренбургской-Военной-Линіи; 9) Татары, Башкиры и Мещеряки, водворившіеся между крѣпостями и форпостами, и 10) чиновники и ихъ семейства, купцы, мѣщане, вольноотпущенники и люди разныхъ сословій.

Оренбургское-Казачье-Войско, кромѣ обыкновенныхъ земскихъ повинностей, обязано охранять Оренбургскую-Военную-Линію отъ набѣговъ хищныхъ народовъ; оно командируетъ отряды для нахожденія при султанахъ-правителяхъ Киргизской-Орды, отряжаетъ отдѣльныя команды для необходимыхъ экспедицій въ Степи, формируетъ, сверхъ опредѣленной рати, особые резервы, содержитъ въ совершенной готовности въ Москвѣ и въ предѣлахъ войсковой земли десять конныхъ полковъ шести-сотеннаго состава (по 144 человѣка въ сотнѣ и по 892 человѣка въ полку, на общемъ основаніи, именно полковой командиръ, войсковой старшина, 5 эсауловъ, 6 сотниковъ, 7 хорунжихъ, 38 урядниковъ, 60 приказныхъ, полковой писарь, лекарскій ученикъ, 750 казаковъ и 22 драбанта) и одну конно-артиллерійскую бригаду, изъ трехъ баттарей въ полномъ составѣ и въ числѣ 800 человѣкъ въ цѣлой бригадѣ.

Изъ служилыхъ же казаковъ составляются: войсковая сотня мастеровыхъ, общество торговыхъ казаковъ изъ пятисотъ человѣкъ и особые табунщики, число которыхъ не опредѣляется, но которыхъ могутъ требовать себѣ какъ казачьи станицы, такъ и частные конскіе заводчики для своихъ конскихъ табуновъ, внося за это ежегодно въ войсковой капиталъ опредѣленную сумму.

Войско управляется наказнымъ атаманомъ, дѣйствующаго по военной части въ качествѣ начальника дивизіи, а по гражданской части въ качествѣ гражданскаго губернатора, но не имѣющаго права прямыхъ сношеній съ высшими въ Имперіи учрежденіями.

Оренбургское-Казачье-Войско раздѣляется на два военныхъ округа, каждые изъ пяти полковыхъ округовъ; гражданское управленіе раздѣляется на войсковое, полковыя и станичныя.

Каждое «Станичное-Правленіе», имѣя въ вѣдѣніи своемъ не менѣе 300 дворовъ и представляя мѣстную исполнительную власть, состоитъ изъ станичнаго начальника и двухъ станичныхъ судей: эти должности замѣщаются войсковыми чинами по выборамъ станичныхъ об-

ществъ; каждое «Полковое-Правленіе» состоитъ изъ полковаго командира и изъ четырехъ засѣдателей съ канцеляріею: оно завѣдываетъ инспекторскою, полицейскою, хозяйственною и гражданскою частями. Наконецъ «Войсковое-Правленіе» составляютъ войсковой наказной атаманъ, старшій членъ и три ассессора, съ канцеляріею: оно завѣдываетъ всѣми дѣлами войска.

Войсковые чины, служащіе и отставные, судятся военнымъ судомъ, въ военно-судной коммиссіи.

Войсковое сословіе содержитъ себя изъ собственныхъ доходовъ, количество которыхъ, включая въ это число отпускаемыя войску деньги изъ суммъ Государственнаго Казначейства, не считая оброчныхъ и другихъ неопредѣленныхъ своихъ доходовъ, простирается до 130,000 руб. сер. Изъ суммы, составляющей общій капиталъ: а) около 200,000 рублей, считаются неприкосновенными и хранятся въ кредитныхъ установленіяхъ, и б) отчисляются отдѣльные капиталы: «военный» собственно на военныя потребности, на содержаніе кордонной линіи, на заготовленіе оружія, на обмундированіе неимущихъ, вновь вступающихъ въ сословіе, казаковъ, на пособіе бѣднымъ войсковымъ нижнимъ чинамъ и прочее; «пенсіонный» исключительно для призрѣнія войсковыхъ раненыхъ чиновниковъ, равно и вдовъ и сиротъ ихъ; и «общій войсковой», на разныя штатныя и нештатныя потребности внутренняго управленія и хозяйства.

Для образованія дѣтей чиновниковъ Оренбургскаго-Казачьяго-Войска на войсковомъ счету, кромѣ Неплюевскаго Корпуса, имѣется двѣнадцать вакансій въ кадетскихъ корпусахъ Петербурга и Москвы.

Къ Оренбургскому-Казачьему-Войску присоединено и «Ставропольское-Калмыцкое-Войско». Нынѣ, съ 1842 года, Калмыки не носятъ уже этого названія, а всѣ съ семействами разселены по тѣмъ полкамъ оренбургскихъ казаковъ, которые расположены по новой линіи. Земли, состоявшія въ пользованіи Ставропольскаго-Калмыцкаго-Войска, какъ принадлежащія государственной казнѣ, переданы въ Министерство Государственныхъ Имуществъ.

Башкиро-Мещерякское-Войско, обитающее въ Оренбургской и Пермской Губерніяхъ употребляется на службу наравнѣ съ оренбургскими казаками, на Оренбургскую-Линію и на сибирскую дорогу по этапамъ.

Составляющіе его инородцы, для внутренняго управленія и наряда на службу, раздѣляются: Башкирцы на одиннадцать кантоновъ, а Мещеряки на пять кантоновъ. Туземные начальники именуются «юртовыми старшинами»; управленіе каждымъ кантономъ ввѣряется «кантонному начальнику». Кантоны имѣютъ «попечителей» изъ военныхъ штаб-офицеровъ, числомъ шесть, а общимъ составомъ войска командуетъ военный генералъ. Полки ихъ пятисотенные.

Уральское-Казачье-Войско состоитъ изъ потомковъ старинныхъ яицкихъ казаковъ и поселено по Линіи внизъ по теченію рѣки Урала отъ впаденія въ нея рѣки Илека до Каспійскаго-Моря.

Оно управляется наказнымъ атаманомъ; раздѣляется на семь дистанцій, городъ Уральскъ, Гурьевъ-Городокъ и станицу Сакмарскую, и замѣчательно древнимъ обычаемъ доставлять отъ лица цѣлаго сословія къ Высочайшему Двору «презенты», состоящіе въ рыбѣ и икрѣ.

Оно обязано формировать:

«Лейб-гвардіи Уральскую-Сотню» въ Петербургѣ, при Атаманскомъ Государя Наслѣдника Полку, и

Десять пятисотенныхъ полковъ въ Москвѣ, по Ахтубинской-Линіи Астраханской-Губерніи, на границахъ съ Киргизами, въ арміи и въ войсковыхъ предѣлахъ.

Уральскому-Казачьему-Войску, на счетъ войсковыхъ суммъ, дозволяется имѣть трехъ воспитанниковъ въ Московскомъ-Коммерческомъ-Училищѣ и шесть воспитанниковъ въ кадетскихъ корпусахъ Москвы и Петербурга.

XX.

Заграничная торговля въ Томскомъ-Краѣ.

Познакомивъ читателей съ народонаселеніемъ Томской-Губерніи, мы хотимъ ознакомить ихъ нѣсколько и съ заграничною ея торговлею.

Первыя свѣдѣнія о торговлѣ Сибири, еще до покоренія ея Русскими, дошли до насъ, какъ кажется, чрезъ именитыхъ купцовъ Строгоновыхъ.

Начиная рѣчь свою издалека, мы не можемъ однакожь сказать, въ какой степени эти свѣдѣнія были важны и дѣйствительно ли Строгоновы первые дали правительству нашему вѣсть о киргизскихъ и бухарскихъ караванахъ, которые, задолго еще до Кучума, разъѣзжали по Сибири. Оставляя въ сторонѣ нашихъ старинныхъ, на сѣверо-востокѣ тогдашней Россіи, промышлениковъ, которыхъ давнишняя связь съ Сибирью не подвержена сомнѣнію, скажемъ только, что въ извѣстной грамматѣ царя Іоанна-Грознаго къ Строгоновымъ, отъ 30 мая 1574 года, говорится уже о торгѣ съ среднеазійцами, упоминается о торговыхъ бухарскихъ людяхъ и о Киргизъ-Кайсакахъ и объясняется, что они ходятъ «съ лошадьми и со всякими товарами».

Въ этой грамматѣ Строгоновымъ, на всякій случай, разрѣшено торговать съ Киргизами и Бухарцами всякими товарами безпошлинно, разумѣется въ томъ случаѣ, еслибъ судьба привела когда-нибудь ихъ, Строгоновыхъ, въ Сибирь, и позволила имъ войдти съ этими Азіятцами въ торговыя сношенія, чего однакожь, сколько извѣстно, не было.

Въ-послѣдствіи времени, когда Ермакъ неожиданнымъ образомъ самъ-собою попалъ въ Сибирь и неожиданнымъ образомъ покорилъ ее—бухарскіе караваны, какъ кажется, довольно-часто посѣщали его маленькую колонію. Потомъ, когда Ермакъ былъ убитъ, когда шайка его бѣжала изъ Сибири, когда русское войско вновь пріобрѣло ермаковы завоеванія — караваны иноземцевъ снова начали посѣщать русское населеніе.

Въ 1596 году сибирскимъ властямъ данъ былъ наказъ, въ которомъ имъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность, вслучаѣ прибытія бухарскихъ и ногайскихъ торговыхъ людей со всякими товарами, съ лошадьми и со скотомъ въ городъ Тару, въ южную оконечность нашихъ тогдашнихъ владѣній въ Сибири — производить съ ними свободную торговлю, обходиться съ ними учтиво, привлекать къ себѣ ласкою и, по окончаніи торга, отпускать ихъ назадъ безъ всякаго задержанія; а если кто изъ нихъ захочетъ продолжать путь далѣе по нашимъ владѣніямъ и ѣхать съ товарами въ Тюмень или въ Тобольскъ, то нисколько не стѣснять ихъ въ этомъ намѣреніи ничѣмъ, а «держать къ нимъ береженье, чтобъ ихъ и впередъ пріучити».

Въ это время Русскіе ознакомились уже съ нуждами сосѣднихъ племенъ и старались удовлетворять ихъ въ этихъ потребностяхъ съ возможнымъ соблюденіемъ и собственныхъ своихъ выгодъ. Такъ, напримѣръ, къ воеводамъ разосланы были мѣдные котлы съ повелѣніемъ «промѣнити ихъ тамошнимъ людемъ на соболи и на лисицы чорныя и на шубы на собольи гривенку (то-есть фунтъ вѣса) по двѣ гривны, а пудъ промѣнить въ восемь рублевъ. А что на тѣ котлы соболей, лисицъ и шубъ собольихъ вымѣните и въ колько пудъ по цѣнѣ промѣнить и воеводѣ съ товарыщи держать тое рухлядь въ государевѣ казнѣ за своею печатью и прислать къ государю къ Москвѣ съ ясашною казною вмѣстѣ, да о томъ отписать къ государю подлинно въ приказъ».

Въ скоромъ времени, когда разнаго рода неустройства и безпорядки были причиною внутреннихъ потрясеній — съ одной стороны отъ Кучума, который строилъ козни противъ Русскихъ, съ другой стороны отъ самихъ мѣстныхъ властей—торговыя сношенія наши съ сосѣдями прекратилась, и остановка торговыхъ дѣлъ поставила все сибирское народонаселеніе въ самое крайнее положеніе. Изъ Россіи, черезъ горы, нельзя было получить всего, что было нужно для житейскихъ потребностей за-уральскаго народа: и трудность пути, и отдаленность Чердыни и бѣдность при-уральскихъ слободокъ— все это заставляло Русскихъ въ Сибири тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ Бухарами и Ногаями, которые одни только были въ-состояніи и въ-возможности снабжать наши владѣнія самыми необходимыми предметами потребленія. Прекращеніе или пріостановленіе этихъ сношеній, ставило край въ чрезвычайно-затруднительное положеніе и вынудило жителей обратиться наконецъ, въ 1597 году, къ царю съ жалобой. Жалоба эта, вмѣстѣ со многими другими документами чрезвычайно-интересна во многихъ отношеніяхъ; не перепечатывая ее всю, мы ограничиваемся слѣдующимъ отрывкомъ:

«Великому Князю-Бѣлому Царю Сибирскіе Земли вѣ, отъ мала до велика, холопи твои челомъ бьютъ.

«Мы, по своей правдѣ, воеводамъ послушны, а тюменскіе люди отложились. И мы того не вѣдаемъ отъ кого учинилось: невѣдомо отъ воеводъ, невѣдомо отъ кого! Что ни учинишь—вѣдаетъ Богъ, да ты! Да нынѣ къ намъ въ Сибирь гости ни откуда не ходятъ, и мы всѣмъ скудны; а только бы торговые люди приходили и мы бъ совсѣмъ пополнились и сыты бъ были. А воеводы здѣшніе безъ твоего, Великаго Князя, Бѣлаго Царя, велѣнья пословъ послать не смѣютъ и ты бъ, Государь, повелѣлъ въ Бухары и въ Ногаи пословъ посылати, чтобъ землѣ была прибыль; о томъ холопи твои, Сибирцы, вѣ, отъ мала до велика, челомъ бьемъ.... Да бьемъ челомъ тебѣ, Государю, чтобъ еси Шиха, да Моллу, да Бабуазея, трехъ ихъ, велѣлъ отпустить въ ихъ землю, въ Бухаръ; а твоему юрту отъ нихъ прибыли нѣтъ, развѣ всегды плачутъ: и тебѣ бъ, Бѣлому Царю, въ томъ грѣха не было. И мы вѣ объ нихъ печалуемся, чтобъ еси пожаловалъ, велѣлъ ихъ отпустити.»

Разрѣшеніе этой просьбы имѣло благія послѣдствія для развитія промышленыхъ сношеній нашихъ на западѣ Сибири. Но иноземные караваны ходили къ намъ съ верховьевъ Иртыша и ограничивались Иртышемъ же. Между-тѣмъ Русскіе, достигнувъ рѣки Оби и пробираясь вверхъ по ней все дальше, да дальше, отдалялись отъ главнаго

центра тогдашней нашей торговой дѣятельности и заняли рѣку Томь, впадающую въ р. Обь.

Объ отдаленныхъ краяхъ Сибири, объ Оби, о рѣкѣ Бакапъ (Абаканъ), о рѣкѣ Кумчагѣ (можетъ-быть это рѣка Кемчугъ, а можетъ-быть Кем-кемчикъ), мы знали отъ русскихъ путешественниковъ, которые гораздо-ранѣе Ермака бывали въ Сибири, но собственно о краѣ при-Обскомъ, особенно о его верховьяхъ, мы понятія не имѣли. Слыхали только отъ Бурнаша Ялычева, что «вверхъ рѣки Кара-тиле кочуетъ Алтынъ-Царь:—съ своими улусы прикочевываетъ» и что «та-де рѣка Кара-тиле впала въ тую рѣку Обь-рѣку-великую, а тое де вершины мы не вѣдаемъ, а устья де мы не знаемъ».

Забравшись въ глушь, въ даль, русское воинство и русскіе колонисты, переселенные туда правительствомъ, горько горевали въ томской сторонѣ. Непріязненная и продолжительная борьба съ южными инородцами тѣхъ предѣловъ, которые въ настоящее время входятъ въ составъ Томской-Губерніи, замедляла здѣсь мѣну необходимыхъ припасовъ и ставила все томское населеніе въ крайнее положеніе, возвысивъ цѣну на самые обыкновенные и необходимые предметы потребленія до возможной дороговизны.

Въ 1614 году обитатели здѣшнихъ краевъ, казаки, снова обратились за помощью къ великодушному царю Михаилу Ѳеодоровичу.

«Царь-Государь, писали они, смилуйся-пожалуй: воззри на нашу великую нужу и бѣдность. Намъ, Государь, холопѣмъ твоимъ, преже сего на Москвѣ давано твоего царсково жалованья въ наши оклады на покупку чѣмъ бы намъ одѣться; а нынче, Государь, мы, холопи твои, и съ женишками и съ дѣтишками съ ними наги. А купити, Государь, негдѣ: торговые люди не заѣзжаютъ — мѣсто дальнее! А отъ Сургута, Государь, и до Нарыма Обскіе-Остяки торговыхъ людей не пропущаютъ въ Томскій городъ, грабятъ и побиваютъ; а купимъ, Государь, въ Томскомъ городѣ аршинъ бѣлово сукна по полуполтинѣ, а холсту аршинъ по двѣ гривны; да и купить, Государь, не добудемъ!..»

Но чѣмъ болѣе развивалось народонаселеніе этого края, тѣмъ болѣе потребности его удовлетворялись собственными уже произведеніями. Отсутствіе лыка и необходимость въ обуви — развивали здѣсь кожевенную промышленость; богатство звѣриныхъ уловов—снабжало жителей мягкою рухлядью; плодородная почва земли— сторицею вознаграждала трудъ земледѣльца; древнія могилы и старинныя копи неизвѣстныхъ народовъ, вселили въ Русскихъ охоту искать кладовъ и положили начало горной промышлености. Неизвѣстное племя татарское, усвоившее себѣ названіе «кузнецовъ» занималось кузнечною работою и снабжало край необходимыми металлическими подѣлками. Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло вліяніе на усиленіе и развитіе внутренней торговой промышлености, а постоянное ознакомленіе съ югомъ и распространеніе нашихъ завоеваній во всѣ стороны—положило незыблемое начало торговлѣ Сибири съ Среднею Азіею.

О томъ, какъ наши пограничные сосѣди нуждались въ нашихъ произведеніяхъ, можно видѣть изъ обхожденія ихъ съ нашими посланцами. Алтын-ханъ, на-примѣръ, и всѣ его приближенные, какъ ребятишки, ухаживали за русскими чиновниками и вымогали у нихъ, подъ разными предлогами, то ружья съ замками, то цвѣтные кафтаны, то разныя блестящія бездѣлки, которыя находились при посланцахъ, однимъ сло-

вомъ, все, что въ-отношеніи къ жаднымъ дикарямъ было предметомъ не необходимости, а роскоши.

Русскіе люди пользовались падкостію новыхъ своихъ знакомцевъ къ извѣстнымъ предметамъ потребленія, входили въ ихъ вкусъ, примѣнялись къ дѣйствительнымъ необходимымъ для нихъ потребностямъ и, постоянно сближаясь съ ними, со дня на день все болѣе и болѣе устанавливали съ ними постоянныя промышленыя сношенія, которыя съ теченіемъ времени и обратились въ постоянный мѣновой торгъ. Конечно, первые подали къ этому поводъ служилые ратные люди и волонтеры-промышленики, провѣдывавшіе землицъ и имѣвшіе весьма часто полное къ этому удобство. Съ одной стороны, умѣнье сдружиться со всякимъ чужеземцомъ посредствомъ ласки и обходительности, умѣнье привязать каждаго дикаря къ себѣ винцомъ, зеркальцомъ, зернью и прочимъ, а съ другой избытокъ въ товарахъ, которые служилымъ людямъ выдавались или вмѣсто денежнаго иногда жалованья, или въ видѣ наградъ, и сбытъ этихъ излишковъ сосѣдямъ положили начало и упрочили промышленыя наши здѣсь связи.

Такъ, на-примѣръ, находимъ мы весьма-нерѣдко, что въ извѣстный округъ Сибири высылалось «государева жалованья всякихъ чиновъ служилымъ людемъ мѣновыхъ товаровъ: четыреста кумачей, цѣною по сороку алтынъ кумачъ; да суконъ четыре половинки карповые, по пятьнадцати рублевъ половинка; четырежь половинки полукарповые, по одинадцати рублевъ половинка; да шиптуговъ десять половинокъ, по шти рублевъ съ полтиною половинка, десять половинокъ, по шти рублевъ по осми алтынъ по двѣ деньги половинка, семь косяковъ стамедовъ, по пяти рублевъ косякъ, да зуфеи десять портищъ, по пяти рублевъ съ полтиною портище... да сто шестьдесятъ семь кумачей...» и проч. Но кромѣ служилыхъ людей и люди торговые не замедлили расширить наши небольшія операціи и привозили къ пограничнымъ мѣстамъ издѣлія русскихъ рукъ и мѣняли ихъ на заграничныя восточныя произведенія.

О томъ, какую роль игралъ при этомъ Томскъ—мы уже имѣли случай сказать, говоря о пограничныхъ линіяхъ, въ замѣткѣ о старинныхъ сибирскихъ казакахъ. Съ самаго начала учрежденія Томска мѣновой торгъ былъ, конечно, не важенъ, но по-мѣрѣ-того какъ мы, съ этой стороны, подавались все южнѣе, ближе-и-ближе къ верховьямъ Иртыша — операціи наши, естественнымъ образомъ, должны были имѣть болѣе-обширный кругъ.

Въ 1651 году царь Алексій Михайловичъ получилъ, наконецъ, отъ томскаго воеводы князя Михаила Волынскаго отписку, въ которой воевода, послѣ обыкновенной формы «холопи твои, Мишка Волынскій и такіе-то челомъ бьютъ», пишетъ, что кузнецкій казакъ Афонька Поповъ, разузнавшій отъ Керсегальцовъ, что есть за Біею рѣкою, вверхъ по Катунѣ рѣкѣ, новыя волости Саяны и Мугаты и Точи, и ходившій туда на развѣдку, возвратился въ Кузнецкій-Острогъ, а съ нимъ, изъ Черныхъ-Колмаковъ, «пришелъ Чокура тайши Тархи-Самарганъ-Ирги, улусской мужикъ и билъ челомъ государю, чтобъ государь его Чокурова-Ирги-Тарху-Самаргана пожаловалъ — на усть Біи и Катунѣ рѣки велѣлъ острогъ поставить; и Чокуровъ-де Тарха-Самарганъ-Ирги велитъ давать Точамъ, и Мугатъ и Саянамъ ясакъ государю».

Это пріобрѣтеніе, вдвинувъ насъ еще глубже въ долины Алтая, увеличило число нашихъ данниковъ, сблизило насъ съ новыми средне-

азійскими знакомцами и расширило кругъ нашихъ мѣновыхъ операцій до такой степени, что въ скоромъ времени у насъ стали появляться въ предѣлахъ Западной-Сибири, кромѣ Тобольска и Томска, новыя отдѣльныя мѣста, гдѣ сосредоточивались всѣ наши мѣновыя сдѣлки, и куда съѣзжались «изъ русскихъ и изъ сибирскихъ низовыхъ городовъ всякихъ чиновъ люди и иноземцы со всякими своими русскими и съ бухарскими и китайскими товары».

Знакомство наше съ Китаемъ, по покореніи Сибири, началось еще со временъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, въ царствованіе котораго томскій воевода Василій Васильевичъ Волынскій, въ 1608 году, порывался-было проѣхать чрезъ владѣнія Алтын-хана. Правда, попытка его была неуспѣшна, но посольство казаковъ Ивана Петлина и Пятуньки Кизыллова, въ 1616 и 1619 годахъ, должно было имѣть вліяніе на торговыя сношенія наши съ его подданными. Неудачное посольство Байкова въ Китай въ 1654 году, и потомъ болѣе удачныя миссіи боярина С. И. Перфильева, въ 1658 году, Бухарца Сеиткуль-Албина, въ 1668 году, Николая-Спафорія, въ 1675 году и, наконецъ, окольничаго Ѳеодора Алексѣевича Головина, въ 1689 году, и частныя сношенія Русскихъ съ сосѣдями, образовали и подчинили извѣстнымъ условіямъ нашъ мѣновой торгъ съ Китайцами.

При словѣ о торговлѣ съ Китайцами, невозможно отогнать мысли о подвигахъ «стараго опытовщика», Ерофея Павловича Хабарова и о послѣдствіяхъ этихъ подвиговъ. Въ какой степени были бы важны для насъ эти послѣдствія, и дѣйствительно ли «Даурская земля будетъ прибыльнѣе Лены и противъ всей Сибири будетъ мѣсто въ томъ украшено и изобильно» — это вопросъ неразрѣшеный, вопросъ спорный, который мы обходимъ до поры до времени; но какъ не вспомнить, при этомъ случаѣ, тѣхъ трудовъ, которые перенесло, во времена амурскихъ походовъ, православное русское воинство. Мы говорили о казакахъ, старались указать ихъ положеніе подлинными грамматами тогдашняго времени, старались черезъ посредство ихъ знакомить городскихъ читателей нашихъ съ образомъ азіатской войны и съ снаровкою, которая необходима для военныхъ дѣйствій нашихъ съ сибирскими сосѣдями: къ этому знакомству, и къ сравненію старипнаго сибирскаго быта съ нынѣшнимъ собственнымъ нашимъ бытомъ, направлены всѣ наши сибирскіе очерки; съ этою же цѣлью мы приводимъ здѣсь и письмо одного казака временъ царя Алексія Михайловича и временъ Хабарова, тѣмъ охотнѣе, что Даурская земля и понынѣ еще ничто иное какъ родъ пустыря, гдѣ, несмотря на благословенную природу, на богатство почвы, незамѣтно никакой гражданственности: Китайцы, по прилегающей къ предѣламъ Россіи лѣвой сторонѣ Амура, незаботливо охраняютъ ту землю, которую считаютъ своею собственностью и богатый даурскій край все-еще представляетъ собою только пустыню, мѣстами обитаемую кочевыми полудикими племенами. Изъ приводимой отписки читатели могутъ сообразить, какой бы былъ результатъ плаванія по Амуру, еслибъ вмѣсто одного судна была снаряжена туда цѣлая флотилія, изъ людей хорошо знакомыхъ съ краемъ, хорошо вооруженныхъ и обильно снабженныхъ и продовольствіемъ и необходимыми, для мѣны и для привлеченія къ себѣ туземцовъ, товарами. То, что пишетъ казакъ въ этомъ письмѣ, можетъ случиться и нынче, еслибъ въ наши времена возможно было

неумѣстное молодечество—пускаться въ невѣдомый край безъ приготовленія и въ такомъ ограниченномъ числѣ ратниковъ.

«Плыли мы» говоритъ этотъ казакъ, про себя съ двадцатью-пятью товарищами, «по Амуру, да и заплыли въ большіе-люди, въ Дючеры и Натки, и тѣ иноземцы къ берегу пристать намъ не дали, и къ острову не припустятъ, по берегу ѣздятъ на коняхъ, а по рѣкѣ ѣздятъ во многихъ стругахъ, струговъ по двадцати и болши, а въ стругахъ ѣздитъ человѣкъ сорокъ и болше; и съ ними многіе бои были, изъ-за островов на насъ напускали по всякой день по двожды и по трожды, и на послѣгахъ скрадываютъ. И мы, холопи государевы, видя бѣду неминучую, поплыли внизъ по Амуру въ Гиляки и поймали натцкаго мужика. И навелъ насъ онъ, иноземской мужикъ, на скопныхъ людей многихъ, гиляцкихъ мужиковъ; и насъ, холопей государевыхъ, стрѣтили на рѣкѣ во многихъ стругахъ, и съ нами драку учинили, и насъ обсадили: на берегъ не допустятъ и ни внизъ ни вверхъ не пропустятъ! И мы въ осадѣ на якорѣ стояли двѣ недѣли, и пить и ѣсть стало нечего... горько было! А запасу взято было мало и тотъ запасъ весь приѣли, и ѣсти стало нечего—помирали напрасною голодною смертію. И мы, холопи государевы, увидѣли на юртахъ рыбу провѣсную и напустились на тѣ юрты великою нужею, голодные, и вышли на берегъ за щитами, и на улусъ напустили—и на тѣхъ юртахъ лежали въ западѣ многіе люди, и съ ними учинили драку великую, и дралися мы съ половины дня и до вечера, и Божіею милостію и государскимъ счастіемъ, на бою улусъ погромили, и мужиковъ съ улусу сбили, и юрты съ конца зажгли—и поплыли по Амуру-рѣкѣ, и выплыли, не знаючи устья Амура рѣки, въ Амурскую-Губу. И по Амуру плыть и берегомъ бичевою итти не можно—гиляцкіе мужики не пропустятъ; а у насъ, государевыхъ холопей, судовыхъ снастей нѣтъ, парусовъ и дроговъ нѣтъ, и стали мы, по нужѣ, для морского ходу, къ судамъ нашвы пашивать въ Амурской-Губѣ, на берегу съ великою обережью, за караулы. И оттуда мы, холопи государевы, пошли по морю на гребяхъ, и выгребли изъ губы на море—и понесло насъ, холопей государевыхъ, во льду на море, и носило насъ во льду десятъ дёнъ, и принесло на берегъ на пустое мѣсто, и тутъ насъ къ берегу льдомъ придавило, и раздавило судно, и судно потонуло. И мы, холопи государевы, на берегъ пометалися душею да тѣломъ, а хлѣбъ и свинецъ и порохъ потонулъ: и стали безо всего! И оттуда мы, холопи государевы, пошли пѣши подлѣ моря, и шли мы пѣшею погою подлѣ моря пять дёнъ, а питалися мы ягодами и травою, и находили на берегу по край лося битого, звѣря морскаго нерпу, да моржа, и тѣмъ мы душу свою осквернили—нужи-ради питалися. Такъ дошли мы, холопи государевы, до рѣчки и тутъ мы стали судёнышко ладить и намъ Богъ пособилъ — судишко сдѣлали и пошли по морю, и дошли до рѣчки, а на усть рѣчки тунгускіе мужики увидали, и изъ юртъ побѣжали и пометали свой рыбный кормъ. И шли мы, холопи государевы, до той рѣчки съ усть Амура рѣки восмь недѣль и три дни, а питалися травою да водою, да морскимъ звѣремъ нерпою—и тутъ мы осеневали; и съ той рѣчки поднялись мы на нартахъ черезъ хребетъ, на Ленскіе покати и шли на нартахъ четыре недѣли со днемъ. А теперь мы на Тугирѣ рѣкѣ, и наги, и босы, и голодни, и холодни, со всякіе нужи въ конецъ погибаемъ, и холодною нужною смертію озябаемъ: у

насъ и топоровъ нѣтъ!.. Писать-было государю челобитная о нужѣ и о бѣдности — да не стало въ войскѣ бумаги — писать не начемъ!»

Неизвѣстный авторъ латинской рукописи «Relatio de Sibiria» въ семнадцатомъ столѣтіи описывавшій Сибирь, въ которой онъ пробылъ пятнадцать лѣтъ, разсказываетъ уже, что въ его время торговые караваны ходили изъ Тобольска вверхъ по Иртышу въ калмыцкую землю; что суда идутъ этимъ путемъ четыре мѣсяца и приходятъ на соляное озеро (Ямышево); что Русскіе производятъ торговлю не на наличныя деньги, а посредствомъ мѣны: сами отдаютъ свои товары разнаго рода, а отъ Калмыковъ получаютъ рогатый скотъ, лошадей, сласти и китайскій табакъ; что бухарскіе караваны приходятъ къ Тобольску зимою на верблюдахъ, а лѣтомъ на судахъ; что они привозятъ съ собою хлопчатую бумагу, разноцвѣтныя бумажныя ткани, которыя Русскіе называютъ китайкой; также привозятъ корицу низкаго сорта, бадьянъ, турецкій кофе и китайскій чай; что Бухарцы занимаются продажею драгоцѣнныхъ камней и совершаютъ при этомъ случаѣ ужасные обманы.

Постоянныя привозныя статьи бухарскихъ промышлениковъ состояли изъ бумажныхъ издѣлій, мерлушки, шкуръ дорогихъ звѣрей, иногда даже леопардовыхъ и тигровыхъ, сушеныхъ плодовъ, риса, бобровой струи, драгоцѣнныхъ камней поддѣльныхъ и настоящихъ, и драгоцѣнныхъ металловъ. Мы, разумѣется, не могли отвѣчать имъ такимъ же разнообразіемъ и поневолѣ должны были ограничиваться преимущественно продуктами въ грубомъ видѣ. Фабричныя и ремесленныя занятія собственно въ Сибири и теперь еще не стали въ надлежащій уровень съ настоящими потребностями края, а въ семнадцатомъ столѣтіи и еще менѣе можно было ожидать развитія промышленыхъ операцій. Что касается до массы народа, переселявшагося въ Сибирь, то коммерческія занятія и не могли быть ему сподручны. Переселенцы не приносили съ собой никакого ремесла, кромѣ навыка срубить домъ, заготовить упряжь, да вспахать землю, которая щедро вознаграждала ихъ труды. Женщины умѣли соткать толстый хрящь, да сермяжное сукно по старинной поговоркѣ «овца кормитъ, овца и одѣваетъ». Торговыя занятія сосредоточивались въ рукахъ немногихъ: участіе въ ней принимали зажиточное купечество, да воеводы, дѣйствовавшіе подъ чужимъ именемъ.

Во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія на западѣ Сибири положено начало знаменитой ярмарки въ Слободѣ-Ирбитской, потомъ на востокѣ у насъ завязалась мѣна съ Китайцами и тамъ мало-по-малу сложилось основаніе кяхтинской торговли — вотъ два крайніе пункта, раздѣленные между собою огромнымъ пространствомъ, два зерна, сначала почти незамѣтныя, которыя въ полтора столѣтія развились и дали нашей торговлѣ особенную значимость. Постепенное усиленіе здѣсь нашихъ торговыхъ операцій уменьшало коммерческое значеніе стороны приалтайской, а обстоятельства, покончившія наши военныя дѣйствія съ Калмыками и Киргизами — покончили совершенно это значеніе.

Въ-отношеніи къ заграничной торговлѣ правительство наше придерживалось запретительной системы—какъ, на-примѣръ, это соблюдалось въ-отношеніи къ ввозу и вывозу ревеня, гоненіе на который началось еще съ 1657 года; въ случаѣ нужды и сообразно съ обстоятельствами времени, оно предоставляло себѣ монополію, какъ, на-примѣръ, это бы-

ло въ китайской торговлѣ, отъ которой, однакожь, въ-послѣдствіи времени, правительство совершенно отступилось, предоставивъ ее исключительно въ руки купечества. Первый казенный караванъ съ товарами былъ отправленъ въ Китай въ 1699 году, а послѣдній въ 1755-мъ. Къ этому же времени относится начало таможенныхъ пошлинъ у Алтая.

Заселеніе мѣстъ, облегающихъ царскіе заводы и мѣры Императрицъ Елисаветы и Екатерины II для охраненія, какъ этой, личной Своей собственности, такъ и всего при-алтайскаго края отъ вторженія и непріязненныхъ дѣйствій со стороны сосѣднихъ дикарей — послужили поддержкою и развитіемъ, сообразно обстоятельствамъ времени, тѣмъ великимъ планамъ, которые занимали Петра-Великаго, не словомъ только, а самымъ дѣломъ стремившагося къ распространенію нашихъ торговыхъ сношеній съ Среднею-Азіей.

Оренбургъ, Семипалатинскъ и Кяхта, раздѣленные между собою тысячами верстъ, предназначены были для поддержки нашихъ связей съ сосѣдями. Но Семипалатинскъ—еще только поднимался. Противъ крѣпости Усть-Каменогорской, по лѣвому берегу Иртыша до Омска, начали, съ 1758 года, по опустошеніи Чжуньгаріи, распространяться кочевья Киргиз-Кайсаковъ. Между водворяющимися сосѣдями и крѣпостными жителями скоро завязалась мѣна. Дальніе сосѣди, купцы изъ Ташкента, Кашгара и Бухары, свѣдавшіе о новомъ пути для сбыта, не замедлили подходить къ нашимъ линіямъ и мѣняться съ нами собственными своими и китайскими товарами; въ этихъ краяхъ торгъ ихъ началъ сосредоточиваться частію въ Усть-Каменогорскѣ, но болѣе въ Семипалатинскѣ, гдѣ еще съ 1754 года существовалъ мѣновой торгъ и таможня, и явилось купечество.

Здѣсь Киргизы предлагали намъ въ промѣнъ своихъ овецъ, лошадей, рогатый скотъ, овчины, мерлушки, верблюжьи азямы, кошмы, то-есть, войлоки или полсти; отъ Бухарцевъ и другихъ жителей Средней-Азіи мы получали бязи, дабы, халаты, занавѣсы, бумагу пряденую и въ хлопьяхъ, шкуры рысьи, барсовыя, волчьи, лисьи, куньи, мерлушки, сарачинское пшено, сушеный виноградъ, извѣстный подъ названіемъ кишмышъ, изюмъ, плоды, китайскія шелковыя ткани, и проч. Мы, съ своей стороны, отпускали имъ хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ, вино, чугунныя и желѣзныя подѣлки, котлы, таганы, капканы; кожи, юфть, сукна недорогой цѣны и другія вещи.

Таможенный доходъ въ Семипалатинскѣ былъ незначителенъ; но замѣчательна прогрессія, въ которой доходъ этотъ годъ–отъ–году все болѣе-и-болѣе увеличивался. Такъ, на-примѣръ, въ 1754 году онъ простирался только до 90 руб.; въ 1759 году возвысился до 221 рубля; въ слѣдующемъ 1760 году онъ дошелъ до 330 р.; въ 1764 году поднялся до 1,467 р., а въ 1769 году таможенный сборъ превышалъ уже 4,000 рублей.

Долго, однакожь, наша иртышская торговля была незначуща, хотя въ ней, кромѣ торгующаго купечества, весьма-дѣятельное участіе принимали и линейные казаки, производившіе издавна, въ качествѣ пограничныхъ жителей, свободную безпошлинную и безотчетную мѣну съ зарѣчными обитателями. Правительство наше издавна принимало

мѣры къ приведенію въ возможную ясность всѣхъ обстоятельствъ, которыя служили бы указаніемъ средствъ, могущихъ дать сибирской линейной торговлѣ болѣе развитое направленіе. Съ этою же цѣлью начальникъ Сибирской-Линіи генерал-лейтенантъ Глазенапъ въ 1811 году далъ порученіе находившемуся при немъ переводчикомъ Путимцову отправиться въ путешествіе и собрать возможно-полныя свѣдѣнія, которыя бы могли содѣйствовать развитію нашей торговли съ Среднею-Азіею, въ предѣлахъ Западной-Сибири.

Не входя въ подробности путешествія самого Путимцева, скажемъ только, что съ-тѣхъ-поръ стала, такъ-сказать, осязательною та польза, которую русскіе промышленики *могутъ* и *должны* извлечь изъ распространенія своихъ торговыхъ сношеній съ Среднею-Азіею. Путимцевъ путешествовалъ изъ Бухтарминска на китайскіе города Чугучакъ и Кульджу, которые представляются самыми удобными пунктами для распространенія нашей торговли въ томъ размѣрѣ, который занималъ мысли Петра-Великаго; они заставляютъ людей, болѣе знакомыхъ съ этимъ предметомъ, вѣровать и вѣрить въ возможность тѣсныхъ торговыхъ связей съ Среднею-Азіею не со стороны Оренбурга, а именно изъ южной оконечности Томской-Губерніи, съ верховьевъ рѣки Иртыша.

Излишне было бы говорить, что распространеніе торговли отсюда, съ Иртыша, ни сколько не будетъ въ ущербъ оренбургской торговлѣ. — Оренбургская-Линія будетъ продолжать свое дѣло въ томъ же блистательномъ размѣрѣ, въ какомъ она и донынѣ производитъ свои операціи: Сибирская-Линія, имѣя собственное свое назначеніе, назначеніе предписанное ей Петромъ-Великимъ, требуетъ въ настоящее время преимущественнаго къ себѣ вниманія не однихъ богатыхъ Сибиряковъ, но и вообще нашего торговаго сословія; а Иртышъ много представляетъ пунктовъ сосредоточенія, именно здѣсь, и общаго блага для края и частныхъ выгодъ промышленаго люда. Близость великороссійскихъ губерній, богатство природы, сосѣдство Китая, путь въ Индію, водяной сплавъ, охрана воинственная, людность нашихъ южныхъ предѣловъ — вотъ предметы, о которыхъ пора пораздумать нашему торговому сословію, если только ему приходитъ на мысль, что у насъ, ближе къ европейской границѣ, можетъ быть вторая Кяхта.

Полное по-возможности развитіе нашей заграничной торговли по Сибирской-Линіи, безспорно, есть удѣлъ нашего времени, слѣдствіе мудрыхъ правительственныхъ мѣръ настоящаго царствованія; и двадцати-пятилѣтній опытъ доказалъ, что главнымъ торговымъ пунктомъ съ Среднею-Азіею, послѣ Петропавловской-Таможни — есть таможня Семипалатинская.

Въ нынѣшнихъ предѣлахъ *Томской-Губерніи* привозъ и отпускъ товаровъ сосредоточивается въ Семипалатинской-Таможнѣ, въ Устькаменогорской-Таможенной-Заставѣ, въ Заставѣ-Коряковской и въ таможенномъ постѣ Бухтарминскомъ. Общій оборотъ привоза и отпуска товаровъ въ эти четыре пункта въ-теченіе пятнадцати лѣтъ, начиная съ 1824 года по 1838 включительно, болѣе-нежели удвоился: въ 1824 году оборотъ этотъ простирался свыше 750,000 рублей, въ 1828 свыше 1,100,000 рублей, въ 1833 свыше 1,300,000 рублей, а въ 1838 около 1,900,000 рублей ассигнаціями. И именно:

	По Бухтарминскому-Посту. Отпускъ.	Привозъ.	По Коряковской-Заставѣ. Отпускъ.	Привозъ.
1824	5,135 р. ас.	50,052 р. ас.	1,430 р. ас.	1,828 р. ас.
1825	3,868 » »	5,496 » »	11,856 » »	3,530 » »
1826	2,612 » »	67,396 » »	13,384 » »	7,247 « »
1827	6,652 » »	27,798 » »	43,361 » »	6,833 » »
1828	21,749 » »	20,091 » »	51,335 » »	13,175 » »
1829	7,225 » »	8,448 » »	81,026 » »	19,443 » »
1833	2,631 » »	2,257 » »	105,366 » »	50,677 » »
1836	649 » »	9,521 » »	83,516 » »	96,782 » »
1838	2,031 » »	902 » »	61,045 » »	26,439 » »

	По Устькаменогорской-Заставѣ.		По Семипалатинской-Таможнѣ.	
1824	12,189 р. ас.	20,970 р. ас.	323,232 р. ас.	342,136 р. ас.
1825	35,879 » »	18,795 » »	256,097 » »	627,738 » »
1826	28,236 » »	5,242 » »	479,229 » »	372,802 » »
1827	58,071 » »	27,359 » »	332,253 » »	242,802 » »
1828	130,669 » »	18,629 » »	610,688 » »	261,375 » »
1829	88,031 » »	20,216 » »	570,803 » »	430,493 » »
1833	61,032 » »	26,440 » »	619,205 » »	458,532 » »
1836	59,271 » »	46,757 » »	776,216 » »	614,839 » »
1838	65,069 » »	34,300 » »	1,004,998 » »	679,849 » »

Итогъ привоза и отпуска по всѣмъ четыремъ пунктамъ.

	Отпускъ.	*Привозъ.*
1824	341,986 р. ас.	414,986 р. ас.
1825	307,700 » »	655,559 » »
1826	523,461 » »	452,687 » »
1827	440,337 » »	304,792 » »
1828	814,441 » »	313,270 » »
1829	747,085 » »	478,590 » »
1833	785,603 » »	537,906 » »
1836	919,652 » »	767,899 » »
1838	1,133,143 » »	741,490 » »

Эти цифры показываютъ, до какой степени развитія доходила наша иртышская заграничная торговля въ-продолженіе пятнадцати-лѣтняго періода въ одной только Томской-Губерніи. Цифры эти тѣмъ-болѣе заслуживаютъ вниманія, что торговая населенность этого края вовсе не обѣщала подобныхъ результатовъ. Изъ обнародованныхъ въ разное время свѣдѣній извѣстно, что лицъ торговаго сословія было

въ 1826 году купцовъ	1 гил.	6	душъ	муж.	пола.
»	2 »	15	»	»	»
»	3 »	125	»	»	»
а въ 1837 году купцовъ	1 гил.	3	»	»	»
»	2 »	41	»	»	»
»	3 »	467	»	»	»

Но въ этомъ числѣ, доказывающемъ раздробленіе капиталовъ, включены и члены купеческихъ семействъ, а не одни тѣ лица мужескаго пола, которыя исключительно отъ своего имени производятъ торговлю.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ результатамъ дальнѣйшаго развитія семипалатинской торговли, мы должны замѣтить, что съ Иртышской-

линіи мы свободно можемъ производить наши коммерческія операціи съ Киргизскою-Степью, Бухарой, Ташкентомъ, Коканомъ и Китаемъ.

Торговля наша съ этими странами, не изъ одной Томской-Губерніи, а вообще изъ всѣхъ коммерческихъ пунктовъ, представляетъ намъ слѣдующія данныя за семилѣтіе съ 1840 по 1846 годъ включительно.

Съ *Киргизскою-Степью* главнѣйшія статьи отпуска, въ-теченіе этого періода, были—хлѣбъ, юфть, бумажныя матеріи, сукна и металлы въ издѣліяхъ; главнѣйшія статьи привоза оттуда къ намъ — мягкая рухлядь, разныя кожи и скотъ. Общій итогъ ежегодно отпускаемыхъ въ Киргизскую-Степь товаровъ простирался отъ одного мильйона до 1,280,000 р. сер.; изъ этого числа одной юфти и кожъ отпускалось на 160,000 р. сер. ежегодно, или нѣсколько менѣе; бумажныхъ матерій отъ 430,000 р. сер., какъ это было въ 1840 году, до 550,000 р. сер. какъ, на-примѣръ, въ 1844 году; сукна русскихъ фабрикъ нисшая цѣнность была въ 1846 году — на 47,000 р. сер., высшая въ 1842 году почти на 87,000 р. сер.; металлическихъ издѣлій отъ 22,000 р. сер. (въ 1842 году) до 63,000 р. сер. (въ 1845 году). Привезено къ намъ мягкой рухляди отъ 68,000 руб. сер. (1843) до 155,000 р. сер. (1841 г.), скота разнаго отъ 790,000 р. сер. (1840 г.) до 1,200,000 р. сер. (1843 г.); чай байховый и кирпичный составляетъ незначительную привозную статью въ семь лѣтъ съ небольшимъ на 12,000 руб. серебромъ.

Торговля съ *Бухарой* даетъ сбытъ нашимъ металлическимъ издѣліямъ и металламъ не въ дѣлѣ, юфти, выдѣланнымъ кожамъ, разнаго рода краскамъ, бумажнымъ и шелковымъ матеріямъ и нашему сукну; привозныя статьи изъ Бухары суть: бумага хлопчатая и пряденая, бумажныя и шерстяныя издѣлія, мягкая рухлядь и фрукты. Цѣнность товаровъ, отпущенныхъ нами въ Бухару, въ послѣднее время колебалась между 290,000 р. сер. (1843 г.) и 440,000 р. сер. (1842 г.), а цѣнность товаровъ привозимыхъ была нисшая 322,000 руб. сер. (въ 1844 году), высшая 1,461,000 р. сер. (въ 1841 году). Въ частности ежегодный вывозъ этотъ замѣчателенъ по слѣдующимъ статьямъ: сахара было отпущено на 22,500 р. сер. (1846 г.), мѣди, высшая цѣнность — 45,000 р. сер. (1844 г.); желѣза, высшая цѣнность — 54,500 р. сер. (1846 г.); металлическихъ издѣлій болѣе чѣмъ на 27,000 р. с. (въ 1841 г.); красокъ — на 45,000 р. сер. (1841 г.); бумажныхъ матерій на 156,000 р. сер (1841 г.); шелковыхъ матерій болѣе чѣмъ на 10,000 р. сер. (1846 г.); сукна русскихъ фабрикъ болѣе чѣмъ на 50,000 р. сер. (1840 г.). Привезено изъ Бухары хлопчатой бумаги пряденой и въ хлопьяхъ на 500,000 р. сер. (въ 1840 г.), бумажныхъ матерій на 686,000 р. сер. (въ 1841 г.); мягкой рухляди почти на 200,000 руб. сер. (въ 1841 г.); фруктовъ на 46,000 руб. сер. (1842 г.). Мы брали только высшую цифру.

Почти тѣ же самыя статьи привоза и вывоза существуютъ и въ торговлѣ нашей съ *Ташкентомъ*; но въ-продолженіе того же семилѣтняго періода цѣнность отпуска съ одной стороны падала до 285,000 р. сер. (1846 г.), съ другой возвышалась до 669,000 р. сер. (въ 1840 г.); нисшая цѣнность ввоза товаровъ оттуда была въ 350,000 р. сер., въ 1842 году, высшая — 617,000 р. сер., въ 1840 году. Главный предметъ торговли съ обѣихъ сторонъ — бумажныя матеріи: въ 1846 году мы ихъ продали на 150,000 р. сер., между-тѣмъ-какъ въ 1840 году цѣнность отпуска этого рода товаровъ доходила до 352,000 р. с.;

сами же мы получили изъ Ташкента бумажныхъ матерій въ 1841 году на 312,000 р. сер., а въ 1845 году только на 195,000 р. серебромъ. Высшая цѣнность отпущенныхъ нами шелковыхъ издѣлій была въ 1841 году, именно 8,500 р. сер., а высшая цѣнность привезенныхъ къ намъ шелковыхъ же издѣлій была 27,000 р. сер., въ 1841 же году. Отпускъ кожъ, болѣе значительный, былъ въ 1840 году—почти на 120,000 р. сер., а самый слабый въ 1843 году, менѣе чѣмъ на 35,000 р. сер. Крайнія цѣнности прочихъ статей сбыта были: сукна 60,000 р сер., въ 1841 г., и 13,000 р. сер. въ 1846 году; металлическихъ издѣлій въ 1840 г. — до 50,000 руб. сер., а въ 1842 году 8,800 руб. сер., металловъ не въ дѣлѣ 20,000 руб. сер. въ 1846 г. и 25,000 р. сер. въ 1841 году. Крайнія цѣнности привозныхъ статей были на хлопчатую бумагу 20,000 р сер. въ 1846 г. и 153,000 р. сер. въ 1840 году; на мягкую рухлядь 51,000 р. сер. въ 1846 г. и 131,000 р. сер. въ 1845 году; на фрукты 12,000 р. сер. въ 1840 г. и 72,000 р. сер. въ 1846 году. Чаю байховаго и кирпичнаго ташкентскіе купцы привезли съ собою въ-теченіе семи лѣтъ почти на 15,000 руб. серебромъ.

Торговля съ *Коканомъ* гораздо-менѣе значительна; въ-теченіе разсматриваемаго нами періода, съ 1840 по 1846 годъ, самая высшая цѣнность отпуска была въ 1841 году — свыше 95,000 р. сер., когда мы отправили туда одного хлѣба болѣе чѣмъ на 56,000 р. сер.; въ 1840, 1842, 1843 и 1844 годахъ цѣнность отпускаемыхъ товаровъ была не многимъ болѣе 22,000 р. сер.; въ 1845 году она понизилась до 13,500 р., а въ 1846 упала до 7,330 р. сер. Нисшая цѣнность привозныхъ статей была 26,000 р. сер. въ 1840 году, высшая почти 40,000 р. сер. въ 1844 году. Главнѣйшій сбытъ нашихъ произведеній составляютъ кожи, которыхъ въ 1841 году отпущено почти на 6,300 р. сер.; въ томъ же году было продано бумажныхъ издѣлій на 21,000 р. сер., сукна на 5,600 р. сер. и металловъ въ издѣліяхъ съ небольшимъ на 1,000 р. сер. Высшая цѣнность привозныхъ статей была: хлопчатой бумаги на 4,000 руб. сер. (въ 1840 г.); бумажныхъ издѣлій 35,000 р. сер. (въ 1844 г.); шелковыхъ издѣлій 1,900 р. сер. (въ 1846 г.); фруктовъ почти на 2,400 р. сер. (въ 1844 году).

Торговля съ *Китаемъ*, съ каждымъ годомъ развиваясь все болѣе-и-болѣе, въ 1846 году представляетъ цѣнность отпускныхъ и привозныхъ товаровъ болѣе чѣмъ на $14\frac{1}{2}$ мильйоновъ рублей серебромъ. Главныя статьи отпуска — хлѣбъ, около 65,000 р. сер. въ 1842 году, кожи и металлическія издѣлія свыше 600,000 р. сер., въ 1846 году; бумажныя, льняныя, пеньковыя и шерстяныя издѣлія болѣе чѣмъ на 1,850,000 р. сер., въ 1846 же году; сукно нашихъ фабрикъ до трехъ мильйоновъ рублей серебромъ ежегодно, въ 1841, 1842, 1845 и 1846 годахъ; мягкая рухлядь постоянно свыше мильйона рублей серебромъ; рога изюбрьи и сайгачьи, кораллы и корольки болѣе чѣмъ на 80,000 р. сер. въ 1846 году. Изъ привозныхъ статей первое мѣсто занимаютъ чаи, около 7,000,000 р. сер. ежегодно въ 1841, 1842, 1845 и 1846 годахъ; затѣмъ шелковыя матеріи отъ ста до 125,000 р. сер. и сахаръ, котораго, сравнительно съ другими годами, продано намъ болѣе всего въ 1841 году, именно на 93,000 р. сер.; съ 1843 по 1847 годъ включительно его ввезено къ намъ въ-теченіе 5-ти лѣтъ болѣе чѣмъ на 260,000 руб. серебромъ.

Чтобъ объяснить себѣ какую значительность имѣютъ заграничные торговые обороты собственно Томской-Губерніи, въ-отношеніи къ общей цѣнности привоза и отпуска товаровъ, вообще по всей азіятской нашей торговлѣ, мы ограничиваемся только сближеніемъ цифръ, которыя сами за себя говорятъ ясно.

Годы.	Вообще по азіятской торговлѣ.		По сухопутной границѣ отъ Каспійскаго-Моря до Бухтармы.		Отъ Коряковской-Заставы до Бухтарминскаго-Поста.	
	Отпускъ. Руб. сер.	*Привозъ.* руб. сер.	*Отпускъ.* руб. сер.	*Привозъ.* руб. сер.	*Отпускъ.* руб. сер.	*Привозъ.* руб. сер.
1840	5,902,352	9,386,622	2,345,583	2,914,026	335,301	266,449
1841	11,066,221	15,093,423	2,738,724	3,825,886	360,537	291,036
1842	9,963,162	14,069,264	2,308,944	3,128,332	349,273	314,199
1843	7,897,146	11,805,040	2,114,224	2,654,565	394,690	283,021
1844	9,421,330	12,148,325	2,495,712	2,462,100	391,802	272,040
1845	9,760.933	13,868,409	2,266,401	2.720,328	443,153	353,262
1846	10,487,993	14,539,641	2,341,122	3 150,871	415,535	453,344
	64,499,137	90.910,724	16,610,710	20,856,108	2,690,291	2,233,351

Главное средоточіе заграничной торговли въ предѣлахъ Томской-Губерніи — Семипалатинскъ; самую меньшую степень торговой значимости занимаетъ Бухтарминскъ. Въ четырехъ торговыхъ пунктахъ Томской-Губерніи, за это семилѣтіе, заграничная торговля наша производилась въ слѣдующихъ видахъ:

По Усть-Каменогорской-Заставѣ.

Годы.	Отпускъ. Руб.	Привозъ. серебр.
1840	14,516	9,007
1841	10,689	11,971
1842	21,014	14,718
1843	21,955	15,065
1844	20,339	12,858
1845	18,035	10,688
1846	21,449	20,122
	127,997	94,429

По Коряковской-Заставѣ.

	Отпускъ. Руб.	Привозъ. серебр.
	20,248	20,246
	33,233	15,981
	11,004	19,156
	10,191	5,108
	21,988	7,437
	30,553	12,042
	21,335	9,908
	138,552	89,878

По Семипалатинской-Таможнѣ.

Годы.	Отпускъ. Руб.	Привозъ. серебр.
1840	299,717	236,046
1841	314,782	261,011
1842	313,789	278,277
1843	357,737	259,803
1844	347,713	250,940
1845	393,020	329,133
1846	370,294	422,380
	2,397,052	2,037,590 (*)

По Бухтарминскому-Посту.

	Отпускъ. Руб.	Привозъ. серебр.
	820	1,150
	1,833	2,073
	3,466	2,048
	4,807	3,045
	1,762	805
	1,545	1,399
	2,457	934
	16,690	11,454

(*) Въ 1847 году чрезъ Семипалатинскую-Таможню ввезено товаровъ болѣе чѣмъ на 390 тысячь, и отпущено болѣе чѣмъ на 400 тысячь рублей серебромъ.

Эти цифры ясно уже показываютъ, что малоизвѣстный, безуѣздный городокъ Томской-Губерніи, Бійскаго-Округа, городокъ Земли Сибирскаго Казачьяго Войска, занимаетъ значительное мѣсто въ ряду торговыхъ нашихъ пунктовъ. По этой значительности такъ и ожидаешь видѣть въ Семипалатинскѣ городъ промышленый, въ которомъ кишитъ народъ, пыхтятъ паровыя машины, совершаются значительные контракты, фабрики нагромождены одна на другой — тутъ суконная, тамъ ситцевая, рядомъ бѣлильня, немножко подальше желѣзный заводъ, пристань иртышская усѣяна судами... однимъ словомъ — думаешь: это Ливерпуль или Манчестеръ въ миніатюрѣ?

Ни чуть не бывало: это городишко, въ которомъ варятъ мыло, кожи выдѣлываютъ, кузнечнымъ мастерствомъ занимаются, торгуютъ мелочью, и, кажется.

А хлопчатая бумага? а ситцы? а сукна? Вѣрно томское купечество выработываетъ ихъ гдѣ-нибудь тутъ же по близости, а не въ самомъ городѣ?

«Нѣтъ!» отвѣтитъ на эти вопросы разсудительный Сибирякъ: «у насъ туто-ка эвтова въ заводѣ нѣтъ; у насъ туто-ка золото свое, а иное прочее отъ васъ, изъ Расеи привозятъ—тамо-ка на насъ работаютъ!»

У насъ издавна принимали мѣры къ болѣе-обширному распространенію торговыхъ связей нашихъ съ Хивой, Бухарой, Кабуломъ, съ Кашмиромъ (*); всѣ возможныя льготы даны были торгующему купечеству въ Сибири съ цѣлью поощрить его къ развитію на мѣстѣ мануфактурной промышлености, къ разработкѣ еще не затронутыхъ богатствъ края и къ упроченію нашихъ торговыхъ связей съ Среднею-Азіею. Всѣ возможныя облегченія были придуманы, чтобъ вполнѣ развернуть и надлежащимъ образомъ направить врожденное каждому человѣку чувство стяжанія такимъ-образомъ, чтобъ съ обогащеніемъ однихъ соединено было и благосостояніе многихъ, чтобъ польза была не обманчивая, временная, ненадежная, а польза цѣлаго края, вѣрная, постоянная. Всѣ средства даны, чтобъ развернуть промышленый духъ богатыхъ Сибиряковъ, но дѣло далеко не соотвѣтствуетъ еще справедливымъ ожиданіямъ, хотя въ прошломъ еще году обнародовано о продолженіи и впредь тѣхъ облегченій, которыя дарованы купечеству касательно торговли по Сибирской-Линіи.

Какая же причина подобнаго хладнокровія къ вѣрному способу собственнаго обогащенія? Недостатокъ средствъ? Но въ томъ и дѣло, что правительство дало промышленикамъ всѣ средства, какія только были въ его зависимости. Недостатокъ капиталовъ? Но въ-отношеніи торгующаго и мануфактурнаго класса, въ Томской-Губерніи видимъ постоянное разростаніе капиталовъ. Такъ въ 1833 году въ Томской-Губерніи объявлено было всѣхъ капиталовъ только на 128,000 руб. серебр.; въ 1834 году на 133,000 р. сер., а въ 1846 году, сумма объявленныхъ тутъ же капиталовъ возрасла уже до 858,000 руб. серебр.; а именно:

(*) Говорятъ, въ двадцатыхъ годахъ, изъ Бухтарминска ходили небольшіе караваны въ Ост-Индію и предпріимчивые торговцы русскіе оставались не безъ выгодъ. Съ 1825 по 1829 годъ эти небольшія дѣла приносили имъ ежегодно до 10,000 руб асс. дохода.

По 1-й	гильдіи на	1846 г. объявлено	8	капиталовъ	на	120,000 р. сер.
— 2-й	»	— »	24	капитала	»	144,000 » »
— 3-й	»	— »	254	»	»	594,000 » »

Но вѣдь не всѣ же представители капитала ведутъ заграничный торгъ? Притомъ же извѣстно, что капиталистъ съ кредитомъ производитъ обыкновенно обороты на сумму несравненно-бо́льшую, чѣмъ сумма объявленныхъ имъ капиталовъ; а между-тѣмъ въ томъ же 1846 году общій оборотъ привозныхъ и отвозныхъ статей по всѣмъ четыремъ таможеннымъ пунктамъ Томской-Губерніи, едва равнялся суммѣ объявленныхъ купцами капиталовъ. Что́ же дѣлаютъ остальные капиталисты этого края? Подаютъ ли ихъ сердца́ отголосокъ на призывы извѣстнаго золотопромышленика, который нѣсколько лѣтъ сряду напоминаетъ имъ про Петра Великаго, нѣсколько лѣтъ сряду заманиваетъ ихъ въ Ост-Индію, нѣсколько лѣтъ сряду переводитъ для нихъ книги и старается ихъ ознакомить съ нуждами далекихъ краевъ, указываетъ имъ на Чугучакъ и на Кульджу, совѣтуетъ устранить Англичанъ съ ихъ набивными издѣліями, сукнами, ножичками и прочими мелочами, въ которыхъ мы сами можемъ никому не уступать? Что́жь дѣлаютъ наши богачи сибирскіе?

Золото моютъ и откупа содержатъ.

Но въ Томской-Губерніи золото давно истощилось; оно и есть тамъ, да на однихъ заводахъ и розсыпяхъ государевыхъ, гдѣ укорененный однажды навсегда европейскій порядокъ производства золотой добычи и особенная, опредѣленная положительными законами, метода ближайшаго надзора, управленія и добычи драгоцѣннаго металла, охранили царскую землю отъ истощенія золотыхъ богатствъ на долгое-долгое время. Частные люди, капиталисты, стремившіеся къ возможно-скорому извлеченію самороднаго золота десятками и сотнями пудовъ — выбрали свое золото и бросили теперь свои промыслы за ихъ бѣдностью и совершеннымъ истощеніемъ. Но видя приближеніе срока своихъ *привиллегій* на золотопромышленость, они все-еще спѣшатъ дать своимъ капиталамъ почтенное направленіе и снова́ употребляютъ ихъ на извлеченіе новыхъ богатствъ въ дальнихъ предѣлахъ Восточной-Сибири. Вотъ гдѣ сосредоточено ихъ промышленое направленіе, а торговля съ Среднею-Азіею, фабрики, мануфактуры — это для нихъ дѣло постороннее, дѣло совершенно-чуждое.

Но, скажутъ намъ, Томская-Губернія не вмѣщаетъ въ себѣ тѣхъ удобствъ мѣстныхъ, которыя могутъ положить прочную основу для надлежащаго развитія здѣсь нашей мануфактурной дѣятельности въ видахъ заграничной торговли. Такое заключеніе будетъ не совсѣмъ вѣрно и не совсѣмъ основательно. Чтобъ быть вполнѣ убѣжденнымъ въ непогрѣшимости подобныхъ этому выводовъ, надобно знать:

Во-первыхъ, какія главнѣйшія статьи отпуска существуютъ въ главномъ центрѣ торговой дѣятельности Томской-Губерніи, въ Семипалатинскѣ;

Во-вторыхъ, какія изъ этихъ статей составляютъ мѣстный продуктъ, оставшійся за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей края;

Въ-третьихъ, какія изъ нихъ привозятся изъ другихъ мѣстъ и откуда именно;

Въ-четвертыхъ, есть ли возможность избѣжать этихъ позаимствованій

и выдѣлку недостающихъ въ при-Иртышскомъ-Краѣ товаровъ произвести собственными средствами;

Въ-пятыхъ, какія обстоятельства служатъ ручательствомъ того, что богатства самой Томской-Губерніи остаются доселѣ нетронутыми и могутъ составлять одинъ изъ главныхъ предметовъ сбыта, и

Въ-шестыхъ, не будетъ ли частная золотопромышленость Сибири имѣть сокрушительнаго вліянія на фабричную дѣятельность при-Иртышскаго-Края.

Разрѣшеніе этихъ существенныхъ вопросовъ, ближе знакомыхъ мѣстнымъ жителямъ, чѣмъ человѣку, который случаіно попалъ въ Сибирь и обратилъ на это вниманіе тоже случайно — безъ-сомнѣнія, будетъ съ нашей стороны неудовлетворительно; но надежда, что мы вызовемъ участіе образованныхъ промышлениковъ — даетъ намъ маленькое право распространиться объ этомъ предметѣ столько, сколько позволяютъ наши силы.

Заграничная наша торговля, собственно по Семипалатинской-Таможнѣ, въ-теченіе 1843, 1844, 1845 и 1846 годовъ, производилась въ слѣдующихъ видахъ:

Наименованіе товаровъ.	Въ 1843 году. *Отпускъ.*	*Привозъ.*	Въ 1844 году. *Отпускъ.*	*Привозъ.*	Въ 1845 году. *Отпускъ.*	*Привозъ.*	Въ 1846 году. *Отпускъ.*	*Привозъ.*
	Рубли серебромъ.							
Хлѣбъ	18,502	—	12,274	—	8,637	—	10,296	4,188
Сахаръ	—	30	—	18	—	—	1,896	—
Москотильные товары	—	—	—	—	1,586	20	714	
Краски	555	113	32	—	60	1,015	40	1,353
Воскъ	—	—	—	—	158	—	—	—
Пряные коренья	—	—	—	—	55	—	—	—
Разный металлъ	—	—	—	—	—	—	12	—
Юфть	20,486	—	12,464	—	—	—	46,623	—
Выдѣланныя кожи	637	—	2,157	—	—	—	302	—
Разныя кожи	—	648	—	1,626	—	7,700	—	7,087
Шелковыя издѣлія	1,348	43,529	145	40,037	550	47,388	624	52,161
Льняныя и пеньковыя издѣлія	—	—	1,008	—	—	—	546	—
Бумажн. издѣлія	179,747	40,095	180,575	42,450	206,024	43,962	185,666	38,707
Бумага хлопчатая	—	28	—	28	—	87	—	30
Бумага пряденая	—	404	—	141	—	26	—	162
Шерстян. издѣлія	1,300	8,303	1,488	9,131	530	11,400	1,252	11,987
Сукна русск. фабр.	27,962	—	44,457	—	34,487	—	21,047	—
Металлич. издѣлія	69,430	—	54,780	—	68,124	—	68,738	—
Сундуки и погребцы	—	—	—	—	—	—	4,577	—
Мягкая рухлядь	8,889	35,747	9,176	30,034	5,076	43,370	2,261	66,916
Лошади	9,998	3,890	7,623	1,400	10,152	1,250	9,245	4,330
Разный скотъ	—	29,415	—	19,406	211	21,958	3,478	24,890
Кораллы и корольки	660	—	3,207	—	—	—	1,545	—
Фрукты	—	1,504	—	3,391	—	1,889	—	1,670
Чай байховый и зеленый	—	36,670	—	59,189	—	81,850	—	121,581
Чай кирпичный	—	48,718	—	35,703	—	57,094	—	77,933
Прочіе товары	16,218	10,448	16,767	8,292	56,098	9,794	11,432	9,170
Итого	357,737	259,803	347,713	250,940	393,020	329,133	370,294	422,380

Изъ этихъ данныхъ видно, что главнѣйшія статьи сбыта русскихъ произведеній суть: хлѣбъ, котораго въ эти четыре года отпущено

почти на 50,000 руб. сер.; юфть, которой продано почти на 80,000 р. сер.; металлическія издѣлія—на 260,000 руб. сер.; бумажныя издѣлія—болѣе чѣмъ на 750,000 руб. сер.; а русскія сукна, которыхъ чрезъ Семипалатинскую-Таможню выпущено только съ небольшимъ на 125,000 руб. серебромъ (*).

Изъ статей сбыта только хлѣбъ, да кожи могутъ считаться мѣстнымъ продуктомъ, который хотя въ незначительномъ количествѣ, но, за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ края, можетъ быть однакожъ предметомъ заграничнаго сбыта. Богатство и плодоносіе южнаго края Томской-Губерніи и все пространство между верховьевъ рѣкъ Иртыша и Енисея давно сдѣлали эти страны житницами Сибири; численность кожевенныхъ заводовъ (которыхъ въ 1846 году одни насчитывали до 25, другіе до 40, а третьи до 50) и значительность выдѣлки кожъ, ежегодно на сумму почти во 100,000 руб. сер., даютъ здѣшнему краю полную возможность производить съ выгодою торгъ кожами, какъ внутри Сибири, такъ и за Линіей. Участіе въ этомъ принимаютъ, сколько извѣстно, города Семипалатинскъ, выдѣлывающій ежегодно кожъ на 18,000 руб. сер., Усть-Каменогорскъ, выработывающій ихъ съ небольшимъ на 6,000 руб. сер. и Томскъ, гдѣ цѣнность выработываемыхъ на тамошнихъ кожевенныхъ заводахъ издѣлій простирается до 65,000 руб. сер. Каинскъ же, въ которомъ цѣнность выдѣлываемыхъ кожъ ежегодно доходитъ до 13,000 р. с., производитъ свою торговлю кожами (оставшимися за внутреннимъ потребленіемъ и за отправкою на частные золотые пріиски) въ Омской-Таможнѣ, внѣ предѣловъ Томской-Губерніи.

Все прочее, даже сундуки и погребцы, привозится издалека, не говоря уже про сахаръ, про эту великолѣпную статью, которая въ Сибири — первая, послѣ пріисковъ, наживная статья: сравнительно съ петербургскимъ, сахаръ здѣсь тяжеловѣсенъ, сыроватъ, не сладокъ, но дорогъ до крайней степени возможности.

Металлическія издѣлія привозятся съ Урала, отъ тамошнихъ частныхъ заводчиковъ. Существующій въ Кузнецкомъ-Округѣ (въ Томской-Губерніи) «Томскій» желѣзодѣлательный заводъ, составляющій собственность Кабинета Его Императорскаго Величества —удовлетворяетъ только собственнымъ своимъ нуждамъ и нуждамъ другихъ государевыхъ заводовъ Колыванской-Области и, сколько извѣстно, въ заграничной торговлѣ не принимаетъ особенно-дѣятельнаго участія. Въ Томской-Губерніи рудныхъ мѣсторожденій (мы говоримъ не про золотыя розсыпи)—бездна, много сдѣлано открытій и частными людьми, а частнаго завода нѣтъ ни одного: все золото мѣшаетъ. Въ сосѣдней съ Томскою, Енисейской-Губерніи, есть въ Минусинскомъ-Округѣ богатый частный желѣзный заводъ, но на этомъ заводѣ ничего не дѣлаютъ.

Бумажныя матеріи привозятся изъ Россіи. Изъ-за Иртыша среднеазійскіе торговцы доставляютъ къ намъ бумагу хлопчатую; на Алтаѣ

(*) Въ 1847 году товаровъ этихъ отпущено чрезъ Семипалатинскую Таможню:

Хлѣба на	12,673	руб	сер
Юфти	32,680	»	»
Металла въ издѣліяхъ . . .	57,022	»	»
Булатныхъ издѣлій	209,063	»	»
Сукна	31,089	»	»

у насъ есть свой собственный, особый родъ хлопчатой бумаги, хлопьями которой тамъ набиваютъ мёбель и перины, но въ Сибири нѣтъ ни одной фабрики для выдѣлки миткалей, ситцевъ и другихъ набивныхъ товаровъ. Въ двадцатыхъ годахъ было, говорятъ, положено какое-то основаніе для развитія этой отрасли промышлености въ Томской-Губерніи, но розсыпное золото сокрушило это основаніе, и теперь въ Томской-Губерніи, особенно въ сѣверной ея половинѣ, не существуетъ, говорятъ, никакихъ заведеній, которыя бы давали хоть малѣйшій намекъ или надежду, что существованіе этого рода фабрикъ здѣсь возможно, несмотря на то, что хлопчатая бумага всегда можетъ быть подъ руками и что сами Сибиряки за московскіе ситцы и прочія бумажныя матеріи старинныхъ узоровъ и перегнившія отъ ветхости, платятъ почти въ-четверо противъ той цѣны, чего товары эти стоютъ въ Петербургѣ.

То же самое, если еще не больше, можно сказать и о сукнахъ. Не говоря про то, что цѣнность суконъ доведена въ лавкахъ до чудовищности, мы не можемъ упустить изъ вида того, что при огромномъ требованіи и огромномъ отпускѣ суконъ, именно русскихъ фабрикъ, по всей Линіи, начиная съ Оренбурга и до Кяхты — во всей Сибири нѣтъ ни одной суконной фабрики, которая бы принадлежала частному лицу и могла бы изъ этихъ краевъ издѣлія свои отпускать въ большомъ размѣрѣ въ Среднюю-Азію.

Въ 1812 году въ Томскѣ, при тамошнемъ Приказѣ-Общественнаго-Призрѣнія, было небольшое суконное заведеніе; но собственныя силы Приказа были ничтожны и не могли дать этой отрасли промышлености надлежащаго развитія.

Въ 1821 году по распоряженію бывшаго корпуснаго-командира *Капцевича* учреждена была въ городѣ и крѣпости Омскѣ (въ Тобольской-Губерніи) суконная фабрика. Она и теперь существуетъ въ Омскѣ и составляетъ общественную собственность сибирскаго линейнаго казачьяго войска; но она устроена только на 50 становъ и, имѣя собственное свое назначеніе —продовольствіе сукнами чиновъ войсковаго сословія, не можетъ принимать дѣятельнаго участія въ заграничной нашей торговлѣ сукномъ по Сибирской-Линіи.

Въ 60 верстахъ отъ Иркутска, есть еще суконная фабрика, тоже нечастная, Тельминская (*), но и она достигла той только степени совершенства, которая была ей доступна по обстоятельствамъ учрежденія, и произведенія ея не могутъ входить въ составъ товаровъ, вывозимыхъ нами изъ Сибири за границу, въ Среднюю-Азію.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя мы успѣли собрать о распространеніи этой фабрикаціи въ Сибири: повсюду, какъ видится, одно только правительство кладетъ прочное основаніе всему и служитъ примѣромъ частнымъ лицамъ къ утвержденію и распространенію въ далекомъ краѣ

(*) Она заведена въ 1731 году великоустюжскимъ купцомъ Бобровскимъ; въ 1773 году она перешла во владѣніе иркутскаго купца, Сибирякова, а въ 1789 году, за казенный долгъ взята въ секвестръ и пріобрѣтена Главнымъ-Кригсъ-Коммиссаріатомъ за цѣну около 10,000 руб. со всѣмъ заведеніемъ и приписными людьми; въ 1810 году она передана въ завѣдываніе гражданскаго вѣдомства и главное управленіе ея поручено сибирскому генерал-губернатору. Она заготовляетъ только солдатскія сукна для войскъ и на кабинетскіе горные заводы.

разнородныхъ отраслей промышлености; но дальнѣйшее развитіе ихъ по проложенному пути—есть уже обязанность самихъ частныхъ лицъ, хотя для собственной своей пользы, если не для пользы общей. Между-тѣмъ, вѣроятно, каждый изъ мѣстныхъ капиталистовъ знаетъ, какую роль играетъ сукно въ торговлѣ нашей съ средне-азійскими странами: вывозъ его туда въ-теченіе осмилѣтняго періода (съ 1840 по 1847 годъ включительно) представляется въ слѣдующихъ видахъ:

	По Оренбургской и Сибирской Линіямъ.	По Кяхтѣ.	Общій итогъ отпуска.
Въ 1840 году	174,507 руб. сер.	984,403 руб. сер.	1,158,910 руб. сер.
— 1841 —	231,339 — —	3,282,401 — —	3,513,740 — —
— 1842 —	172,357 — —	3,206,277 — —	3,378,634 — —
— 1843 —	169,619 — —	1,830,812 — —	1,999,431 — —
— 1844 —	240,540 — —	2,600,500 — —	2,841,040 — —
— 1845 —	134,979 — —	2,880,514 — —	3,015,493 — —
— 1846 —	127,289 — —	2,934,226 — —	3,061,515 — —
— 1847 —	184,727 — —	2,932,978 — —	3,117,705 — —

Цѣнность всего отпуска нашихъ суконъ по таможеннымъ пунктамъ отъ Оренбурга и до Кяхты, въ-теченіе этихъ осми лѣтъ, простиралась въ общей сложности до 22-хъ мильйоновъ рублей серебромъ.

Эти цифры, выражающія собою цѣнность почти двухъ тысячъ пудовъ самороднаго золота, чего никакая первостатейная золотопромышленая компанія не дастъ въ-теченіе осми лѣтъ, стоютъ, кажется, того, чтобъ зажиточные наши торговцы и мануфактуристы пораздумали объ этомъ предметѣ.

Мы не будемъ провозглашать промышленыхъ походовъ въ Бухару, въ Ташкентъ, или въ знаменитую, драгоцѣнную Водокшанскую-Провинцію (Бедехшанъ); не будемъ поэтизировать чудныхъ путешествій по степямъ, въ которыхъ рыскаютъ киргизскіе хищники; не будемъ исчислять давнымъ-давно исчисленные уже торговые пути, пролегающіе изъ Бухтарминска и изъ Семипалатинска въ Чугучакъ, въ Кульджу, въ Кашгаръ и въ другіе незнакомые города. Нѣтъ. Мы хотимъ только высказать личное мнѣніе, что предпріимчивые мануфактуристы въ-состояніи заставить самихъ средне-азійцевъ заискивать нашихъ сношеній, развернуть нашу торговлю и привести ее въ блестящее положеніе. Для этого, какъ намъ кажется, стоитъ только въ Семипалатинскѣ завести суконную или ситцевую фабрику и имѣть чрезъ это возможность сбывать, чрезъ Семипалатинскую-Таможню, свои сукна за болѣе умѣренную плату. Тогда всѣ сосѣднія страны кинутся въ эту сторону и станутъ вырывать у насъ изъ рукъ произведенія нашихъ фабрикъ въ гораздо-значительнѣйшемъ количествѣ, станутъ усиливать подвозъ своихъ продуктовъ, усиливать нашъ отпускъ, такъ-что незамѣтно, съ теченіемъ времени, у насъ явится вторая Кяхта, гдѣ общій оборотъ капиталовъ мы тоже будемъ считать ежегодно десятками мильйоновъ рублей серебромъ. Ознакомившись сначала хорошенько съ мѣстомъ — мы потомъ уже и сами будемъ въ-состояніи посылать въ Среднюю-Азію свои караваны, наводнять своими товарами рынки нашихъ добрыхъ знакомцевъ и, вытѣснивъ отовсюду британскія издѣлія, предпринимать другіе, болѣе смѣлые планы. А въ настоящее время мы должны только ограничиться усиленіемъ на Иртышѣ мануфактурной промышлености. Капиталистамъ

стоитъ только захотѣть присмотрѣться къ нуждамъ края и завести какую-нибудь мануфактуру или желѣзный заводъ.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, на это: стоитъ только захотѣть! А гдѣ взять хлопчатую бумагу и шерсть? гдѣ взять краски? гдѣ взять капиталовъ? гдѣ взять, наконецъ, людей, если народонаселеніе всей Томской-Губерніи, при площади почти въ семьсотъ тысячъ квадратныхъ верстъ, немногимъ превосходитъ народонаселеніе одного Петербурга? Да притомъ же золотая промышленость убьетъ промышленость суконную или другую, постороннюю.

Во-первыхъ — капиталы. За ними остановки, кажется, не можетъ быть, если наше купечество, въ-слѣдствіе личнаго убѣжденія въ нуждахъ края и въ мѣстной возможности удовлетворить этимъ нуждамъ— сознаетъ тѣ выгоды, которыя могутъ достойно вознаградить его предпріятіе и служить ручательствомъ въ вѣрномъ и постоянномъ успѣхѣ.

Во-вторыхъ — краски. Собственныхъ своихъ красочныхъ заведеній въ Семипалатинскѣ и во всей Томской-Губерніи нѣтъ — и краски должно выписывать.

Вотъ только два препятствія удобоустраняемыя: они не могутъ служить преградою въ промышленомъ предпріятіи.

Что̀ касается до шерсти, то не только Томская-Губернія, но и лежащія на противоположной сторонѣ Иртыша киргизскія степи — представляютъ полную возможность устроить въ Семипалатинскѣ суконную фабрику. Одинъ недостатокъ въ этомъ отношеніи тотъ, что шерсть овечью здѣсь не умѣютъ мыть и если тонкорунность ея не можетъ соотвѣтствовать условіямъ необходимымъ для выдѣлки суконъ высшихъ добротъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что эта же самая шерсть не можетъ быть годною для выдѣлки суконъ средней руки и низшаго качества, лишь бы сукно было добротно, а этихъ-то именно качествъ и требуютъ наши среднеазіійскіе знакомцы и никогда не отказываются отъ закупокъ на Иртышѣ суконъ огромными партіями. То же можно сказать и о ситцѣ, и о желѣзѣ.

Семипалатинскъ совершенно защищенъ отъ не совсѣмъ благодѣтельнаго вліянія частной золотопромышлености на промышленость мануфактурную: Колыванская-Область и Земля Сибирскаго-Линейнаго-Казачьяго-Войска служатъ ему надежною охраною. Находясь внѣ мѣстъ, подлежащихъ авторитету золотыхъ пріисковъ—Семипалатинскъ раскинулся въ роскошной природѣ юга Томской-Губерніи, на правомъ берегу судоходной рѣки Иртыша, представляющаго удобный низовый сплавъ отсюда въ Тобольскъ и далѣе въ Обь. Богатая пристань «Иртышская» и превосходныя сухопутныя сообщенія даютъ возможность распространять отсюда торговыя операціи водою и сухимъ путемъ по всей Сибири, на западъ и на востокъ. Богатство почвы и изобиліе естественныхъ произведеній произвели здѣсь дешевизну въ самыхъ необходимыхъ предметахъ потребленія, сравнительно съ тѣми мѣстностями, гдѣ вліяніе частной золотопромышлености съ перваго же раза поражаетъ каждаго страшною дороговизною на все. Въ самомъ Семипалатинскѣ около 7,500 жителей обоего пола (*), около 750 домовъ, одна

(*) Именно: 4,300 мужчинъ, 3,200 женщинъ. Въ 1747 году здѣсь жителей было всего два разночинца и 30 человѣкъ государственныхъ крестьянъ, да переведенцевъ изъ разныхъ городовъ, поселенныхъ поблизости отсюда 225 душъ; въ 1837 году было жителей 3,400 человѣкъ съ двумя стами душъ купе-

церковь православная, 5 мечетей, 54 лавки, 4 питейныхъ заведенія и 8 разнаго рода промышленыхъ заведеній, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ два кожевенные завода, выработывающіе ежегодно издѣлій на 18,000 руб. сер. Необходимыя машины и инструменты могутъ быть изготовлены на Томскомъ-Заводѣ или на заводахъ Уральскихъ... все это мы ведемъ къ тому, чтобъ показать, что устройство и содержаніе здѣсь фабрики не будетъ обходиться въ дорогую цѣну или наводить на мануфактуриста сомнѣніе въ успѣхѣ предпріятія.

Дѣло остается за людьми, разумѣя подъ ними не техниковъ, то-есть мастеровъ, а работниковъ. Но какъ людей не найдти? Изъ однихъ Татаръ, не касаясь прочихъ мѣстныхъ сословій, можно выбрать охочихъ работниковъ, которые съ готовностью бросятъ свою кочевую жизнь, если найдутъ обезпеченіе своей участи въ предлагаемомъ имъ занятіи. Примѣры этого были неоднократно въ Минусинскомъ-Округѣ, гдѣ, какъ намъ лично извѣстно, южные инородцы толпами стремились въ работу на тамошніе частные золотые пріиски, несмотря на то, что работа эта была для нихъ и непривычна и тяжка. Въ случаѣ набора чорныхъ работниковъ изъ сословія инородцевъ, разумѣется, привыкшихъ къ осѣдлости — весь успѣхъ будетъ зависѣть отъ предусмотрительности и умѣнья главнаго распорядителя работъ и всѣ подобныя мѣры, со стороны купца и фабриканта, будутъ служить выраженіемъ усердія его къ общему благу, потому-что тутъ коммерческое лицо, не упуская собственныхъ выгодъ, будетъ имѣть полную возможность дать этому народу болѣе цивилизованное направленіе.

Но и кромѣ этихъ людей, человѣкъ предпріимчивый можетъ себя обезпечить надлежащимъ количествомъ рабочихъ рукъ изъ русскихъ поселянъ, мѣщанъ или казаковъ.

Естественнымъ и неодолимымъ препятствіемъ здѣсь можетъ быть только самъ фабрикантъ, въ такомъ случаѣ, когда не дастъ вѣрнаго обезпеченія въ томъ, что онъ будетъ исполнять предписываемыя закономъ благодѣтельныя мѣры управленія наемными людьми, не дастъ имъ приличнаго помѣщенія, забудетъ совѣстливость въ разсчетахъ, откажетъ имъ въ сытномъ продовольствіи и не приметъ мѣръ къ предохраненію отъ пьянства работника, падкаго на вино до послѣдней степени самозабвенія. Мѣры эти весьма-нехитры и очень-немногосложны при тѣхъ порядкахъ, которые фабрикантъ долженъ будетъ завести у себя, взявъ за образецъ и немножко переиначивши, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, тотъ порядокъ, который существуетъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ, или который онъ придумаетъ самъ-собою, если мысли его, кромѣ любви къ собственному обогащенію, будутъ проникнуты и любовію къ ближнему.

Дѣлая замѣтки о томъ, что̀ обратило наше особенное вниманіе во время поѣздки, мы совсѣмъ забыли о предстоящей намъ дорогѣ. Итакъ обратимся снова къ своему разсказу, объяснимъ, какія обстоятельства привели насъ въ эту сторону и какъ мы распростились съ здѣшними золотыми пріисками; будемъ разсказывать о личныхъ своихъ похожденіяхъ.

чества; въ 1840 году было 5,200 человѣкъ жителей, изъ нихъ 59 чиновниковъ, купеческихъ семействъ по 1-й гильдіи 3, по второй 2-й —1, по третьей—207, почетныхъ гражданъ 4 и 1,400 душъ мѣщанъ.

XXII.

Василій Сизыхъ.

..... Случилось мнѣ быть въ Сибири; времени свободнаго оставалось очень-много, такъ-что и дѣвать нѣкуда, дорога не дальняя, все близёхонько: я, несмотря на зиму, рѣшился съѣздить на пріискъ, предварительно переписавшись съ управляющимъ, который, отвѣчая на это, между прочимъ увѣдомлялъ, что онъ теперь какъ безъ рукъ: самый лучшій прикащикъ его, мѣщанинъ Сизыхъ, отъ него отошелъ и теперь рѣшительно въ виду нѣтъ никого, кѣмъ бы можно было его замѣнить.

Желая хорошенько разъузнать о томъ, что̀ у насъ на пріискѣ подѣлывается, я хотѣлъ-было послать за мѣщаниномъ Сизыхъ, но потомъ передумалъ и предпочелъ самъ его навѣстить, отложивъ въ сторону неумѣстную кичливость въ-отношеніи къ прежнему служителю нашей компаніи. Засѣвъ въ извощичьи сани, фасонъ которыхъ былъ въ модѣ лѣтъ за двѣсти назадъ, я велѣлъ везти себя по адресу. Меня подвезли къ очень-хорошенькому двухэтажному дому и высадили на дворѣ у крылечка.

Я подождалъ минутъ съ десять въ большой залѣ, выстланной вдоль и поперегъ полозами аршинной ширины изъ овечьей шерсти съ шахматными большими четырехугольниками синяго, краснаго и желтаго цвѣта, полюбовался незатѣйливой и чистенькой мёбелью, сдѣланною изъ простой сосны подъ орѣхъ, безчисленнымъ множествомъ горшковъ съ еранью, бальзаминами и алоэ, подивился на огромный, объемистый коммодъ, покрытый тюменскимъ коврикомъ и уставленный дюжиной разнокалиберныхъ чашекъ съ нѣжными и выразительными надписями и только-что принялся разсуждать, отчего въ такомъ порядочномъ домѣ такія низенькія комнатки, что въ нѣкоторыхъ дверяхъ рискуешь лбомъ о перекладину стукнуться? какъ изъ сосѣдняго покоя вышелъ ко мнѣ хозяинъ. Онъ былъ мужчина невысокаго роста, но плотенъ, съ одутловатымъ лицомъ, выстриженъ коротко, но съ длинными висками, лихо закрученными надъ ухомъ; рыжіе усы, бакенбарты и эспаньйолка были неукоризненны, но рѣшительно не шли къ лицу. На хозяинѣ былъ надѣтъ зеленый бархатный, подбитый бѣлкою, халатъ; изъ-подъ него виднѣлась пестрая русская рубаха; желтыя сафьянныя туфли надѣты на босу-ногу.

— Я-съ Василій Петровъ Сизыхъ, здѣшній мѣщанинъ, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Знаю-съ и очень-радъ.

— Просимъ съ нами познакомиться.

— Я за тѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ; мнѣ это очень-нужно.

— Я самъ, слыша о вашемъ пріѣздѣ, хотѣлъ къ вамъ явиться, да все не удавалось у̀тресь-то васъ навѣстить.

— Я пріѣхалъ къ вамъ за тѣмъ, чтобъ узнать, что̀ наши пріиски?

Мы сѣли. Предложивъ господину Сизыхъ нѣсколько необходимыхъ для меня вопросовъ и получивъ полное на все объясненіе, я сбирался оставить его и отправиться домой, какъ хозяинъ вскочилъ и бросился ко мнѣ:

— Куда жь вы, ваше благородіе? посидите маленько!

— Благодарю васъ, прощайте.

— Да осчастливьте жь, ваше высокоблагородіе, хоть чайку стаканчикъ выкушайте.

— Я сейчасъ только пообѣдалъ, мнѣ пора.

— Да нѣтъ, ужь ка́къ угодно, ваше высокородіе, останьтесь у насъ.

— Очень вамъ благодаренъ, но мнѣ, право, некогда.

— Да чего жь такого, ваше превосходительство! низко кланяюсь, батюшка! посидите маленечко! вопилъ хозяинъ, низко кланяясь и держа за спиной мою шляпу; но видя, что я непремѣнно желаю его оставить, подбѣжалъ къ другой комнатѣ и закричалъ:

— Серашичка, Серашичка, выдь-ко сюда, кланяйся его сіятельству, низко кланяйся.

Тучная, здоровенная, приземистая и лоснящаяся отъ жира супруга хозяина, Серафима Гавриловна, она же и Серашичка, выплыла изъ сосѣдней комнаты и, задыхаясь отъ сдѣланныхъ сю, должно-быть, не въ привычку, двадцати шаговъ, заголосила:

— А и, чево жь вы, вза́боль, бѣги́те, да будьте жь какъ дома, да доставьте намъ счастье, удостойте посидѣть съ нами, государь милостивый!

— Ея сегодня рожденье, ваше высокородіе, у насъ гости, просимъ съ нами потѣшиться, проговорилъ хозяинъ.

— Я новорожденна сегодня, потѣшьтесь на нашемъ балу. . ну, хоть часочекъ... ну, хоть полчасочка! продолжала супруга господина Сизыхъ, подобно сожителю своему, отвѣшивая передо мной низкіе поклоны.

Я никакъ не могъ понять, чего хотѣлось отъ меня этимъ людямъ, съ которыми я рѣшительно не имѣлъ чести быть знакомымъ; но такъ-какъ во время этихъ переговоровъ вошло къ намъ въ залу нѣсколько гостей, да черезъ отворенную дверь мелькало въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько хорошенькихъ головокъ, то я, наконецъ, и рѣшился удовлетворить настоятельнымъ требованіямъ несносно-радушныхъ хозяевъ и посмотрѣть на то, что́ называется здѣсь баломъ.

Меня съ тріумфомъ ввели въ сосѣднюю комнату. Это была маленькая, низенькая гостиная. На стѣнахъ маленькими гвоздиками были приколочены рыжіе обои, изображавшіе черные цвѣты, съ красною зеленью и зелеными птицами. Полъ обитъ былъ бѣлымъ войлокомъ; около стѣнъ жались полдюжины окованныхъ сундуковъ со всякой всячиной, покрытыхъ коврами, и обтянутый кожею диванъ; кое-гдѣ виднѣлись стулья, простые табуреты и деревянныя скамейки. Въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣли двѣ старухи съ накинутыми на голову длинными кусками желтоватаго ситца въ видѣ фаты; рядомъ съ ними четыре молоденькія дамы въ цвѣтныхъ косыночкахъ на головѣ и въ длинныхъ гарусныхъ платкахъ на шеѣ. Подлѣ нихъ еще двѣ молоденькія женщины, въ чепчикахъ съ розовыми лентами; далѣе за ними, сидѣли шесть дѣвицъ въ крошечныхъ барежевыхъ галстучкахъ, въ нѣмецкихъ яркихъ цвѣтовъ платьяхъ, которыя недостигли еще до длинноты нашего покроя и потому довольно много обнажали маленькія и большія, тоненькія и толстыя ножки, обутыя въ широкіе, толстые чулки и некрасивые башмаки, преимущественно зеленаго и бронзоваго цвѣта. Четыре дамы, двѣ въ чепчикахъ и двѣ въ платочкахъ, и три взрослыя дѣвицы были довольно-пріятной наружности, съ быстрыми, много-обѣщающими глазами; роскошныя тальи, чрезмѣрная округленность и полнота плечь и прочаго, еще болѣе становились рельефны отъ слишкомъ уже много вырѣзанныхъ лифовъ, обнажавшихъ бо́льшую половину груди, непокрытой ничѣмъ, кромѣ легонькаго платочка.

На противоположной сторонѣ сидѣло пять-шесть кавалеровъ, иные въ русскомъ, иные въ нѣмецкомъ платьѣ, а иные въ особеннаго рода смѣси того и другаго. Сколько можно было замѣтить, взоры всѣхъ представительницъ прекраснаго пола обращались преимущественно на одного высокаго румянаго господина, съ чорной большой кудрявой головой, съ курчавой черной бородой и усами, въ гороховомъ пальто̀, плотно-обхватывавшемъ гигантскій станъ прекраснаго мужчины. Онъ сидѣлъ все время положа ногу на ногу; правую исполинскую свою руку онъ запустилъ между пуговицъ своего пальто̀, а лѣвою исполинскою рукою держалъ сибирскаго издѣлія сигару, свернутую, должно-быть, изъ черкасскаго табака. Неблаговонньмъ дымомъ этой сигары, прекрасный мужчина нарочно подкуривалъ сидѣвшихъ противъ него двухъ дамъ въ чепчикахъ, изъ которыхъ одна, какъ оказалось послѣ, была его законною супругою: въ настоящую пору они были «молодые» и другъ въ другѣ души не слышали.

Между кавалерами и дамами стоялъ столъ, покрытый суконною салфеткою; на немъ было нѣсколько блюдцевъ съ кедровыми и простыми калеными орѣхами, съ отстоянными въ водѣ перемерзлыми яблоками, составляющими въ Сибири довольно-дорогое лакомство, съ кусочками пастилы и нѣсколькими сортами медоваго варенья.

У третьей стѣны, на кругломъ столѣ передъ диваномъ, приготовленъ былъ чайный приборъ съ огромнымъ самоваромъ и нѣсколькими бутылками; тутъ же стояла и простая корзинка съ домашними булками и ватрушками, и черная жестянка съ желтымъ сахаромъ, и чашечка съ сотовымъ медомъ, и фаянсовый кувшинъ со сливками. Хозяева сѣли на диванѣ и меня усадили рядомъ съ собой.

Духота въ комнатѣ была смертельная; неуклюжая печь была натоплена и пригрѣвала насъ нестерпимо. Окно отворить было нельзя по причинѣ зимняго времени; форточекъ нѣтъ; дамы обмахивались платочками; онѣ сидѣли молча и слегка надували себѣ на грудь вѣтерка изъ розовыхъ губокъ, премило съёженныхъ; кавалеры тоже не заводили рѣчи и только вытирали рукавомъ мокрые лбы. Я занятъ былъ важнымъ разговоромъ съ хозяйкой о томъ, какой я пью чай: «въ накладку» или «черезъ сахаръ», «молосный», то-есть, скоромный, со сливками, или съ лямономъ, а можетъ, и съ французской водкой?

Чай съ «у̀ханьемъ» изъ разновидныхъ бутылокъ, казалось, нѣсколько развеселилъ честную компанію; дамы, сначала въ шопото̀къ, а потомъ и громче, начали судить, да пересуживать знакомыхъ сосѣдокъ; кавалеры толковали про свои похожденія и про удачи своихъ хозяевъ-золотопромышлениковъ. Молодой супругъ, онъ же и прекрасный мужчина, вмѣшался въ дамскій разговоръ, по поводу споровъ о какой-то Анфисѣ Лукьяновнѣ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Анфиса-то Лукьяновна? Да вы у меня спросите, что̀ за бѣсъ такой Анфиса Лукьяновна. Анфиса Лукьяновна гдѣ хотите — всюду поспѣетъ и такая во всемъ торопыга, что и Господи!

— Да съ чаво жь ей торопыгой-то быть? она, глядь-ко, ширьше меня будетъ! проговорила съ саркастической улыбкой объемистая Серафима Гавриловна.

— Да̀, будетъ она васъ раза въ полтора потолще, а все-таки лихая баба на всѣ руки. Встрѣлись мы съ ней разъ по одному случаю, такъ ужь мнѣ она знакома̀ стала: знаемъ мы, какого она поля ягода! Вы еще не знаете, какова эта Анфиса Лукьяновна и что̀ она за птица!

— Да что́ жь она такое? Рябая кукушка, а впрочемъ, дама смирёная!

— Да̀, смирёная! Глядите вы ей въ зубы-то! Да вотъ хоть бы въ позапрошломъ годѣ?!

— А чего такого въ позапрошломъ годѣ?

«А вотъ чего. Года по̀-три тому живалъ я въ дальней тайгѣ, на Бирюсѣ, и въ позапрошломъ годѣ жилъ на Хормѣ; знакомыхъ людей было много: вотъ съ Катышандыгоя и пришелъ къ намъ присылъ отъ отъ Анфисы Лукьяновны мужа и позывъ въ гости на Анфисы Лукьяновны рожденье. А въ этомъ годѣ къ намъ на Хорму пріѣхалъ къ сосѣдямъ новый лекарь, служилъ гдѣ-то въ Малороссіи, что̀ ли — Богъ его знаетъ, а потомъ проживалъ въ Енисейскомъ годъ. И его съ женой, никакъ Полячка была, тоже позвали къ Анфисѣ Лукьяновнѣ. Люди они были не шибко же богатые, жалованьишко отъ хозяевъ шло не больно большое, обзаводиться имъ въ тайгѣ всякимъ добромъ было нѐ для чего: они и одѣвались-то не авантажно. Я бывалъ у нихъ на Хормѣ въ гостяхъ, видалъ лекарскую жену или въ дрянномъ платьишкѣ дома, или въ азямѣ, да въ широкихъ кожаныхъ чембарахъ при переѣздахъ. Важно она верхомъ ѣздила, мастерски пѣсни пѣвала, знатно играла на гитарѣ, была, кажись, и недурна: высокая такая, стройная. Я за ней давно ужь присматривалъ и она ко мнѣ тоже этакъ, того, не то чтобы что̀, но за хлопотами, да за тѣмъ, за сѣмъ, мнѣ все какъ-то не удавалось поближе съ нею познакомиться; да и мужъ-то держалъ ее, нѐча сказать, въ ежовыхъ рукавицахъ. На лекаршину бѣду, ко дню праздника, прихворнулось муженьку ея маленько: онъ и не поѣхалъ на Катышандыгой. Лекарша-то было и въ слёзы, что ея оставятъ дома, да нельзя было ее дома оставить: катышандыгойскій управляющій человѣкъ нужный — и пришлось отпустить ее къ Анфисѣ Лукьяновнѣ дня на три, одноё.

«Пріѣзжаю и я на балъ къ Анфисѣ Лукьяновнѣ; смотрю — хозяевъ самихъ никого еще на пріискѣ нѣту — а въ ту пору ихъ изъ города съ часу-на-часъ ожидали, и пиръ устроенъ у управляющаго въ избѣ, при конторѣ. Домишко-то былъ улаженъ такъ, что въ немъ, какъ водится, всего одна комната и раздѣлена на три части тонкими досками, въ одной контора маленькая, другая выходитъ зала, а третья, стало-быть, гостиная, или спальня—ка̀къ угодно.

«Къ пріѣзду нашему гостей понабралось много, и всякіе нужные люди и добрые сосѣди; хозяевъ нѣтъ, нужныхъ людей надо угостить порядкомъ—и пошло у насъ шампанскаго разливанное море, а ужь обѣдъ какой смастачили — право-слово, пальчики оближешь: его готовилъ одинъ посельщикъ, что̀ прежде былъ поваромъ у какого-то генерала въ Москвѣ — ему на пріискѣ тридцать рублевъ жалованья на мѣсяцъ шло.

«Я поглядѣлъ кругомъ себя, гляжу—сидитъ какая-то важнѣющая дама, красоты неописанной, говоритъ — та̀къ и трещитъ, та̀къ вотъ и заливается. А какъ выпивка-то была у насъ круговая, препорядочная, и отговориться отъ нея никому нельзя было, то послѣ обѣда красавица схватила гитару и ну пѣть, точно малиновка. Ужь какихъ только она намъ пѣсень не пѣла и пританцовала даже маленечко. Это была наша лекарша: ка̀къ она пріумылась, да пріодѣлась, да подтянулась — такъ вотъ во мнѣ кровь и заговорила!.. Ты, молодуха, чего щипа́ешься? вѣдь ужь дѣло прошлое, еще я тогды тебя не зналъ! проговорилъ разсказчикъ, ущипнувъ въ свою очередь молодую супругу, которая на этотъ

знакъ нѣжности довольно-громко вскрикнула отъ боли, прибавивъ, насупивъ брови: «у́, чтобъ тебя язвило, вяха така̀!»

«Вотъ я къ лекаршѣ-то поближе, а послѣ того сидѣли мы съ ней цѣлый вечеръ вмѣстѣ, и гуляли вмѣстѣ около работъ, да машинъ. Послѣ урко̀въ, когда позвонили на у́жину рабочихъ, анфисинъ мужъ вышелъ въ столовый шатеръ и говоритъ: «ну, братцы, барыня моя сегодня новорожденна и жалуетъ вамъ по чаркѣ вина, да я вамъ жалую по другой и вызываю охочихъ пѣсенниковъ: кто будетъ пѣсни пѣть, тому завтра шабашъ, работы нѣтъ!» Охотниковъ вышло больше полуста, и принялись горланить, а управляющій то-и-дѣло металъ имъ цѣлковые, да пятитки изъ хозяйскаго кармана. Славно, канальи, пѣли: и лекарша-то, слушая ихъ пѣсни, та̀къ разнѣжилась, что и глазки у ней посоловѣли, и сама точно не своя стала, да та́къ и льнетъ ко мнѣ, не отходитъ, да и полно. Мы и сочинили съ ней прогулку подъ гору на рѣчку— всѣ гости за нами такъ гурьбой и ухаживаютъ. Около нашей у́жины стали мы въ фанты играть, и когда мнѣ приходилось щикалатъ разносить, лекарша требовала у меня, ужь безъ всякой совѣсти, цѣлую дюжину чашекъ, да ужь и я не церемонился: подавалъ ей щикалату самаго горячаго.

—«Ну, чаво̀ ты, глупая, дуешься?.. перебилъ свою рѣчь разскащикъ, обращаясь снова къ своей женѣ: — Я васъ, другъ мой, не изобижу... Ну, чаво̀ вы губы-то кусаете, ну, диви́ бы это были лекаршины толстыя губы, ну, ихъ можно обку́сать, красивѣй будутъ, а глаза ея, хоть сверкай-не-сверкай, куда противъ вашихъ! гроша не сто̀ютъ... ну, да пожалуй, я перестану!»

Разсказъ его слушали всѣ очень-внимательно, дамы слегка усмѣхались, дѣвушки не переводили духа и сидѣли съ раскраснѣвшимися щеками и съ пылающими глазами; у одной жены разскащика они были полнёшеньки слезъ, которыя, того и гляди, потекутъ по розовымъ щечкамъ въ три ручья. Мужчинъ эта сцена заняла, они расхохотались надъ молоденькой дамочкой и заставили мужа продолжать свою рѣчь.

«Ну, чаво̀ ужь тутъ грѣха таить? Я передъ лекаршею совсѣмъ растаялъ, и забылъ Божій міръ... Когда очередь дошла до корявой Анфисы Лукьяновны, она тоже пристала ко мнѣ съ требованіемъ ужѐ двухъ дюжинъ чашекъ щиколату. Я отнѣкивался; но привязчивая Анфиса сказала мнѣ на-ухо: Если ты станешь отъ меня отворачиваться, если покажешь, что я не люба тебѣ, я подыму шумъ на весь домъ; я все перескажу ея мужу, выгоню эту гадкую Польку, разславлю васъ по всей тайгѣ, и лекарь задастъ тебѣ такого лекарства, что ты надолго бросишь привычку ухаживать за чужими женами.

Но я не поддавался.

«— Да ты хоть пожалѣй ее, толковала она.—Не-уже-ли тебѣ не жалко: она, бѣдная, пропадетъ теперь ни за копеечку. Конечно, я ее постарше, да все же смогу еще понравиться хоть бы кому... Ты меня не слушаешь... жаль лекаршу, а я жь ее отдѣлаю!

«Анфиса Лукьяновна взглянула на меня какъ вѣдьма. Что̀ мнѣ было дѣлать? коли Анфиса наскажетъ лекарю... Нѣчего дѣлать, подумалъ я, да и ну́ ее, проклятую корявую бабу, цаловать.

И съ этимъ словомъ разскащикъ слегка потрепалъ свою молодую жену по щекѣ и прибавилъ:

— Ну, что̀, баба: теперь легче?

— Что̀ проку-то, Кузьма Семенычъ, что̀ закаялся: не всякое дурно

дурнымъ бываетъ, а изъ твоего хорошаго мало добра выходитъ! сказалъ ему хозяинъ.

— Какъ такъ, Василій Петровичъ.

— Да такъ, любезный! Что толку-то, что служилъ, а что выслужилъ?—ничего! Пока живъ былъ хозяинъ, ты и былъ сытъ отъ его милостей, а вотъ онъ умеръ: вспомнилъ ли онъ твою службу... Эхъ, ты, пустая головушка: на твоемъ мѣстѣ у меня давно бы тысячь тридцать въ карманѣ было!

— Грѣшно вамъ меня на такое грѣховное наводить, я ужь и то одно выслужилъ, что пять-шесть годовъ назадъ я былъ мужикъ-мужикомъ и никакого дѣла не зналъ путнаго, а теперь, слава-те Богу, и грамотѣ знаю, и дѣло вести смогу, и семьей живу въ своемъ углу, не прося милости, и всякій хозяинъ вѣрныхъ положитъ мнѣ двѣ тысячи жалованья.

— Постой, братъ, пріидетъ твоя пора зубы-те положишь на полку: пойдутъ дѣти—запоешь другую пѣсню, да ужь поздно будетъ, золотое донышко укатится, а мы тебя въ дураки запишемъ... Вѣдь правда, ваше благородіе? спросилъ, обращаясь ко мнѣ, мѣщанинъ Сизыхъ, значительно мигнувъ на красиваго Кузьму Семеныча.

Я не зналъ, чему больше дивиться: цинизму ли родительскихъ совѣтовъ Василья Сизыхъ, любопытству ли дѣвушекъ, съ жадностію слушавшихъ разсказъ объ Анфисѣ, или самому разсказу, возобновившему въ моей памяти малую-толику подобныхъ происшествій и объясняющему нѣсколько времяпрепровожденіе таёжныхъ жителей. Просидѣвъ здѣсь битыхъ полтора часа, я съ удовольствіемъ возвратился домой.

XXIII.

Выѣздъ изъ Томска.

Дѣло было зимой Около Рождества я получилъ приглашеніе на ёлку въ дѣтскомъ пріютѣ. Это прекрасное заведеніе я уже осматривалъ неоднократно, съ постоянно-возрастающимъ удовольствіемъ, глядя на малютокъ, призрѣваемыхъ милосердіемъ образованныхъ людей и лелѣемыхъ съ истинно-материнскою заботливостью лицъ, которымъ ввѣрено ихъ воспитаніе, сообразное съ условіями жизни, къ которой онѣ готовятся. Я забрался въ пріютъ довольно-рано; ёлка еще не была дѣтямъ показана, а принадлежащее къ пріюту населеніе взрослыхъ было занято раскладкою визитныхъ билетовъ по адресамъ. Въ Томскѣ, подобно какъ и у насъ въ Петербургѣ, существуетъ замѣнъ праздничныхъ визитовъ разсылкою карточекъ съ единовременнымъ пожертвованіемъ въ пользу Пріюта.

Карточки эти, большею частію, похожи на наши билетики, но такая же часть состоитъ изъ обрѣзковъ простой бѣлой писчей бумаги съ кудреватыми росчерками жертвующихъ фамилій. Много карточекъ есть фантастической формы, но особенно-любопытны круглые кружевные билетики. Это именно тѣ самыя картонныя бумажки, которыя въ нашихъ кандитерскихъ прикладываются къ цвѣтнымъ оберткамъ конфектъ, съ тою разницей, что у насъ къ этимъ кругленькимъ картонкамъ прилѣпляютъ какую-нибудь фигурку, а въ Томскѣ—кругомъ ихъ, подъ самымъ бордюромъ, искусники чрезвычайно-затѣйливо пропи-

сывают чинъ, званіе, имя, отчество и фамилію тѣхъ, кто доставляетъ вкладъ и желаетъ разослать свои билеты.

Къ опредѣленному часу всѣ приглашенные собрались; пріѣхала и сама попечительница. Дѣтей ввели въ большую комнату.

На столѣ стояла огромная ёлка, убранная по-петербургски, горящими свѣчами, разноцвѣтными лентами, золочеными пряниками, орѣхами и множествомъ сластей. У дѣтей глаза разбѣжались на невиданную никогда диковинку; имъ хотѣлось бы броситься поразсмотрѣть ёлку и ощипать сласти, но они знали, что, по положенію, имъ безъ всякихъ разспросовъ и разсужденій, надлежало сѣсть за накрытый къ ужину столъ, а между-тѣмъ было ясно, что у нихъ на умѣ было совсѣмъ другое: они готовы были забыть и дисциплину и кушанье, которое имъ, по давней извѣстности, уже надоѣло; но они боялись ослушаться предписаній начальства и со вздохомъ поводили глазенками на чудное и красивое деревцо съ золочеными пряниками. Старшіе мальчики и дѣвочки, года два-три-назадъ, бывшіе грязными, неопрятными и непослушными ребятишками, теперь учтиво и дружески сами замѣчали своимъ товарищамъ, что надо держаться прямѣе, глядѣть веселѣе и не зѣвать по сторонамъ. Долгъ послушанія пересилилъ любопытство и въ залѣ водворилась совершенная тишина.

По данному знаку, дѣти, согласно и не поражая слуха фальшивыми нотами, пропѣли обычныя молитвы и гимны, съ богобоязливымъ видомъ, и сѣли за столъ, въ ожиданіи пшенной каши. Каково же было ихъ изумленіе, когда, сдернувъ съ оловянныхъ своихъ приборовъ, чистыя, какъ снѣгъ, салфетки, увидѣли они, вмѣсто обыкновенныхъ ломтей чернаго хлѣба, новые сапоги или башмаки, бронзовыя серьги, платочки и подобныя тому, дорогія для дѣтей, бездѣлки. Даже случившіяся на лицо матери счастливыхъ ребятишекъ, смирно до сей поры стоявшія вдоль стѣнки, быстро подвинулись впередъ и съ завистью посматривали на дѣтскія игрушки. Началось общее веселье и игры.

Двѣ дѣвочки, черненькая кудряшка, премиленькая, и другая, блондиночка, получили двойные противъ прочихъ подарки. Попечительница, сказавъ матери блондиночки нѣсколько утѣшительныхъ словъ о прилежаніи ея Дунюшки, обратилась къ кудряшкѣ съ вопросомъ:

— А гдѣ жь, твой братъ, Аннушка, Кузьма Семеновъ.

— Не могу знать, сударыня; онъ въ воскресенье былъ здѣсь и навѣщалъ меня.

— Я его и съ молодой женой звала сегодня пріидти: что̀ жь онъ это не пришелъ.

Въ это время вошелъ въ залу красивый мужчина, съ хорошенькой женой; въ немъ я узналъ знакомаго разскащика про Анфису и не мало удивился, что попечительница обратилась къ нему съ ласковыми словами о домашнемъ житьѣ-бытьѣ. Я тутъ же на мѣстѣ собралъ объ немъ весьма-рекомендующія его свѣдѣнія, изъявилъ готовность воспользоваться его опытностью и черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ моимъ прикащикомъ.

— Ну, ка̀къ же мы съ тобой поѣдемъ, Кузьма Семеновъ, зимой на пріискъ? спрашивалъ я своего новаго прикащика, сбираясь въ дорогу.

— Да что̀, сударь: по томской тайгѣ намъ благодать будетъ ѣхать, это не то, что гдѣ-нибудь на питско̀й системѣ!

— А ты и тамъ бывалъ?

— Ка̀къ не бывать, бывали!

— Ка̀къ же тамъ ѣздятъ зимой?

— А вотъ и ѣздятъ та̀къ! Шагъ въ кошевушкѣ, да два пѣшкомъ, или на лыжахъ, а къ ночи дѣло прійдетъ—тутъ и спи въ снѣгу!

— Да вѣдь по дорогѣ есть же избушки?

— Гдѣ есть—тамъ есть, а гдѣ нѣтъ—не што̀ возьмешь, и въ снѣгу наспишься.

— Ка̀къ же это такъ?

— Да вотъ ка̀къ. Поднимется мятелица, или ночь наляжетъ — вотъ мы и остановимся... бывали вы сами-то когда въ тайгѣ?

— Бывалъ, да лѣтомъ.

— Ну, то лѣтомъ, а вотъ зимой, въ лѣсу-то, какъ остановишься, вотъ и слободишь коней, а людей-то и заставишь разрывать сугробы. Снѣгу-то нанесетъ видимо-невидимо, пребольшущія кучи, такъ разгребать-то ихъ пройдетъ много времени. Другіе въ этое время сучья ломаютъ, да бревна рубятъ: бревна на костеръ, а изъ сучьевъ коё-гдѣ шалашики, али навѣсы подѣлаютъ, съ той стороны, что̀ къ вѣтру. Снѣгъ-то какъ разгребутъ, мы въ ямки-то и поляжемъ.

— И тепло?

— Та̀къ бываетъ тепло, что душно. Бываютъ такіе горячіе сорванцы, что точно дома на постели нѣжатся, не то что̀ безъ шубы, а совсѣмъ, какъ есть, разоболокаются. Тутъ-те подъ носомъ и костеръ, а въ сторонѣ тьма-тьмущая волковъ востъ, ажно сердце замираетъ.

— Вотъ, я думаю, охотитесь-то вы въ тайгѣ въ волюшку?

— Да̀, много тутъ наохотишься! До охоты! Еще энтіе, то-есть, поскудные Тунгусы, да Карагасы, случается, заведутъ въ такую трущобу, развѣ что по солнышку, да по ко̀мпасу выберешься на свѣтъ Божій.

— А что̀ такое Тунгусы?

— Да что̀: дикарь, да и полно! Этто наняли мы вожака изъ Тунгусовъ, и жалованье важенѐцкое ему поло̀жили, и водкой вдоволь поили... Повелъ онъ насъ: водилъ день, водилъ два, водилъ и недѣлю — все ладно; на-послѣдя̀хъ и сталъ жа̀литься, дескать, «лѣса-то, молъ, наши вамъ больно приглянулись! Насъ, молъ, для промысловъ, загнали далеко! Соболи́ намъ теперево неповадны стали!» Вотъ онъ водилъ-водилъ насъ, выместить-то нѐчѣмъ, да и исправника-то ужасти ка̀къ боится: онъ, въ одну ночь, взялъ да и ушелъ отъ насъ, а насъ и покинулъ въ незнаткомъ мѣстѣ. «Умѣли», говоритъ «входить къ намъ въ лѣса сами, умѣйте теперь и выбираться, ка̀къ знаете!» Загинули-было мы совсѣмъ, да слава-те Богу, скоро встрѣлись съ Божьими людьми, выплелись на мѣсто!

— Не-уже-ли наши дикари такъ мстительны?

— Да что̀ жь, сударь, съ темнымъ народомъ прикажете дѣлать: добра не понимаютъ; а какъ мы въ ихъ лѣса зашли, такъ они во всемъ стали съ насъ примѣръ брать, и въ деревняхъ у насъ часто бываютъ, и хлѣбъ и соль про себя промышляютъ по нашимъ селеніямъ, и одёжу нашу перенимать начали, а вотъ, Господь пошлетъ, и слободами сами жить начнутъ, да спознавать всякое иное добро, все черезъ насъ; многіе и теперь къ работѣ пріучаются, особенно изъ Татаръ, а осюпору какая жизнь-то ихъ была? Что̀ скотъ—то̀ и бродячій: ни Господа Бога, ни спокойства, ничего путнаго не знали—были яко нелюдимы нѣкіи, да только звѣремъ и занимались, въ томъ и счастье свое находили.

— Ну, а въ томской тайгѣ есть такіе же дикари?

— Гдѣ тутъ дикарямъ быть! Кругомъ всей тайги населеніе, все нашъ-братъ, православный народъ, да и тайга-то маленькая, въ два дня изъ конца въ конецъ изойдешь и дороги такія, что почитай вездѣ на колесахъ проѣдешь.

— Намъ тоже въ снѣгу ночевать доведется?

— Пошто̀ въ снѣгу : туто-ка пріиска̀ частые—въ хоро̀минахъ спать будемъ.

— А медвѣди?

— Медвѣди спятъ теперь въ берлогахъ.

— Такъ мы безъ приключеній доѣдемъ?

— Какія тутъ приключенія! Пріѣдемъ по-добру по-здорову.

— И жалко съ одной стороны, а нѣчего дѣлать; сбирайся, Кузьма Семеновъ, со мной въ дорогу. Если не жаль тебѣ съ молодой женой разставаться, мы завтра же ѣдемъ.

— Чего, сударь, жену жалѣть : не на̀-вѣкъ ѣдемъ.

Въ назначенный для отъѣзда часъ кошева̀, запряженная тройкой, съ двумя колокольчиками подъ дугой, стояла у моего крылечка. Экипажъ этотъ былъ бы очень-удобенъ для дороги, еслибъ не былъ слишкомъ-ва̀локъ, за неимѣніемъ отводовъ. Это ничто иное, какъ узенькіе длинные салазки, по краямъ которыхъ вставлены крѣпкія вѣтви, круто переплетенныя вмѣстѣ посредствомъ веревокъ. Этотъ кузовъ экипажа, или, по̀-просту, корзина особеннаго рода, обшита была изнутри рогожами. На днѣ разставлены были чемоданы и шкатулки съ разною поклажею; все это было выровнено съ особенною аккуратностью; сверхъ ихъ раскинута была широкая перовая перина, за которую добрые люди берутъ съ людей, занимающихся золотопромышленостію, рублей пятьнадцать серебромъ, а съ простыхъ смертныхъ рубля три, не больше; въ головахъ подъ подушками помѣщенъ небольшой самоваръ, мѣдный чайникъ, кулёкъ съ угольями, горшечки съ морожеными щами и пельменями, мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и погребецъ съ принадлежностями. Сверхъ перины лежало большое мѣховое одѣяло, а сверхъ одѣяла двѣ большія рогожи.

— Ахъ батюшки, вотъ бѣда-то! вскричалъ Кузьма Семеновъ, ударивъ себя по лбу : — жареныхъ-то сливокъ я, ваше благородіе — изъ умочка вонъ!

— Чего? спросилъ я съ удивленіемъ. — Жареныхъ сливокъ?? Вареныхъ развѣ?

— Не вареныхъ, а жареныхъ.

— Это что̀ жь такое и для чего?

— Это кто чай пьетъ со сливками, а добыть въ дорогѣ нѣгдѣ, для того возьмутъ натолкутъ сахара, выльютъ на сковородку маленечко сливокъ, да и на огонь; онѣ съ сахаромъ-то и пригорятъ, да пузырями и подсохнутъ, ихъ ножечкомъ и скребаютъ въ бутылку, сколько наготовятъ. Какъ понадобится—жареныхъ сливокъ и всыплютъ маленечко въ стаканъ — и не разпознать!

— Ну, Богъ съ ними съ жареными сливками. Садись, поѣдемъ.

Мы кое-какъ потѣснились съ Никитой и втроёмъ помѣстились въ незатѣйливомъ экипажѣ. Для ямщика не было устроено особаго сидѣнья : онъ безъ церемоніи придавилъ собою мои ноги, махнулъ бичомъ, лошадки стащили насъ съ рыхлаго снѣга и, замотавъ головой, поволокли насъ по улицамъ Богоспасаемаго томскаго града.

Чтобъ выѣхать изъ города, намъ надлежало подняться на довольно-крутую гору. Поклажа была велика и чтобъ не утомить, и безъ того уже истощенныхъ лошадокъ, мы вылѣзли изъ кошевы́ и въ огромныхъ шубахъ, подъ мокрымъ снѣгомъ, взбирались на возвышеніе, подобравъ выше колѣнъ долгополую одежду. Налѣво, на окраинѣ холма, почти висѣла надъ городомъ православная церковь; съ другой стороны красовался католическій косцёлъ; кругомъ раскинуты были бѣдные домики незажиточныхъ обитателей; около одной избушки, запряженная въ салазки, дворняшка тащила два ведёрка воды, еле-двигаясь отъ старости: только изрѣдка виляла она хвостомъ, стараясь умилостивить погонявшаго ее длинною хворостиной сердитаго мальчишку. Около воротъ у избушекъ протянуты были веревки; на нихъ мерзло бѣлье, вывѣшенное вѣроятно для просушки. Нѣсколько лошадёнокъ, съ разбитыми ногами, неподвижно стояли посереди широкой дороги, поджавъ хвосты и понуря головы, мечтая, можетъ-быть, объ отрадныхъ конюшняхъ у подгорныхъ жителей; тощія коровёнки жалобно мычали, посматривая на выбивавшуюся изъ-подъ крышъ солому; двѣ-три изъ нихъ, томимыя должно-быть долговременнымъ голодомъ, рѣшились забыть врожденную неповоротливость: они стали на заднія ноги и, упираясь передними въ выдававшіеся концы бревенчатыхъ вѣнцовъ, безжалостно теребили лакомыя пучки почернѣлой соломы. Но хозяева, въ тусклыя маленькія окна, частію затянутыя бумагой, частію закрытыя войлоками и рогожами, не видали ихъ разорительныхъ продѣлокъ.

Между этими покосившимися, а въ иныхъ мѣстахъ оперишимися на костыли, зданіями красовался славный каменный двухъ-этажный домъ, съ многочисленными пристройками, выкрашенный бирюзовою краскою; на переднемъ его фронтонѣ вытянута была длинная вывѣска, съ серебряными, по черному полю, литерами. Много литеръ уже свалилось, но остались еще слова «.ам...ера, .е...ва».

— Чей это домъ, скажите, пожалуйста — спросилъ я своего прикащика.

— Не мо́гимъ знать: здѣсь голова — управляющій пріисками: онъ всему дѣлу коноводъ.

— А славный домъ! Вѣрно пріиски богатые?

— Шестой годокъ живетъ здѣсь управляющій, богатѣющее жалованье беретъ кромѣ квартеры, вечера задаетъ отличные, живетъ графски...

— Ну, а пріиски?

— Экипажей сколько! какія лошади!

— Ну, а пріиски?

— Пріисковъ съ шестьдесятъ у нихъ, и тамъ, почитай, вездѣ хорошенькіе домики.

— Пудовъ пятдесятъ, я чай, въ годъ намываютъ?

— Пятдесятъ пудовъ въ годъ? въ томской-то тайгѣ?? При шестидесяти пріискахъ?? да въ шесть-то лѣтъ добыли ли они всего-на-все съ полпуда?! Тысячъ съ шесть-сотъ, побольше, убито, а прибыли, Богъ-вѣсть, было ли и на грошъ.

— Да кто жъ такой хозяинъ-то?

— Жилъ перво́, говорятъ, въ Москвѣ. Мильйонъ, говоритъ, убью,

а заведу пріиски! Да съ тѣмъ и умеръ нынѣшней зимой; наслѣдниковъ никого нѣтъ, такъ управляющій-то, пока, безъ отчета. А богатѣющій, говорятъ—было изъ-за чего пріиски заводить.

— А кто-такой управляющій?

— Мѣщанинъ ли, купецъ ли, кто его знаетъ; инженеровъ, вишь, заводить дорого! а инженерный офицеръ побольше нашего гораздо смыслитъ и дѣла повелъ бы такъ, что всѣмъ бы хорошо пришлось.

Наконецъ миновали мы конечный пунктъ томскаго городскаго населенія — кладбище, усѣянное высокими двух-саженными зелеными, черными, бѣлыми и некрашенными крестами. Кое-гдѣ мелькали и каменные памятники; но въ Томскѣ нѣтъ «фабрики надгробныхъ монументовъ», только зажиточные люди выписываютъ ихъ изъ Екатеринбурга, да съ колыванской фабрики при удобныхъ случаяхъ, а менѣе зажиточные жители довольствуются простыми крестами съ приличными надписями.

При похоронахъ въ Томскѣ не бываетъ и печальныхъ колесницъ; тамошніе гробы не имѣютъ привлекательнаго вида нашихъ роскошныхъ гробовъ, исполненныхъ всевозможнаго комфорта; дѣлаются они по очень простому рисунку, выкрашиваются масляной краской и очень-рѣдко убираются дорогими матеріями; но за-то работаютъ ихъ не гробовщики, а солидные мёбельные мастера. При похоронныхъ процессіяхъ факеловъ тоже не знаютъ, а несутъ гробъ съ тою же церемоніею, какъ это у насъ дѣлается въ извѣстномъ разрядѣ купечества: по дорогѣ гробъ окружаютъ наемные проводники съ церковными шандалами и толстыми свѣчами; у провожающихъ въ рукахъ тоненькія восковыя свѣчи; чорныхъ мантій и попонъ не бываетъ; печальный клиръ состоитъ изъ дьячковъ и охотниковъ.

Мы пустились по иркутскому тракту. Дороги здѣсь отлично-хорошо населены; селенія многолюдны, и часты; станціи не длинны; во всю дорогу отъ Петербурга я насчиталъ пять-шесть такихъ, которыя были отъ тридцати до тридцати-трехъ верстъ; постройки крестьянскія прочны, обширны, выстроены улицами съ площадками на перекрёсткахъ; только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ сторонѣ отъ дороги, нѣкоторыя селенія и здѣсь, какъ и въ Тобольской-Губерніи, представляютъ родъ лабиринтовъ, изъ которыхъ самому путнику трудно выбраться на большую дорогу. Подобныя селенія были выстроены когда-то, въ давнымъ-давно минувшія времена, зря, безъ всякой заботливости о прямизнѣ улицъ, которыхъ здѣсь и нѣтъ, а есть только какіе-то закоулки, или извороты между отдѣльными хозяйствами, обнесенными оградой. Средину этой неправильной ограды занимаетъ жилой домъ; въ одной его половинѣ живутъ хозяева, а въ другой, зимой, «морятъ таракановъ»; въ углу ограды тѣснятся амбары; гдѣ-нибудь въ сторонѣ торчитъ баня съ фантастическою печью-каменкой; вблизи отсюда два-три деревца; тамъ раскинуты хлѣва и конюшни — все на огромномъ дворѣ разметано въ разныя стороны и все безъ малѣйшаго порядка. Сосѣдскія ограды въ иномъ мѣстѣ соприкасаются другъ къ другу очень-близко, такъ-что двумъ пустымъ телѣгамъ не разъѣхаться, а въ иномъ мѣстѣ онѣ расходятся до того, что въ промежуткѣ ихъ цѣлая дюжина возовъ легко можетъ умѣститься въ одинъ рядъ. У въѣзда въ селеніе на одномъ концѣ, по обыкновенію, питейный домъ, на другомъ — погостъ или просто кладбище.

Сельское народонаселеніе — земледѣльческое по преимуществу, благодаря хорошей почвѣ земли и множеству скота. Частная промышленость въ этихъ мѣстахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Каинскомъ-Округѣ жители занимаются звѣроловствомъ, птицеводствомъ, рубкою и сплавомъ лѣса, въ которомъ здѣсь было изобиліе; перекупаютъ у инородцевъ мягкую рухлядь, гонятъ деготь, сидятъ смолу, бьютъ шерсть и занимаются выработкою домашней мёбели для продажи. Около озера Чаны жители занимаются рыбнымъ промысломъ; зажиточные крестьяне принимаютъ на себя обязательства «доставки» хлѣба и соли въ казенные магазины; здѣшнія сельскія произведенія—сало и дрова—идутъ въ Омскъ, а овесъ и ячмень преимущественно на линію. Въ Колыванскомъ-Округѣ главное занятіе жителей—перевозка товаровъ сухимъ путемъ и водою и содержаніе постоялыхъ дворовъ, пчеловодство не въ большомъ размѣрѣ, работа глиняной посуды и изготовленіе обуви. Въ Томскомъ-Округѣ, по которому я теперь разъѣзжаю, крестьяне занимаются извозомъ, «вольною почтою» и изготовленіемъ всего, что до этого предмета касается; въ Богородской-Волости крестьяне строятъ барки и лодки и сплавляютъ ихъ въ Томскъ, въ Барнаулъ и въ Кузнецкъ, по Оби и Томи; прибрежные жители Оби и Чулыма занимаются рыбною и звѣриною ловлею; на сѣверѣ, около Нарыма, скотоводство состоитъ изъ однихъ оленей; народъ Дмитріевской и Колыванской Волостей лѣтомъ ходитъ на золотые пріиски въ работу; сбыты хлѣба производятся на винокуренные заводы и на частные золотые пріиски. Главное занятіе сельскихъ обитателей Кузнецкаго-Округа—земледѣліе, второстепенное — рыбная промышленость и, послѣ уборки хлѣба, добываніе звѣря и приготовленіе мѣховъ, которыхъ сбываютъ пріѣзжимъ торговцамъ — сурковый, за весь наборъ, отъ 5-ти до 6-ти рублей серебромъ, хорьковый отъ 15-ти до 20-ти руб., бѣличій отъ 25 до 35 руб. и бурундуковый отъ 40 до 50 руб. сер. за наборъ. Въ деревнѣ Афонькиной крестьяне ломаютъ каменный уголь для сосѣдственныхъ горныхъ рудниковъ колыванозаводскаго вѣдомства, а въ деревнѣ Кузедѣевой ломаютъ жерновый камень на продажу. Въ этомъ же округѣ приготовляютъ на продажу до 50,000 арш. холста разныхъ сортовъ. Въ Барнаульскомъ-Округѣ главная отрасль промышлености, послѣ земледѣлія — скотоводство и торговля скотомъ, кожами, саломъ, овечьею шерстью, овчинами и мерлушками. Наконецъ Бійскій-Округъ — самый богатый край этой части Сибири. Здѣсь тучная и весьма плодородная почва земли, превосходный климатъ и изобиліе домашняго скота — у инородцевъ преимущественно рогатаго, а у казаковъ преимущественно лошадей. Калмыки и Телеуты кочуютъ здѣсь по Біи, Катуни, Песчаной, Чулышману, Башкаусу, Чуѣ и по озеру Телецкому. Главное мѣновое мѣсто — на Чуѣ, гдѣ у нихъ бываютъ сугланы (главное мѣсто сдачи ясака и мѣсто общихъ съѣздовъ для общественныхъ дѣлъ): сюда съѣзжаются, кромѣ русскихъ торговцевъ, и Китайцы съ ближайшихъ пикетовъ и привозятъ сюда чай, и шелковыя и бумажныя матеріи. У казаковъ изстари свободная мѣна съ зарѣчными Киргизами. Обитатели этой южной части, кромѣ обыкновенной сельской промышлености, ломаютъ плиту, особенно аспидъ и грифель, жгутъ известь, строятъ барки и спускаютъ ихъ внизъ по Иртышу.

Въ годъ послѣдняго моего пребыванія въ Сибири, здѣсь свирѣпствовала «сибирская язва» и произвела слѣдующія опустошенія:

	Головъ.		Головъ.
Въ Каинскомъ-Округѣ считалось скота	14,850;	отъ язвы пало	2,791
— Колыванскомъ	125,233	»	2,316
— Томскомъ	26,484	»	3,441
— Кузнецкомъ	9,532	»	3,010
— Барнаульскомъ (*) . . .	187,248	»	4,131
— Бійскомъ	135,975	»	1,100

Продажныя цѣны на хлѣбъ существовали разныя; низшая цѣна была слѣдующая (высшая была мѣстами отъ осьмидесяти до ста процентовъ дороже):

За четверть:	Ржи.	Пшеницы.	Овса.	Ячменя.	Гороха.	
Каинскъ . .	1,90	3,53	1,40	2,60	3,50	коп. сер.
Колывань . .	2,40	2,20	2,70	—	1,50	»
Томскъ. . .	4,20	5,70	2,50	2,25	3,30	»
Кузнецкъ . .	2,05	3,20	2,20	2,50	3,20	»
Барнаулъ . .	1,90	2,10	1,50	—	2,30	»
Бійскъ . . .	2,50	3	1,80	1,60	—	»

Говоря про Бійскій-Округъ, мы забыли поименовать пчеловодство. Разсказываютъ, что первые опыты пчеловодства въ Сибири начаты въ 1776 и 1777 годахъ, когда въ Устькаменогорскую-Крѣпость выписаны были изъ Башкиріи тридцать ульевъ; ульи эти скоро пропали. Въ 1793 году, стараніями служившаго въ сибирскомъ драгунскомъ полку маіора Кербица, полковникъ Аршеневскій вновь выписалъ, на свой счетъ, пятьдесятъ ульевъ и подарилъ ихъ польскимъ переселенцамъ, страстнымъ пчеловодамъ, въ окрестностяхъ Устькаменогорска (**). Теперь пчелы развелись во всей южной части Томской-Губерніи, и въ 1837 году считалось ихъ тамъ уже до ста тысячь ульевъ. Ежегодно добывается отъ пчелъ до тысячи пудовъ меда и около ста двадцати пудовъ воска; сбываютъ по Иртышу на лодкахъ и плотахъ по линіи до Омска и Тобольска, а по зимнему пути на Ирбитскую-Ярмарку.

Натуральныя повинности сельскаго населенія состоятъ, во-первыхъ, въ повсемѣстномъ содержаніи обывательскихъ лошадей (ихъ выдаютъ и проѣзжающимъ по частной надобности, за узаконенные прогоны, въ случаѣ недостатка почтовыхъ), кромѣ городовъ, рудниковъ, заводовъ и трехъ станцій Кузнецкаго-Округа, расположенныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ крестьянскихъ заселеній; во-вторыхъ, въ исправленіи главнаго сибирскаго тракта и проселочныхъ дорогъ, и, въ-третьихъ, въ содержаніи, въ лѣтнее время, уличныхъ карауловъ, въ предупрежденіе могущихъ произойти нарушеній тишины и благочинія.

Что касается до фабричной и заводской промышлености, и числа фабричныхъ людей, то добытыя нами на мѣстѣ свѣдѣнія чрезвычайно сбивчивы и одно съ другимъ не согласны; а потому, оговорившись на счетъ неполноты этихъ свѣдѣній, мы представляемъ слѣдующую таблицу по Томской-Губерніи:

(*) Сверхъ того жертвами язвы было семь человѣкъ.

(**) Устькаменогорскъ, безъокружный городокъ на рѣкахъ Иртышѣ и Ульбѣ, имѣетъ до трехъ тысячь жителей, двѣ тысячи мужчинъ и 900 женщинъ; въ немъ одна православная церковь, одна мечеть, десять каменныхъ домовъ и триста деревянныхъ, 8 лавокъ, 6 промышленыхъ заведеній, кожевенный, мыловаренный и кирпичный заводы, 4 кузницы и 4 питейныхъ дома; въ трехъ верстахъ отъ города пристань на Иртышѣ.

Золотопромывальныхъ фабрикъ, дѣйствующихъ	50.
Серебронлавиленныхъ заводовъ	5.
Мѣдныхъ	1.
Желѣзныхъ	2.
Шлифовальная фабрика	1.
Винокуренныхъ заводовъ	3.
Пивоваренный заводъ	1.
Бумажная фабрика	1.
Стеклянныхъ заводовъ	2.
Кожевенныхъ	27.
Мыловаренныхъ	18.
Салотопенныхъ	8.
Канатныхъ	2.
Гончарныхъ	2.
Кирпичныхъ	22

Между-тѣмъ въ 1841 году считалось фабрикъ и заводовъ:

	Принадлежащихъ горному вѣдомству.	Принадлежащихъ частнымъ лицамъ.
Золотопромывательныхъ	9 (1 въ Томскомъ, 7 въ Кузнецкомъ и 1 въ Барнаульскомъ-Округахъ).	65 (56 въ Томскомъ и 9 въ Кузнецкомъ-Округахъ).
Серебронлавиленныхъ	6 (1 въ Кузнецкомъ, 2 въ Бійскомъ и 3 въ Барнаульскомъ-Округахъ).	
Шлифовальныхъ	1 (въ Бійскомъ-Округѣ).	
Мѣдный	1 (въ Барнаульскомъ-Округѣ).	
Желѣзныхъ	2 (въ Кузнецкомъ-Округѣ).	
Стеклянный	1 (въ Барнаульск.-Округѣ).	1 (въ Томскомъ-Округѣ).
Канатный	1 (въ Кузнецкомъ-Округѣ).	
Кирпичныхъ	7 (по 2 въ Кузнецкомъ и Бійскомъ и 3 въ Барнаульскомъ Округахъ).	27 (25 въ Томскомъ и 2 въ Барнаульскомъ-Округахъ).
Салотопенныхъ	8 (по 3 въ Кузнецкомъ и Бійскомъ и 2 въ Барнаульскомъ Округахъ).	6 (по 2, въ Томскомъ, Каинскомъ и Барнаульскомъ-Округахъ).
Кожевенныхъ	3 (1 въ Барнаульскомъ и 2 въ Бійскомъ Округахъ).	44 (въ Томскомъ 18, въ Каинскомъ 2, въ Кузнецкомъ 1, въ Барнаульскомъ 12 и въ Бійскомъ 11).
Мыловаренныхъ		25 (по 7 въ Томскомъ и Бійскомъ, 6 въ Барнаульскомъ, 4 въ Кузнецкомъ и 1 въ Каинскомъ-Округахъ).
Бумажныхъ		1 (въ Барнаульскомъ-Округѣ).
Полотняныхъ		25 (въ Томскомъ-Округѣ).

И два винокуренныхъ, принадлежащихъ собственно казнѣ, завода. О числѣ фабричныхъ и рабочихъ людей не могу сказать что-нибудь, даже приблизительно.

Въ переговорахъ о занятіяхъ крестьянъ и объ образѣ ихъ жизни, мы, съ Божіею помощію, протащились верстъ двѣсти до огромнаго Кійскаго-Села безъ особенныхъ приключеній; несмотря на всѣ предостереженія, чтобы держать ухо востро, мы не испытали никакой непріятности. Огромные раскаты снѣга и ямины, несворачиваніе длинныхъ-предлинныхъ обозовъ при звонѣ почтоваго колокольчика, безпрестанное опрокидываніе кошевы́ и духота подъ двумя длинными рогожами, защищавшими насъ отъ снѣжныхъ мятелей, не составляютъ еще значи-

тельныхъ непріятностей: все это сначала только, вмѣстѣ съ ушибами, царапинами и морозомъ, наводило досаду, но послѣ, по пословицѣ — «стерпится—слюбится» стало очень обыкновеннымъ и даже возбуждало въ насъ веселый и продолжительный смѣхъ. Оно, дѣйствительно, весело: одного выброситъ въ кучу рыхлаго снѣга, другаго прикроетъ съ головы до ногъ мягкой периной, третьяго затиснетъ кошевой — и пойдетъ получасовая возня опять все по-старому приводить въ порядокъ. Развлеченія подобнаго рода были безпрестанны.

Кія—сборный пунктъ отправляющихся на пріиски съ большими задатками и возвращающихся оттуда съ большими заработками рабочихъ изъ таёгъ томской, ачинской, минусинской и другихъ, и потому пиры и веселье здѣсь неумолкаемые: въ этомъ смыслѣ Кія обширнѣе и занимательнѣе многихъ сибирскихъ городовъ; торговля здѣсь извѣстными продуктами очень развита, а главную роль играютъ питейныя заведенія, погребки и лавки съ краснымъ товаромъ, да «вязниковцы» съ новыми модами, которыя въ Казани лѣтъ пять уже позабыты, но которыя въ свое время существовали даже въ столицахъ; охотники до пріятнаго препровожденія времени могутъ добыть здѣсь и хорошія карты для игры.

Значительная часть здѣшнихъ жителей промышляетъ работою на частныхъ золотыхъ пріискахъ. У нихъ, какъ и вообще у многихъ, счастливо трудившихся въ старинные годы на золотыхъ пріискахъ, особенное пристрастіе къ картамъ. Коммерческія игры они плохо понимаютъ, но за-то на пріискахъ безъ трепета играютъ въ игры безкозырныя, ставя на карту обыкновенный кушъ — золотничокъ золота.

Въ проѣздъ мой черезъ это село, главныя оргіи еще не начинались; но заботливый народъ сбирался уже на пріиски и подготовлялся—какъ обыкновенно къ этому дѣлу подготовляются. Трудно разрѣшить, кто кого въ этихъ приготовленіяхъ и пріятныхъ времяпрепровожденіяхъ пересилитъ: рабочіе ли прикащиковъ, или прикащики рабочихъ — и съ той и съ другой стороны деньги сыплются безъ счета, щедрою рукою.

Участія въ этомъ не принимаютъ только торговцы и тѣ изъ здѣшнихъ поселянъ, которые не ходятъ ни на пріиски, ни на суда, идущія въ Тюмень, а занимаются своимъ крестьянскимъ дѣломъ.

XXIV.

Тамбаръ.

Обыкновенный способъ «наёмки» рабочихъ на золотые промысла совершается такимъ-образомъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при разбродѣ людей по домамъ, ихъ выжидаютъ прикащики въ извѣстныхъ селеніяхъ, гдѣ рабочіе въ двѣ-три недѣли истрачиваютъ всѣ суммы, въ-теченіе года пріобрѣтенныя; нуждаясь въ деньгахъ, они соглашаются на незначительные задатки, рѣдко свыше 7 или 10 рублей серебромъ. Деньги эти скоро, тѣмъ же порядкомъ, исчезаютъ и рабочій, не бывъ еще въ работѣ у перваго нанимателя, нанимается къ другому, а спустивъ съ рукъ его задатокъ, идетъ къ третьему и такъ-дальше. Право на работника имѣетъ только тотъ наниматель, который, въ обезпеченіе и доказательство своего съ нимъ договора, представитъ въ волостное правленіе прошлогодній билетъ своего наемщика. Слу-

частся, что въ періодъ общаго бражничанья, при суетѣ и торопливости прикащиковъ перещеголять другъ-друга бо̀льшею массою навербованнаго народа, поселенцы очень-часто подсовываютъ имъ старые свои или чужіе, билеты, неимѣющіе никакой цѣны при доказательствахъ.

Но такъ-какъ не всѣ же рабочіе поступаютъ подобнымъ образомъ, то прикащики, «обзадачивъ» нѣсколько десятковъ или сотенъ нанятыхъ людей, заставляютъ ихъ подписаться на гербовомъ листѣ, который, въ-послѣдствіи времени, подшивается къ общему съ рабочими контракту, и отобранные у нихъ старые билеты лично развозятъ по волостнымъ правленіямъ разныхъ уѣздовъ, а иногда и разныхъ губерній.

Въ волостномъ правленіи, прикащики вносятъ слѣдующіе казенные расходы, расходы предвидѣнные: за гербовый листъ на новый билетъ 15 к. с., и въ пользу «капитала ссыльныхъ» 1 р. 50 к. с., сумма эта нѣсколько лѣтъ ежегодно постоянно сбирается съ нѣсколькихъ десятковъ тысячь билетовъ и, такимъ-образомъ, положеніе ссыльныхъ обезпечено значительнымъ капиталомъ. Къ предвидѣннымъ же расходамъ надо отнести и платежъ прикащиками въ казну недоимокъ, числящихся за ссыльными, кромѣ, разумѣется, тѣхъ изъ нихъ, которые извѣстны подъ названіемъ «льготныхъ» поселенцовъ, не обложенныхъ сборами по уважительнымъ причинамъ. Въ тяжелой пріисковой работѣ льготные поселенцы нисколько не уступаютъ въ работѣ прочимъ товарищамъ. Непредвидимыхъ расходовъ — про̀пасть: смотря по нравственности прикащиковъ и по другимъ обстоятельствамъ, считая тутъ разъѣзды, содержаніе, пиры, угощенія и прочія необходимыя траты, эти непредвидимые расходы составляютъ около ста процентовъ предвидѣнныхъ расходовъ.

Занятія по наёмкѣ къ новому-году оканчиваются вмѣстѣ съ заподрядомъ и отправкою на пріиски нужныхъ вещей и припасовъ. Послѣ новаго года начинаются новые разъѣзды за полученіемъ новыхъ билетовъ; наконецъ, въ февралѣ или мартѣ—третьи разъѣзды, для высылки рабочихъ изъ деревень и для отправленія ихъ на пріиски. Въ это время снабжаютъ ихъ снова деньгами на надобности, какъ-то на веселое прощанье съ деревней и на расходы на дорогѣ, кромѣ-того выдаютъ извѣстную часть теплыхъ аммуничныхъ вещей и иногда хлѣба. Тутъ рабочіе идутъ въ путь, но еще не на самые пріиски, а въ крайнее къ тайгѣ населеніе, гдѣ у золотопромышленика и контора и амбары съ запасами.

Такимъ-то мѣстомъ для томской тайги, со стороны Иркутска, была, между-прочимъ, и небольшая деревушка Тамбаръ. При нашемъ пріѣздѣ, сюда уже выслали нѣкоторые прикащики своихъ рабочихъ, но все-еще многихъ не досчитывались. Въ Тамбарѣ разгула было незамѣтно, хотя пьяный народъ очень-нерѣдко попадался подъ навѣсами воротъ, или на площадкѣ; но это были все люди смирные, которые, качнувшись неосторожно и упавъ на мягкій снѣгъ, наслаждались безмятежнымъ сномъ.

Случалось, что многіе изъ отпраздновавшихъ уже свое отправленіе, снова задумывали повеселиться и спускали съ себя все до нитки. Ка̀къ быть съ этакимъ народомъ? Радушные золотопромышленики снова снабжаютъ ихъ платьемъ, даже рубахами, шубами, сапогами и, нѐчего дѣлать! отправляютъ ихъ на пріиски за строгимъ карауломъ,

стараясь присоединить къ послѣднимъ идущимъ на пріиски возамъ съ кладью. Для-того, чтобъ рабочихъ, во время путеслѣдованія, не принялъ кто-нибудь за бродягъ и бѣглыхъ, прикащики снабжаютъ ихъ пропускными билетами за своею подписью, а иначе, если отдать подлинный билетъ — рабочій непремѣнно убѣжитъ — и навьючивали на каждаго изъ нихъ вполнѣ достаточное количество провіанта на дорогу.

Несмотря на отчаянныя гулянки, рабочіе оказывали строгое послушаніе своимъ прикащикамъ; дисциплина, почтительность, повиновеніе — были безусловны, безъ разговоровъ и безъ справокъ о томъ, дѣйствительно ли такое-то новое лицо — прикащикъ, замѣнившій собою преждевидѣннаго и имѣетъ ли онъ право повелѣвать рабочими: всѣ увѣрены, что злоупотребленіе власти, со стороны золотопромышленнаго люда, и неправильное пользованіе ею—здѣсь невозможны. А это очень-важно въ такомъ захолустьѣ. Время, какъ мы уже сказали, было глухое, зимнее, а казаки и гражданскія власти могутъ пріѣзжать сюда только къ веснѣ. Однакожь, на случай какого-нибудь важнаго происшествія, въ селѣ Кіѣ, гдѣ и волость, постоянно живетъ засѣдатель Земскаго-Суда; а верстахъ въ семидесяти, въ тайгѣ, горный исправникъ съ нѣсколькими казаками.

Въ назначенный день вся небольшая наша ватага, еще до пѣтуховъ, была на ногахъ. Конюхи, исправляющіе разновременно должности груммовъ, наѣздниковъ, рейткнехтовъ, кучеровъ, пастуховъ или ординарцевъ, на этотъ разъ показали всю свою расторопность. Вмѣсто одной, у насъ явилось теперь три кошевы́, кладь, которую намъ нужно было перевезти съ собой, хорошо упакована и уложена въ порядкѣ, хомуты всѣ исправлены, лошади вычищены и впряжены въ кошевы́ гусемъ. Въ той, которая назначена была для меня лично, впряжены четыре лошади; на передней верхомъ сидѣлъ тучный вершникъ въ мѣховой шапкѣ, въ теплой огромной оленьей дахѣ, мездрòй (кожей) внизъ, а шерстью наружу: въ-сравненіи съ нашими красивыми форейторами, онъ казался мнѣ просто змѣемъ-горыничемъ.

Ночь была настоящая зимняя; здоровый русскій морозъ захватывалъ дыханіе, лобъ, уши и щеки знобило, точно будто бы къ нимъ куски льда прикладывали; полная луна фонарикомъ висѣла надъ черными елями; на вытянутыхъ ихъ вѣтвяхъ лежали груды снѣга, будто покрытыя чистой наволочкой подушки; крыши домовъ, занесенныя оледенѣвшимъ снѣгомъ, казались колпаками, нахлобученными на головы тучныхъ пигмеевъ; все видимое пространство дороги и окрестныхъ полей было окутано искрившеюся бѣлою пеленою; въ той части улицы, которая была въ тѣни, мерцали огоньки въ окнахъ и смирныя хозяйки принялись уже за домашнюю стряпню и за ухаживанье за сонными, крикливыми ребятишками. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и досужіе крестьяне, собравшіеся у нашей избы поглазѣть на отправленіе поѣзда, въожиданіи окончанія сборовъ, поскакивали съ ноги-нá-ногу, да похлопывали рукавицами. Въ ближнемъ лѣсу немилосердо выли волки.

— Вишь ты, парень, морозъ-отъ какой! говорилъ одинъ крестьянинъ другому.

— Шибко же, парень, великъ! отвѣчалъ тотъ глубокомысленно.

— Си́верко, никакъ, вечòръ тоже сталось.

— Однако, парень, си́верко же.

— Эка лошадка-то это важная... тпрсё, тпрсё! поговаривалъ крестьянинъ, употребляя для лошади словцо, которымъ у насъ приманиваютъ коровъ, и заботливо охорашивая воронаго жеребца отличной масти, только немножко съ короткимъ туловищемъ.

— Нештó, важный кóникъ! замѣтилъ его товарищъ: — маловаста натура, токмà.

— Питерской-то рýдникъ (золотопромышленикъ), вѣрно, про себя жеребчика прочитъ.

— Пожалуй, что про себя, чуднóй такой: ну, ктó въ тайгý жеребчиковъ водитъ!

— Тряхнетъ же онъ ихъ знатно, какъ пора прійдетъ.

— А чтò ты думаешь: вò кàкъ, я чай, тряхнетъ.

— Экой, парень, морозъ-отъ какой—тàкъ и знобитъ!

— Ужò, не говори, парень, лихой морозъ!

Я подошелъ къ разговорчивому крестьянину, стараясь навести его на другой предметъ и повыспросить кое-чтò о его житьѣ-бытьѣ.

— Чтó вы, ребята, собрались сюда; развѣ вамъ дома нéчего дѣлать? спросилъ я, обращаясь къ нему.

— Нý-у! отвѣчалъ онъ мнѣ утвердительно.

— Не хотите ли вы моимъ конюхамъ въ работѣ помочь?

— Нý-у! сказалъ онъ, замотавъ головой отрицательно.

— Чѣмъ же вы по утрамъ дома занимаетесь, не склавши же руки сидите?

— Нý-у! возразилъ онъ, такимъ тономъ, что отвѣтъ его можно было перевести нашимъ—ужь разумѣется!

— А много у васъ зимой около дому работы?

— Нý-у—былъ опять мнѣ отвѣтъ; но это нý было сказано голосомъ, наводившимъ сомнѣніе въ многочисленности крестьянскихъ занятій.

— Надоѣлъ ты мнѣ, братецъ, съ своимъ «ну»: ты мнѣ скажи чтò у васъ тутъ есть хорошаго?

— Не штò! сказалъ крестьянинъ, повернулся и пошелъ своей дорòгой.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился, а я воротился въ избу, щелкнувшись, противъ всякаго желанія, лбомъ объ низкую перекладину двери.

Слѣдомъ за мной вошли мои подначальные и, доложивъ, что, дескать, «все готово», разсѣлись вдоль стѣны на скамейкахъ. Одинъ изъ нихъ приперъ поплотнѣе дверь и опять занялъ свое мѣсто. Видя, что дѣло идетъ объ исполненіи обычныхъ пріемовъ, наблюдаемыхъ при отправленіи въ дорогу, я тоже усѣлся. Съ минуту мы просидѣли молча. Съ возгласомъ: «Господи, благослови, Христосъ!» всѣ встали, перекрестились, поклонились образамъ и стали подходить ко мнѣ по одиначкѣ.

— Благословите, хозяинъ! говорилъ каждый изъ нихъ, приближась ко мнѣ, и наклонивъ голову для осѣненія ея крестнымъ знаменіемъ.

Я исполнилъ трогательный обрядъ, но забралъ себѣ въ голову, что вѣрно путь намъ предстоитъ теперь самый тяжкій, сопряженный съ опасностями, которыхъ мнѣ не удавалось еще испытывать съ стѣсненнымъ сердцемъ полѣзъ въ кошевý и улегся въ ней какъ въ люлькѣ.

Хлопанье длинныхъ бичей, дребезжанье ширкунцовъ, звонъ колокольчиковъ, крики «куда-те тянетъ, лѣшій!», «вытягивай, буланко!» «вздымай, совраско-батюшко!» прощанье съ деревенскими крестьянами,

и меткія любезности съ выбѣжавшими на дорогу бабами, длились довольно-долго. Го̀воръ началъ стихать—и вотъ, наконецъ, мы одни на широкой про́сѣкѣ лѣса. Теперь вся трудность состояла только въ томъ, чтобъ не своротить съ проторенной и наѣзжанной санями полосы и не рухнуться въ страшные сугробы снѣга, который, какъ двѣ стѣны, возвышался по обѣимъ сторонамъ просѣки.

Скоро мы достигли широкой равнины, занесенной снѣгомъ.

— Этто ѣдемъ мы рѣкой, ваше благородіе: Урюпъ-Рѣку переѣзжаемъ, прокричалъ мнѣ Кузьма Семеновъ, ѣхавшій сзади меня въ другой кошевѣ.

Я вытащилъ записную книжку и поспѣшилъ отмѣтить въ ней «переѣхалъ Урюпъ; холодно; снѣгу много; рѣки не видно. Мнѣ ноги отсидѣлъ кучеръ Софронъ. У него слабая сторона—хлестать кнутомъ лошадь, та̀къ, для своей забавы, ни-за-что̀, ни-про-што̀».

За рѣкой просѣка становилась постепенно все уже и, далеко еще до полудня, мы въѣхали въ такую трущобу лома, валежника и стоячаго лѣса, мѣстами обнаженнаго отъ снѣжныхъ комковъ порывистымъ вѣтромъ, что съ трудомъ пробрались черезъ сотни ямъ и рытвинъ на извилистой тропинкѣ и выѣхали на ровное мѣсто. Нѐчего и говорить, что намъ не встрѣчалось ни души и, надо сказать правду, это было для насъ истиннымъ счастьемъ: дорожка была та́къ узка, что расходившимися въ стороны верхними обручами кошевы́, мы прорѣзывали снѣжныя стѣны, около насъ воздымавшіяся корридоромъ, а пушистый иней съ деревъ, о которыя кошева̀ наша то-и-дѣло колотилась, сыпался на насъ безпрестанно. На про̀сѣкѣ всего была одна тропинка, по которой мы ѣхали, и Богъ знаетъ что̀ пришлось бы сдѣлать и ка̀къ бы поступить, еслибъ намъ попался встрѣчный ѣздокъ. Какова же должна быть участь тѣхъ, кого застигли бы здѣсь бураны и мятелицы. Мы, однако жь, ихъ не испытали; погода нѣсколько дней стояла прекрасная, снѣга свѣжаго давно не валило и это мы заключали по безчисленному множеству звѣриныхъ слѣдовъ, отпечатанныхъ на пушистой поверхности краевъ дороги, испещренной легкими ямками, то треугольниками, то другими неправильными фигурами, по которымъ опытный охотникъ сейчасъ можетъ вывести заключеніе, что вотъ тутъ проскочилъ заяцъ, а здѣсь пробѣжалъ волкъ, или другой лѣсной жилецъ.

— Станокъ, станокъ! закричалъ во все горло вершникъ.

— Эвона, дымокъ-то! проговорилъ окутанный въ шубу Софронъ, обернувшись ко мнѣ и протянувъ руку съ длиннымъ бичикомъ по направленію синей струйки дыма, змѣйкой вьющагося изъ-за горки.

Въ-самомъ-дѣлѣ мы подъѣзжали къ станку. Это было одинокое зимовье, прислоненное къ рѣчкѣ Дудеть и потому извѣстное здѣсь подъ общимъ названіемъ «Дудетской-Избушки», она была чиста снаружи и, какъ послѣ оказалось, внутри, но страшно натоплена, точно какъ баня. Обитателей здѣсь было не много: рязановскій рабочій съ женою, которыхъ хозяева снабдили кой-какой мёбелишкой, лошадью, коровой, курицей и собакой. Работникъ обязывался стеречь хозяйское доброе, принимать проѣзжихъ, прислуживать имъ и, въ-случаѣ нужды, снабжать ихъ необходимыми запасами; за это, имѣя скромный, но весьма удобный пріютъ и не зная ни въ чемъ нужды, работникъ получалъ жалованье, вознаграждавшее его за скуку не постоянно жить въ сообществѣ съ многими. Онъ встрѣтилъ насъ у избушки и учтиво зазы-

валъ не побрезгать хлѣбомъ-солью. Это былъ здоровый, плотный мужчина, высокаго роста, настоящій гренадеръ, съ мужественнымъ и выразительнымъ лицомъ.

— Крестьянинъ? было первымъ моимъ вопросомъ.

— Посельщикъ! отвѣчалъ онъ, понуря голову.

— Какой губерніи? продолжалъ я, войдя въ горенку и освобождая себя отъ теплой одежды.

— Таврической.

— Ка̀къ звать тебя?

— Микифоръ Митревъ, прозванье Хутъ-Непуда.

— Ну, вотъ, братъ, Никифоръ, мы къ тебѣ въ гости: пригрѣй-ко насъ, любезный!

— Чего прикажете? Есть щи, свѣжая говядина, яйца, сливки, масло, хлѣбъ крупщатый; ну, квасъ ѣсть, чего-нибудь того-сего найдется... Мы слышали далеко, что звонокъ звонитъ, да и наставили про гостей самовара.

Между-тѣмъ-какъ мы здѣсь обѣдали и отдыхали, я разговорился съ ссыльнымъ, чтобъ разъузнать отъ него какія именно причины привели его въ Сибирь. Окружая себя обыкновенно и преимущественно людьми этого разряда, я всегда старался вывѣдать отъ нихъ собственныя ихъ приключенія и прослѣдить, сколько возможно, происшедшую въ нихъ нравственную перемѣну. Въ отвѣтахъ ихъ, мнѣ очень рѣдко случалось слышать жалобу на настоящую судьбу или увѣренія, что они пострадали напрасно: чаще всего я видѣлъ искреннее раскаяніе, сознаніе своей виновности и готовность, сообразно съ насущными средствами, идти впередъ прямой доро̀гой.

Къ югу отъ того мѣста, гдѣ мы теперь находились, тянулся небольшой хребетъ горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Талаюло-Урюпскихъ», дающихъ начало рѣкамъ Талаюлу и Урюпу и отдѣляющихъ ихъ вершины отъ вершинъ Кіи. Талаюло-Урюпскія-Горы идутъ дугой и отдѣляютъ отъ себя къ сѣверу другой хребетъ, котораго главная возвышенность носитъ названіе «Чорной-Горы». Отъ этой «Чорной-Горы» расходится въ разныя стороны нѣсколько особыхъ кряжей, изъ которыхъ главный, идущій по прежнему направленію, къ сѣверу, раздѣляетъ воды Дудети отъ Кіи; но этотъ небольшой кряжъ развѣтвляется на̀-двое, собственно «Бирикульскія-Горы» отдѣляющія Дудеть отъ Бирикуля, и другія, меньшія, проходящія между Бирикулемъ и Кіею, въ которую рѣка Бирикуль впадаетъ. Черезъ эти-то два хребта намъ и надлежало въ этотъ день перевалить, чтобъ достигнуть станка, на которомъ намъ слѣдовало провести ночь. Станкомъ этимъ назначенъ Покровскій-Пріискъ господъ Рязановыхъ.

Узнавъ эти подробности отъ караульщика Дудетской-Избушки, Никифора Хутъ-Непуды, я, при прощаньи съ нимъ, предложилъ ему вознагражденіе за хлопоты, причиненныя ему моимъ поѣздомъ.

— Да что̀ вы это, сударь! Да оборони васъ Господь! Да хозяева узна̀ютъ, такъ я въ такую немилость впаду, что бѣда! Да и ка̀къ я смѣю за хозяйское добро принять отъ васъ плату? Здѣсь не трактиръ, не постоялый дворъ: случилось чего покушать — хозяевамъ нашимъ оченно радошно, на то здѣсь они и пріютъ выстроили, да меня посадили, чтобъ помощь ѣздокамъ казать... А какъ не было бы здѣсь избушки? ну, и пришлось бы вамъ на холоду колѣть! Нѣтъ, сударь,

за этакія дѣла деньгами не платятъ! и подумать боюсь плату, хошь себѣ, взять! Мы благодарны и на чести!

Подъемъ на горы былъ крайне-утомителенъ, а лежать по одиночкѣ въ кошевахъ и не перемолвить слова — скучно. Чтобъ избѣгнуть этого и дать себѣ занятіе, а между-тѣмъ и облегчить лошадей, безпрестанно тащившихъ въ гору, мы вздумали вылѣзть изъ своихъ клѣтокъ и идти пѣшкомъ, за санями. Но дорожка была такъ узка, что вдвоемъ по ней идти было невозможно. Слѣдъ отъ саней и былъ бы для этого достаточенъ, но по чрезвычайной его гладкости и скользкости, возможность держаться на ногахъ была только между полозьями, по выбоинамъ, протоптаннымъ копытами лошадей; но и по такой дорожкѣ можно прогуляться безъ неудовольствія какіе-нибудь полчаса, не больше, а идти три, пять часовъ — на это не хватитъ терпѣнія. Подъ гору идти — скользко, въ гору — тяжело, шуба давитъ плечи — и лѣзешь опять въ кошеву. Дремля и качаясь изъ стороны въ сторону и рѣдко вываливаясь изъ своей повозки въ снѣгъ, ѣхали мы путемъ–дороженькой. Вдругъ, въ полузабытьи, слышу я громкіе оклики:

— Э, о, гей! вы! кто тамъ?

— А вы кто?

— Лѣсъ!

— Ой?! Кто?

— Лѣсъ веземъ!

— Прочь!

— Не можно̀!

— Поштò?

— Бревна длинны!

— Врешь, вороти̇!

— Не можно̀!

— Пошолъ! въ снѣгъ!!

— Батюшко—лошадки!

— Пошолъ, пошолъ! полковникъ ѣдетъ!

— Чтò тамъ такое? спросилъ я подскочившаго и стоявшаго подлѣ моей кошевы́, по колѣна въ снѣгу, Кузьму Семенова.

— Возчики ѣдутъ!

— Ну, чтò жь?

— Приказали своротить.

— Куда жь они своротятъ?

— Въ снѣгъ станутъ.

— Побойтесь Бога: какъ можно въ снѣгъ!

— Нельзя инако; вы полковникъ: не вамъ же въ снѣгъ сворачивать!

— Да съ чего жь вы взяли, что я полковникъ?

— Какъ же-съ; мы знаемъ: вы коллежскій, вотъ у насъ Иванъ Семенычъ тоже коллежскій и полковникомъ кличется.

— Да коллежскій, другъ мой, бываетъ и коллежскій регистраторъ, и коллежскій секретарь, и коллежскій ассессоръ, и коллежскій совѣтникъ; но я все-таки не вижу причины, почему, награждая меня чинами, вы хотите, чтобъ я въ снѣгъ своротилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: велѣно возчикамъ своротить; у насъ кто молодше — тотъ и въ сугробъ. Мѣщанинъ купцу уступаетъ дорогу, а купецъ чиновнику, а ужь тѣ чинами верстаются; а рядомъ двоимъ не проѣхать; уступить непремѣнно нужно.

— Батюшка, будь отецъ родной! Лошаденки устали, батюшка! сутунки, батюшка, громаднѣйшіе: не погуби ты насъ, отецъ родной; яви свою милость! на рученькахъ тебя перенесемъ, касатикъ нашъ: только лошадкамъ позволь своимъ въ снѣжку поприжаться.

Такъ вопили около меня два дюжіе парня, одинъ лѣтъ въ сорокъ, другой лѣтъ въ шестьдесятъ; оба они, пò-поясъ въ снѣгу, прибрели ко мнѣ, проваливаясь безпрестанно въ рыхломъ сугробѣ. Я не видѣлъ особаго удовольствія въѣзжать въ эти сугробы для-того, чтобъ холодный снѣгъ посыпался и за воротникъ шубы, и въ широкіе мѣховые сапоги. Меня и безъ того бросало ужь въ дрожь отъ одной мысли, что, можетъ-быть, пріидется цѣлые полчаса лежать подъ кучами тающаго льда и ждать пока возы не проѣдутъ. Но за-то меня какъ варомъ обдало при размышленіи, сколько огорченія могу я принести тремъ работникамъ, у которыхъ труды цѣлыхъ сутокъ могли бы пропасть задаромъ. Давъ добрый совѣтъ своимъ людямъ на будущее время, я всѣмъ своимъ кучерамъ и вершникамъ велѣлъ править въ сугробъ, или, какъ говорили возчики — въ снѣжку поприжаться.

Занятіе это не такого рода, чтобы тутъ можно было довольствоваться одною отдачею приказанія, и потомъ быть равнодушнымъ зрителемъ. Тутъ только можно вывести заключеніе о томъ, чтò значитъ зимній походъ въ мѣстахъ, гдѣ дорогъ не проложено, и чтò значитъ торить дорогу.

Люди мои стали сначала переступать съ–ноги–на–ногу, дѣлая легкіе и короткіе шаги, чтобы мало-по-малу уминать снѣгъ и потòмъ уже, этой тропой, провести лошадей, чтобъ еще болѣе закрѣпить протоpенное мѣсто. Но пять-шесть человѣкъ не многое могли сдѣлать въ короткое время. Оно было дорого и для насъ и для ожидавшихъ насъ рабочихъ. Мы, наконецъ, рѣшились приступить къ дѣлу короче и разомъ ринулись въ-сторону. Лошади, увязнувъ выше груди въ снѣгу, зацѣпились ногами за гніющій подъ снѣгомъ валежникъ и древесные пни, и едва могли, отъ боли и стужи, крѣпко держаться; менѣе-сильныя изъ нихъ потеряли равновѣсіе и упали, сбивъ съ себя и вершниковъ, которые, съ-маху попавъ въ топкую нàсыпь, скрылись изъ глазъ подъ обсыпавшимся на нихъ краемъ провала; и долго они барахтались руками и ногами, чтобъ освободить себя изъ крайне–непріятнаго положенія. Совѣстно признаться, но, въ этомъ случаѣ, не столько жалко людей, сколько бѣдныхъ животныхъ. Человѣкъ можетъ сохранить присутствіе духа, можетъ выждать опасность, можетъ подать голосъ и кликнуть на помощь, можетъ передать свою мысль о способѣ лучшаго поданія ему помощи, можетъ, наконецъ, здраво обсудить, что здѣсь гораздо-болѣе непріятности, чѣмъ, собственно говоря, опасностей: и жаль человѣка и смѣшно иногда смотрѣть на конвульсивные его пріемы освободиться отъ попавшаго къ нему за платье снѣга; но животное — только жаль, когда оно, погоняемое ударами кнута, бросается именно въ болѣе-холмистый сугробъ, разсчитывая, вѣроятно, упереться въ сокрытый подъ нимъ пень или большой камень; бѣдный конь вязнетъ болѣе-и-болѣе, собираетъ послѣднія силы, чтобъ высвободиться изъ-подъ морозной пелены и, съ испуга, бросается въ новый опасный сугробъ и безсилѣетъ въ тщетныхъ попыткахъ. Ища лучшаго, онъ, бѣдный, худо-управляемый неугомоннымъ Софрономъ, бьется, какъ рыба объ ледъ — но и за

предусмотрительность и за недосмотры его ожидаютъ все тѣ же удары кнута, отъ которыхъ ничто и никогда его не спасетъ.

Проѣздъ возовъ съ бревнами отнялъ у насъ навѣрное цѣлый часъ времени и надолго остался у насъ въ памяти, представивъ случай испытать совершенно-особый родъ развлеченія. Теперь, впрочемъ, и можно только понять, какъ, вѣроятно, рады были нашей уступкѣ возчики лѣса.

Перебравшись съ одного хребта на другой, мы увидѣли передъ собою прелестную панораму зеленѣющихъ долинъ, прорѣзываемыхъ бѣлыми полосами улегшихся посреди ихъ грудъ снѣга. Видъ огромнаго, вѣчно-зеленаго сосноваго лѣса по склонамъ горъ, и обвѣтрившіяся ихъ вершины заставляли насъ забывать и стужу и зиму, а извилистое направленіе возвышенностей, открывшееся подъ нашими ногами, давало намъ поводъ выводить вѣрное заключеніе о красотѣ этого мѣстоположенія лѣтомъ, при обиліи водъ, струящихся здѣсь повсюду. По одну сторону обрыва нашей горы виднѣлась длинная расщелина другихъ горъ, обрамленныхъ затѣйливыми изворотами вершины хребта; во всю длину ея лежали пласты пухлаго снѣга, какъ разостланный кусокъ чистаго полотна, или какъ заснувшій въ своемъ стремленіи млечный потокъ въ странѣ безвѣстной; полупрозрачные пурпурно-золотые края облаковъ, сквозь которыя прорывалось во всѣ стороны безконечными полосами лучистое сіяніе заходящаго солнца, оживляли этотъ ландшафтъ, придавая ему особый, волшебный характеръ, и очаровывали зрѣніе; облака эти не пылали свѣтомъ, ярко-озаряющимъ пространство, но казались только-что застывшими массами расплавленнаго серебра и золота. Но гдѣ словами передать то, что̀ можно передать только кистью?

Вотъ въ такихъ мѣстахъ рѣшиться быть отшельникомъ — вещь очень-возможная; здѣсь еще можетъ быть понятна фраза «хижину и *ея* сердце!» но и то не надолго, а та̀къ, покамѣстъ одни и тѣ же виды намъ не надоѣдятъ. А, впрочемъ, право, здѣсь прекрасно: когда-нибудь, лѣтъ черезъ сто, или и раньше, при какомъ-нибудь естественномъ переворотѣ, напримѣръ, если благодѣтельный Ледовитый-Океанъ градусовъ хоть на десять затопитъ нашъ безлюдный сѣверъ Сибири, когда жизнь будетъ кипѣть ключомъ на югѣ ея, когда будутъ проложены шоссейныя дороги по здѣшнимъ дебрямъ и лѣсамъ — что̀ за счастливцы будутъ здѣшніе обитатели и какая толпа будетъ бродить здѣсь путешественниковъ. А теперь развѣ только какой-нибудь особый интересъ заставитъ любопытнаго заглянуть въ эти края.

Красота мѣстоположенія заинтересовала даже и отдавившаго мнѣ ноги кнутолюбиваго Софрона.

— Эко мѣсто богательное! вскричалъ онъ, обернувшись ко мнѣ.

— Вотъ бы здѣсь тебѣ пожить на своей волюшкѣ? замѣтилъ я.

— Нѐ, не надо-ть!

— Что̀ такъ?

— Знаемъ мы что̀ значитъ по тайгѣ бродить своей волюшкой!

— А что̀ жь такое?

— Да вотъ что̀. Этто случилось мнѣ бывать въ Минусѣ, на пріискахъ у одного хозяина, зовутъ «коммерціи совѣтникъ, его высокородіе»: та̀къ намъ приказъ былъ отъ него величать его...

— У слѣпаго Кондратьича, что̀ ли?

— А вы почему знаете? нѐшто знакомы?

— Ну, ужь продолжай свое разсказывать! отвѣчалъ я, припомнивъ одного почтеннаго купца (царство ему небесное!), который, удостоившись за свои заслуги получить званіе коммерціи совѣтника, такъ возгордился и возмечталъ, что по всей дорогѣ, отъ своего роднаго города до промысловъ, на привѣтствія знакомыхъ ему содержателей постоялыхъ дворовъ и вольныхъ почтарей, отвѣчалъ: «я ужь теперь тебѣ не батюшка Михѣй Кондратьичъ, а его высокородіе, коммерціи совѣтникъ!» и ужасно обижался, когда, несмотря на неоднократныя повторенія этой фразы, православный русскій народецъ отвѣчалъ ему: «такъ, батюшка, Михѣй Кондратьичъ; точно-такъ, милый!» и все-таки не звалъ высокородіемъ.

— Ну, вотъ, и сбѣжали у него съ пріиска рабочіе; а управляющимъ у него былъ старикъ, злыга-злѣющій; и осерчалъ! да какъ? облавой-было пошелъ ихъ ловить! Въ ту пору я былъ на одной рѣчкѣ въ зимовьѣ сторожемъ, тутъ и амбарецъ былъ небольшой. Вотъ разъ и слышу я голоса. Вышелъ я изъ зимовья, да и гляжу: стоитъ парень, да дѣвка, блѣдные, преблѣдные; ну, лица нѣтъ совсѣмъ, и такіе исхудалые, что, почитай, одни кожа, да кости.

«— Чтò вы за народъ?

«— Дядюшка, голубчикъ: отведи душеньку!

«— Бродяги вы, штò ли?

«— Съ пріисковъ ушли: двѣ недѣли не ѣвши бродимъ, заплутались въ тайгѣ.

— А это, ваше благородіе, чтò было? Парень-то съ нашего пріиска и подговори бабу-то, да вдвоемъ и убѣги: а хлѣба одну токмо ковригу взяли, да въ тайгѣ и потеряли дорогу. Ковригу-то они въ двое сутокъ, почитай, всю изъѣли: у парня и осталась въ карманѣ одна краюха. Онъ, на-послѣдяхъ, и сталъ его приберегать: дескать, поголодую сегодня самъ, не-то Богъ пошлетъ саранокъ—сыты будемъ, а краюхой на завтра съ бабой подѣлюсь. А у бабы-то запрятана была булочка, така крохотна, у прикащиковъ, стало, стянула: и та булочку хоронитъ на-завтрее, про милаго дружкà. Саранки хороши, да все жь это не хлѣбъ, а коренье; вотъ мои други и подѣлили промежь себя послѣднюю краюху хлѣба, а про булочку-то парень и не знаетъ. Прошло еще дней мало-мало, коренье-то и надоѣло, а выходу изъ тайги нѣтъ какъ нѣтъ: пойдутъ они направо — выйдутъ къ Амылу, повернутъ въ сторону—опять на него выйдутъ, а далеко за хребты бродить боятся: на пріиски бы не попасть, а и того пуще — вдаль не заплутать. Вотъ пришло имъ ужь тàкъ, что и моченьки нѣтъ: дѣвка и вынь булочку; «скушай!» говоритъ парню. Парень и взялъ, да какъ взглянулъ на любку-то свою — и стало ему жалостно, что онъ у ней послѣдній кусокъ отъимаетъ: и подчуютъ другъ друга, и никто не ѣстъ булочки; и опять принялись за коренье, да за траву. Кàкъ Господь Богъ ихъ помиловалъ и поддержалъ ихъ вѣка — воистину премудрость! Да, двѣ недѣли плутаючи, и набрели на мою избушку. Какъ я впустилъ ихъ внутро-то, къ себѣ, какъ увидали они хлѣбца, да какъ накинулись на него, добрались до роднаго: — аки звѣри лютые утробу свою наполнять стали. Насилу отнялъ, чтобъ не больно объѣлись! Три дня я далъ имъ сроку у меня прожить, и взялъ съ нихъ крѣпкое слово идти назадъ на пріискъ, а ужь дорогу-то я бы имъ разсказалъ, а самому отправить ихъ туда мнѣ было не съ кѣмъ. Вотъ, государь

мой, ваше благородіе, какъ съ этакой-то волюшкой жить здѣсь въ тайгѣ!

— Все?

— Только и было!

— Ну, можетъ ли быть, чтобъ они такъ другъ съ другомъ церемонились изъ-за булки! вѣрно они выдумали, чтобъ тебя разжалобить?

— Какое выдумали! Я самъ булочку видѣлъ: какъ камень зачерствѣла въ двѣ недѣли, и такъ осыпалась, что у дѣвки сталъ полонъ карманъ крошекъ... Глядьте-тко, ваше благородіе: никакъ этто огни?

Минутъ черезъ десять звонкій поѣздъ мой остановился въ лощинѣ передъ довольно-обширнымъ двух-этажнымъ домикомъ со множествомъ пристроекъ. Насъ встрѣтилъ здѣсь оглушительный лай цѣлой стаи собакъ, низкіе поклоны смирнаго человѣка и ласковый тонъ женскаго голоса:

— Милости прошу, къ нашему шалашу!

Это былъ Покровскій-Пріискъ.

XXV.

Томская тайга.

Зимнее населеніе Покровскаго-Пріиска было немноголюдно: въ бытность мою тутъ жили всего человѣкъ десять разныхъ разрядовъ рабочихъ, подъ управленіемъ служителя (послѣдняя степень въ градаціи прикащиковъ), самаго смирнаго въ свѣтѣ человѣка. Но у этого смирнаго человѣка была чрезвычайно-бойкая жена, которая исполняла часть его обязанностей.

Покровскій-Пріискъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, что прохожему никакъ нельзя его проминовать, и потому идущіе на пріиски рабочіе должны непремѣнно останавливаться при переходахъ именно здѣсь, потому-что здѣсь представляются имъ всѣ удобства для отдыха. Но рабочіе—народъ хитрый: не полагаясь на излишнюю щедрость хозяевъ и прикащиковъ, раздающихъ винныя порціи только для подкрѣпленія силъ трудолюбивыхъ тружениковъ, при большой работѣ, да въ случаѣ болѣзни, и зная о существованіи строгихъ предписаній начальства, чтобъ на пріискахъ отнюдь вина не было, что предпринято изъ опасенія противозаконной его продажи и предупрежденія людей отъ пьянства, они изъискиваютъ всѣ средства какъ бы помочь своему горю. На пріискахъ вино вездѣ бываетъ, но рабочимъ оно раздается только въ нѣкоторые праздники: чтобъ имѣть его всегда въ собственномъ своемъ распоряженіи, рабочіе и придумали особаго рода контробанду; но занимались ею такъ искусно, что не было возможности за ними усмотрѣть. Въ обширномъ и отдаленномъ отъ осѣдлаго населенія краѣ, всякій, разумѣется, управляющій, заботится облегчать труды полиціи, самъ, для предупрежденія дурныхъ

послѣдствій. Смиренный служитель не годился на исправленіе этихъ дѣлъ, и потому главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь была его дражайшая половина.

Она встрѣтила меня гостепріимно и радушно; выказала, въ первые полчаса нашей дружеской бесѣды, живой и наблюдательный умъ, стойкость, живость и веселость характера. Женщина эта была большая охотница до новостей, всю томскую тайгу знала какъ свои пять пальцевъ, и, благодаря ея заботливости, на пріискахъ вина не существовало, кромѣ развѣ однихъ хозяйскихъ амбаровъ; но что касается до рабочихъ, они всегда были трезвы, развѣ что иногда подпоятъ ихъ прикащики, за какую-нибудь важную услугу.

— Здѣсь вѣдь народъ, замѣтила, между-прочимъ, жена прикащика — не то, что гдѣ въ деревнѣ: слабенекъ! Вотъ въ Почитанской у меня братецъ живетъ и говоритъ, бывало: «эхъ, сестра, народъ-отъ нынче какой сталъ хилый! Выпьетъ штофъ, ну, много два, глядь — ужь и пьянъ!» Нѣтъ; здѣсь какъ выживетъ онъ мѣсяца два-три не пивши, да все въ трудахъ, такъ его и стаканъ спирта сшибетъ. Эхъ, злы они, чай, на меня: солона я имъ стала! точно заноза въ горлѣ сижу!

— Вы вѣрно имъ потачки не даете?

— Какая потачка! я какъ-разъ смекну дѣломъ. Ужь что они тамъ ни придумывай, а винцо я у нихъ непремѣнно открою. Вѣдь рабочій народъ ходитъ все пѣшкомъ, а ухитрится таки запрятать подъ себя покрайности полведерка. У нихъ этакія подѣланы посудины изъ листоваго желѣза, во всю спину надѣваютъ подъ рубаху, а иногда и на грудь навѣшиваютъ, или съ боковъ привяжутъ; вотъ я вижу: мужичонокъ съ лица прещедушный, а самъ такъ врознь и ползетъ, или ходитъ какъ-то неловко, или забульбулькаетъ у него гдѣ-нибудь — я и хвать его колѣнкой, или кулачиной; а слышу крѣпонько — и раздѣвайся! и подай посуду! Да вотъ и вечоръ еще проходили какіе-то; выложили мнѣ билеты, вижу — билеты вѣрные, да показалось мнѣ странно, что мужикъ скоро очень ходитъ, а у самого брюхо такое купецкое: я его и хвати въ брюхо, а у него тутъ вотъ что было припрятано...

И съ этими словами жена прикащика подала мнѣ родъ баклаги изъ двухъ желѣзныхъ кружковъ, вдѣланныхъ въ желѣзный же ободокъ, пальца въ четыре шириною. Одна сторона этого прибора была гладкая, другая выпуклая; у горлышка висѣли два ремешка, и они, какъ поясокъ, завязывались около тальи. Дѣйствительно, если этотъ приборъ скрыть подъ платьемъ, то никому и въ голову не прійдетъ подозрѣвать тутъ контрабанду.

Еслибъ я не боялся оскорбить гостепріимство здѣшнихъ владѣльцовъ, я каждый ихъ пріискъ назвалъ бы даровымъ трактиромъ. Каждому проѣзжему отводятъ комнату, подаютъ завтраки, обѣды, ужины, чай, кофе, вино къ столу, въ-теченіе всего времени, пока нужда, или скряжничество удерживаютъ здѣсь путника. А этихъ путниковъ, не говоря про мимоидущихъ рабочихъ и чорныхъ людей, а упоминая только о тѣхъ, кто считаетъ для себя необходимостью повкуснѣе пообѣдать — и пересчитать нельзя. Сюда относятся коронные

чиновники, сосѣди, хозяева, управляющіе, старшіе приказчики: всѣхъ ихъ не перечтешь, но за-то и сами они стараются отплатить подобнымъ же гостепріимствомъ. Но такъ-какъ по всѣмъ направленіямъ тайги, впрочемъ не одной Томской, но и въ дальнихъ округахъ Сибири, главныя дѣйствующія золотопромывательныя фабрики принадлежатъ господамъ Рязановымъ, Казанцову и Баландину, то имена эти по цѣлой Сибири извѣстны, какъ имена богачей и радушныхъ гостепріимныхъ хозяевъ, круглый годъ окруженныхъ множествомъ наѣзжихъ отвсюду гостей. Неизлишне прибавить, что и громадные расходы на эти очень-предвидѣнныя посѣщенія, принадлежатъ къ категоріи расходовъ «непредвидимыхъ».

Оставивъ на разсвѣтѣ Покровскій-Пріискъ, мы скоро достигли до Кіи. Лѣтомъ здѣсь бываетъ переправа водой; зимой никакой задержки не могло быть. Здѣсь расположены избушки разныхъ золотопромышлениковъ и отсюда расходятся пути въ разныя стороны.

Когда мы, съ громомъ и звономъ, подъѣхали къ этому мѣсту, отвсюду высыпало человѣкъ двадцать народа посмотрѣть на наше шествіе. Это были рабочіе, отправлявшіеся уже въ работу на пріиски и наканунѣ пришедшіе сюда на стоянку. По кислой физіономіи одного изъ нихъ я узналъ, что это былъ именно тотъ, у котораго жена прикащика сдѣлала выемку контробанднаго вина. Но скоро вниманіе мое было отвлечено отъ него на другой предметъ. Хохотъ толпы провожалъ въ дальнюю дорогу высокаго, щедушнаго, съ впалыми глазами человѣка. Онъ былъ одѣтъ такъ, какъ обыкновенно сбираются на лѣтнюю прогулку: ни теплой шапки, ни полушубка, ни валенокъ, ни варежекъ; всей одежды на немъ было рубаха, шальвары, дирявые сапоги и азямъ. Онъ дулъ себѣ въ посинѣлыя руки и очень-спокойно отсмѣивался на сопровождавшій его хохотъ.

Это былъ человѣкъ, имѣвшій понятіе объ удобствахъ петербургской жизни. Давно, лѣтъ десять назадъ, жилъ онъ въ столицѣ, въ мальчикахъ у портнаго мастера; съ юныхъ лѣтъ онъ впалъ въ разгулъ, какъ увѣрялъ меня, и, не достигши еще совершеннолѣтія, обратился въ горькаго пьяницу и негодяя. Сибирь не вылечила его отъ пьянства и, не дальше какъ за два дня, онъ пропилъ все свое платье въ сосѣдствѣ съ Тамбаромъ, въ селѣ Тюсюлѣ. Онъ отправился въ тайгу въ то самое утро, когда я выѣзжалъ изъ Тамбара; чтобъ согрѣться отъ захватывавшаго дыханіе мороза, онъ такъ быстро бѣжалъ въ прискачку, въ подбитой воздухомъ одеждѣ, что еще вчера вечеромъ явился у кійскихъ избушекъ, между-тѣмъ-какъ я, совершая кратчайшій путь, едва могъ доѣхать только до Покровскаго-Пріиска. Несчастный ознобилъ и отморозилъ себѣ одно ухо, носъ, щеку и пальцы на рукахъ и на ногахъ и увѣряетъ, что это «ничего — пройдетъ!» Другіе рабочіе, знавшіе его хорошо, говорили мнѣ, что это было съ нимъ уже не въ первый разъ и предупреждали, что если я дамъ ему существенную и чувствительную подмогу—портнишка убѣжитъ опять въ Тюсюль и тамъ снова все спуститъ. Благодаря находчивости Кузьмы Семенова, намъ удалось избѣжать двухъ крайностей, въ которыя можно бы впасть, слѣдуя двумъ противоположнымъ побужденіямъ, и нашъ портнишка не бѣжалъ обратно.

Вверхъ по рѣкѣ мѣста чудныя, особенно лѣтомъ; рѣка Кія съ ревомъ бѣжитъ по узкому ложу, обрамленному утесистыми берегами; живописные виды—безпрестанны, что новый поворотъ—то новая кар-

тина, но эта картинность видовъ памятна мнѣ по особенному происшествію.

Былъ у меня прикащикъ, Варѳоломей Васильичъ, старый таёжникъ, лѣтъ тридцати-пяти, избороздившій всѣ золотопромышленые округи во всевозможныхъ направленіяхъ. Дѣло было раннимъ лѣтомъ; жилъ я подъ Алатагой. Разъ мнѣ случилось послать этого прикащика въ маленькую экспедицію; компанейскія лошади всѣ были въ работѣ, я и рѣшился дать ему въ дорогу своего коня. Конь былъ благородной вороно̀й масти и пресмышленое животное: откликался на мой свистъ, и каждое утро, каждый вечеръ являлся для полученія подачки, которою я собственноручно его надѣлялъ. Понимая, вѣрно, что состоя подъ моимъ сѣдломъ, съ своей стороны играетъ важную роль между лошадьми компаніи, онъ никакой лошади не позволялъ равняться съ нимъ на тропкѣ, а тѣмъ болѣе опережать. Тихаго и кроткаго нрава, онъ былъ необыкновенно ко мнѣ внимателенъ и чрезвычайно остороженъ. Однажды, запнувшись за пень, онъ сшибъ меня съ сѣдла и я растянулся на травѣ, не успѣвъ вытащить одной ноги изъ стремени и очутившись подъ своимъ буцефаломъ, который много что черезъ секунду долженъ былъ меня расшибить, потому-что не успѣлъ еще опустить правой передней ноги, которая прямо приходилась противъ моего бока. Но благородный конь все время простоялъ съ приподнятой ногой, пока я не высвободился и не всталъ съ мѣста. Этого-то коня я и отдалъ прикащику на-время. Благородный конь не давался иному сѣдоку и силился сшибить съ себя знакомаго человѣка, котораго онъ привыкъ видѣть далеко позади себя. Но прикащикъ былъ вполнѣ наѣздникъ и горячіе удары нагайки, которыми мой конь былъ засыпанъ, укротили горделивые порывы воронка̀. Прикащикъ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, простился и уѣхалъ въ сопровожденіи другаго наѣздника изъ рабочихъ, для охраны себя на всякій случай, и съ доброю пулею въ ружьѣ про медвѣдя.

Варѳоломей Васильичъ не желалъ тратить времени на объѣзды по тропинкамъ; по привычкѣ къ тайге́ ему было все равно, гдѣ ни ѣхать: для него вездѣ дорога была одинакова; онъ пустился цѣлико̀мъ по лѣсу. Экспедицію свою онъ обязанъ былъ совершить въ тотъ же день; не придавая никакой важности сдѣлать сотню верстъ на одной и той же лошади, до вечерней зари, по валежнику, болотамъ и каменистымъ ущельямъ, онъ пришпорилъ—безъ шпоръ, конечно—лошадь и поѣхалъ крупной рысью. Солнышко было еще высоко, когда, выгадывая сократить какъ-можно-болѣе свой путь, прикащикъ подъѣхалъ къ Кіи. Намѣреваясь тутъ пуститься вплавь, прикащикъ сталъ спускаться, но скоро замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣка слишкомъ-быстра и что усталый конь не вынесетъ стремленья. Онъ стоялъ на крутизнѣ береговыхъ утесовъ, которые громоздились другъ на другѣ и выворачивали сплошныя каменныя массы, принимавшія вдали фантастическое изображеніе причудливыхъ зданій. Прикащикъ слѣзъ съ коня и повелъ его въ пово́ду по крутизнѣ, въ надеждѣ въ другомъ мѣстѣ найдти для себя удобную переправу. За нимъ слѣдовалъ и конюхъ съ своею лошадью. Скоро ли очень шагалъ прикащикъ и скакалъ по камнямъ, а изморенный конь, съ подтершимися у подковъ шипами, не могъ цѣпляться за гладкія плиты, или отъ другой причины, только конь мой, натянувъ трензель, вырвалъ его изъ рукъ прикащика. Варѳоломей Васильичъ, вмѣсто того, чтобъ не обращать на это вниманія, потому-что лошадь одна никуда не уйдетъ, вздумалъ схватить опять за поводъ; конь не да-

вался, ртачился, присѣлъ на заднія ноги и вытянулъ впередъ морду, не двигаясь съ мѣста; этимъ онъ такъ разсердилъ горячаго прикащика, что тотъ, снова выпустивъ изъ рукъ трензель, схватилъ ногайку и хлестнулъ коня по этой выразительной и весьма-характерной мордѣ. Конь мой не вынесъ такого оскорбительнаго порыва злости, хотѣлъ отпрыгнуть: узкая окраина не представляла тому никакой возможности; въ это время благородный конь наступилъ на поводъ, запутался, поскользнулся о гладкій камень, потерялъ равновѣсіе и стремглавъ полетѣлъ по утесамъ въ рѣку, разбившись головой о плиту. Взятая, про запасъ, пуля пригодилась: прикащикъ прекратилъ ею послѣднія страданія издыхавшаго коня.

Эта жестокость съ животными почему-то напомнила мнѣ другое происшествіе. Петербургскій ломовой извозчикъ безъ милосердія колотилъ толстой дубиной усталую лошадь. Эта сцена оскорбила самыя нѣжныя чувства проходящаго. «Ахъ ты, варваръ, варваръ!» вскричалъ онъ: «за что̀ ты та̀къ тиранишь бѣдное животное; вѣдь оно тебя поитъ и кормитъ!» Въ порывѣ негодованія онъ вцѣпился въ бороду извозчика. Тутъ неожиданно явился передъ нимъ полицейскій чиновникъ. «Любовь къ животнымъ чувство похвальное» сказалъ онъ: «а за буйство на улицѣ и за побои человѣку, извольте отправиться со мной сейчасъ же!»

Дорога за Кіею насъ совершенно истомила и никогда еще меня та̀къ часто не выбрасывало изъ экипажа, какъ въ этотъ день. Началось съ въѣзда на небольшой прозрачный голубой ледяной сугробъ, который пересѣкалъ намъ таёжную тропинку. Передовой конюхъ хотѣлъ-было его объѣхать и взялъ въ сторону, но тамъ увидѣлъ онъ новый ледяной холмъ, такъ-что куда ни взгляни—нигдѣ намъ нельзя было миновать холмистой площадки синихъ ледяныхъ бугровъ. Это «на̀леди». Образованіе ихъ очень-просто. Горные потоки имѣютъ обыкновенно чрезвычайно-крутое паденіе. Въ иныхъ мѣстахъ они текутъ довольно спокойно и тутъ, во время сильныхъ морозовъ, вода въ нихъ вымерзаетъ вся; тамъ же, гдѣ стремленіе гораздо-быстрѣе, рѣчка вымерзаетъ не вся и постоянно прибывающія съ истоковъ струи по-прежнему остаются текучими. Текучая вода, достигая вымерзшаго и запорошеннаго снѣгомъ ложа, напираетъ на столбъ льда, запруживаетъ нѣсколько окрестныя выбоины, подымается выше и проникаетъ покрывающій льдины снѣгъ, который въ то же время прохватывается морозомъ и обращается въ новый слой льдины, иногда съ шероховатой поверхностью, иногда гладкій, какъ зеркало. Слѣдующая затѣмъ новая струя покрываетъ его новымъ слоемъ влаги, которая, въ извѣстномъ пунктѣ, расплывается въ стороны, крѣпнетъ, остываетъ неровно и, прохватываясь морозомъ, образуетъ скаты и возвышенія правильной выпуклой формы. Образовавъ одинъ холмъ, текучая струя прокладываетъ себѣ новую дорожку: тамъ производится новый такой же процессъ, и эта безпрерывная борьба струи съ морозомъ производитъ то обыкновенное въ гористыхъ мѣстахъ явленіе, которое мы называемъ на̀ледями.

Сильныя, здоровыя, хорошо подкованныя лошади силились острыми шипами удержаться на шарообразной, выполированной морозомъ поверхности синеватаго возвышенія; перебираясь съ одной части на̀леди на другую, онѣ, съ грѣхомъ по-поламъ, встащили, наконецъ, кошеву на то изъ возвышеній, которое было обширнѣе прочихъ; нопо-

лозья безъ подрѣзей измѣнили направленію кошевы́ черезъ самый центръ возвышенія : экипажъ взялъ влѣво и, увлекаясь тяжестью помѣщенной въ немъ клади, съ шумомъ и грохотомъ сталъ бокомъ катиться внизъ, ударился съ размаха о выдавшійся пень дерева, перекинулся и отбросилъ насъ далеко всторону, сбивъ въ то же время и лошадей, изъ которыхъ коренную и двухъ середнихъ раскатъ грузнаго экипажа стащилъ съ занятаго ими пункта, а у передней оборвались натянутыя постромки и она, принявъ напряженную позу впередъ, ринулась со всѣхъ ногъ о̂-земь.

Перебираясь пѣшкомъ черезъ глыбы льда, скользя и падая на каждомъ шагу, ватага наша, что̀ грѣха таить! представляла преуморительную группу людей, которые съ серьёзнымъ видомъ, съ гнѣвнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лицъ, хлопотливо подбирали по̀лы разнородныхъ шубъ и осторожно, бочко̀мъ, передвигались по скользкимъ покатостямъ, тщетно стараясь не потерять равновѣсія. Наконецъ дѣло койкакъ уладилось; мы благополучно миновали огромную на̀ледь, вышли на дорогу, отерли градомъ струившійся по лицу потъ, выступившій въ-слѣдствіе такой передряги, размѣстились по кошевамъ и двинулись далѣе.

Въ этотъ день на̀леди насъ преслѣдовали и вывели изъ терпѣнья. Наконецъ, переваливъ черезъ одинъ хребетъ, мы въѣхали въ ущелье, занесенное снѣгомъ и оканчивавшееся вдали чорной полосой.

Мы приближались къ этой полосѣ и, наконецъ, увѣрились, что это ничто иное, какъ длинная лѣсина, уравновѣшенная на двухъ коротенькихъ бревнахъ. Казалось, лѣсина положена была здѣсь, въ лѣсу, не безъ намѣренія, но для чего именно—объ этомъ никакъ нельзя было догадаться ; а такъ-какъ она мѣшала проѣзду, то конюхи мои и рѣшились-было свалить ее прочь. Старанія ихъ были, однакожь, безуспѣшны : открылось, что одинъ конецъ лѣсины былъ прикрѣпленъ канатомъ, и если этотъ канатъ снять съ крючка, то противоположный конецъ лѣсины, силою собственной тяжести, станетъ опускаться, междутѣмъ-какъ конецъ съ канатомъ поднимется — и проходъ тогда очищенъ. Однимъ словомъ, устройство этой простой машины, которой употребленія мы не могли никакъ понять, напомнило намъ наши шлагбаумы, которые очень-необходимы въ столицахъ и большихъ городахъ, и которыхъ намъ не удавалось встрѣчать въ сибирскихъ городкахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ, и еще того болѣе въ дремучемъ лѣсу. И что̀ жь вы думаете? мы обрадовались старому знакомому, съ которымъ такъ-долго не видались и припомнили былыя поѣздки на дачи и въ загородныя мѣста.

Подивившись хитрой выдумкѣ золотопромышленика, позволившаго своему прикащику загораживать дорогу на своемъ пріискѣ, мы подняли шлагбаумъ и стали подъ нимъ проѣзжать.

— Эй, ты! ка̀къ ты смѣешь? Стой!! закричалъ намъ голосъ.

Не обративъ на него вниманія, мы продолжали свою дорогу, но не успѣли еще всѣ три кошевы́ переѣхать заповѣдную границу, какъ два молодые парня, бритые, но съ усами, остановили мою кошеву́ и заворотили лошадей.

— Пошелъ назадъ! не смѣй самъ ѣздить!

— Какъ не смѣй ? тутъ дорога.

— Не твое дѣло; твое дѣло — тутъ застава : и жди!

— Да чего жь мнѣ ждать?

— Толкуй еще; вылѣзай! пойдемъ!

— Куда?

— Къ Александру Михайлычу!

— А кто такой Александръ Михайлычъ?

— Чья застава, тотъ и Александръ Михайлычъ. Сходи, да покажись ему, да и скажи кто ты — тогда и пуститъ.

— Я, братъ, вашего Александра Михайлыча знать не хочу: если ты смѣешь еще минуту меня задержать, такъ я тебя посажу къ себѣ въ кошеву́, да къ исправнику и представлю.

— Не горячись больно, почтенный: я-те какъ-разъ самого отвезу къ Александру Михайлычу; намъ приказъ данъ: онъ хочетъ знать, кто туто-ка ѣздитъ, [redacted] и долженъ казать ему рыло.

— Скажи же ты своему прикащику, чтобъ онъ самъ завтра пожаловалъ ко мнѣ на домъ, на рѣку Кундатъ, поглядѣть на мое рыло. Здѣсь земля государственная, а не частная; притомъ же лѣсъ и проѣзжая дорога: запретить проѣздъ мнѣ никто не можетъ.

— Да ты кто такой? что́ больно растолковался?

— Чиновникъ изъ Петербурга.

— Чиновникъ?!.. изъ Петербурга??!.. Ваше высокородіе... извольте проѣхать! Мы, то-есть, только на-счетъ рабочихъ: каки́ у нихъ пачпорты; а, то-есть, на-счетъ вашего высокородія...

Но я уже давно проѣхалъ мимо, и не слыхалъ послѣднихъ словъ.

Мы проѣхали еще нѣсколько и своротили въ сторону. Скоро передъ нашими глазами открылась обширная долина. Съ одной стороны ея домы и домики лѣпились по горѣ и казались нагроможденными одни надъ другими; вправо блестѣлъ золоченный крестъ, надъ неслыханнымъ въ тайгѣ зданіемъ — церковью, выстроенною усерднымъ приношеніемъ ветерановъ золотопромышлености, открывшихъ, именно въ этомъ мѣстѣ, долго неизсякавшій источникъ земныхъ богатствъ, знаменитый своею розсыпью Кундустуюльскій-Ключъ. Внизу подъ горой тянулась линія избушекъ, выстроенныхъ не по-таёжному, не на живунитку, а прочно и съ необходимыми удобствами; при нѣкоторыхъ домикахъ виднѣлись плетни́ запорошенныхъ снѣгомъ огородовъ. Смѣсь этихъ зданій скорѣе походила на село, чѣмъ на временное заселеніе; все говорило о привычкахъ осѣдлой жизни и, въ-слѣдствіе этого, о довѣріи къ пріиску, о довѣріи къ его хозяевамъ и о довольствѣ обитателей. Это былъ извѣстный Воскресенскій-Пріискъ на Кундустуюлѣ, тѣхъ же владѣльцовъ, которыхъ я прежде поименовалъ и гдѣ не Александръ-Михайлычъ-съ-шлагбаумомъ былъ владѣтельнымъ лицомъ.

Проѣхать мимо и не явиться, за отсутствіемъ хозяевъ, къ главноуправляющему, было и не въ порядкѣ вещей, и не въ обычаѣ, и противъ всѣхъ правилъ таёжной вѣжливости, тѣмъ-болѣе, какъ въ-послѣдствіи открылось, что съ этого пріиска, по случаю разныхъ недостатковъ нашей компаніи, снабжали насъ всѣми потребностями, отъ хлѣба до гвоздей; но вспоможеніе тѣмъ не ограничивалось: Воскресенскій-Пріискъ ссужалъ нашъ пріискъ даже рабочими людьми, а это тамъ дороже денегъ. О важности подобной ссуды можно судить изъ того, что въ этихъ мѣстахъ, не говоря про тайгу́, руки крайне-до́роги, а ростовщики ссужаютъ нуждающихся деньгами за невѣроятные проценты. Двадцать-пять копѣекъ на рубль имъ въ мѣсяцъ платятъ, да еще въ поясъ кланяются за человѣколюбіе!

Двое попавшихся мнѣ на встрѣчу рабочихъ взялись проводить меня въ домъ главноуправляющаго. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что многіе изъ нихъ живутъ у здѣшнихъ владѣльцевъ лѣтъ по пятнадцати, съ самаго открытія розсыпи, послѣдовавшаго въ 1831 году, и что они тутъ точно «у Христа за пазухой»; что всѣхъ рабочихъ здѣсь на прінскѣ теперь, зимой, человѣкъ двѣсти; что многіе изъ нихъ живутъ съ женами цѣлымъ хозяйствомъ; что лѣтомъ ихъ бываетъ больше тысячи и прочее.

Въ домѣ управляющаго я нашелъ полонъ домъ народа, точно будто семейный кругъ какого-нибудь помѣщика. Собраніе сидѣло за круглымъ столомъ; жена главноуправляющаго разливала чай; главноуправляющій съ отцомъ Александромъ о чемъ-то разсуждали; хорошенькая дочь священника разсматривала картинки, приложенныя при журналахъ; востроглазая племянница хозяина сидѣла въ уголку съ молодымъ человѣкомъ красивой наружности, простымъ управляющимъ другаго рязановскаго пріиска: это была влюбленная чета, на которую присутствовавшіе обращали довольные взоры; въ сторонѣ у окна сидѣлъ молодой человѣкъ въ двубортномъ сюртукѣ съ форменными пуговицами и разрѣзывалъ только-что полученныя книжки журналовъ, вышедшихъ въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцовъ назадъ. Въ немъ узналъ я горнаго-исправника, который съ удивительнымъ терпѣніемъ круглый годъ живетъ въ тайгѣ и посѣщаетъ городъ только въ случаѣ крайней нужды по службѣ. Горный исправникъ, въ существѣ, есть не что иное, какъ отдѣльный засѣдатель Земскаго-Суда, прикомандированный исключительно къ золотымъ пріискамъ, для наблюденій по полицейской части.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были какъ-будто вѣкъ знакомые. Разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой; всѣ принимали въ немъ дѣятельное участіе, разспрашивали про Петербургъ, пересказывали по-своему дошедшія до нихъ наши столичныя новости въ преувеличенномъ видѣ, говорили о театрѣ, о Европѣ, и проч.

Обширность знаній пріисковыхъ обитателей меня сначала поразила, но послѣ я не находилъ тутъ ничего необыкновеннаго. Вѣдь тамъ книги, газеты и журналы читаютъ не по-нашему, а какъ именно — объ этомъ можно судить изъ того, что листокъ «Полицейской Газеты» не выпадетъ изъ рукъ чтеца до той поры, пока всѣ объявленія о находкѣ штыка за Кавказомъ, о продажѣ дойной козы на Бугоркахъ, о постройкѣ кенегъ и полушубковъ въ Бобруйскѣ, объ отъисканіи родственниковъ и знакомыхъ утопшему, неизвѣстно гдѣ, тѣлу въ синемъ армякѣ и сапогахъ, о римскомъ подданномъ Михайлѣ Принчипе, или о медали за выставку-Генрихъ-Барцихъ — пока всѣ, говорю, объявленія эти не врѣжутся въ памяти какъ-можно глубже.

Въ разговорахъ время промелькнуло быстро, и хотя мнѣ было близко до своего дома, верстъ восемь, не больше, но за темнотою ночи я принужденъ былъ остаться ночевать здѣсь.

Понѣжившись на мягкихъ пуховикахъ, которыхъ я терпѣть не могу, и проведя ночь, благодаря добродушнымъ заботамъ хозяевъ, очень-дурно, по причинѣ страшнаго тепла и духоты, я былъ и на слѣдующій день задержанъ здѣсь по случаю наступившей масляницы. Ребятишки, молодые парни и дюжія бабы катались съ природныхъ, искусно-укатанныхъ и облитыхъ водою высокихъ горъ, употребляя вмѣсто санокъ рогожи, кульё или куски простой кожи; мужики праздновали масляницу по-своему: пили кирпичный чай, въ бо́льшемъ противъ положен-

наго количествѣ, получили по небольшой порціи вина и пѣли на площадкѣ у дома управляющаго пѣсни; иные рѣзвились съ бабами, выдумывали съ ними разныя игры; иные выказывали свою удаль передъ ними, спускаясь съ ледяной горы просто на ногахъ и катясь внизъ съ быстротою оленя: веселились всѣ и недовольныхъ не было.

Насъ ожидалъ роскошный завтракъ, въ которомъ главную роль занимали цѣлыя горы блиновъ, вафель и хлѣбеннаго пирожнаго. Насмотрѣвшись на гулянье рабочихъ, и по необходимости принявъ въ немъ участіе, что̀ наши добрые мужички считаютъ за особенное къ себѣ вниманіе, мы, утомленные прогулкой, возвратились въ комнаты.

— Кажется, вамъ ужь наскучило наше веселье? А вотъ, постойте, я васъ потѣшу одной штучкой: я ее берегу на закусочку, говорилъ Андрей Аѳанасьичъ.

— А какого она рода?

— А вотъ какого. Эй! позвать ко мнѣ Ковыля, Михайлу! сказалъ онъ вошедшему въ комнату прислужнику съ бородой, въ плисовыхъ шальварахъ и двубортной курткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату рабочій, низенько поклонился Андрею Аѳанасьичу и смиренно сталъ у дверей въ струнку.

Рабочій былъ стройный молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, средняго роста, съ высокимъ открытымъ большимъ лбомъ и съ темнорусыми волосами; продолговатое лицо его было красиво и очень-выразительно; но впалыя щеки, мертвенная блѣдность и томное выраженіе большихъ прекрасныхъ глазъ давали замѣтить, что подъ одеждою мужика, стоявшаго у дверей съ видомъ невозмутимаго хладнокровія, билось сердце, преданное, которое много, слишкомъ-много перенесло на своемъ вѣку горя и рано отжило для ближнихъ; видно еще было, что человѣкъ этотъ еще не весь выстрадался, что въ немъ не очерствѣло еще сердце, чувство не угасло окончательно, а пробивалось въ немъ при каждомъ движеніи мускуловъ лица, давало о себѣ знать въ выразительности влажныхъ голубыхъ глазъ.

— Ну, что̀-о, Михайло? Что̀ ты скажешь? спросилъ управляющій съ участіемъ.

— Такъ соби пришовъ: звать изволили, Андрій Ахвонасьичъ!

— Ну, здравствуй, Михайло! здорово!

— Здоровеньки булы, Андрій Ахвонасьичъ, съ понедилкомъ, зъ масляной!

— Ну, каково ты встрѣтилъ масляницу?

— Да такъ-соби по маленьку, Андрій Ахвонасьичъ.

— Вотъ, братецъ, я тебѣ стаканчикъ винца приготовилъ.

— Благодаримъ покорнѣйше: къ-чему не выпить, якъ ваша мылость буде.

— Только знаешь что̀, Михайло? Ты его получишь когда споешь мнѣ что-нибудь. Вѣдь ты будешь мнѣ пѣть?

— Чому жь и не заспивать, якъ велять!

— Спой же!

Рабочій поклонился, потеръ себѣ лобъ и провелъ рукой по всему лицу, но ухвативъ себя за подбородокъ и простоявъ нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи, онъ быстро снова провелъ рукой по лицу, какъ будто отгоняя отъ себя черныя мысли, крякнулъ и выпрямился. Всѣ присутствовавшіе давно уже хранили молчаніе и съ участіемъ глядѣли на Михайлу. Онъ обвелъ глазами собраніе, съ напряженіемъ нѣсколь-

ко разъ останавливалъ взоръ на молодыхъ дѣвицахъ поочередно, и видимо старался что-то припомнить. Выраженіе лица измѣнялось у него постепенно; покорность и хладнокровіе исчезли, ихъ мѣсто заступило одушевленіе, глаза разгорѣлись, мертвенная блѣдность миновала, и на верхнихъ краяхъ щекъ выступилъ красноватый румянецъ пятнами.

— «Туманъ», что̀ ли, Андрій Ахвонасьичъ?

— Ну, хошь «Туманъ».

— Такъ слу̀хайте же!

Михайло запѣлъ малороссійскую пѣсню; я слышалъ только начальныя слова «Туманъ, туманъ по долинѣ, широкій листъ на калинѣ»; далѣе мнѣ было не до словъ. Сначала меня поразили звуки голоса; сладостная пѣвучесть чистаго, рѣдкаго тенора, свобода управленія имъ, искусство блестящимъ образомъ выказать всю обширность средствъ ȯргана, простота украшеній самодѣльныхъ, немножко-топорныхъ, но чрезвычайно-гармоническихъ, нисколько не ослабляющихъ впечатлѣнія цѣлаго — все это дивило меня потому особенно, что это былъ первый въ жизни моей примѣръ, когда я стоялъ, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ безукрашенной природой; но скоро Михайло заставилъ меня забыть и обширность голоса и все на свѣтѣ. Онъ пѣлъ съ такимъ вдохновеніемъ, на насъ лились такіе потоки любви, моленій, страданія, что всѣ мы сидѣли точно прикованные на мѣстѣ и не смѣли пошевельнуться. Пѣвецъ болѣе-и-болѣе приходилъ въ экстазъ, но вдругъ онъ съ отчаяннымъ воплемъ сплеснулъ руками, поднялъ глаза къ небу, поникнулъ головой на сжатыя руки и залился слезами. Прежде, чѣмъ мы пришли въ себя — онъ убѣжалъ изъ комнаты.

— Эй, стой! куда, Михайло? А водку-то и забылъ, плутъ этакой?! закричалъ-было ему вслѣдъ одинъ изъ пріѣзжихъ, но глубокое молчаніе, котораго остальные слушатели долго не рѣшались нарушить, остановило порывъ его говорливости.

— Скажите, пожалуйста, Андрей Аѳанасьичъ, изъ какихъ у васъ Михайло?

— Не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что это, какъ и бо̀льшая часть нашихъ рабочихъ — не здѣшній.

— Но кто онъ былъ прежде?

— Сколько можно замѣтить изъ разговоровъ и наблюденій за его привычками — онъ простой крестьянинъ.

— Зачѣмъ же онъ сюда попалъ?

— Этого мы никакъ не могли отъ него допытаться! Ужь я чего-чего надъ нимъ не дѣлалъ, и жена-то моя ка̀къ его лелѣяла — нѣтъ, ничего на него не дѣйствуетъ. Одинъ отвѣтъ: «Богъ покаралъ!» да и только! А есть у него, стало, какая кручина: чахнетъ! Ужь онъ цѣлый годъ у насъ, я его и съ тяжелой работы снялъ—все таетъ!

— Какая у него чахотка? Онъ и не кашляетъ вовсе!

Прошло много времени и Мишка Ковыль не выходилъ у меня изъ памяти; но совершенно нечаянный, благопріятствующій иногда совершенно-неожиданно, случай далъ мнѣ возможность узнать объ немъ слѣдующія подробности.

Михайло Ковыль женился въ молодости на красивой дѣвчи̇нѣ Параскѣ, по любви. Молодые супруги другъ въ другѣ души не слышали: въ ихъ маленькой семьѣ царствовали миръ и согласіе. Господь благословилъ эту чету прекраснымъ ребенкомъ, который ростетъ и хорошѣетъ на утѣшеніе отца и матери. По пятому году маленькая Мару-

ся была чудной пухленькой дѣвочкой, съ большими карими глазами, украшенными длинными рѣсницами, съ узенькими дугообразными бровями, съ пунцовыми, какъ дозрѣлая вишня, губками и съ румяными, какъ маковъ цвѣтъ, щечками, которыя, какъ пышечки, отдувались, свидѣтельствуя о крѣпкомъ здоровьи и хорошемъ аппетитѣ Марусеньки. Ребенка холили, лелѣяли, баловали..... но часто мать, прижимая къ груди любимую дочку, смотрѣла на нее отуманенными отъ слезъ глазами. «Дитя мое, дорогое, ненаглядное! часто думала она: что тебя ждетъ на семъ мірѣ? Тебѣ готовится несчастье!..»

Дикія, несродныя простой грубой крестьянкѣ мысли тѣснились въ головѣ Параски. Она чаще и чаще задумывалась объ участи дорогаго ребенка, и все болѣе-и-болѣе ее смущали страшныя предчувствія, что ея Марусенька будетъ несчастна, Марусенька забудетъ Бога, предастся грѣху и сдѣлается вѣдьмой.

Однажды, въ отсутствіе мужа, Параска затопила печь, набивъ ее полнёшеньку хворостомъ. Пламя угасало, и толстый слой раскаленнаго жара тлѣлъ на поду, по-временамъ подергиваясь сизою плёнкой, по-временамъ обращаясь въ сѣрую золу.

Параска дико смотрѣла на Марусю, вперивъ въ нее жгучіе взоры; ребенокъ, не понимая ничего, ёжился и пятился назадъ отъ страшнаго выраженія материнскаго лица, покрытаго смертною блѣдностью. Пугаясь все больше-и-больше, Маруся хотѣла уже выбѣжать вонъ, какъ Параска схватила ее на руки, поднесла къ печи и бросила на горящіе уголья. Это было дѣломъ одной минуты. Ребенокъ взвизгнулъ и, сжигаемый пламенемъ, объявшимъ ея платье, карабкался назадъ и рвался выскочить изъ устья. Параска схватила кочергу, отодвинула ребенка въ уголъ печи и нагребла на него угольевъ. Ребенокъ бился, но мать прижала его кочергой и выждала конца: злодѣяніе совершилось—злодѣяніе, по ужасу имъ внушаемому, единственное въ лѣтописи судебныхъ производствъ богобоязливой Россіи; случай почти невѣроятный, еслибъ онъ, къ-несчастію, не былъ слишкомъ истиненъ!

Поставивъ въ уголъ кочергу, Параска собралась съ мыслями и, переполненная ужаса и тяжкихъ страданій, распростерлась въ слезахъ передъ иконою.

Къ-вечеру пришелъ мужъ.

— Гдѣ Маруся? спросилъ онъ, не встрѣченный дочерью, по обыкновенію, на порогѣ избы.

— Нѣтъ нашей Марусеньки, отвѣчала Параска.

— Но гдѣ же, гдѣ она?

Параска отняла отъ печи заслонку и указала пальцомъ на обуглившійся трупъ дочери. — Послѣ она разсказала все какъ было.

Что чувствовалъ, что перенесъ въ эти минуты Ковыль — понятно; но онъ рѣшился молчать. Несмотря, однакожь, на это, дѣло скоро получило извѣстность.

На допросѣ въ судѣ, Параска раскрыла всю истину, разсказала, какъ она погубила дочь, какъ она вѣровала, что черезъ это спасаетъ свое дѣтище отъ горькой и грѣховной жизни, какъ она болѣе года обдумывала это дѣло, понимая, что она рѣшается на дѣло ужасное, неслыханное, какъ, наконецъ, изжарила ребенка въ печкѣ, и какъ послѣ того разсказала все мужу.

Ковыль, по непонятному ослѣпленію необъявившій о поступкѣ жены самъ кому слѣдовало, вѣроятно послѣ опомнился, но, вмѣсто рас-

каянія въ своемъ заблужденіи, теперь, по глупости ли, или изъ пустаго страха, сталъ запираться, что онъ ничего не зналъ и вѣрилъ будто бы словамъ жены, что ребенка взяли къ сосѣдямъ въ другомъ хуторѣ. Запутываясь болѣе и болѣе на допросахъ, онъ принужденъ былъ, наконецъ, открыть все и, страшась теперь уже за себя, бѣжалъ изъ-подъ караула. Бѣгство его было кратковременно : его скоро поймали.

Судъ первой степени, видя изъ допросовъ подсудимой, что она давно замышляла свое дѣло, что она болѣе года обдумывала его, сама сознавая великость совершаемаго ею поступка, рѣшилъ, что Параска виновата въ дѣтоубійствѣ, въ преступленіи совершенномъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ, не въ припадкѣ сумасшествія или совершеннаго безпамятства, а въ здравомъ состояніи, при свободномъ обладаніи всѣми душевными способностями. Въ-слѣдствіе этого рѣшено было совершить надъ нею опредѣленную закономъ казнь.

Но какъ объяснить себѣ этотъ случай варварскаго дѣтоубійства? слѣдуетъ ли здѣсь совершенное дѣяніе вмѣнить Параскѣ въ преступленіе, тогда-какъ тутъ видно явное душевное разстройство, явное противоестественное насилованіе воли, вопреки всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ Параски, какъ женщины и какъ матери? Вотъ вопросъ, который задала себѣ Уголовная-Палата. Вслѣдствіе этого, дѣло приняло оборотъ, совершенно противный рѣшенію суда первой степени.

Въ-отношеніи къ мужу подсудимой, подобнаго разномыслія быть не могло и потому судебныя мѣста, согласно другъ съ другомъ, приговорили ему должное наказаніе.

Дѣло пошло дальше и кончилось тѣмъ, что Параску признали дѣйствовавшею подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго разстройства, составляющаго отдѣльный видъ болѣзней души, несмотря на кажущееся присутствіе воли, омраченной въ этомъ случаѣ совершеннымъ умоизступленіемъ и болѣзненно, насильственно направленной исключительно на одинъ предметъ, вслѣдствіе односторонняго помѣшательства; строгое юридическое вмѣненіе здѣсь было невозможно, а потому судъ, не рѣшаясь оправдать Параску на-чисто, облегчилъ, однакожь, ожидавшую ее участь столько, сколько дозволяетъ и повелѣваетъ это человѣколюбіе нашихъ положительныхъ законовъ.

Благопріятное сверхъ всякаго чаянія судебное рѣшеніе объявили Параскѣ, но ее въ это время ожидало уже другое судилище: сердечныя муки и душевныя терзанія подкосили жизнь молодой женщины — она умерла.

Мишка Ковыль одинъ пришелъ въ Сибирь.

XXVI.

Таежные анекдоты.

Я пріѣхалъ на свой пріискъ; но на немъ, наканунѣ моего пріѣзда, случилось несчастье, съ которымъ, однакожь, рабочіе поздравляли меня, какъ съ счастливымъ событіемъ...

— Слава тебѣ, Господи! говорили они: — сгорѣлъ домишко анаѳемскій! нечего намъ больше бояться!

— Что жь тутъ хорошаго, любезный, что домъ сгорѣлъ? Не новый же строить, а между-тѣмъ жить негдѣ.

— Мы для вашей милости сарайчикъ приготовили: чѣмъ въ немъ не житье? все лучше, чѣмъ было въ этомъ проклятомъ домѣ!

— Да чѣмъ же лучше?

— Да, вишь ты, домъ-отъ стоялъ на обрывѣ, красиво таково̀, во всѣ стороны видно, да старенекъ больно былъ: того и гляди рухнется. Вотъ и подперли бока-те ему шестами; да куда! какъ, знаешь, вѣтеръ подуетъ — а онъ и заскрыпитъ, того и гляди, что снесетъ его подъ гору.

— Но въ немъ вѣдь жили?

— Ка̀къ не жили? жили! да что́ толку, что жили. Ка̀къ, бывало, начнется пого̀да, такъ жильцы-то, середь ночи, и повыскочатъ: боятся, чтобъ ихъ не пришибло.

— Какимъ же манеромъ сгорѣлъ домъ?

— А коимъ маниромъ? Сгорѣлъ отъ огня— вотъ и все!

— Да огонь-то отчего?

— Сперва затлѣлось, а тамъ и вспыхнуло: и пошла работа.

— Подожгли его, что́ ли?

— Зачѣмъ подожгли? никто не поджигалъ.

— Такъ огонь самъ взялся? Домъ самъ загорѣлся?

— Самъ загорѣлся, батюшка; самъ загорѣлся, да та̀къ и сгорѣлъ.

— А отчего же вонъ эта избёнка цѣлёхонька?

— Это амбаръ! его не топятъ: печей нѣтъ.

— А въ домѣ топили печи?

— Ка̀къ не топить? топили!

— Да хорошо ли вы топили?

— Такъ-то знатно, что небу жарко : въ комнатахъ словно въ банѣ.

— Такъ что́ жь: труба, что ли, лопнула?

— Не могимъ знать эвтого, батюшка; а въ комнатахъ-то какъ стало тепленько, вотъ мы и полегли. Только ночью и слышимъ, что жарко будто мало-мало: испить и захотѣлось. Я и всталъ, да и слышу, смородомъ будто пахнетъ; я пошелъ къ двери — а дымъ-отъ, дымъ-отъ та̀къ и повалилъ. Пожаръ, молъ ; дай-ко людей разбужу ! Насилу растолкалъ—въ теплѣ-то, знаешь, спится крѣпко. Въ переполохѣ насилу повыскакали. А господинъ управляющій почивать изволили въ нижнемъ ярусѣ; онъ, съ шума, тоже проснулся. Спаслись всѣ, слава-те Богу: только и потраты, что свинья, да курица сгорѣли, а лошадки и накинулись-было на пожарище, да мы этого не допустили, и конюшню заперли, а до того она у насъ и не бывала на запорѣ.

Приготовленный для меня сарай, въ которомъ, для свѣта, прорублено было два окошка, показался мнѣ худымъ пристанищемъ. Рабочія избушки были покосившіяся, перегнившія, а частію оставленныя безъ крышъ нищенскія лачужки, недоступныя для обитанія зимою; только очень немногія изъ нихъ были въ сносномъ порядкѣ, но и тѣ надлежало оставить въ пользованіе трудолюбивыхъ мужичковъ, которые, пустившись на хитрости, съумѣли какой-то простой сарай обратить въ обширную затѣйливую залу.

Посереди сарая стояла желѣзная печка, труба которой, на половинѣ высоты жилья, проведена была зигзагомъ въ одну стѣну и поддерживалась повсюду на длинныхъ проволокахъ, прикрѣпленныхъ однимъ концомъ къ потолку. Полъ выстланъ досками, поверхъ которыхъ навалено было ровнымъ слоемъ разное добро, спасенное изъ амбара, сосѣдняго съ горѣвшимъ домомъ. Съ трехъ сторонъ печи стояла узень-

кая скамья, покоемъ; къ одной ея сторонѣ прислоненъ простой столъ изъ грубыхъ сосновыхъ досокъ; къ другой приставлена кровать, на которой лежалъ больной отъ переполоха управляющій; а по третью сторону приготовлена была широкая лавка для меня.

Жить въ этомъ сараѣ было можно съ условіемъ, чтобы огонь былъ въ печи круглый Божій день и не переводился на ночь. Температура сарайнаго воздуха была странная: если сидѣть на скамьѣ у стола—теплынь была невыносимая; если отойдти къ лавкѣ, исправлявшей должность кровати—надо было обвязать шею шарфомъ, надѣть фуражку и поплотнѣе застегнуться; а еслибъ вздумалось подсѣсть къ окну—безъ шубы и медвѣжьихъ сапоговъ нельзя было и подумать объ этомъ, кажется, недальномъ путешествіи. Отовсюду дуло страшно и нашъ сарай былъ выстроенъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ здѣсь въ Петербургѣ строятся временные заборы около вновь-возводимыхъ зданій.

Лѣтомъ томская тайга вовсе не представляетъ тѣхъ неудобствъ, которыя очень обыкновенны въ другихъ золотопромышленыхъ округахъ. Дороги здѣсь превосходныя и служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что̀ значитъ время. Легко согласиться, что мало найдется охотниковъ проводить или обдѣлывать дороги не въ собственномъ своемъ лѣсу, и тотъ, кто знако́мъ съ дремучимъ лѣсомъ, пойметъ, что подрубить высунувшійся посреди дороги пень, срубить подгнившее и грозящее ушибомъ прохожему дерево, прибрать къ сторонкѣ валежникъ, накидать сучьевъ на топкое мѣсто, накинуть мостокъ на трясину, что эти по-видимому мелочи—огромныя заслуги для человѣчества. Оно что̀? кажется, и ничего бы не значило для человѣка съ силой отбросить бревешко, которое можетъ пришибить другаго? анъ нѣтъ! бываютъ такія натуры, что для нихъ помощь — «не наше дѣло!» Конечно, правила инаго человѣка нашего времени «было бы мнѣ хорошо» и «послѣ насъ не будетъ насъ» — правила, нѣчего сказать, мудрыя, не вводящія его ни въ какія опасныя столкновенія интересовъ и вмѣшательство въ чужія обстоятельства, но на этотъ счетъ распорядителямъ томской тайги нельзя не сказать спасибо: рѣшительно почти нигдѣ нѣтъ опасности сломить себѣ шею! а вѣдь тамъ, на этотъ счетъ, нельзя еще думать о проѣзжихъ дорогахъ въ огромномъ, страшно-огромномъ лѣсу. Мало этого; я самъ видѣлъ тамъ молодыхъ купчиковъ, которые ѣздятъ въ этой тайгѣ въ колесныхъ экипажахъ: посадивъ своихъ рабочихъ кучеромъ и вершниками и окруживъ себя, на манеръ старинныхъ баръ, ѣздовыми — они считаютъ себя вправѣ пролетѣть разгульной рысью и во весь опоръ верстъ шестьдесятъ и больше, не перемѣняя ни лошадей, ни верховыхъ наѣздниковъ—на то они и прикащики или хозяйскія дѣти! Какая, вы думаете, у нихъ въ это время задушевная мысль? Жалѣютъ рабочихъ, которые трясутся за ними верхомъ? Нѣтъ не эта, а вотъ какая: «иной встрѣтится—подумаетъ, что я— чиновникъ ѣду!»

Лѣтняя жизнь на пріискѣ не можетъ наскучить: трудовъ много, моціону бездна, аппетитъ такой же, каковъ былъ у древнихъ героевъ Гомера. Утромъ встанешь почти-что съ солнышкомъ—перекличка рабочихъ; черезъ часъ идешь осматривать работы и хлопотать по хозяйству, потомъ присутствуешь на «смывкѣ» или на окончательномъ отдѣленіи чистаго золота отъ разной дряни, его сопровождающей; около полудня, иногда раньше, даже часовъ въ десять утра — обѣдъ; послѣ обѣда тѣ же занятія до вечерней смывки. Кто помоложе, тотъ въ это

время ужинаетъ, а кто постарше — пьетъ чай. Вечеромъ вѣсишь золото, предварительно отдѣливъ отъ него, магнитомъ, разную оставшуюся при немъ желѣзистую мелочь, запишешь золото въ казенную книгу, отдашь приказы на завтра и свободенъ. Времени свободнаго много еще остается, и его посвящаютъ кто картамъ, кто чтенію журналовъ или газетъ, получаемыхъ разомъ за недѣлю, иногда за двѣ. Иногда эта правильность распредѣленія времени надоѣстъ, осѣдлаешь коня, возьмешь казака или конюха и куда-нибудь ѣдешь или къ сосѣдямъ, или за сосѣдями.

Однажды собрались мы у одного не старыхъ лѣтъ человѣка; въ карты играть было нельзя: недоставало четвертаго, а въ троемъ не хотѣли; прочія занятія такого же рода тоже не шли въ голову; въ винѣ оказался недостатокъ, потому-что новаго не привезли изъ города а, старое все вышло; пѣсенники дурно поютъ, нельзя слушать; въ цѣль стрѣлять—ребячество; идти на охоту—нѣвидаль! пожалуй еще на медвѣдя наскочишь! заняться чтеніемъ — «стыдно, будто времени не будетъ». Насъ было человѣкъ шесть-семь разнаго сброда и съ разными привычками жизни; наконецъ, послѣ разныхъ рѣшеній вопроса, чѣмъ бы заняться? сошлись на одномъ—заняться чаемъ и «болтки болтать», то-есть, бесѣдовать, переливая изъ пустаго въ порожнее. Весело мы разговаривали. Одинъ анекдотъ быстро смѣнялся другимъ анекдотомъ или происшествіемъ, случившимся съ кѣмъ-либо изъ собесѣдниковъ.

— И полно вамъ, Иванъ Ильичъ! ну, что̀ еще за бѣда; а вотъ бѣда со мной разъ была, такъ бѣда! возразилъ разскащику одинъ изъ гостей, еще невходившій въ разговоры. «Разъ, вотъ видите ли, что̀ со мной приключилось. Послали меня съ пріиска съ золотомъ, чтобъ въ Барнаулъ свезти сплавить. Я и поѣхалъ; въ провожатые, какъ водится, дали мнѣ конюха. Въ это же время должны были и съ другихъ пріисковъ отправиться, тоже съ золотомъ, прикащики; мы про это знали и заранѣе сговорились выѣхать въ такой-то день. Дорога намъ лежала всѣмъ одна черезъ одну Безъимянку, а на Безъимянкѣ-то этой мостокъ былъ; вотъ у насъ и улажено было къ полудню того дня всѣмъ съ разныхъ сторонъ къ мосточку собраться и обождать другъ друга, чтобъ потомъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать двое сутокъ тайгой—оно веселѣе. Отъѣхали мы отъ пріиска таки порядочно, больше половины дороги, до мостика-то; конюхъ и сталъ приставать ко мнѣ—позволь ему воротиться, занездоровилось, видишь, ему. Лжетъ, молъ, мужикъ: надуваетъ! Ѣдемъ мы дальше, конюхъ опять пристаетъ—я опять не вѣрю; конюхъ слѣзъ съ лошади; пошелъ пѣшкомъ, да какъ-вдругъ застонетъ: я и пріостановился; гляжу—на моемъ парнѣ лица нѣтъ: та̀къ его и коробитъ. Это онъ, при отъѣздѣ, на прощаньи съ своими, объѣлся чего-то не въ мѣру, такъ его теперь и корчитъ. Что̀ мнѣ дѣлать? Пріисковъ по близности нѣту, воротиться съ больнымъ на пріискъ—дѣло спѣшное мѣшаетъ, дальше съ собой вести—человѣка жаль: пришлось его середь лѣсу бросить. Я разсчитывалъ такъ: конюха, вѣрно, растрясло верьхомъ, часа два-три ему бы отдохнуть и пройдетъ все; запасу у него было съ собой дня на три, человѣкъ не пропадетъ, добредетъ завтра до дому; тамъ и долечится: та̀къ оно и вышло. Я себѣ отправился впередъ одинъ, перекинувъ мѣшки съ золотомъ къ себѣ на сѣдло. Ѣду я путемъ-дорогою, такъ-себѣ, гдѣ рысцой, а гдѣ въ прискачь, колоколецъ дребезжитъ у лошади подъ шеей, а я покрикиваю, да реву пѣсни. До мостика осталось мнѣ маленько. Вдругъ лошадушка моя запряла ушами, потомъ

заложила ихъ назадъ, затряслась всѣмъ туловищемъ и стала, какъ вкопанная. «Чтó за грѣхъ такой, думаю: не медвѣдь ли, взаправду?» Глядь—анъ онъ какъ тутъ! Близехонько въ сторонѣ поднялся на дыбы, вышелъ на тропку, да ко мнѣ и подходитъ: ну, что бы ему маленечко подождать, да дать бы мнѣ проѣхать? Я сижу на конѣ ни живъ, ни мертвъ, и гляжу, чтó будетъ; а при мнѣ, кромѣ добраго ножа, ни ружьишка. Но медвѣдь былъ такой матёрый, чтò тутъ съ ножомъ сдѣлаешь? а у меня и руки трясутся и со страху не опомнюсь. Медвѣдь стоитъ. Простояли мы этакъ, молча, съ добрую минуту, я и направь коня влѣво; конь ступилъ шагъ, а медвѣдь на шагъ къ намъ еще ближе сталъ и опять ни съ мѣста; поправѣе осталось пошире мѣста; я коня туда—и медвѣдь туда, и еще на шагъ ближе. Вижу, пришелъ мой послѣдній конецъ; я, какъ дуракъ-дуракомъ, бросился съ сѣдла на земь, стащилъ съ головы шапку и нý ему въ поясъ, да въ поясъ! Батюшка, Михайло Иванычъ, не сгуби душеньки: дай дорогу! я съ хозяйскимъ золотомъ! пропадетъ—не ты въ отвѣтѣ будешь. Чтò жь вы думаете, Топтыгинъ? Дай Богъ ему здоровье : ревнулъ, да и пошелъ прочь.»

— Нѣтъ, а вотъ я вамъ разскажу, какую однажды Топтыгинъ съигралъ штуку съ Игнатьемъ Петровичемъ, вотъ, чтò на Безъимянкѣ, въ вершинахъ Удерея, пріискà богатые, говорилъ сосѣдъ этого разскащика.—Поѣхалъ разъ онъ въ гости на Пескинъ, къ Николаю Ѳедорычу. Съ нимъ конюхъ. Ужь и близко къ пріиску подъѣхали. Только вдругъ откуда ни возьмись медвѣдь. Лошади спужались. Игнатья-то Петровича конь и сшиби сѣдока, а сама и тягу! Другая лошадь тоже понесла, вмѣстѣ съ конюхомъ—и остался одинъ Игнатій Петровичъ передъ медвѣдемъ. Вскочилъ онъ на ноги, а у самого только ногайка въ рукѣ осталась. Онъ и спрячься за дерево, чтó потолще въ обхватѣ. Медвѣдь за нимъ и сталъ противъ. Вотъ онъ постоялъ, постоялъ передъ бѣднякомъ, да и лапой его, лапой!.. ухватить его хочетъ. А Игнатій Петровичъ его ногайкой, да ногайкой, по лапѣ-то. Мишукъ вытянулъ другую лапу; да съ другой стороны ствола цапàть его хочетъ , а тотъ опять его по лапѣ ногайкой. Медвѣдь опять лапой, а тотъ опять ногайкой: ходятъ-себѣ кругомъ дерева, да и полно! Надоѣло ли медвѣдю, или онъ смекнулъ дѣломъ—онъ и затѣялъ прижать бѣднягу. Схватилъ палое бревно, да, вѣрно, и думаетъ: положу ему на земь подъ ноги — тогда не уйдетъ. И положилъ. Да, глупый, тáкъ положилъ, что Игнатью Петровичу и горюшка мало, опять онъ свободно около дерева ходитъ. Наконецъ медвѣдь взялся за умъ, бревно и приперъ къ самому дереву, набралъ валёжнику, да и съ другой стороны его накинулъ; а чаща страшная—тому и некуда больше. Медвѣдю стоило только перелѣзть, а ему это не въ догадъ: онъ, приперши пріятеля, и давай его засыпàть, да забрасывать разною дрянью. Совсѣмъ-было тому бѣда пришла; онъ медвѣдя съ глазъ не спущаетъ и зорко-таковò прямо ему въ глаза смотритъ; а медвѣдь то и дѣло башкой ворочаетъ : нè любо, вишь, ему когда глядятъ зорко. На счастье, послышались голоса, крикъ сталъ ближе, да ближе — это конюхъ далъ ужь знать, да съ народомъ идетъ на подмогу. Медвѣдь прослышалъ—и убѣжалъ: только его и видѣли! А Игнатій Петровичъ, даромъ-что молодчина, какъ смерть блѣдный, еле-еле, и то шатаясь, дошелъ до пріиска къ Николаю Ѳедорычу.

— Ужь коли пошло дѣло на медвѣдя, сказалъ пятый изъ присут-

ствующихъ:—такъ я сейчасъ вспомнилъ про одинъ случай съ Философомъ Александрычемъ. Жилъ онъ на своемъ пріискѣ, на Тахтагайктѣ, въ хорошенькомъ домикѣ; супротивъ домика выстроена была кухонька, а тамъ въ сторонкѣ, промежъ ихъ, стояла прикащицкая изба. Въ кухнѣ была кухарка, премастерица стряпать, чтò твой поваръ! За кухаркой ухаживали добрые молодцы, а она, на нихъ не глядя, повадилась въ одну избушку ходить, къ рабочему Максиму: парень такой былъ красивый, первый весельчакъ передъ костромъ, и первый батракъ на работѣ. Она Максимкѣ гостинцы разные, съ хозяйской кухни, нàшивала. Прикащики на нее озлились и давай надсматривать, чтобъ она хозяйскаго добра не тратила: сами у него воровали на сотни, да на тысячи, а тутъ приглядывали за объѣдками, чтó и гроша не стòютъ. Наступили темные вечера. Только, государи мои, и прошелъ слухъ, чтó медвѣдь близко и по ночамъ шутки такія творитъ, что чудо. Какъ послѣ ужина станутъ у хозяина собирать со стола, а стряпка понесетъ лучшее блюдо прятать на мѣсто, у чулана близъ кухни, и нападетъ на нее медвѣдь—лучшее блюдо и выхватитъ, и слѣдъ простылъ! Нѣсколько вечеровъ сряду продолжалась такая исторія, бѣдняжка кухарка плакала отъ страха, а смѣнить ее никто не хотѣлъ—медвѣдя боялись! Наконецъ Философу Александрычу доложили, что, де-скать, тàкъ-и-тàкъ. Хозяинъ разспросилъ, когда и кàкъ это случается и только-что послѣ ужина, стряпка съ кушаньемъ вышла, Философъ Александрычъ схватилъ ружье, заряженное пулей—и за двери. Стрѣлокъ онъ былъ, правда, плохой, да все, думаетъ, дай потѣшусь. Вотъ и видитъ онъ: идетъ такая фигура вдали, чернѣется, точно пень какой по-маленьку ступаетъ. Онъ прицѣлился, бацъ! Эхма, промахъ. Ушелъ медвѣдь, и съ-тѣхъ-поръ больше не хаживалъ.

— Экіе, братъ, ты пустяки разсказываешь! замѣтилъ Власъ Антонычъ:—а я-то уши развѣсилъ, будто и дѣло! Ну, кто на своемъ вѣку не дѣлалъ промаховъ?

— Тàкъ-оно, тáкъ; точно тàкъ, Власъ Антонычъ, возразилъ гость, разсказывавшій эту исторію: — да никто, я чай, на своемъ вѣку тàкъ не порадовался бы этому промаху кстати.

— А чтò такое?

— Да кàкъ чтò? Вѣдь медвѣдемъ-то наряженъ былъ Максимка; кухарка-актёрка все знала: она сама Максимку надоумила кушанье у ней вырывать. Ужь послѣ прикащики правду какъ узнали, что Максимка выворачивалъ шубу да разныя штуки выдѣлывалъ, чтобъ въ темнотѣ показаться медвѣдемъ, ужь они смѣялись-смѣялись, перестали и за стряпкой присматривать.

— Ну, а чтòжь Философъ Александрычъ, тоже смѣялся?

— Чтò вы? ему и не сказывали! Такая добрѣющая душа: онъ занемогъ бы, когда бъ узналъ, что чуть не подстрѣлилъ человѣка и не сдѣлался убійцей. Онъ и о-сю-пору этого не знаетъ.

Въ это время одинъ гость откашлялся и завелъ рѣчь:

— Вы сейчасъ изволили, почтеннѣйшій, назвать рѣчку Тахтагайкту и давича Власъ Антонычъ изволили упоминать про одного питерскаго господина. Такъ позвольте вамъ, къ слову, разсказать то же преказусное происшествіе и тоже съ питерскимъ однимъ господиномъ, близёхонько отъ Тахтагайкты. Изволите видѣть. На Шаулконѣ есть пріискъ Степана Егорыча, а въ Шаулконъ текутъ многія рѣчу́шки, и

всѣ ихъ называютъ Безъимянками. По одной изъ этихъ Безъимянокъ, не доходя до пріиска Степана Егорыча, сдѣлана была однимъ хозяиномъ—фамилью позабылъ— заявка пріиска, какъ водится обыкновенно, на фуфу; то-есть дастъ Богъ золота — ладно, нѣтъ—не важность. И накопилось у него нѣсколько такихъ неразвѣданныхъ пріисковъ. Онъ собралъ о нихъ всѣ бумаги и поѣхалъ, какъ, можетъ-быть, сами изволите догадаться, въ Петербургъ. Пріискъ-то этотъ онъ и продалъ за нѣсколько тысячъ одной компаніи. Компанія послала сюда управляющаго; управляющему слѣдовало принять отводъ этого пріиска. Между этимъ временемъ открылось какъ-то, что проданный пріискъ очень-богатъ; пріискъ этотъ, когда онъ переходилъ въ чужія руки, бродившіе по тайгѣ люди хозяина—позабылъ фамилью, немножко поощупали, пошурфовали и когда хозяинъ изъ Петербурга возвратился, разсказали ему про свои изслѣдованія. Хозяину жаль пріиска стало та́къ, что хоть въ слёзы. Въ то время, когда вновь пріѣхавшій управляющій поѣхалъ отъискивать купленный пріискъ, гдѣ-то на Шаулконѣ, прежній хозяинъ та́къ искусно велъ дѣла, что окружилъ пріѣзжаго со всѣхъ сторонъ приверженными къ себѣ людьми: то-есть, осыпалъ деньгами и запоилъ виномъ прикащика, двухъ конюховъ, четырехъ работниковъ, которые находились при петербургскомъ пріѣзжемъ, и задобрилъ въ свою пользу тѣхъ людей, которыхъ петербургскій пріѣзжій неминуемо долженъ былъ встрѣтить на Шаулконѣ. Пріѣзжій управляющій явился на Шаулконъ, взялъ въ руки заявку и сталъ по ней искать купленный пріискъ. Заявка была та́къ написана, что къ какой Безъимянкѣ ни подойди, никакъ не узнаешь, про которую именно сказано въ бумагѣ? Продавецъ, чтобъ вѣрнѣе дойдти до своей цѣли, то-есть сбить съ толка покупщиковъ, на той Безъимянкѣ, которая была пройдя пріискъ Степана Егорыча, и которая никѣмъ не была заявлена, вытесалъ столбъ, какой надо по обычаю, и загрязнилъ его разнымъ мараньемъ, такъ-что разобрать ничего нельзя и выкопалъ въ разныхъ мѣстахъ ямки, про которыя въ заявкѣ упоминалось. Но такъ-какъ старый годовалый шурфъ сейчасъ можно отличить отъ свѣжаго, то желая всему придать видъ древности, онъ свѣжіе-то шурфы обложилъ мхомъ, дряблыми и вывѣтрившимися камешками, обсыпалъ добытыми на сторонѣ прошлогодними откидными песками, для-того, чтобъ наружность не внушала никакого подозрѣнія. Всѣ эти предварительныя приготовленія сдѣланы были на-спѣхъ, потому-что петербургскій пріѣзжій торопился. Закупленные и задаренные люди, вмѣсто-того, чтобъ привести пріѣзжаго на одну Безъимянку, не доходя до пріиска Степана Егорыча, гдѣ было золото, привели его на другую Безъимянку, пройдя пріискъ Степана Егорыча, гдѣ золото было искано, перепскано, но не отъискано. Пріѣзжій обрадовался: видитъ—мѣстность схожая съ заявкой, и Безъимянка есть, есть и гора по одному берегу, и сосна есть, и береза, и ямокъ фальшивыхъ столько же счетомъ, сколько счетомъ шурфовъ; онъ совершилъ всѣ необходимыя церемоніи и принялъ пріискъ. А ужь тамъ хозяинъ — не помню фамильи — сдѣлалъ свое дѣло. Только когда прошла десятилѣтняя давность, тогда только петербургскій пріѣзжій узналъ настоящую истину.

— Много слыхивали мы о разныхъ, примѣрно сказать, комедіяхъ, въ старые годы по золотымъ компаніямъ, а этакой отличной штуки, право-слово, не приводилось еще слышать. Экой же этотъ питерскій пріѣзжій былъ пентюхъ: чего жь онъ смотрѣлъ? самъ виноватъ, кру-

гомъ виноватъ самъ! говорилъ, качая головой, послѣдній гость, за которымъ была очередь то же чтò-нибудь разсказать.

— Ну, это тò же, что «свою вину на Ивана сверну!»... да чего вы хотите отъ этихъ людей? возразилъ хозяинъ. — Они нашего дѣла не знаютъ, къ пріемамъ всѣмъ имъ еще долго пріучаться; ну, и жизнь-то здѣшняя имъ вовсе непривычна!

— Правда; пріѣзжему изъ Питера никогда не вынесть того, чтò вынесетъ нашъ братъ, простой прикащикъ-бородачъ, коли мало-мальски обживешься въ тайгѣ и съ измалѣтства узнàешь, чтò голодъ, чтò холодъ. Наши, на-примѣръ, качали только головой, да дивились отвагѣ Егорова, хоть и считали ее вещью возможною, ну, а вотъ питерскіе-то господа и вѣрить егоровской штукѣ не хотѣли, тàкъ она казалась имъ несбыточна.

— Какая же это егоровская штука?

— Будто вы не знаете?

— Не помню что-то, можетъ и не знаю.

— Чтò вы, чтò вы: да про этое дѣло вся Сибирь знаетъ. Видите, кàкъ это было. У Гаврилы Ѳедоровича, была партія въ розъискахъ въ Енисейскомъ-Округѣ, подъ начальствомъ Егорова. Вотъ къ осени и вышла она изъ тайги́, въ Мотыгино-ли, въ Рыбное-ль, теперь не помню, а тамъ еще до нихъ начались праздники, по случаю окончанія работъ... Есть пословица: «коли знатьё, что у кума питьё—наберется народа!»— наши выходцы присусѣдились къ прочимъ и пошла потѣха—закутили порядкомъ. Только вотъ, государи мои, вдругъ настали морозы и по Ангарѣ пошла шуга̀. Чтò тутъ дѣлать? Нàймуютъ суда—перевозчики отказываются, нельзя плыть: затретъ шугòй лодки—и пропали! Ждать пока рѣка станетъ и думать нельзя; дѣло спѣшное, надо быть на той сторонѣ! ну, а не безъизвѣстно вамъ, что Ангара въ эвтемъ, то-есть, мѣстѣ широка: съ островами двѣ версты выйдутъ вѣрныхъ. Прикащикъ выкатилъ боченокъ вина: «пейте, ребята!» Ребята накатились; онъ и сталъ имъ держать слово. «Ребята!» говоритъ: «тутъ намъ плохо! Заживемся — будемъ безъ вина и безъ хлѣба. Въ Кулаковой, ребята, хлѣба и всего вдоволь, тамъ наша и кантора, тамъ у насъ и деньги. Али мы трусы какіе, ребята, что воды побоимся? Кони здоровые: вынесутъ на берегъ. Ну, ребята, покажи удаль молодецкую. Кто хочетъ — за мной, ребята, въ Кулакову!.. Ну, чего стоите, братцы? Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Крестись, ребята, да въ воду! За мной!.. ура!» Бѣдовый парень Егоровъ гаркнулъ молодецкимъ гòворомъ, свиснулъ молодецкимъ пòсвистомъ, хлестнулъ ногайкой коня по крутымъ бокамъ, конь взметнулся — и съ ѣздокомъ бултыхъ въ рѣку. За нимъ кинулась вся ватага. Съ визгомъ и гикомъ понеслись они противъ быстрыхъ струй, волны шумныя разсѣкаючи, пѣсни буйныя распѣваючи. Студеной водой какъ ихъ обдало, да морозомъ-то какъ въ дрожь кинуло—молодецкій хмѣль въ нихъ и вышибло. И увидѣли наши молодцы, разудалыя все головушки, что неладное дѣло вздумали. Не честно было имъ ворочаться, отоплывши вдаль отъ берега... а между-тѣмъ ихъ, голубчиковъ, нашей матушкой, быстрой рѣченькой, относило внизъ и все вдаль, да вдаль, припираючи льдиной толстою...

— Ахъ, Боже, Твоя воля! Да не-уже-ли такъ-таки вотъ ихъ всѣхъ и затерло льдомъ?

— Для чего затерло? Не затерло... Эх-ма, злодѣй только пòпусту перебилъ меня... вотъ я теперь и не могу разсказать складно. Да она,

того, и вся недолга. Добрались парни до острова, вышли, повздохнули, да снова пустились... но каковы же кони у нихъ были сильные? выплыли-таки на берегъ и вынесли на себѣ молодцовъ здраво и невредимо. А? шутка ли это въ двѣ версты рѣку переплыть, да еще при шугѣ?

— Да чегожь тутъ дивиться нашимъ русскимъ ребятамъ? Какъ война съ Французомъ была, наши солдатушки цѣлыми батальйонами, пѣшіе, съ тяжелыми ранцами, съ тяжелымъ ружьемъ, безъ коней, и не въ бродъ, а иногда вплавь, рѣки переплывали, подъ непріятельскими выстрѣлами, да и то не хвастались!

— Та́къ оно, батюшка, та́къ, да вѣдь то война была, дрались за родную землю — это одно, а другое дѣло и народъ-отъ нынче больно слабенекъ сталъ... ну, а все-таки рѣку въ двѣ версты переплыть — оно, знаете, того!!...

XVII.

Барнаулъ.

Я жилъ на пріискѣ, посереди котораго весной струился тощій ручеекъ, текущій, за гранью нашего межеваго столба, въ рѣчку Больше-Никольскую; Больше-Никольская впадаетъ въ рѣку Кундатъ, а Кундатъ, извилистымъ своимъ теченіемъ, приходился у меня какъ-разъ подъ бокомъ: насъ раздѣляла только одна гора.

Пріискъ, на которомъ я жилъ, былъ уже, больше половины, выработанъ: то-есть почва, въ нижней части долины моего ключика, была совершенно обнажена до почвеннаго камня; земля, покрывавшая мѣстность, снята и свезена въ сторону; золотосодержащіе пески давно промыты и обмѣнены на наличныя деньги и, такимъ-образомъ, въ этомъ мѣстѣ образовались, такъ-сказать, двѣ улицы, одна въ другой: между горъ—долина, посереди долины—корридоръ вынутыхъ уже песковъ.

Но, можетъ-быть, я не ясно выражаюсь для нѣкоторыхъ читателей, незнакомыхъ съ дѣломъ? Можетъ-быть они захотятъ понять нагляднѣе мои слова? Для этого я, мысленно, поведу ихъ въ нашъ Пассажъ.

Пусть представитъ себѣ читатель, что галерея Пассажа, начиная отъ Невскаго-Проспекта, идетъ все въ-гору, и что именно верхняя галерея представляетъ земную поверхность, покрытую лѣсомъ. Когда пріискъ еще не начинали разработывать—обѣ стороны верхней галереи сходились вмѣстѣ и составляли сплошную землю. По-мѣрѣ-того, какъ пріискъ разработывали и вынимали изъ него сперва пустую землю, а потомъ «пески» съ золотомъ, постепенно открывался и нижній ярусъ Пассажа; наконецъ пріискъ нашъ принялъ такой видъ, что окна и двери этого нижняго яруса представляютъ пустые, безъ золота, пески, оставшіеся невынутыми; полъ нижняго яруса — сплошную горнокаменную породу, поверхъ которой, можетъ-быть въ доисторическія времена, во время естественныхъ переворотовъ, образовалась розсыпь; верхняя галерея, какъ я уже выше сказалъ, замѣнитъ намъ землю, со всѣми ея произрастеніями, а окна и двери этой верхней галереи — возвышенности, окоймляющія долину. Протягиваясь вдаль, верхняя галерея сошлась бы гдѣ-нибудь съ линіей протяженія вершины зданія Пассажа — и это было бы вершиной нашего пріиска; узенькая тропинка, на подставахъ

посереди Пассажа, представляла бы намъ ключикъ, текущій по водопроводу; панель Невскаго-Проспекта—играла бы тутъ роль рѣчки Больше-Никольской, а Михайловская-Улица можетъ, въ воображеніи читателя, занять мѣсто рѣки Кундата. Что касается до подземной галереи Пассажа, то, при нашемъ сравненіи, мы не можемъ найдти ей приличнаго назначенія: а потому предположимъ лучше, что этой галереи нѣтъ и что все это пространство, отъ пола нижней галереи внизъ, вглубь, составляетъ неизвѣданную сплошную массу камня и скорлупу земнаго ядра.

Избушка, мною обитаемая, стояла почти на самой вершинѣ высокаго мыса, образуемаго впаденіемъ ключика въ рѣчку. По одну сторону предо мной открывался видъ на свою долину, которая, сильно покатою наклоненною плоскостью, въ окончаніи своемъ представляла какъ-будто пропасть подъ моими ногами. По другую сторону дома, передъ глазами—угрюмые бока и чернѣющіеся лѣса Больше-Никольской-Долины, пересѣкаемой горными хребтами, оттѣнивавшими промежуточныя пространства бо́льшею или мѐньшею степенью яркости зелени на деревьяхъ. Бывало какой-нибудь шаловливый прикащикъ выстрѣлитъ въ тишинѣ ночи, изъ дѣдовскаго мушкета въ эту сторону, такъ такой трескъ и грохотъ пойдетъ по горамъ, будто громы разсыпались, такъ и застонетъ окрестность; и перекаты, отражаясь съ одного упора на другой, слышатся долгое время. Мнѣ стоило пройдтись нѣсколько шаговъ пѣшкомъ въ третью сторону и перевалить хребетъ (перейти крыши домовъ по направленію къ Михайловской-Улицѣ)—и передо мной новыя, далекія горы и новая панорама видовъ, а подъ ногами — быстрый Кундатъ, съ стремленіемъ катящій свои чистыя воды между высокими и каменистыми берегами. Наконецъ, съ четвертой стороны высилась, близёхонько отъ меня, трех-отрогая, и отсюда кажущаяся громадною, Алатага, съ фантастическими за́мкомъ и подобіемъ цитадели на самой вершинѣ, гдѣ почти до половины іюня зимній снѣгъ не успѣлъ еще весь растаять.

Съ пріиска всюду виды были превосходные, богатѣйшіе!..

Но за-то какіе нищенскіе виды были на пріискѣ! Боже, ты мой!..

Ужь мы оставимъ въ сторонѣ его наружный видъ; Богъ съ нимъ! что́ ужь тутъ за наружность и до красоты ли тутъ внѣшней, когда думается о красотѣ внутренней, и о той силѣ существенной, которая одна придаетъ значеніе цѣлому. Ка́къ ни будь, хоть на-примѣръ пріискъ, гадокъ по наружному виду, по нару́жнымъ пріемамъ и по наружнымъ обстановкамъ, а какъ въ немъ запрятанъ мильйончикъ другой чистымъ золотцомъ—повѣрьте, лучше всякаго красавца покажется... А пріискъ, на которомъ я жилъ, по изслѣдованію, оказался очень не богатъ золотомъ. Все, что́ было получше, изъ него давно уже было выбрано, на покрытіе прежнихъ издержекъ.

Но вотъ еще новая бѣда: въ пріискѣ и открылось золото, не обильное, но все же золото; но золотосодержащихъ песковъ нѐчѣмъ было обработывать: огненная плавка запрещена закономъ, амальгамація была неумѣстна, простая промывка и того менѣе возможна: мыть было нечѣмъ!

— Ка́къ-такъ это случилось? спроситъ можетъ-быть кто изъ любопытныхъ.

— Очень просто — воды не было.

— Что̀ вы это? воды не было! сами вы насчитали ключикъ, рѣчку и рѣку? Кудажъ они дѣвались?

— Остались на своемъ мѣстѣ. Воды было столько, что пей не хочу, но для промывки песковъ воды не было. — Воды въ Кундатѣ было страшное изобиліе, но насъ раздѣляла высокая гора. Чтобъ провести кундатскую воду въ границу владѣній нашей компаніи, надо было употребить огромный капиталъ, котораго никогда не возвратишь. Никольская рѣчка была богата водой, но на ближайшемъ къ намъ ея берегѣ стояли пограничные столбики и мы, какъ Танталы, стоя у воды, вѣчно мучились жаждою. Впрочемъ нѣтъ! Для самовара, и вообще для кухни, намъ дозволено было возить ее цѣлыми бочками, но мыть золота въ ней намъ не дозволяли: она сама нужна была сосѣдямъ и дѣлиться ею, въ количествѣ, нужномъ для работъ, имъ было невозможно. Право было на сторонѣ сосѣдей, «строить пику» намъ они не желали и потому мы жили дружно; но сколько, изъ-за воды, изъ этой, кажется, пустой причины, возникло процессовъ.

Ключикъ нашъ скромно журчалъ между камешками и струился потомъ по деревянному корытцу, поддерживаемому рогульками, или шестами, изливаясь въ маленькую ложбину съ плотиной; за̀-ночь въ плотинѣ скоплялось воды нѣсколько ушатовъ, но всего этого хватало едва на нѣсколько короткихъ часовъ работы; только когда Богъ пошлетъ, бывало, дождичка — тогда только въ запрудѣ было воды вдоволь; а чуть-чуть пошли жаркіе ясные дни — хоть плачь, а сиди безъ дѣла! Я и управляющій, оба мы были плохіе механики, въ инженерномъ искусствѣ ничего не смыслили и горю помочь ничѣмъ не могли.

Со скуки, разгуливая то тамъ, то сямъ по пріиску, мы часто любовались игрою солнечныхъ лучей въ ограненныхъ самою природою плоскостяхъ безчисленнаго множества разнородныхъ камешковъ, вкропленныхъ мощною силою въ огромные валуны конгломератовъ, которые выплыли своими вершинами изъ-подъ подпочвеннаго камня, сплошною массою разлитаго по дну корридора, образовавшагося отъ выемки золотосодержащихъ песковъ изъ площади. Мы вмѣстѣ дивились роли, которую замѣтно, на нашемъ по-крайней-мѣрѣ пріискѣ, разъигрывали эти конгломераты, составляя какъ-бы переходныя формы изъ одной горной породы въ другую; но, плохіе адепты таинствъ естественныхъ знаній, мы никакъ не могли растолковать себѣ отчего именно мы привыкли извѣстнякъ встрѣчать тутъ, шиферныя породы здѣсь, а сіенитъ въ третьемъ мѣстѣ; отчего между расположеніемъ и сочетаніемъ ихъ существуетъ постоянство и правильность и отчего конгломератъ встрѣчаемъ мы только при данныхъ условіяхъ? мы что-то такое чувствовали, касательно послѣдовательности этихъ явленій, какъ-будто бы что-то и сознавали, хотя и темно, но что̀ именно такое—этого опредѣлить мы никакъ не могли, даже и другимъ-то передать своихъ ощущеній не умѣли!

Не менѣе безплодно занимали насъ и двѣ ямины, почти на самой вершинѣ нашего пріиска. Съ одной стороны, интересъ тутъ былъ въ томъ, что ямины эти были провалами, что дна въ этихъ провалахъ, мы не могли достать ни шестами, ни веревками, съ привязанными на концахъ тяжестями, и, наконецъ, въ томъ, что вода, скоплявшаяся въ-теченіе дня, въ этихъ яминахъ, по самые ихъ края, во время сильныхъ дождей, къ утру совершенно исчезала; ямины эти не были, какъ кажется, извѣстны и господину Чихачеву, упоминаю-

щему именно про эту мѣстность въ своемъ знаменитомъ и роскошномъ «Путешествіи»; а съ другой стороны, интересъ здѣсь былъ такого рода, что и въ воронкѣ каждой ямины, и по наружной сторонѣ ихъ, таились пески съ чрезвычайно-богатымъ содержаніемъ золота, и эти-то богатые пески, узкой, извилистой лентой соединяли оба провала. Пространство, занимаемое этими богатыми песками было не велико; это не давало однакожь намъ права терять свою добычу; но по случаю постоянно ясныхъ дней, мы потеряли воду и не умѣли помочь горю... Кàкъ это досадно и обидно! Одного не понимаешь, другаго не умѣешь сдѣлать, передъ третьимъ стоишь разинувъ ротъ и считаешь за чудо, того не знаешь какъ объяснить, этого не разгадаешь...

Кàкъ мучительно положеніе того, кто начинаетъ увѣряться въ незнаніи многаго, чего стыдно не знать!

Сколько тутъ тайныхъ страданій, сколько тоски, сколько огорченія, сколько безсильной досады долженъ затаить такой человѣкъ въ своемъ сердцѣ; сколько горькаго, но поздняго раскаянія должно пробудиться въ его совѣсти, при оскорбительномъ сознаніи глубокаго, крайняго, ничѣмъ не извинительнаго невѣжества, не по случаю потери барышей, отъ остановки промывки, а по случаю тому, что не умѣетъ читать книги, развернутой передъ нимъ природою на самыхъ блестящихъ страницахъ. Вотъ чтò должно глубоко оскорблять его самолюбіе, вотъ чтò должно терзать и истомлять душу, дѣлая изъ него не господина, а послѣдняго раба окружающихъ его обстоятельствъ.

Представьте себѣ, читатель, что вы нечаянно получили билетъ, въ концѣ сезона, въ итальянскій театръ. Васъ это обрадовало, потому-что на этотъ разъ давали оперу, которой вы не знали и которой еще не слыхали. Проведя весело утро за завтракомъ, погулявъ на Невскомъ-Проспектѣ и потомъ, какъ слѣдуетъ, повкуснѣе пообѣдавъ—вы вечеромъ въ театрѣ. Васъ поразятъ, уничтожатъ, повергнутъ въ прахъ и восхитятъ на седьмое небо потоки звуковъ, исполненныхъ чувства, страсти, всего, чтò даже не можетъ разомъ вмѣститься у васъ въ хранилищѣ всѣхъ впечатлѣній. Точнаго, вѣрнаго отчета вы себѣ не можете отдать во всемъ, чтò видите и слышите; наитіе впечатлѣній на васъ тàкъ смѣшанно и тàкъ сильно, что вы даже не въ-состояніи слѣдить за ходомъ пьесы и всѣми переливами мелодій; вы увлекаетесь однимъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, впадаете въ односторонность и машинально просиживаете до конца. Теноръ сорвется съ голоса, баритонъ не дотянетъ ноты, или сопрано прокозлитъ: это оскорбитъ ваше нѣжное ухо и, пораженные этимъ диссонансомъ, вы пропускаете превосходныя мѣста и лишаете себя высокаго наслажденія. Вы тутъ ужь не судья ни автору, ни исполнителямъ, сидите смирно и молчите, въ полной зависимости отъ прихоти случая и отъ сужденій другихъ. Опера кончилась и вы, одурманенные, въ чаду отъ тревожныхъ волненій, стараетесь составить себѣ какое-нибудь понятіе о цѣломъ. Вы кое-чтò усвоили, кое-чтò поняли инстинктивно, чувствуете, что душа ваша изныла, что внутри васъ совершился какой-то чудный переворотъ отъ наплыва свѣжихъ, невѣданныхъ прежде, ощущеній и хотите, наконецъ, во чтò бы ни стало, разумно понять, чтò жь эта была за опера? и подѣлиться своимъ сужденіемъ съ другими. Вы возвращаетесь домой, добываете себѣ транскрипцію избранныхъ мѣстъ, и начинаете ихъ разъигрывать; но пока еще вы собирались — восторгъ вашъ охладѣлъ, впечатлѣнія мало-по-

малу ослабѣли и вы, читая ноты, приноравливая къ нимъ слова либретто и стараясь припомнить объ исполненіи на сценѣ — издаете одни мертвые, лишенные блеска и энергіи, звуки. Вы понимаете, что это далеко не то, чему бы слѣдовало быть, съ досадою сознаетесь, что это только каррикатура надъ изящностью цѣлаго созданія и съ грустью убѣждаетесь, что пора прошла, надо было прежде это сдѣлать, заранѣе, еще сбираясь только слушать оперу: остается одно — предаться изученію каждой отдѣльной части и прослушать хоть еще резъ оперу. Но сезонъ кончился, пѣвцы разъѣхались и, Богъ-знаетъ, когда они воротятся, да будетъ ли еще та опера на ихъ репертуарѣ?!

Вотъ такъ-то и съ нами было: привелъ намъ Богъ неожиданно видѣть далекіе края нашего отечества. И чтожь мы видѣли? Мы видѣли то, чего растолковать не можемъ, а не можемъ растолковать видѣннаго, потому-что «этому мы не учились». И мы воображали, что мы правы?! Но не пропади у насъ многіе годы молодости въ пустотѣ и ничтожности, умѣй мы дорожить временемъ, посвяти мы хоть половину по-пусту погубленныхъ свободныхъ часовъ дѣльнымъ занятіямъ—не пришлось бы намъ тяжко скорбѣть за потраченную возможность собрать добрые плоды прожитаго прошедшаго. Хотѣлось бы намъ очень примирить и согласить нужду съ возможностью, мы вѣримъ, что ничто не поздно: но чѣмъ далѣе идемъ впередъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что прошлаго—не воротить!..

Однажды случилось какъ-то мнѣ, отъ нечего дѣлать, прогуляться по нижнему разрѣзу, названному мною выше корридоромъ. Я шелъ преспокойно по глыбамъ подпочвеннаго камня, думалъ о плохихъ обстоятельствахъ пріиска и о приближеніи дня своего отъѣзда. Въ сторонкѣ, вблизи раздались слѣдующія замѣчанія и я сталъ къ нимъ прислушиваться.

— Ишь ты, ишь ты! Петруха, ишь ты, ишь ты!! Камешекъ сшибаетъ!

— Смотри, Пронька, не замай! Пузырьки-те такъ и рвутся, камушки-те и сшибаютъ.

— А коли шестикъ пригнать, да въ ямку заколотить, пузырьковъ, Петруха, не будетъ?

— Вѣстимо не будетъ: щелочку задѣлаешь неоткуда будетъ и водѣ сочиться.

— Эхъ вы, витебскіе болотники: какъ вы щелку-то задѣлаете? Такъ вотъ, думаешь, токъ тебя и послушаетъ? Какъ бы не такъ! Нѣтъ ужь, братцы! Ужь коли токъ гдѣ рвется наружу—ничѣмъ вы его не удержите. Здѣсь вотъ онъ камень прорвалъ и льется впередъ? задѣлай щелку — такъ прорветъ камни въ другомъ мѣстѣ, гдѣ и не ждешь и польется быстрѣе.

Это говорилъ коренастый работникъ съ огромной лысой головой, на которой только кое-гдѣ торчали тощіе клочки волосъ. Онъ стоялъ, опираясь сложенными руками на лопату, какъ солдатъ на ружье; широкій лобъ его былъ обвязанъ пестрымъ платкомъ, концы котораго развѣвались сзади отъ вѣтра; полосатые шальвары были запрятаны въ высокіе, по самыя колѣни, чорные сапоги; чистый передникъ, спущенный отъ самой шеи, былъ заткнутъ за поясъ; рукава красной рубухи засучены выше локтя и совершенно обнажали крѣпкія мускулистыя руки.

— Отчего же это такъ, дядюшка? спросили Петруха и Пронька, оба

молодые парня, новенькіе пришельцы въ страшную Сибирь, у стараго, обжившагося уже въ ней, товарища.

— Ну, отчего? отчего? Ну, такъ ужь Богъ создалъ. Господнею волей воды вездѣ дивно, и на землѣ и подъ землей. Вотъ и въ нашей горѣ ее понакопилось. Какъ понакопилось ее въ горѣ-то — она и ищетъ себѣ хода, просочила камни, пробуравила дорогу, да пузырьками здѣ-вотъ и выходитъ. И ничѣмъ ее горѣ ужь не сдержать. Вотъ она и сочится-себѣ помаленьку и ни пользы, ни вреда не дастъ, потому-что каплетъ по каплѣ. И запри ей ходъ здѣсь, она можетъ прорваться въ другомъ мѣстѣ цѣлымъ потокомъ, можетъ и вредъ причинить, всяко случиться можетъ. А вотъ здѣсь какъ знаешь, что родничокъ просится, опасаться и нѣчего, и не мѣшай: а лучше подумай, чтобъ отъ него тебѣ польза была.

— А что̀ намъ въ немъ? не наше дѣло! отвѣчали Пронька съ Петрухой, махнувъ рукой.

Молодые рабочіе, по-своему, были правы, но не правъ былъ бы я, еслибъ не захотѣлъ воспользоваться умнымъ замѣчаніемъ стараго ссыльнаго, который, въ такихъ простыхъ безъискусственныхъ словахъ, умѣлъ показать направленіе своихъ помысловъ въ ограниченной сферѣ житейскихъ обыденныхъ потребностей. Я подошелъ къ этой группѣ.

— Молодецъ, старикъ! Спасибо за добрыя мысли. Нут-ко, ребята, раскиньте-ка умомъ-разумомъ, да придумайте-ка втроемъ, какую бы намъ сдѣлать пользу изъ этого родника? Кто лучше придумаетъ, тому стаканъ знатнаго вина.

Послѣ этого предложенія никто не подумалъ сказать—«не наше дѣло!»—всѣ призадумались.

Пронька первый встрепенулся отъ заманчивой награды, которая казалась ему еще слаще, отъ нетруднаго, на первый взглядъ, разрѣшенія задачи. Онъ зачесалъ въ затылкѣ, заскоблилъ въ головѣ, взъерошилъ волосы, прищурилъ глаза и, послѣ разныхъ подергиваній и гримасъ, ухмыляясь и съ довольнымъ видомъ, проговорилъ:

— Кажи́но утро я здѣсь буду сидѣть, да ждать, пока вода понакопится, да и стану сцѣжать ее, да цѣльнёхонекъ стаканъ и наберу, да вашей милости и принесу: кушайте во здравіе! Славная водичка! изъ родничка!

— Спасибо на услугѣ! сказалъ я хитрому мужику, который зналъ о моей привычкѣ пить по утрамъ и по вечерамъ холодную воду.—Только вотъ, братецъ, что̀: покамѣстъ ты будешь сидѣть, да ждать—за тобой будетъ остановка въ работѣ. Посмотримъ, что̀ другіе скажутъ. Ну, а ты, Петруха: ты что̀ путнаго выдумалъ?

— А вотъ, ваше здоровье: кабы родничекъ былъ пошире, да кабы щель-то поглубже, я бы придумалъ доброе дѣло!

— А что̀ бы ты, парень, придумалъ? спросилъ старикъ.—Коли ты смекнулъ то, что̀ я смекнулъ—твой стаканъ вина, я отступаюсь: твое пѐрво слово, тебѣ и честь!

— А вотъ что̀. Ка-бы, то-есть, того, пошире, да поглубже: я бы вашгертъ сострои́лъ тутъ, да поставилъ для «старанья»; никого бъ не пускалъ; самъ бы, одинъ, мылъ тутъ, послѣ работъ, золото, самъ бы одинъ и денежки за это старанье получалъ отъ вашего здоровья. Моя выдумка—мнѣ и польза.

— А слыхалъ ты, парень, пословицу: «кабы бабушкѣ...»?

— Ну??

— «Кабы бабушкѣ годковъ сорокъ съ плечь — была бы красотка!» То-то внучекъ: все дѣло-то изъ-за «кабы!» Нѣтъ, ваше благородіе — продолжалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ: — тутъ не на «кабы» надо разсчитывать, а навѣрное бить надо, да и такъ, чтобъ всѣмъ была польза, а не одному только. Я такъ, своимъ глупымъ разсудкомъ, смекаю. Вода просится наружу: сочится и прётъ камешки? — стало, она сильна и ее много. Просочила она известковый камень: а онъ лмокъ. Родничекъ-то бы намъ роздѣлать? дѣло не мудрое, только кропотное; ямку-то мы какъ роздѣлаемъ, ломами да клиньями, да и углубимъ ее еще больше. И до аршина еще не дойдемъ, какъ вода одолѣвать станетъ, напираючи отовсюду на одно мѣсто. Тутъ мы и вставимъ машинку, насосецъ, и станемъ воду вытягивать, да поднимать выше; на козлахъ устроимъ корытчатый проводъ и воду изъ родника соединимъ съ водой изъ ключика, который за-одно порасчистимъ: анъ посмотришь—на промывальню и хватитъ, хоть дождя не надо! Польза и хозяевамъ, польза и рабочимъ!

Совѣтъ былъ очень простой и очень мудрый. Старикъ получилъ обѣщанный стаканъ вина, порученіе раздѣлать родникъ и устроить дѣло какъ слѣдуетъ и увѣреніе, что за свою выдумку онъ будетъ получать вознагражденіе, смотря по результатамъ промывки.

Золотые пески у проваловъ и крестьянская выдумка поправили немножко разстроенныя наши обстоятельства. Управляющій всякій день аккуратно записывалъ въ книгу добычу золота чрезвычайно-вѣрно, не ошибаясь даже ни въ пол-долѣ, то-есть, ни въ $\frac{1}{192}$ части золотника. Но какъ ни вели мы счетъ вѣрно, а все-таки, къ одному праздничному дню, у насъ итогъ всей добычи оказался только въ десять фунтовъ 26 золотниковъ и 50 долей.

Это было въ четвертокъ, вечеромъ. Въ слѣдующіе дни, пятницу и субботу, предстояли два большіе праздника и, слѣдовательно, новыя золотинки должны были поступить въ хранилище не ранѣе какъ по истеченіи трехъ сутокъ. Въ этотъ же день, къ ночи, получили мы извѣщеніе, что на дняхъ насъ посѣтитъ горный ревизоръ изъ Барнаула. Мы только-что передъ этимъ вы́сыпали свое золото на большой листъ бумаги и окончательно очистили его отъ постороннихъ частицъ и мелкихъ камешковъ; эти камешки мы или прежде не замѣтили, или теперь только отколотили молоткомъ отъ золотыхъ крупинокъ, къ которымъ они приросли отъ природы.

— Знаете ли что̀, говорилъ я управляющему, на другой день утромъ: —Мы съ вами вѣсили золото только частями, сколько намъ приносили отъ ежедневной смывки. Провѣримте-ка себя, перевѣсимъ еще разъ все золото: выйдетъ ли такъ, какъ мы сосчитали по книгѣ?

Перевѣсили; оказалось 10 фунтовъ и 25 золотниковъ съ половиной: недоставало одного золотника и двухъ долей.

Управляющій поблѣднѣлъ какъ полотно, зашатался и упалъ на лавку.

— Что̀ съ вами? вскричалъ я, подбѣжавъ къ нему.

— Я погибъ! въ книгахъ невѣрность; меня могутъ отдать подъ судъ.

— Что́ вы это, ка́къ вамъ не стыдно!

— Будутъ производить слѣдствіе, васъ остановятъ, запретятъ работы, денегъ не хватитъ, намъ нечѣмъ будетъ разсчитаться съ рабочими.

— Перестаньте, успокойтесь: я вамъ завтра та̀къ все устрою, что у васъ выйдетъ десять фунтовъ и тридцать золотниковъ! сказалъ я, позабывъ, что завтра тоже праздникъ, работъ нѣтъ, а безъ этого не-

льзя записать въ книгу будущую добычу, съ маленькимъ уменьшеніемъ противъ настоящаго.

— Оборони васъ Богъ: тогда мнѣ еще хуже: явная фальшъ въ книгахъ!

— Такъ чего же вы понапрасну безпокоитесь: у насъ нѣтъ фальши; вчерашніе камешки и шлихи еще цѣлы, вонъ они на столѣ: они-то и составляютъ потрату въ золотникѣ съ двумя долями.

— Дà, вамъ хорошо: вы сегодня здѣсь, а завтра уѣдете; а каково мнѣ-то будетъ? Вотъ хоть бы докторъ изъ Барнаула? Захочетъ—скажетъ, что у насъ испорченная солонина — и баста! мы и погибли!

— Да чтò съ вами, любезнѣйшій! Какая у насъ солонина? Вы забыли, что, по случаю невысылки компаньйонами денегъ въ срокъ, вы не успѣли сами посолить солонины и мы кормимъ теперь рабочихъ свѣжей говядиной? Развѣ вы не знаете, что всѣ сосѣди и самъ докторъ любуются на нашихъ быковъ?

Управляющій улыбнулся; ему самому на себя смѣшно стало; трусость такъ-было его обуяла, что онъ дозволилъ себѣ сомнѣваться въ чувствахъ отличныхъ, можно сказать превосходныхъ, людей, каковы горный ревизоръ и горный лекарь, въ-теченіе многихъ лѣтъ постоянныхъ занятій въ здѣшнихъ лѣсахъ, пріобрѣвшіе себѣ общее уваженіе золотопромышлениковъ, за правдивость и деликатныя чувства. Управляющій сталъ спокойнѣе, но, при слабонервности и трусливомъ характерѣ, казалось, о чемъ-то раздумывалъ.

— Чтò васъ еще смущаетъ?

— У меня изъ головы не выходитъ Безъимянка-Неизвѣстный! Онъ страшно золъ и мстителенъ! Когда пріѣдетъ на нашъ пріискъ полковникъ, онъ оговоритъ меня въ несправедливости.

— Но вѣдь вы не сами приговорили Безъимянкѣ-Неизвѣстному наказаніе, за картежную игру и намѣреніе украсть золото? Вы поручили это артели: артель приговорила, да и виноватаго вы съ этою цѣлію отослали къ горному исправнику...

— Дà; но вы знаете: на дурное дѣло всегда найдутся охотники, не найдутся только на доброе.

— На-счетъ Безъимянки-Неизвѣстнаго я васъ могу успокоить окончательно: полковникъ о васъ самаго лучшаго мнѣнія и самъ рекомендовалъ мнѣ васъ, какъ добраго, честнаго и скромнаго человѣка, а Безъимянку-Неизвѣстнаго всѣ знаютъ: онъ двѣнадцать разъ изъ Сибири бѣгалъ и ему нигдѣ не даютъ вѣры.

— Правда, правда! только слабенька натура у васъ, почтеннѣйшій! сказалъ одинъ изъ троихъ жданныхъ пріѣзжихъ, неожиданно вошедшихъ къ намъ въ избушку.

Управляющій вскочилъ, бросился принимать дорогихъ гостей. Я разсказалъ имъ весь нашъ разговоръ, и цѣлый день управляющему житья не было отъ шутливыхъ упрековъ, отъ аханій, покачиванія головой и восклицаній: «и не стыдно вамъ? а? ай, ай, ай!»

Въ тотъ же день были покончены всѣ дѣла по пріиску, книга о золотѣ подписана, свидѣтельство въ вѣрности добычи золота дано, съ вычстомъ потери, по точному вѣсу.

Я подумалъ-подумалъ: чего жь мнѣ здѣсь заживаться? вѣдь не придумаю же я ничего, что могло бы возродить въ нашемъ пріискѣ жданыя горы золота? Поѣду-ка я себѣ лучше домой съ Богомъ, да, чтобъ,

при малыхъ барышахъ, сберечь бо̀льшіе убытки, свезу-ка я самъ золото въ Барнаулъ для сплавки. Можетъ, Богъ дастъ, и деньги за него получу. Я могу и получить деньги, могу и не получить... Ну, да попробую. А если этихъ денегъ не хватитъ — управляющій заложитъ квитанцію въ Томскѣ, въ Общественномъ-Сибирскомъ Банкѣ .. Господи благослови.

Долго сбираться мнѣ было нечего. Приготовили бараньи рукавицы, отмочили ихъ въ водѣ, всыпали въ нихъ золото, обвернули, обвязали, приложили печати и отдали мнѣ подъ росписку. У крылечка стояла осѣдланная лошадка, но уже не статный вороной конь, а исхудалая отъ работъ пѣгашка, два конюха верхомъ, и еще лошаденка съ небогатымъ вьюкомъ. Простившись со всѣми, мы стали спускаться къ рѣчкѣ: сзади насъ раздавались ружейные выстрѣлы прикащиковъ и служителей, впереди на насъ неслись сосѣдскія собаки съ громкимъ лаемъ.

Прощаясь съ тайгой и съ Сибирью, мы неслись впередъ, думая только о неизвѣстности, ожидающей насъ въ Москвѣ-бѣлокаменной. Замѣтки были забыты, записная книжка и не вспомянута... Въ-добавокъ, ненастная погода, преслѣдовавшая меня въ-продолженіе всего пути, извиняла мою лѣнь и неохоту дѣлать замѣтки. Но вотъ, наконецъ, и Барнаулъ.

— Куда васъ, господинъ, приставить?

— Куда хочешь, мнѣ все-равно.

— У Степана Алексѣевича Федченки важно.

— Вези!

Я давно уже не видалъ хорошихъ квартиръ, привыкнувъ къ грязноватымъ постоялымъ дворамъ, да простымъ избамъ. Я и не мечталъ о комфортѣ. Здѣсь мнѣ отвели два прекрасные зала, обширные и высокіе, въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ. Широкая лѣстница вела въ переднюю, оттуда въ первую залу, заставленную комодами подъ покрышкой ковровъ, диванчиками и китайскими столиками съ инкрустанціей и живописью золотомъ по черному дереву. Другой залъ былъ весь бѣлый съ мраморными досками на столахъ и подоконникахъ; скромная березовая мёбель обита была яркою матеріей краснаго цвѣта; два большіе зеркала, въ золотыхъ рамахъ, висѣли въ простѣнкахъ. За право помѣщенія, пользованіе услугой, за обѣдъ и ужинъ весьма-хорошо приготовленные и за порядочный экипажъ, дрожки, съ меня запросили шесть или семь рублей ассигнаціями въ сутки. Такая дешевизна меня удивила: у Альбиноса, въ Томскѣ, за все это, съ примѣсью лачужнаго помѣщенія, пришлось бы заплатить рублей пять серебромъ.

Хозяинъ мой, Степанъ Алексѣичъ, былъ купецъ, семейный человѣкъ и очень-милый собесѣдникъ. Онъ, какъ и бо̀льшая часть Сибиряковъ, ходитъ по-нѣмецки, но никакъ не рѣшается надѣвать фракъ. «Помилуйте», часто говаривалъ онъ: «право, этотъ кургузый балахонъ носить совѣстно! да вы вглядитесь хорошенько, на что̀ похожъ человѣкъ во фракѣ? То ли дѣло сюртукъ, али нынче пальты̀ попридумали?—благодать, да и только! И передъ бабьёмъ не краснѣешь, и дешево обходится; износилъ, выворотилъ: онъ и за̀ново.

Пустившись въ разговоры съ Степаномъ Алексѣичемъ о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ, и выслушавъ неопровержимый аргументъ о дешевизнѣ всего, то-есть, что здѣсь даже цѣны на виноградное вино христіан-

скія и что вино это не только можно въ ротъ брать, но даже и пить его съ удовольствіемъ, а это не всегда найдешь — я обратился за совѣтами къ хозяину о своемъ дѣлѣ.

— Эхъ! поздненько пріѣхали! Здѣсь ужь понабралось-таки прикащиковъ съ золотомъ. Очередь строгая и вамъ недѣльки двѣ здѣсь прійдется прожить. А съѣздите-ка вы къ Лукѣ Александрычу — это душа нашего города, да къ Алексѣю Петровичу — это такой рѣдкій человѣкъ, что вы частенько вспоминать будете добрымъ словомъ нашъ Барнаулъ! да къ Александру Иванычу — вы съ перваго раза всей душой къ нему привяжетесь! Вѣдь это все какой народъ? самый, то-есть, цвѣтъ всего здѣшняго края: образованія высокаго, правдивы, добры...

И долго мой Степанъ Алексѣичъ расточалъ восторженные похвалы цѣлому десятку снискавшихъ общее уваженіе людей, получившихъ образованіе въ Петербургѣ, изъѣздившихъ чужія страны и стоявшихъ теперь на верхнихъ ступеняхъ здѣшняго общества.

Не успѣлъ я кончить немногочисленныхъ визитовъ, какъ получилъ уже призывъ въ первый же день явиться свидѣтелемъ сплава собственнаго моего золота.

— Да вѣдь очередь не дошла?

— Очередь священная вещь для тѣхъ, кто привезъ много золота: а у васъ его такая малость, что вашъ горшочекъ можетъ помѣститься безъ помѣхи рядомъ съ большимъ горшкомъ другаго золотопромышленика.

Къ назначенному времени я явился. Проходя обширный дворъ завода, я, вѣроятно, имѣлъ торжественное выраженіе лица, или, можетъ-быть, на лбу у меня было написано, что я сплавляю сто пудовъ своего золота — это я заключаю изъ того, что всѣ встрѣчные кланялись мнѣ съ особенными знаками почтенія и всѣ видимо старались предупредить мои желанія, даже тайные помыслы. Тотъ тащилъ съ меня калоши, другой снималъ смоченный дождемъ плащь, третій началъ вытряхать шляпу, четвертый растворялъ настежь обѣ половинки дверей. Экое веселье, подумаешь! Вотъ радости-то!

Пройдя нѣсколько отдѣленій завода, я вступилъ въ обширную, свѣтлую, высокую и прохладную залу. Здѣсь нашелъ я нѣсколько горныхъ служителей и урядниковъ, поодаль стояли рабочіе въ особыхъ одеждахъ, накинутыхъ сверхъ–обыкновеннаго платья и придававшихъ обыкновеннымъ людямъ странный, даже, если угодно, страшный видъ. На каждомъ изъ сихъ послѣднихъ надѣты были толстые войлочные балахоны, но они закрывали собою только переднюю часть рабочаго и сидѣли на немъ, какъ латы. Люди были въ войлочныхъ шапкахъ, затѣнявшихъ лицо и предлинныхъ войлочныхъ рукавицахъ, выше локтя.

Посреди зала стояла огромная печь, чрезвычайно-красивой формы; она была украшена императорскимъ гербомъ; двуглавые орлы виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. Внутри печи что-то страшно клокотало; кругомъ слышался глухой шумъ.

Привезенную мною рукавицу принялъ горный урядникъ. Взрѣзали кожу, распороли рукавицу, и мое золото выбросили на массивные, но чрезвычайно–чувствительные вѣсы. Золото провѣрили и высыпали въ карандашный горшокъ и чѣмъ-то пересыпали.

Въ это время одинъ изъ рабочихъ, костюмированныхъ въ войлочные латы, длиннымъ шестомъ отодвинулъ задвижки и отворилъ двер-

цы печи. Передъ нами раскрылся цѣлый адъ—въ миніатюрѣ; мы взглянули на страшную массу ослѣпительнаго огня и поспѣшили закрыть глаза, будучи не въ-силахъ перенести жгучіе переливы блѣднаго пламени: въ трехъ аршинахъ отъ жерла жаръ былъ нестерпимъ и могъ бы спалить платье, еслибъ встать прямо передъ растворенною печью. Чтобъ отвратить вредное вліяніе сильнаго жара на здоровье рабочихъ, принужденныхъ по службѣ исправлять чорную работу передъ печью, въ извѣстныхъ случаяхъ, придуманы для нихъ толстые войлочные костюмы, въ которыхъ я ихъ и видѣлъ.

Въ то же время, когда одинъ рабочій раскрылъ печь, другой рабочій, особеннаго рода ухватомъ, стиснулъ мой драгоцѣнный горшочекъ и осторожно поставилъ въ печи рядомъ съ другимъ, очень-большимъ и внушившимъ мнѣ огромное уваженіе своимъ объемомъ, чужимъ горшкомъ. Гиганта и пигмея захлопнули въ одной печи.

Черезъ нѣсколько минутъ мой горшокъ вынули тѣмъ же ухватомъ, наклонили его надъ формою, и изъ раскаленнаго, брызжущаго искрами сосуда, полился огненный потокъ приведеннаго въ жидкое состояніе металла. Форму съ растопленнымъ золотомъ бросили въ чанъ съ водой; черезъ нѣсколько времени ее вынули, перевернули къ верху дномъ: изъ нея выпалъ золотой слитокъ въ видѣ кирпича и въ формѣ трапеціи. Слитокъ былъ бураго цвѣта; его стали колотить молотами, очистили отъ нагорѣвшей коры, смѣси буры, воска и солей, и когда онъ получилъ свой законный золотой цвѣтъ—изъ разныхъ угловъ его вырубили нѣсколько горошинокъ золота и отправили ихъ въ лабораторію для произведенія пробъ.

Я подошелъ къ своему слитку полюбоваться на него въ послѣдній разъ; но, несмотря на порядочное пространство времени, протекшее послѣ купанья золота въ водѣ, къ слитку моему нельзя было голой рукой прикоснуться—такъ еще онъ былъ горячъ.

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ увѣдомленіе, что изъ привезеннаго мною золота, 10-ти фунтовъ 25 золотниковъ 48 долей, по сплавѣ получено 9 фунтовъ и 58 золотниковъ; остальное пошло на угаръ. На девяносто-шесть частей сплавленнаго золота оказалось $85\frac{1}{2}$ частей золота, которое поэтому и называлось золотомъ восемьдесятъ-пятой съ половиной пробы, $9\frac{5}{6}$ частей серебра и $\frac{2}{3}$ части лигатуры. Такимъ образомъ выходило, что въ моемъ слиткѣ было чистаго золота 8 фун. 53 зол. 14 долей; серебра 94 зол. и 42 доли, и 6 зол. 40 доль лигатуры. По этому разсчету мнѣ слѣдовало получить и деньги, треть тутъ же теперь, а остальные въ будущемъ февралѣ, въ Петербургѣ. Всѣ расходы ограничивались нѣсколькими листами гербовой бумаги, да опредѣленною платою въ заводъ и лабораторію: въ первый за горшокъ, буру, воскъ, селитру, квасцы, простую соль, за рабочее время, за провіантъ и за уголь 2 руб. 69 коп., съ тринадцатью копѣйками серебромъ процентовъ на нихъ; да въ послѣднюю—за лабораторный свинецъ, селитряную кислоту, уголь и рабочее время $76\frac{1}{4}$ коп. капитала и $9\frac{1}{4}$ коп. на него процентовъ. За-то, что золото это извлечено изъ земли, принадлежащей государству, Государственное Казначейство, по закону, долженствовало, и у насъ, какъ и у всѣхъ, получить въ свои сокровищницы отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ всего количества извлеченнаго золота.

Вслѣдъ за тѣмъ меня пригласили и получить деньги: тутъ я истинно пожалѣлъ, что у меня вмѣсто десяти фунтовъ не двѣсти пудовъ,

какъ иные золотопромышленики привозятъ. Сколько народа перебываетъ въ Барнаулѣ съ золотомъ, сколько сотъ пудовъ его они здѣсь переплавятъ— и каждый изъ нихъ вѣрно никогда не пропуститъ случая, чтобъ не покоситься, при разсчетахъ, на ближняго и не пожелать себѣ еще побольше.

Мнѣ, владѣльцу одного пая, не приходилось даже и пылинки золота! Теперь я ясно увидѣлъ, что сибирское золото ко мнѣ не благоволитъ, что оно никакъ не дается мнѣ въ руки. Компанія наша, изъ-за сибирскаго золота, была въ накладѣ, въ огромномъ убыткѣ: обогатились только прежніе управляющіе... Впрочемъ, нѣтъ: наши пріиски не имъ однимъ дали кусокъ хлѣба: я забылъ массу народа, который на нашихъ пріискахъ употребилъ въ дѣло свой честный трудъ, про рабочихъ: въ этомъ отношеніи сибирское золото много добра дѣлаетъ.

Сибирское золото, кромѣ ежегоднаго обогащенія казны государственной на нѣсколько мильйоновъ, кромѣ обогащенія предпріимчивыхъ золотопромышлениковъ, двигаетъ впередъ науку, открывая безпрестанно какія-нибудь новыя условія, дотолѣ неизвѣстныя спеціальнымъ ученымъ по этой части, распространяетъ знанія между тысячами простаго народа, который непремѣнно долженъ поневолѣ набраться новыхъ свѣдѣній. Полсотни тысячь людей, трудящихся по золотымъ пріискамъ, ища насущнаго хлѣба и стараясь обезпечить существованіе своихъ семействъ, на золотыхъ пріискахъ пріучаются къ порядку, къ дисциплинѣ, къ правомѣрности, врожденное чувство любопытства, весьма-обыкновенное въ человѣкѣ, ка́къ бы ни было темно его происхожденіе, ка́къ бы ни былъ разсудокъ его ограниченъ, любопытство это своевременно, по мѣрѣ возможности удовлетворяемое, знакомитъ простой народъ съ начальными основаніями и неотвлеченными результатами тѣхъ знаній, которыя, въ обыкновенной крестьянской жизни, при ограниченной сферѣ насущныхъ потребностей, не могутъ сами-собой прійдти ему въ голову. Человѣкъ ближе знакомится съ природой, узнаётъ то, чего сперва не въ силахъ былъ понимать, получаетъ наглядное понятіе о непостижимомъ для него прежде, пріучается къ труду, старается усвоить себѣ утонченные пріемы и высшіе, сравнительно съ прежнимъ, взгляды на предметъ своихъ занятій, входитъ въ потребности своего будущаго и въ обсужденіе средствъ ихъ удовлетворенія, пріучается къ размышленію и дѣлается несравненно общительнѣе тѣхъ, кто привыкъ къ домосѣдству и глуши. Сибирское золото, непосредственно обезпечивая полсотни тысячь семействъ рабочихъ, имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ощутительное и неоспоримое вліяніе на благосостояніе цѣлаго края. Сибирское золото дало толчокъ всѣмъ родамъ промышлености, двинуло въ ходъ всѣ роды предпріимчивости, щедрою рукою разлило массу богатствъ между всѣми сословіями тамошняго народонаселенія; оно окрылило внутреннюю торговлю края, подняло цѣну на рабочія руки, уравновѣсило возмездіе за трудъ, обновило общественную жизнь новыми потребностями, разлило повсюду довольство. Но если нѣкоторыя общія черты тамошняго края возбуждаютъ огорченіе, если, при видѣ нѣкоторыхъ сценъ, въ человѣкѣ раждается горькое соболѣзнованіе къ отдѣльному человѣчеству, если нѣкоторыя часто-повторяющіяся картины вырываютъ изъ груди тяжелый вздохъ, если, увлекшись односторонностью оборотной стороны медали, мы поддадимся грустнымъ мыслямъ о неотрадности того, что́ иногда очень-рѣзко бросается въ глаза—постараемся утѣшить себя лучшею участью, го-

товящеюся впереди и надеждою, что могущество истиннаго, нравственнаго образованія искоренитъ со-временемъ плевелы на благодатной почвѣ примиримъ себя съ настоящимъ, мыслью, что зло всюду перемѣшано съ добромъ, и увѣренностью, что еслибъ можно было положить на вѣсы противоположные результаты, проистекающіе отъ сибирскаго золота, добро намного перевѣситъ дурное. Тотъ только край можно поистинѣ назвать несчастнымъ, гдѣ отрадность явленій — рѣдкость : такова была старинная Сибирь, но не Сибирь нынѣшняя.

Красивенькій городокъ Барнаулъ, какъ изъ всего сказаннаго мною заключить можно, постояннымъ движеніемъ своимъ, приливомъ и отливомъ капиталовъ, благосостояніемъ и довольствомъ своихъ жителей и всѣми похвальными и другими характеристическими чертами очень-много обязанъ золотопромышлености. Въ старые годы былъ онъ такъ-себѣ городокъ, неважный и неслышный, тысячи въ-двѣ въ-три постояннаго населенія; но со времени открытія частной золотопромышлености стали появляться въ немъ и хорошенькія частныя зданія, и расширеніе торговли и усугубленіе всего, что даетъ жизнь цѣлому населенію при благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Въ Барнаулѣ, начиная съ тридцатыхъ годовъ, цифра общаго числа жителей обоего пола, постояннаго народонаселенія, вертится около девяти или десяти тысячь, лицъ преимущественно горнаго вѣдомства и, слѣдовательно, людей, получившихъ надлежащее образованіе, если читатель помнитъ отдѣльную мою замѣтку объ учебныхъ заведеніяхъ и о гарантіяхъ, опредѣленныхъ положительными законами, касательно благосостоянія здѣшнихъ обитателей, въ чемъ мы должны видѣть продолженіе той заботливости, съ которою Петръ-Великій, въ 1702 году, писалъ Демидову о горныхъ работникахъ, отечески совѣтуя ему, не водить «на себя правыхъ слезъ и обиднаго въ томъ воздыханія : а всякая обида, паче же убогому человѣку, есть грѣхъ непростительный».

Цвѣтъ этихъ обитателей, сливки здѣшняго общества, составляютъ горные офицеры, почти всѣ до одного воспитанники нашего Горнаго-Института. Будучи однокашниками, взлелѣянные подъ одними, общимъ кровомъ, возросшіе подъ одинаковыми началами, подъ одними и тѣми же правилами любви къ ближнему, къ правдивости, къ общему благу, они живутъ здѣсь, какъ бы огромной семьей, въ согласіи, ненарушаемомъ ни спорами, ни враждой, ни разорительными тяжбами, въ ущербъ благосостоянія своего и своихъ ближнихъ, предаваясь безъ перерыва то службѣ, то занятіямъ науками, то развлеченіямъ за предметами искусствъ и художествъ. Музыка, книги, русскіе и иностранные газеты и журналы, танцы, домашніе спектакли — здѣсь необходимость, насущная потребность, и вслѣдствіе-то всего этого Барнаулъ, какъ оазисъ въ пустынѣ, какъ пріютъ всего прекраснаго, не можетъ не оставить въ каждомъ, кто только хоть одинъ разъ въ немъ побывалъ, самыхъ отрадныхъ, самыхъ чистыхъ воспоминаній. Глядя на барнаульскихъ горныхъ офицеровъ нынѣшнихъ, Богъ знаетъ почему, непремѣнно припоминаешь себѣ о стародавнихъ подъячихъ и воеводскихъ товарищахъ и другихъ лицахъ, поставленныхъ въ непосредственное соприкосновеніе съ массою простаго чернаго народонаселенія какого-нибудь края — въ старину, и тутъ-то поймешь разницу между прошедшимъ и настоящимъ, между образованнымъ человѣкомъ и пошлымъ, злымъ невѣждой.

По этому случаю нельзя не припомнить себѣ, что прочное начало

образованію въ нашемъ отечествѣ сословія спеціальныхъ ученыхъ по горной части, относится къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, когда для обученія горнымъ наукамъ велѣно было набрать молодыхъ людей изъ дворянъ и просвѣтить ихъ надлежащими для этого знаніями. Имъ стали жаловать офицерскіе чины; но за это полевые офицеры косились на горняковъ и наружнымъ образомъ выказывали знаки своего неудовольствія. Нѣсколько неизвинительныхъ сценъ, исторій и ссоръ дошло до свѣдѣнія императрицы и въ послѣдній годъ ея царствованія состоялся поэтому предмету указъ, въ которомъ сказано: «Произведенные въ горные штабъ- и оберъ- «офицеры, колывано-воскресенскаго горнаго начальства, въ такомъ отъ «служащихъ въ армейскихъ и гарнизонныхъ полкахъ штабъ- и оберъ- «офицеровъ презрѣніи, что не хотятъ ихъ и за офицеровъ призна- «вать; а на гауптвахтахъ, или при иномъ какомъ караулѣ, часовые «онымъ горнымъ офицерамъ и чести ружьемъ не отдаютъ, поставляя «ихъ за мастеровыхъ людей, а не за офицеровъ. И какъ изъ того «имъ презрѣнія слѣдуетъ, что изъ дворянства никто въ горную науку «идти не хочетъ»... то, для бо̀льшаго возвышенія ихъ — горные офицеры сравнены въ чинахъ и въ жалованьи съ артиллерійскими и инженерными офицерами; въ то же время дана имъ и новая форма мундировъ: кафтанъ краснаго сукна съ зеленымъ стамеднымъ подбоемъ, съ зелеными отворотами, съ небольшимъ воротникомъ и разрѣзными обшлагами; камзолы изъ зеленаго сукна; кафтаны, камзолы и шляпы обложены серебрянымъ позументомъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что первая въ Россіи чугунная дорога устроена была на здѣшнихъ заводахъ, а теперь нужнымъ считаемъ прибавить, что первая въ Россіи паровая машина была устроена въ Барнаулѣ, въ 1766 году, русскимъ человѣкомъ, механикомъ Ползуновымъ, и приспособлена имъ для заводскаго дѣйствія, а знаменитый въ то время горный ученый Шлаттеръ ее усовершенствовалъ.

Барнаулъ—горный городъ и главный центръ управленія Колыванской-Области. Этого управленія основныя начала утверждены въ 1828 году. Главное начальствованіе надъ областью приписывается лицу «Главнаго Начальника Алтайскихъ Горныхъ Заводовъ», который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и томскій гражданскій губернаторъ; оба титула и обѣ власти, по положительнымъ законамъ, неразъединимы. По званію начальника губерніи, «главный начальникъ» обыкновенно живетъ въ Томскѣ, а мѣсто его въ области занимаетъ «горный начальникъ» съ «помощникомъ». Лица эти, вмѣстѣ съ приданными къ нимъ совѣтниками, составляютъ высшую администрацію области—«Горное Правленіе». Оно раздѣляется на четыре отдѣленія — а) рудниковъ и заводовъ, б) приписныхъ крестьянъ, в) судное и г) счетное; при Правленіи есть канцелярія, главная лабораторія, главная чертежная, архивъ и инспекторъ медицинской части.

Подъ вѣдѣніемъ горнаго правленія состоятъ «Горныя Конторы», и десять «Отдѣленій». Предметы вѣдомства «Конторъ» раздѣлены на четыре отдѣльныя части: пробирную, маркшейдерскую, казначейскую и горную полицію. Этихъ конторъ восемь: Барнаульская, Павловская, Локтевская, Сузунская, Томская, Змѣиногорская и Салаирская, завѣдывающія собственно или заводами, имена которыхъ носятъ, съ принадлежащими къ нимъ рудниками, или цѣлою массою рудниковъ и заводовъ того края, имя котораго имъ присвоено (напримѣръ, Салаирская,

съ заводами Гавриловскимъ и Гурьевскимъ и всѣми рудниками Салаирскаго-Края; Змѣиногорская съ Змѣевскимъ заводомъ и всѣми рудниками Змѣиногорскаго-Края); восьмая контора, Колыванская, завѣдываетъ колывановскою шлифовальною фабрикою и ломками цвѣтныхъ камней.

«Отдѣленія» находятся въ завѣдываніи «Управителей» и дѣйствуютъ на основаніи общихъ законовъ о земской полиціи. Отдѣленія эти находятся: 1) Аѣшинское въ Томскомъ-Округѣ, 2) Чаусовское и 3) Ординское въ Колыванскомъ, 4) Бѣлоярское и 5) Малышевское въ Барнаульскомъ, 6) Бачатское и 7) Верхотомское въ Кузнецкомъ, 8) Енисейское, 9) Убинское и 10) Бухтарминское въ Бійскомъ-Округѣ. Разница между конторами и отдѣленіями, въ–отношеніи къ народонаселенію, здѣсь та, что конторы, кромѣ искусственной части, управляютъ только собственно заводскими людьми, а отдѣленія—только людьми, «приписанными къ заводамъ».

Къ каждому отдѣленію приписано нѣсколько волостей, а волость есть ничто-иное, какъ собраніе сосѣдственныхъ между-собою селъ и деревень, или лежащихъ въ отдѣльной совершенно особой мѣстности, или составляющихъ числительностію своихъ обитателей такую цифру, какая въ извѣстномъ краѣ принята за норму, для возможности существованія волости, какъ удобнопонятнаго собирательнаго. На-примѣръ, если было принято за правило составлять волости изъ четырехъ тысячь душъ, то изъ шестидесяти-тысячнаго населенія было бы учреждено пятнадцать волостей; но если вдругъ приказъ придетъ «считать волость въ три тысячи», то изъ того же самаго населенія составится уже двадцать волостей. Волость управляется головой, и потому волостной голова есть начальникъ всѣхъ сельскихъ начальниковъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, которыя соединеніемъ своимъ составляютъ эту волость.

Въ Барнаулѣ особенное вниманіе любопытныхъ обращаютъ на себя: памятникъ Демидову, обсерваторія, ботаническій садъ, типографія, въ которой впрочемъ никакихъ литературныхъ произведеній не печатаютъ, публичный музеумъ, помѣщаемый въ деревянномъ зданіи и содержащій въ себѣ зоологическій кабинетъ, богатое собраніе моделей золотопромывательныхъ машинъ, собраніе моделей горныхъ разработокъ въ знаменитѣйшихъ рудникахъ, собраніе сибирскихъ древностей, и собраніе оружій и одеждъ разныхъ сибирскихъ и американскихъ народовъ. Всѣ эти рѣдкости, точно также какъ и самые заводы, показываются желающимъ не просто «на-те, смотрите»! а съ необходимыми объясненіями, такъ-что неопытный зритель имѣетъ передъ глазами не одинъ сборъ явленій, не имѣющихъ для него никакого смысла, но онъ видитъ весь механизмъ, понимаетъ связь между явленіями, создаетъ себѣ возможно-ясное понятіе о цѣломъ

На-примѣръ: не такъ давно случилось мнѣ осматривать близъ Петербурга одно частное заведеніе. Осмотръ этотъ дозволенъ мнѣ былъ безъ особенныхъ съ моей стороны упрашиваній. Въ чичероне дали мнѣ какого-то господина. Ввели въ одну комнату: — Что это? спрашиваю. — «А это-съ, такъ-съ!» Ввели въ другую: — А это что? — «Машина-съ!» — Какая? — «Простая-съ, желѣзная-съ!» Ввели въ третью комнату. — Постойте, не торопитесь, мой другъ! Что это за приводъ? — «Колесо-съ». — Я вижу что колесо, но къ чему оно служитъ? — «Оно-съ... вертится-съ!» — Не можете ли вы мнѣ сказать, какою силою оно

оборачивается и что̀ именно приводитъ оно въ движеніе? — «Мы-съ эфтева не знаемъ-съ!» Такое же ясное понятіе пріобрѣлъ я и о гигантскомъ молотѣ, управляемомъ ничтожною силою и поражающемъ страшною тяжестью: какимъ я взошелъ профаномъ въ заведеніе, точно такимъ же профаномъ изъ него и вышелъ; видѣлъ многое, понималъ, если угодно, что все это великолѣпно, прекрасно, но ровнёшенько ничего не уразумѣлъ.

На горныхъ кабинетскихъ заводахъ, пріѣзжій ли, тутошный ли житель испроситъ дозволеніе, или изъявитъ желаніе осмотрѣть знаменитый заводъ — ему въ ту же минуту дается и согласіе и провожатый. Показываніе комнатъ завода сопровождается разсказомъ ab ovo того, чему видимое теперь явленіе служитъ уже результатомъ. На среброплавиленномъ, на-примѣръ, заводѣ въ Барнаулѣ посѣтитель съ самымъ горячимъ любопытствомъ выслушаетъ понятную, краткую, блестящую лекцію о добычѣ серебра, и своими глазами тутъ же на мѣстѣ провѣритъ ее и, вслѣдствіе этого, смотря по бо̀льшей или мѐньшей степени воспріимчивости, усвоитъ себѣ отчетистое знаніе и о зданіи завода, и о его механизмѣ, и о силѣ его машинъ, и о усовершенствованіяхъ, произведенныхъ при такихъ-то пріемахъ, и о платѣ рабочимъ, и о ихъ состояніи, и о раздѣленіи занятій, и о переходахъ даннаго вещества изъ одного вида въ другой и изъ одной формы въ другую. Итакъ, желая посмотрѣть ка̀къ серебро плавятъ, зритель въ то же время видитъ и понимаетъ всѣ измѣненія, претерпѣнныя простыми кусками руды, начиная отъ первобытнаго ихъ вида до той минуты, когда, пройдя весь процессъ, руда эта является блестящимъ серебрянымъ слиткомъ. Точно такъ на монетномъ дворѣ посѣтитель усвоитъ себѣ весь переходъ, совершаемый необработаннымъ металломъ при перехожденіи въ монету; на гранильной фабрикѣ онъ узнаетъ, какимъ-образомъ вдругъ изъ какого-то невзрачнаго на видъ камешка получается то, что мы называемъ брильянтомъ, а на шлифовальной фабрикѣ ему станутъ понятны тѣ тайны трудовъ, искусства и науки, при которыхъ массивный бездушный кусокъ роднаго мрамора, яшмы или малахита принимаетъ обаятельныя формы рѣдкаго произведенія искусства.

Въ 292 верстахъ къ югу отъ Барнаула, при рѣкѣ Бѣлой, есть небольшое населеніе, домовъ въ полтораста съ народонаселеніемъ около тысячи душъ обоего пола. Это колывановская шлифовальная фабрика. Въ 35-ти верстахъ отъ этой фабрики высится знаменитая Ревнюха, богатая яшмовыми ломками. Въ 1815 году отъ нея отторгнутъ былъ прекрасный кусокъ зеленоволнистой яшмы. По огромности куска, его не могли доставить на фабрику ни водой, ни лошадьми, и рѣшено было эту громадину, болѣе семисотъ пудовъ вѣса, перетащить туда посредствомъ людей. Перетаскиваніе совершено было въ-теченіе восьми дней, при помощи четырехъ-сотъ человѣкъ. Изъ этого матеріяла велѣно было выработать чашу, по рисунку архитектора Гваренги. Сколько тутъ требовалось трудовъ, искусства и осторожности, можно сообразить изъ того, что чаша долженствовала быть длиной въ четыре съ половиною аршина, шириной безъ двухъ вершковъ въ сажень, а вышиною, съ ножкою и цоколемъ, въ два аршина съ вершкомъ. Къ 1820 году работа эта была окончена и изготовленная чаша вѣсила 127½ пудовъ. Почти мѣсяцъ везли ее сухимъ путемъ до

Уткинской-Слободы, на Чусовой, и безъ малаго четыре мѣсяца она шла водой до Петербурга.

Но еще громаднѣйшія чудеса искусства были изготовлены тамъ въ послѣднее время: имѣвшіе случай видѣть яшмовую купальню въ Царскомъ-Селѣ, огромную ванну въ Петергофѣ, или менѣе-колоссальныя, но еще болѣе-художественныя произведенія изъ горнокаменныхъ породъ въ императорскомъ эрмитажѣ и въ кладовыхъ кабинета—тутъ только, можетъ-быть, въ первый разъ узнавали, что всѣ эти дивы-дивныя, украшающія собою царскіе чертоги — не что иное, какъ работа простыхъ русскихъ мужичковъ и заводскихъ мастеровыхъ.

— Ну что́, сударь мой, ка́къ вамъ наша Сибирь понравилась? полюбился ли вамъ Барнаулъ нашъ? спросилъ меня Степанъ Алексѣичъ, входя ко мнѣ въ комнату, въ то время, когда я, распростившись со всѣми окончательно, укладывался въ дорогу.

— Нешто, Степанъ Алексѣичъ, не дурно, да все оно, знаете, какъ-то не то. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ-то и я: какъ мнѣ здѣсь съ вами ни пріятно было, а все дома лучше.

— Да нѣтъ, я не то хотѣлъ у васъ спросить: вотъ вы бывали и въ Тобольскомъ и въ Томскомъ... Ну, такъ ка́къ вамъ Барнаулъ нашъ противу нихъ показался?

— И Томскъ и Тобольскъ и другіе все это города хорошіе, прекрасные, настоящіе сибирскіе, а Барнаулъ мнѣ кажется чистымъ уголкомъ Петербурга; я даже вамъ скажу, что онъ похожъ на заграничный европейскій городокъ...

— Ужь вотъ на этомъ и не сто́итъ благодарности! возразилъ стоявшій тутъ посторонній человѣкъ. Вотъ ужь и примѣнили вы Божій даръ къ яичницѣ! Неужь-то по вашему, сударь, мнѣнію: на иностранное походить честнѣе, чѣмъ быть чистымъ русскимъ?

Или посторонній господинъ не понялъ моей мысли, или онъ намѣренно предложилъ такой кляузный вопросъ; но я ему не отвѣчалъ ни слова.

Черезъ двѣ недѣли я уже былъ въ Москвѣ.

